4
Л-56

ЛИКИ ЯЗЫКА

К 45-летию научной деятельности Е.А.Земской

«НАСЛЕДИЕ»
1998

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова



www.ruslang.ru

88710



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка им. В.В.Виноградова

ЛИКИ ЯЗЫКА

К 45-летию
научной деятельности Е.А.Земской

Москва
Наследие
1998

ББК 83.3

4
А-56

88710

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

к.ф.н. Е.И.Голанова
к.ф.н. Е.В.Какорина
д.ф.н. Л.П.Крысин
д.ф.н. Е.И.Ширяев

Ответственный редактор:
д.ф.н. М.Я.Гловинская

Сборник посвящен 45-летию научной деятельности видного русиста — *Елены Андреевны Земской*. Авторами являются известные российские и зарубежные лингвисты. Содержание сборника весьма разнообразно и во многом соответствует спектру научных интересов юбиляра: проблемы словообразования, морфологии и синтаксиса, лексической семантики и фразеологии (на материале разных языков); разговорная речь, проблемы речевой коммуникации и жестов, мини-языки (общение с животными), язык художественной литературы, типология и др. Сборник представляет интерес для лингвистов разных профилей и литературоведов, студентов и преподавателей.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
№ проекта 97-04-16337

ISBN 5-201-13321-5

© Институт русского языка
им.В.В.Виноградова
© «Наследие», 1998

ББК 83.3

4
Л-56.
ГЛАВНАЯ
ПАЛАТА ЛИЦЕНЗИОННЫХ ДОГОВОРОВ
ВААП РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
88710

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
к.ф.н. Е.И.Голанова
к.ф.н. Е.В.Какорина
д.ф.н. Л.П.Крысин
д.ф.н. Е.Н.Ширяев

Ответственный редактор:
д.ф.н. М.Я.Гловинская

Сборник посвящен 45-летию научной деятельности видного русиста — *Елены Андреевны Земской*. Авторами являются известные российские и зарубежные лингвисты. Содержание сборника весьма разнообразно и во многом соответствует спектру научных интересов юбиляра: проблемы словообразования, морфологии и синтаксиса, лексической семантики и фразеологии (на материале разных языков); разговорная речь, проблемы речевой коммуникации и жестов, мини-языки (общение с животными), язык художественной литературы, типология и др. Сборник представляет интерес для лингвистов разных профилей и литературоведов, студентов и преподавателей.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда № проекта 97-04-16337

ISBN 5-201-13321-5

© Институт русского языка им.В.В.Виноградова
© «Наследие», 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ноябре 1996 года лингвистическая общественность отметила юбилей видного специалиста в области изучения русского языка доктора филологических наук, профессора Елены Андреевны Земской.

Дочь А.М.Земского — известного педагога и языковеда, автора популярного учебника русского языка, Елена Андреевна рано начала проявлять интерес к слову. Блестяще окончив филологический факультет Московского государственного университета, она довольно быстро находит место в науке о русском языке, обратив свое исследовательское внимание к проблемам словообразования. Ее работы в этой области — "Современный русский язык. Словообразование" (1973), "Словообразование как деятельность" (1992), популярная книга "Как делаются слова" (1963), многочисленные статьи сейчас являются основополагающими: без опоры на них не обходится ни одно исследование по русскому словообразованию, преподавание этой дисциплины в вузах также немыслимо без учета работ Е.А.Земской.

Другая область научных интересов юбиляра — русская разговорная речь.

Мысль о том, что разговорная речь является самодостаточной системой, принципиально отличающейся от кодифицированного литературного языка, принадлежит М.В.Панову. Однако систематическое и при этом весьма убедительное подтверждение эта мысль получила в новаторских исследованиях Е.А.Земской и в коллективных работах, выполненных под ее руководством и при самом деятельном авторском ее участии: "Русская разговорная речь" (1973), "Русская разговорная речь. Тексты" (1978), "Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис" (1981; в соавторстве с М.В.Китайгородской и Е.Н.Ширяевым), "Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест" (1983; в соавторстве с М.Я.Гловинской, Л.А.Капанадзе, М.В.Китайгородской, Е.В.Красильниковой, Н.Н.Розановой), два издания книги Е.А.Земской "Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения" (1979 и 1987), имеющей не только чисто научное, но и педагогическое значение, в особенности для целей преподавания русского языка иностранцам.

С этим циклом исследований связаны работы Е.А.Земской, посвященные другим устным разновидностям русской речи (см., в частности, выполненные под ее руководством монографии "Городское просторечие: проблемы изучения", 1984, и "Разновидности городской устной речи", 1988), а также функциональному и коммуникативно-прагматическому аспектам изучения современного русского языка. Под научной редакцией Е.А.Земской (совместно с Д.Н.Шмелевым) в 1993 году опубликована книга "Русский язык в его функционировании", написанная группой московских языковедов, в 1996 году — коллективная монография "Русский язык конца XX столетия (1985–1995)".

Е.А.Земскую как ученого отличает интерес к актуальным проблемам языкознания, к активным процессам, происходящим в современном русском языке. При этом она не только открывает новое, еще не изученное (а часто и не замеченное) другими и исследует это новое на большом и добротном материале, но и умеет по-иному взглянуть на, казалось бы, известное, хорошо изученное специалистами. Пример тому — ранняя статья Елены Андреевны "Речевые приемы комического в советской литературе". Прочитав эту статью, Корней Чуковский, который был знаком с проблемой комического не понаслышке, а профессионально, как литературный критик, назвал ее "целым исследованием о природе юмора вообще" и советовал автору издать статью отдельной книгой.

Е.А.Земская — талантливый педагог: под ее руководством написал и защитил диссертации не один десяток аспирантов. Зарубежные молодые (да и маститые) ученые постоянно обращаются к ней за консультацией, делятся своими мыслями, касающимися изучения русского языка. Работы Е.А.Земской хорошо известны за границей, они служат идейной базой для изучения устных разновидностей других национальных языков.

Список научных работ Е.А.Земской насчитывает более 200 публикаций — цифра весьма внушительная. Но Елена Андреевна и не думает почивать на лаврах. Она, как и прежде, деятельна, полна сил и новых замыслов. Пожелаем же ей крепкого здоровья, творческих успехов и воплощения в жизнь всех ее — немалых! — научных планов.

Л.П.Крысин (Москва)

Дин С. Ворт
(Лос-Анджелес)

ВТОРОЙ ВИНИТЕЛЬНЫЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

1. **Роман Якобсон о втором родительном и втором местном падеже.** В докладе Якобсон 1936 русская система падежей рассмотрена как набор частично перекрывающихся общих падежных значений, обозначаемых в настоящее время обычно как +/-направленность, +/-периферийность, +/-квантитативность. Второй родительный и второй местный здесь рассматриваются как маркированные падежи, выступающие в качестве "падежей оформления", т.е. как чисто реляционные (Gestaltendes) категории, иначе говоря, как грамматические единицы, сообщающие нечто о слове, которое ими управляет, но ничего не сообщающие о себе[1]. Например, в употреблении с предлогами род. I и мест. II показывают, что функции меры или, соответственно, вместилища являются единственным или основным значением этих падежей. Эти две маркированные падежные формы определяются в значительной степени через отношения к другим формам, с которыми они *не* способны сочетаться. Род. II сочетается с вещественными или абстрактными (т.е. неисчисляемыми) существительными, но не тогда, когда они представлены как специфические объекты, которые могут быть определены, оценены или восприняты эмоционально, *рюмка / сколько / напился / не осталось* ***коньяку,*** *но запах / качество / крепче / разговор коснулся /опасаюсь / не люблю* ***коньяка***[2]. Если вещественные существительные употребляются в качестве исчисляемых, то возможен только род. I: *нет* ***чаю,*** но *в продаже нет ни китайского, ни цейлонского* ***чая,*** *цветы без* ***запаху,*** но *в букете не было цветов без сладкого или горького запаха.* Мест. II недопустим, если существительное обозначает объект, наделенный "известными свойствами" (gewisse Eigenschaften): *сколько красоты в лесу* ("сколько прекрасного в лесу"), но *сколько красоты в лесе* ("как прекрасен [сам] лес"), *на* ***пруду*** *лодки, но на* ***пруде*** *ряска* ("пруд затянут ряской (ряска не на пруду, но составляет его неотъемлемую часть)"). Несколько упрощая, Якобсон пишет, что род. II и мест. II невозможны, если существительное имеет адъективное определение: *из* ***лесу,*** *но из темного* ***леса,*** *в* ***песку,*** *но в золотом* ***песке***[3]. Род. I и мест.

II последовательно описываются как типичные якобсоновские признаковые падежи: маркированные категории определяются по преимуществу отрицательным образом, как более узкие, более специальные, более ограниченные в своей способности образовывать сочетания, чем соответствующие немаркированные категории. Род. II и особенно мест. II допустимы только для ограниченного числа существительных, обладающих определенным фонологическими и лексическими признаками, тогда как род. I и мест. I — для любых существительных. Род. II и мест. II допустимы для существительных, лишенных внутренней семантической структуры: в словосочетании *рюмка коньяку* коньяк получает лишь количественное определение, а в *запах коньяка* он имеет запах, который может быть охарактеризован как сладостный, тошнотворный и т.п.; *цветы без запаху* лишены запаха как такового (абсурдным был бы вопрос: "Какого рода запаха (запахов) у них нет?"), тогда как в предложении *в букете не было цветов без сладкого или горького запаха* цветы внутренне дифференцированы по своим отличающимся друг от друга ароматам.

2. Превосходство концепции 1936 г. В докладе 1958 г. Якобсон пересматривает перечень падежных форм в русском склонении. Теперь его интересует не столько общие значения падежей, сколько фонологическая структура падежных окончаний, однако увлеченность пространственными метафорами грамматических значений приводит его к построению знаменитого куба. Чтобы сделать это, он вынужден изменить отношения маркированности между первыми и вторыми родительным и местным на прямо противоположные: теперь маркированными становятся род. I и мест. I, объединяемые с прежними "направленными" винительным и дательным падежами новым общим признаком "наделительности". Не говоря уже о расплывчатости термина как такового, заметим, что новая классификация противоречит самой сути якобсоновского понятия "маркированность": отныне только в якобсоновской морфологии существуют немаркированные род. II и мест. II, весьма ограниченные и лексически, и синтаксически, тогда как маркированные род. I и мест. I не ограничены практически никак. Одно это убедительно доказывает превосходство доклада 1936 г. над "Морфологическими наблюдениями" 1958 г.[4]

3. Значение второго родительного и второго местного падежа. Внимательное рассмотрение на редкость удачных примеров из якобсоновского доклада 1936 г. позволяет заключить, что значения всех примеров род. II и мест. II объединяет не что иное, как полное отсутствие внутренней семантической дифференциации, иными словами, что существительные в род. II и мест. II не поддаются анализу в отношении их внутренней семантики.

"Грязь" из примера *и в грязи́ можно найти алмаз* обладает семантикой, которую можно назвать чисто внешней: это именно грязь, а не песок, снег или вода; поскольку здесь употреблен род. II, она выступает просто как местоположение предмета, и ничто не побуждает нас думать о том, какого рода эта грязь, т.е. внутренней семантикой "грязь" в этом случае не обладает. С другой стороны, в примере и *в гря́зи можно найти своеобразную прелесть* "грязь" внутренне охарактеризована как особый род грязи, как такая грязь, в которой есть хоть что-то чарующее, в отличие от грязи, которая не имеет каких-либо свойств, оправдывающих ее существование. *Напился коньяку* характеризует напиток чисто внешне (это коньяк, а не пиво, вино, вода и т.п.), но ничего не говорит о его внутренних качествах, например о том, был ли это марочный коньяк или дрянное пойло; тогда как *не люблю коньяка* предполагает ряд внутренних по отношению к родовому значению "коньяк" качеств, из которых как минимум одно неприятно говорящему. Шелк из фразы *она появилась в шелку* — это шелк вообще, т.е. не хлопок и не шерсть, а фраза *в шелке появилась моль* выделяет особый вид шелка, а именно шелк, изъеденный молью,— в отличие от других его возможных видов, например от нового, неповрежденного шелка. Женщина из фразы *она появилась в шелку* одета в шелк, но не является его составной частью, а бумажные волокна из фразы *в шелке есть бумажные волокна* являются материальным компонентом шелка, его сущностью, а не акциденцией. Иначе говоря, можно интерпретировать отсутствие или наличие внутренней семантической дифференциации как признак акцидентальности или сущности.

То, что род. II и мест.II не поддаются анализу в отношении внутренней семантики, отчетливо видно по тем ограничениям, которые накладываются на сочетание с этими падежами адъективных определений (особенно в случае род. II). Атрибутивные прилагательные легко сочетаются с род. I и мест. I, но не сочетаются с род. II и мест. I: *в гробу,* но *в деревянном гробе, на возу,* но *на чудовищном возе* и т.п. Отметим, что прилагательные, характеризующие чисто дейктические отношения, могут сочетаться с род. II и мест. II: *в чужом краю, в родном краю,* но *в экзотическом крае,* и причина здесь, безусловно, в том, что такие прилагательные, будучи чисто относительными, не сообщают какой-либо внутренней семантической структуры определяемым существительным.

Об отсутствии внутренней семантической структуры в маркированных род. II и мест. II, разумеется, писалось давно: это то же самое, что "отсутствие индивидуального значения" у Шахматова (1914:100 и сл., 122 и сл.), примерно то же, что "тенденция к адвербиализации" у Унбегауна (1935:123), и в точности то, что Якобсон называет отсутствием "известных свойств" (gewisse Eigenschaften). Говоря более обобщенно, это нечто прямо противопо-

ложное "индивидуализации", в том смысле, какой придан этому термину в последних исследованиях, посвященных падежному синтаксису (Тимберлейк 1975/1977; Кленин 1978, 1980). Можно сказать, что в системе якобсоновских признаков общее значение род. I и мест. II есть "дезиндивидуализация".

4. Конструкция *пошел в солдаты*. Учитывая сказанное, обратимся теперь к хорошо известным и многократно обсуждавшимся конструкциям типа *пошел в солдаты, постричься в монахи, звать в любовники* и т.п. В нашу задачу сейчас не входит полный обзор соответствующей литературы (наиболее важными работами мне кажутся Коут 1960, Зализняк 1967, Прокопович 1969, Ротштейн 1977, Мельчук 1979, Мостовая, в печати), и мы ограничимся лишь рассмотрением структурных параллелей между конструкцией *пошел в солдаты* и падежами род. II и мест. II, о которых шла речь выше.

Конструкции типа *пошел в солдаты* могут включать в себя многие глаголы, непереходные и переходные (*записался в купцы, произвести в офицеры*) и ряд семантически отглагольных существительных (*кандидат в члены [Политбюро]*) (Мельчук 1979: 5). Формально они характеризуются тем, что дополнение при предлоге *в* употребляется не в винительном, а в именительном падеже (или, по меньшей мере, в форме, отличной от винительного: *кандидат в гражданины* [не *в граждане*], Ротштейн 1977:98; здесь отмечается, что существительные, имеющие формы множественного на *-е*, всегда обозначают людей). Семантически существительные типа *солдаты* обозначают профессию, род деятельности или социальную группу, а словосочетание в целом означает, что субъект (или, в переходных конструкциях, объект) становится либо хочет стать членом данной профессиональной или социальной группы. Существительные типа *солдаты* обозначают соответствующую профессиональную или социальную группу метонимически (Виноградов 1947:165, Ротштейн 1977:passim), посредством номинации членов профессиональной или социальной группы, которая формально стоит во множественном числе, но содержательно является единственным числом, служа обозначением какой-то отдельной единицы (согласно удачной метафоре Мостовой, "социальные состояния [группы, профессии и т.п.] представляют собой вместилища людей"). Нельзя ограничиться констатацией (Ротштейн 1977:98), что появление формы *солдаты* вместо *солдат, монахи* вместо *монахов* и т.п. есть простой результат изменения на противоположную маркированности по признаку одушевленности ([+ одушевл.] > [- одушевл.]), поскольку слова *солдаты* и *монахи* выступают в данном случае не в значении "множество солдат" и "множество монахов", но как обозначения отдельных, нечленимых объектов: родов деятельности, 'солдатства' и 'монашества'. Конечно, изменение на противоположную маркированности по признаку одушевленности

имеет место, но по той причине, что единицы, порождаемые в этих конструкциях словами *солдаты* и *монахи* лишь метонимически связаны с солдатами и монахами, и эти единицы являются неодушевленными singularia tantum. Возможно, более интересно изменение на противоположную маркированности по признаку **числа**, судя по всему, имеющее место в конструкциях "в+аккузатив". Обозначаемая профессия есть singulare tantum, а люди, на которых профессия метонимически указывает, могут быть как в единственном, так и в множественном числе. Мостовая замечает, что в предложении *Ваня взял Петю в компаньоны*, Петя может быть в действительности **единственным** компаньоном Вани, хотя возможно и существование других компаньонов, а в примере Мельчука *Он давно норовит в Зализняки,* группа состоит из одного-единственного элемента. Допущение любого или обоих противопоставленных значений типично, разумеется, для немаркированного члена оппозиции, и мы вправе заключить, что в конструкциях "в + аккузатив" оппозиция [+ множ.]: [- множ.] заменяется оппозицией [+ единств.]:[- единств.], с маркированным признаком единственности (название рода деятельности), обнаруживающим формальные и семантические характеристики, обычные для маркированной категории.

Параллели между конструкцией типа *пошел в солдаты* и фразами, включающими род. II и мест. II, просто поразительны. Во всех трех случаях существительное в соответствующем падеже получает окончание, отличное от немаркированного падежа (*-у* вместо *-а* в род. II, ударные *-у́, -и́* вместо безударных *-е, -и* в мест. II, и *-и, -ы* вместо *-ов, ей* или нулевого окончания в конструкциях с аккузативом). Во всех трех конструкциях этому специальному окончанию сопутствует гораздо более узкое значение (меры, местоположения и вхождения в группу соответственно), тогда как значения обычных родительного, местного и винительного намного шире и разнообразнее. Кроме того, аккузативные конструкции обнаруживают в точности те же ограничения по отношению к адъективным определениям, что и конструкции с местным и (в меньшей степени) родительным падежом. Адъективные определения (и эквивалентные им формы приименного родительного существительных) в конструкциях "в + аккузатив" возможны, как правило, только тогда, когда они являются составной частью наименования социальной или профессиональной группы: *Он попал в старшие инженеры,* но не ** Он попал в добросовестные инженеры.* Неспособность конструкций "в + аккузатив" включать в себя обычные качественные адъективные определения или определения в форме приименного родительного существительных (примеры Мостовой: *взять в корректоры*, но не **взять в исправители ошибок; Ваня взял Петю в соавторы,* но не **Ваня взял Петю в первые авторы их совместной статьи*) показывает, что дополнения при предлоге *в* в этих кон-

струкциях семантически нечленимы, иначе говоря — что эти конструкции сами по себе полностью исключают возможность внутренней семантической дифференциации, точно так же, как род. II и мест. II, описанные в первой части настоящей статьи.

Итак, можно назвать конструкции типа *пошел в солдаты* "вторым винительным", образующим параллель ко второму родительному и второму местному. Общее значение (семантический инвариант) этих трех вторичных падежных форм есть дезиндивидуализация, а их основные значения (Hauptbedeutungen) — мера, местоположение и перемещение в новую среду, производные от общих значений родительного, местного и винительного падежа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В неявной форме выражение "ничего не сообщающие о себе" еще встретится ниже, в том числе и в заключении настоящей статьи.

[2] Все примеры в трех первых разделах нашей статьи взяты без изменений из якобсоновского доклада 1936 г.: этим мы подчеркиваем преимущество тогдашней концепции в сравнении с той, что изложена в докладе 1958 г.

[3] Как мы увидим ниже, этот запрет не распространяется на семантически "внешние" (дейктические) прилагательные: ***В экзотическом крае, но в чужом краю.***

[4] Более подробно об этом см.: Ворт 1985.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов 1947: *В.В.Виноградов.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва: Учпедгиз, с. 165.

Ворт 1985: *D.S.Worth.* Russian gen2, loc2 revisited. Signs of Friendship. To Honour A.G.F. van Holk, Slavist, Linguist, Semiotician, ed.J.J. van Baak. Amsterdam. Pp. 295–306.

Зализняк 1967: *А.А.Зализняк.* Русское именное словоизменение. Москва: Наука, с. 49 и сл.

Кленин 1978: *E.Klenin.* Quantification, partitivity, and the genitive of negation. International Review of Slavic Linguistics, 3. 1–2: 163–182.

Кленин 1980: *E.Klenin.* Individuation: an historical case study. Morphosyntax in Slavic, ed. C.V.Chvany and R.D.Brecht. Columbus: Slavica. Pp. 62–78.

Коут 1960: *J.Kout.* Konstrukce typu *postupit'v letčiki.* Russko-české studie. Sbornik Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk a literatura, II. Pp. 62–78.

Мельчук 1979: *И.А.Мельчук.* О падеже существительных в русской конструкции типа *идти в солдаты.* Svantevit. Dansk Tidskrift for Slavistik, V, No. 1: 5–28.

Мостовая, в печати: *A.D.Mostovaja.* Social roles as containtrs in Russian. International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 41, 1997.

Попов 1963: *Р.Н.Попов.* О конструкции типа *выйти в люди* в современном литературном русском языке. Научные доклады высшей школы. Филологические науки, № 2, с. 151–155.

Прокопович 1969: *Е.Прокопович.* О некоторых образованиях множественного числа в русском литературном языке. В книге: Мысли о современном русском языке, ред. В.Виноградов. Москва: Просвещение, с. 192–198.

Ротштейн 1977: *R.A.Rothstein.* A note on grammatical metonymy in Russian. Folia Slavica, 1: 96–100.

Тимберлейк 1975/1977: *A.Timberlake.* Hierarchy in the genitive of negation. Slavic and East European Journal, 19: 124–138. Перепечатано в: Soviet-American Russian Language Contributions, ed. R.D.Brecht and D.E.Davidson. Urbana: G&G Press. Pp. 123–138.

Unbegaun 1935: *Unbegaun.* La langue russe an XVI-e siècle (1500–1550), I, 2a flexion des noms, Paris. Pp. 123.

Шахматов 1941: *А.А.Шахматов.* Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4-е, М.

Якобсон 1936: *R.Jakobson.* "Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus", Travaux de Cercle linguistique de Prague, 6 (=Etudes dédiées au Quatrième Congrès de Linguistes). Pp. 240–287.

Якобсон 1958: *R.Jakobson.* "Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм)", American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. The Hague: Mouton. Pp. 127–156. Перепечатано в: Selected Writings, II. The Hague: Mouton. Pp. 154–181.

М.Я.Гловинская
(Москва)

ТИПОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИСКАЖЕНИЯ СМЫСЛА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ЧУЖОЙ РЕЧИ*

> Не будь чересчур доверчив, узнавая о прошлом из уст настоящего. Остерегайся и честнейшего из посредников. Помни, все рассказанное тебе в действительности трояко: скроено рассказчиком, перекроено слушателем и скрыто от обоих мертвым героем рассказа.
>
> В. Набоков

Вводные замечания

Статья посвящена невольным и, может быть, неизбежным искажениям, которым подвергается смысл чужих слов при их передаче. Неправильная передача чужих слов рассматривается как одна из разновидностей коммуникативных неудач (Ермакова, Земская 1993). Это явление комментируется отнюдь не одними лингвистами. Мы позволим себе начать с большой выдержки из книги Л.К.Чуковской "Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966", где Ахматова обсуждает с автором эту проблему и где обе собеседницы высказывают проницательные суждения на данную тему: Знаете, какую я задумала книгу? — весело заговорила Анна Андреевна.— Книгу по теории сплетни. И о том, как люди разговаривают, не слыша друг друга и себя самих. Вы замечали? Это постоянно и у этого есть свои законы. Приведу пример: одна дама жалуется другой: "скоро зима, а у меня нет шубы". Другая отвечает: "я прохожу зиму в драповом". Правда, мило? Отвечая, не слышит себя. А вот вам пример на перенос ударения. Человек рассказывает о последнем открытии в науке: Иоанн Креститель — историческое лицо. Это доказано. Известно уже, где и когда он жил, ну чуть ли

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 95-06-17335).

не до пещеры, в которой жил! с полной точностью. Собеседник слушает и отвечает: "неужели вы верите в чудеса?"

Я сказала, что, по-моему, сплетни нередко создаются так: всякий человек воспринимает из слов другого не то, что другой говорит, а только то, что он, слушающий, способен понять. Стараясь пересказать вашу мысль третьему лицу, даже стараясь добросовестно, он переводит вашу мысль на свой язык. Ведь не только иностранцы говорят "на разных языках", а и люди одной родины, одного языка, но разных поколений, разных социальных слоев, разного личного опыта. И вы, в пересказе собеседника, собственной своей мысли не узнаете... Другое словоупотребление делает и вашу мысль другой. Оттенок мысли, интонации. Наизусть же чужую речь редко кто способен запомнить. Так что сплетни иногда произрастают невинно (Чуковская 1997. Том третий: 100–101).

В этом диалоге отмечены важнейшие причины коммуникативных неудач: неумение слышать, т.е., в частности, понять иллокутивный замысел говорящего (в примере с пальто он просто игнорируется), и различия у партнеров по коммуникации в наборе пресуппозиций, трактуемых в самом широком смысле — и как знание о действительности, и как ценностная шкала, и как моральный ориентир, и как языковые вкусы и т.д. Справедлива также мысль о том, что чужая речь не передается дословно.

Этот факт был подтвержден экспериментально. Так, экспериментальная психолингвистика установила, что "индивиды обычно не запоминают ни поверхностную форму предложений, ни их глубинную синтаксическую структуру" (Ф.Джонсон-Лэрд 1983/1988:234). Понимание и запоминание текста обычно предполагает построение ментальной модели, которая встраивается в общую картину мира данного лица (указ. соч; см. также ван Дейк и Кинч 1983/1988); тем самым понимание рассматривается как интерпретирующая деятельность (см. обзор литературы на эту тему в [Демьянков 1983]. Очевидно, именно при построении такой модели чужие слова осмысляются сквозь призму собственной картины мира и возникает расхождение с исходной информацией.

В предлагаемой заметке мы остановимся как раз на подобных типах коммуникативных неудач (КН) (ср. иной анализ некоторых похожих явлений в [Ермакова, Земская 1993: 53–55]). Они связаны не с тем, что адресат неправильно понял значение слов партнера по коммуникации из-за языковой неоднозначности (большая подборка такого рода неудач на материале русского языка приводится в работах [Городецкий, Кобозева, Сабурова 1985 на основе литературных примеров; Ермакова и Земская 1993 на основе устных текстов и диалогов из художественной литературы]) или по каким-то другим причинам (о некоторых источниках таких КН см. [НЗЛ 1989]. Мы рассмотрим такие типовые механизмы, которые, несмотря на правильное понимание значения слов говорящего, при-

водят, тем не менее, к искажению того общего смысла, который он имеет в виду, по сравнению с тем, который в итоге остается в сознании адресата. К ним относятся:

1) представление прагматической импликатуры или логического вывода из чужих слов как утверждения самого автора;

2) коммуникативный "эгоцентризм" говорящего и слушающего;

3) вставка собственной оценочной дескрипции;

4) усиление, гиперболизация, генерализация исходных высказываний;

5) снятие или замена модальности исходного высказывания;

6) смещение сферы действия слова по сравнению с исходной репликой;

7) эксплицитная информация вместо имплицитной;

8) неправильная интерпретация иллокутивного намерения или общей коммуникативной установки собеседника.

1. Прагматическая импликатура вместо слов автора

Ошибки первого рода связаны с тем, что прагматическая импликатура или логический вывод, которые сделал адресат из чужого высказывания (текста), остаются в памяти и в дальнейшем передаются как утверждение самого автора. При этом часто выводится ошибочная импликатура. Приведем примеры.

Диалог происходит в самом начале 90-х годов. Пожилая женщина, научный работник, услышала от коллеги новость о молодом научном сотруднике, который раньше на 2 года уехал работать в США по контракту: — У Кости кончается контракт. Для нее это означает, что Костя возвращается из Америки в Москву, потому что по ее тогдашним "советским" представлениям уезжают ровно на столько, на сколько разрешено уехать. Поэтому следующему заинтересованному лицу она сообщает: — Вы слышали, Костя возвращается в Москву! Между тем, Костя сам нашел себе другую работу и остался в США (вольности, в советское время невозможные, и поэтому такой вариант собеседнице даже не приходит в голову).

Неправильная импликатура может возникать у адресата из-за того, что он принимает желаемое или, наоборот, нежелаемое за действительное. Ср. следующий пример:

Он <Бабель> почти ежедневно писал мне из Киева. Удивительно, как человек, в данном случае, я, может превратно читать письма. Я вычитывала в них все то, что сама испытывала, т.е. любовь и желание полного соединения наших жизней.

Какое-нибудь восклицание: "Я думаю о вас с отчаянием и любовью, от которых некуда бежать",— я принимала как клятву в

вечной любви. Фразу: "вчера ночью шальная мысль взбрела мне на ум, ревность, мысль эта разодрала меня надвое...",— как обращенную ко мне мольбу — начисто порвать с Николаем Васильевичем, чтобы любимый мною человек не испытывал ревности. Риторику вроде: "Отдай мне Каширину, боже, и пусти меня с ней по свету...",— как призыв освободиться от всех обязательств и быть готовой следовать за любимым повсюду.

Намеков же на то, что мой любимый предпочитает по-прежнему хранить в тайне наш союз и вовсе не мечтает как-то закрепить его, я попросту не замечала, вероятно, потому, что не хотела их замечать (Т.Иванова, Глава из жизни. Октябрь, 1992, № 5: 187).

Иногда к ошибочной импликатуре приводит наличие пресуппозиции, носящей характер догмы. При этом фокус внимания адресата часто смещается с обсуждаемых фактов на позицию говорящего, которую он интерпретирует неверно.

Так обстоит дело в вышеприведенном примере А.А.Ахматовой об Иоанне Крестителе. У слушающего в этом случае явно существует незыблемое представление о том, что все, относящееся к религии, не имеет отношения к реальной жизни, что это — "чудеса", т.е. то, чего не бывает на самом деле. Поэтому сообщение об истинности некоторых фактов из данной области он не воспринимает как свидетельство об истинности и не сужает область "чудесного" в свете новых фактов, а делает вывод, что говорящий "верит в чудеса".

По этой причине часто возникает неверное понимание научных текстов. Приведу в качестве примера восприятие моей книги "Семантика видового противопоставления русского глагола" (М., 1982). В ней, в частности, обсуждается вопрос об общем значении (инварианте) для каждого из видов в русском языке. В книге последовательно рассматриваются признаки (длительность для НЕСОВ; предельность, результативность и т.д. для СОВ), предлагавшиеся аспектологами на роль инварианта, и все они отводятся с помощью опровергающих примеров. Формулируется общий принцип: прежде чем определять инвариант, нужно вначале изучить варианты (притом описав их значение более "микроскопично", с помощью толкований), и тогда станет видно, есть ли у них что-нибудь общее. Оказалось, что многие читатели поняли это следующим образом:

"В книге утверждается, что видового инварианта не существует" и даже более психологично: "Автор — противник инварианта".

Наряду с неверной импликацией здесь произошла и генерализация (см. следующий пункт): раз автор говорит, что тот признак, о котором я привык думать, что это инвариант,— не инвариант, значит, автор — противник самого понятия, он отрицает видовой

88710

инвариант вообще, в принципе. При этом смещение внимания от приводимых в книге фактов к собственной импликатуре о позиции автора у этих читателей так велико, что от них полностью ускользнуло, что в книге устанавливается инвариант для СВ, хотя и не тот, к которому они привыкли.

2. Коммуникативный "эгоцентризм" говорящего и слушающего

Коммуникативный эгоцентризм общающихся сторон состоит в том, что в случае нейтрального (а уж тем более положительного) отношения друг к другу они питают необоснованные иллюзии по поводу общности презумпций понимания [ср. Raffler-Engel 1981]. У говорящего это проявляется в излишнем лаконизме и отсутствии пояснений, как оказывается, необходимых, а адресат, предполагая у говорящего такое же представление о мире, как у себя, может сформировать ошибочную импликатуру. Ср.

В 60-е годы один аспирант спрашивает другого, о котором он узнал, что тот подал заявление о вступлении в партию[1]. Зачем ты вступаешь в партию? (спрашивающий подразумевает, что в партию вступают из корысти, из карьерных побуждений). Тот высокопарно отвечает: Мой отец завещал мне бороться. Первый собеседник не задает естественного вопроса "С кем бороться?" Ему и так ясно, что речь идет о борьбе с остатками сталинизма (говоря на языке того времени). Во-первых, он сам противник сталинизма; во-вторых, ему известно распространенное в те годы представление, что если в партию вступит много порядочных людей, то партия сможет оздоровиться, покончить с пережитками прошлого; о некоторых людях он знает, что они мотивировали свое вступление в партию в эти годы именно данной причиной. Через некоторое время становится ясно, что новоиспеченный коммунист является как раз несгибаемым борцом с противниками сталинизма, с "инородцами" и т.д. Очевидно, отец нацеливал его на борьбу именно с такими лицами.

Другой пример:

Двое разговаривают о мемуарах своего общего знакомого. Первый говорит: Это неприличное сочинение. Его собеседница отвечает: Совершенно неприличное. Ни один из них не поясняет, что он имеет в виду, и не спрашивает другого. Третий собеседник, не знакомый с автором мемуаров, решает выяснить, о чем шла речь. Он выясняет это у каждого из собеседников по отдельности. Оказывается, первый имел в виду самовыпячивание автора, сильное преувеличение им своей роли в описываемых событиях. Вторая имела в виду, что она ни разу не была упомянута в мемуарах, хотя это, по ее мнению, было необходимо. Каждый из них считал, что его собеседник имел в виду то же, что и он.

Кроме того, "эгоцентризм" слушающего может проявляться и более буквально: "Обычно все общие суждения, банальности, деонтические правила, этические сентенции, бытийно-характеризующие утверждения интерпретируются по принципу ad hominem. Придавая общему суждению конкретную референцию, адресат невольно принимает его на свой счет или на счет близкого себе круга" [Арутюнова 1981: 363]. В качестве примера приведем разговор двух видных славистов — российского и западного.

> Речь шла о литературе XVIII века. Западный славист сказал, что поэзию XVIII века сейчас плохо знают. Российский возразил, что вообще русскую поэзию сейчас знают плохо. Западный ученый принял это общее утверждение на свой счет и обиделся. Никаких оснований так интерпретировать слова собеседника у него не было, тот имел в виду русских читателей, падение общей культуры в России.

Конечно, мнительность адресата в таких случаях может сыграть определенную роль, однако человеку в принципе свойственно думать, что утверждения, которые в разговоре с ним делает собеседник, не случайны и метят именно в него.

Аналогичным образом сдержанность в поведении говорящего интерпретируется адресатом однозначно против себя, хотя она может быть вызвана собственными огорчениями или озабоченностью говорящего.

3. Вставка собственной оценочной дескрипции

Наличие не совпадающих оценок или разных коммуникативных установок у автора высказывания и лица, передающего его слова, приводит к интерференции двух языковых перспектив: индексальные и референциальные выражения автора прямой речи заменяются другими, отражающими точку зрения передающего лица [Fillmore 1976], подробнее об этом см. в [Добжиньская 1990]. В этом случае передающее лицо может от себя ввести в высказывание оценочную дескрипцию, недопустимую с точки зрения автора, ср. пример из последней работы *Ян сказал, что этот идиот Петр — гений* при исходной фразе *Петр — гений* [указ. соч.: 460]. Здесь необходимо добавить, что если подобная дескрипция возникает в пресуппозиционной части высказывания, то слушающий может правильно приписать ее авторство передающему лицу, как в вышеприведенном примере. Если же она появляется в ассертивной части высказывания, то слушающий, безусловно, отнесет ее к словам автора; так что в этом случае она является незаконной, как в следующем примере.

> Декан факультета проверяет в столовой меню банкета для участников конференции (ужин заказывала сотрудница факульте-

та) и делает выговор сотруднице: — Заведующая сказала мне, что вы устраиваете пьянку.

Заведующая, разумеется, приводила только цифры и калькуляции, притом вполне скромные по части алкоголя. Слово *пьянка*, содержащее представление о чрезмерном количестве алкоголя и неодобрительную оценку, тем более невозможно было бы в ее устах, что для столовой мероприятие тем выгоднее, чем больше заказано алкоголя.

4. Усиление, гиперболизация, генерализация исходных высказываний

Распространенным механизмом искажения информации является усиление, гиперболизация, генерализация исходных высказываний. Приведем примеры.

Пожилая супружеская чета разговаривает с коллегой. Они расспрашивают ее о конференции, на которую та ездила. Речь заходит об одной молодой, привлекательной, подающей надежды аспирантке; супруги отзываются о ней весьма положительно. Коллега говорит супругам об их сыне, который тоже участвовал в конференции: — Кстати, ваш Сережа оказывал ей знаки внимания. Через несколько лет мать напоминает коллеге: — Вы распространяли слухи о бурном романе моего сына с Верой (впрочем, здесь возможно ретроспективное наслоение в свете событий, последовавших за первым разговором).

Преподаватель вуза просит заведующую кафедрой, чтобы практические занятия по его курсу лекций не поручали преподавательнице Н., поскольку она противник той научной школы, с позиций которой он построил свой курс. Завкафедрой объясняет преподавательнице: Ласточкин поставил мне ультиматум, чтобы занятия вели не вы (см. также ниже пункт об интерпретации иллокутивной цели).

Сходный пример приводится в дневниковых записях Л.К.Чуковской:

— Я собиралась купить по дороге вино,— сказала мне Радзинская,— но, по-видимому, сегодня не стоит этого делать, раз NN нездорова.— Пожалуй, не стоит,— согласилась я. <Далее ее слова передаются следующим образом — МЯГ>: — Вчера у Беньяш Радзинская заявила: "я хотела принести вина, но Л.К. и О.Р. запретили мне, так как NN сегодня нельзя пить" (Чуковская 1997. Том первый: 394).

Согласие с собеседницей, что не стоит предпринимать какое-то действие, передается ею как запрет предпринимать его.

Два последних примера свидетельствуют, возможно, о сознательном искажении иллокутивной силы чужого высказывания в собственных интересах. В первом случае заведующая кафедрой представляет свое действие как вынужденное: поскольку ей поставлен ультиматум, она снимает с себя ответственность перед сотрудницей и избегает тем самым неприятных разговоров с ней и упреков с ее стороны. В последнем случае аналогичным образом ответственность за отсутствие вина перекладывается на чужие плечи — того, кто "запретил" его покупать.

Новая заведующая сектором попросила на общем заседании сектора, чтобы прежний заведующий (который остался работать рядовым сотрудником) не принимал решений, не поставив ее в известность (тот без ее ведома договорился в издательстве об издании их коллективной работы на невыгодных условиях, передал кому-то секторский принтер и т.д.). Вечером он позвонил ей с упреком: — Ты сказала, что я узурпировал власть.

Несколько человек пришли помочь коллеге упаковывать вещи перед переездом на другую квартиру. Закончив работу, одна из женщин говорит (имея в виду присутствующих дам): — Мы как более чистоплотные уже вымыли руки. Один из мужчин говорит последнему из мывших руки: — Ты всем уступал очередь, мыл последний, и говорят, что ты самый нечистоплотный.

Здесь искажение (возможно, намеренное, с юмористическими целями) включает несколько этапов: 1) построение высказывания с иной коммуникативной структурой, конверсного по отношению к исходному: первое о женщинах, второе — о мужчинах; 2) замена положительного признака, по которому производится сравнение (чистоплотный),— отрицательным (нечистоплотный); 3) выбор более интенсивной оценки (*более* заменяется на *самый*). В результате изменилась иллокутивная сила высказывания: говорившие хвалили себя, а передано было так, как если бы они говорили нелестное о другом.

Один сотрудник математического института спрашивает другого, не-математика: — А вы знаете, что Саша — очень хороший математик? Через несколько месяцев второй рассказывает, ссылаясь на этот разговор: мы знаем, что Саша — выдающийся математик.

В статье [Ермакова, Земская 1993: 54] приводятся некоторые примеры усиления отрицательной оценки при передаче чужих слов. Ср.

Я / видите ли / вообще к стихам отношусь по-особому // Мне мало что нравится // воспроизводится следующим образом: Вы же

сказали / что ненавидите мои стихи //; Он ничего / но иногда бывает не очень внимательным // передается так: Вот и Л.Д. мне сказала / что он ужасно невнимательный / ничего не слушает //.

В заключение приведем пример из газеты.

> Министр обороны КНР <...> выразил "полное понимание" в связи с озабоченностью России по поводу расширения НАТО. В интерпретации российского министра обороны, озвученной в его выступлении перед слушателями военных наук КНР, эта дипломатическая фраза получила несколько иной оттенок: вместо "понимают" он употребил глагол "разделяют". В таком толковании есть существенный смысловой нюанс: понимать — это вовсе не разделять (Известия, 16.04.97).

К комментарию газеты можно добавить, что *разделять* — это гораздо больше, чем просто *понимать*, это значит и самому думать так же и испытывать те же самые чувства (здесь одновременно и желаемое выдается или принимается за действительное, см. выше).

Механизм искажения на основе гиперболизации исходной информации и усиления содержащихся в ней оценок спародирован в известном анекдоте о молодоженах:

> Муж: Дорогая, ты ошибаешься. Жена: Ах, я ошибаюсь?! Значит, я говорю неправду?! Значит, я вру?! Значит, я брешу?! Мама, он назвал меня сукой!

5. Снятие или замена модальности исходного высказывания

При передаче чужих слов часто снимается или заменяется модальность, присутствующая в исходном высказывании. При этом, как правило, переход происходит от неопределенности, недостоверности к более категоричным, уверенным эпистемическим оценкам. Другими словами, имеется тенденция истинностно-неопределенные высказывания передавать как истинностно-определенные (по терминологии [Левин 1995: 125 и сл.]). Приведем примеры.

> А.— Это правда, что Тахасаров написал рекомендацию Сторожеву? **Б.**— Не знаю. Случайно слышавший этот вопрос человек передает следующему: Говорят, что Т. написал рекомендацию С. Этот передает дальше: Слышали, Т. написал рекомендацию С.

Случайный участник снимает модальность вопроса, заменяя ее логическим выводом с модальностью недостоверности: если кто-то спрашивает, правда ли нечто, значит, он об этом где-то слышал, значит, об этом говорят. Последний в этой цепочке снимает модальность недостоверности, подавая данное высказывание как истинное.

А. Мне **кажется**, что Лилия Алексеевна хочет завещать свою квартиру сыну Поповича. **Б.** передает дальше: Ты **знаешь**, что Л.А. завещала свою квартиру сыну Поповича?

Глагол *кажется* со значением модальности предположения, недостоверности заменяется фактивным глаголом *знать*, имплицирующим истинность подчиненной пропозиции; кроме того, сообщение о намерении заменяется сообщением об исполнении намерения, что еще больше усиливает определенность второго высказывания по сравнению с исходным. Этот же механизм (гипотеза выдается за истину) используется и при сознательном искажении истины [Левин 1974/1998: 600].

Частое снятие модальности недостоверности при передаче чужой речи, возможно, вызывается бессознательным стремлением повысить информационную ценность передаваемого высказывания для адресата: в самом деле, вряд ли ему будет интересно узнать, что какому-то третьему лицу что-то кажется, если только он специально не интересуется мнением этого лица. Возможно, этот же механизм лежит в основе запоминания таких высказываний тоже без показателей недостоверности: в памяти остается наиболее важная с информационной точки зрения часть.

Иногда смена модальности происходит вследствие ретроспективного переосмысления чужой речи под влиянием происшедших событий. Так, в следующем примере снимается модальность ирреальности, поскольку неожиданно ситуация, которую говорящий предлагал только представить, происходит на самом деле, и сказанные слова задним числом интерпретируются как предсказание.

В день Преображения в храме батюшка говорит перед исповедью: — Подойдите к этой исповеди так, **как если бы** она была последней в вашей жизни. После службы прихожане видят на улице БТРы (это происходит 19 августа 1991 г., в день путча). Одна из прихожанок говорит: — Вот отец Н. прозорливый, **сказал, что исповедь последняя**, и правда, война началась. Ей возражают: — Он этого не говорил. Но она настаивает: — Я своими ушами слышала. Эта прихожанка — интеллигентная женщина, имеет два образования[2].

6. Смещение сферы действия слова по сравнению с исходной репликой

Источником ошибки может быть смещение сферы действия какого-нибудь слова или выражения по сравнению с исходной репликой. Часто это происходит с количественной оценкой, что приводит к грубым искажениям смысла; ср. следующие примеры.

Пенсионерка, ранее научный сотрудник, говорит более молодой коллеге: Я хочу передать в библиотеку 30 книг. Спустя какое-то время та сообщает знакомым: Лилия Алексеевна хочет оставить себе всего 30 книг, а остальные передать в библиотеку.

На собрании коллектива научного Института представитель вышестоящей инстанции сказал, что за декабрь институт получил финансирование в размере 90% и больше финансирования не будет. Некоторые сотрудники поняли это следующим образом: нам осталось получить 90%, за декабрь дали всего 10%.

7. Эксплицитная информация вместо имплицитной

Имплицитно содержащаяся в высказывании информация передается как эксплицитное утверждение автора. Приведем пример.

В разговоре коллег, научных работников упоминается недавняя защита докторской диссертации коллеги из другого института. Одна из присутствующих неожиданно высказывается о диссертантке: — Тамара-то умная. В дальнейшем ее слова были проинтерпретированы следующим образом: — Таня считает Данилу глупым.

Откуда взялось такое понимание ее слов? Данила — муж Тамары. Частица *-то* по своей семантике предполагает сопоставление двух объектов: относительно одного объекта сообщается, что он обладает каким-то свойством (умная), и говорящий считает это само собой разумеющимся, относительно другого объекта, не названного, говорящий подразумевает, что он с высокой вероятностью таким свойством не обладает (подробнее о семантике частицы *-то* см. [Апресян 1980/1995: 48–50]). На роль этого второго, неназванного объекта слушатели без колебаний подставили мужа Тамары (кстати, известного ученого), поскольку в общем контексте разговора не подразумевались никакие другие объекты, которым можно было бы противопоставить Тамару.

Имплицитная информация в высказывании труднее поддается контролю говорящего, она иногда передается как бы помимо его воли. Так и автор высказывания, Таня, в данном случае проговорилась, поскольку у нее не было цели делать публичным достоянием свое мнение о Даниле; в этом смысле — это ее КН. Но если ее слова будут переданы как "Таня сказала, что Данила глупый", то это окажется не только ее КН, но и КН адресата, пересказывающего ее слова, поскольку она может уличить его во лжи: она даже имени Данилы не называла.

Такого рода случаи часто становятся предметом судебных разбирательств по искам об оскорблении чести и достоинства, клевете и т.д. В основе их лежит правильное по существу понимание какого-то текста, но неправильная передача его смысла. В общем виде претензия истца выглядит следующим образом: Он назвал

меня непорядочным человеком <дураком, мерзавцем, вором, фашистом и т.д.>. Между тем, *назвать кого-то кем-то (X-а Y-ом)* значит сделать высказывание типа *X есть Y (Петров — дурак).* Однако, как правило, подобные высказывания напрямую не делаются, а представление о том, что "Петров — дурак, вор и т.д." содержится в тексте в виде пресуппозиции; ср., например, фразы типа *На эту должность надо было назначить более умного <честного, порядочного> человека* или *Ни по уровню интеллекта и профессионализма, ни по уровню порядочности Петров не соответствует требованиям, которым должен удовлетворять министр.* Поэтому такие иски обычно проигрываются[3].

8. Неправильная интерпретация иллокутивного намерения или общей коммуникативной установки собеседника[4]

Выше, среди примеров в пункте 2, посвященном гиперболизации, уже рассматривались два случая, которые, помимо преувеличения и усиления слов и оценок говорящего, содержали искажение иллокутивной силы пересказываемых слов.

В огромном большинстве случаев установить истинное иллокутивное намерение не представляется возможным. В качестве такого неясного примера приведем эпизод из жизни семьи Л.Н.Толстого, о котором пишет в своем дневнике Софья Андреевна*.

> Речь идет об одной из ссор между нею и Чертковым из-за дневников Льва Николаевича, которые находились у Черткова и которые тот не хотел ей показывать и не давал это сделать Льву Николаевичу. "Сквозь весь наш разговор прорывались у Черткова грубые слова и мысли. Например, он кричал: "Вы боитесь, что я вас буду обличать посредством дневников. Если б я хотел, я мог бы сколько угодно *напакостить* (хорошо выражение якобы порядочного человека!) вам и вашей семье. У меня довольно связей и возможности это сделать, но если я этого не делал, то только из любви к Льву Николаевичу". Как доказательство того, что это возможно, Чертков привел пример Карлейля, у которого был друг, изобличивший жену Карлейля и выставивший ее в самом дурном свете" (С.А.Толстая. Дневники. т. 2. М. 1978: 128).

Софья Андреевна интерпретировала эти слова как угрозу <выделение наше — МЯГ> со стороны Черткова. Последний писал ей по этому поводу: "Слова мои о том, что я мог бы, если бы хотел, вам "напакостить", вызваны были тем недоверием, и теми подозрениями, которые вы проявляли ко мне перед тем, предполагая, без малейшего основания, что я хочу стать между Л. Н-ем и вами,

---

* Благодарю М.В.Гронаса, обратившего мое внимание на этот эпизод.

овладеть какими-то материалами и вообще злоупотребить доверием ко мне Л. Н-ча и моими близкими отношениями к вашей семье... Я указал вам на то, что до сих пор никогда не злоупотреблял моим близким в силу обстоятельств знакомством с интимной стороной вашей семейной жизни, что никогда не совершал в этом отношении никаких indiscrétions (нескромностей) и что никогда не сделаю этого и в будущем, *несмотря на то,* что располагаю уже давно достаточными данными для того, чтобы повредить вам с этой стороны, если бы я пожелал это сделать. Но вы <...> ухватились за отдельные мои слова, придав им смысл угрозы, которая была совершенно чужда моим мыслям (цит. по Л.Н. Толстой, ПСС, т. 58: 497, примечание 25).

Мы никогда не сможем ответить на вопрос, содержалась ли в словах Черткова действительная угроза или это мнительность Софьи Андреевны, бывшей тогда, как известно, в нервном состоянии. С одной стороны, опровержение Черткова не следует принимать за чистую монету, поскольку сознаваться в угрозе не принято (ср. типичный диалог: — *Вы мне, кажется, угрожаете? — Нет, что вы, ни в коем случае*). Однако, мы можем констатировать некоторые типичные составляющие речевого акта угрозы в словах Черткова[5]. Во-первых, несомненная враждебность к адресату; во-вторых, неуместное в рамках другого речевого акта подчеркивание того, что он располагает достаточными сведениями (и связями!) для компрометации Софьи Андреевны; в третьих, упоминание Карлейля, жену которого его друг выставил в дурном свете. Наконец, если вспомнить, что Чертков не сдержал слова и позднее в печати появились его тенденциозные публикации, то нельзя не признать, что С.А. имела основания для подобной интерпретации. В то же время эти слова вполне могли быть следствием сильного раздражения, злобы, желания посильнее задеть собеседника, но не осознанной угрозой.

Иллокутивная цель чужих высказываний часто искажается или передается неполно при пересказе и в тех случаях, когда она ясна и воспринята правильно, например, при передаче информации, связанной с этикетными ситуациями. Скажем, человек не может принять чье-то приглашение или предложение или выполнить просьбу и передает через кого-то сожаление, что вынужден отказаться, и объяснение причин, по которым это невозможно. При передаче подобных сведений очень часто отсекается все, кроме самого отказа и чужие слова передаются следующим образом: "Он отказался" или "Он не придет" или "Он не может". Тот, кто передавал через кого-то отказ, предстает невежливым или неотзывчивым человеком. Приведем следующий пример.

> В ответ на предложение продолжать вести семинар на факультете в новом семестре руководитель семинара объяснил, что дал задание на лето членам семинара и примет решение в зависимости

от того, как оно будет выполнено. Секрстарь кафедры передал этот ответ декану следующим образом: "Он ставит нам условия".

Ошибка в данном случае состояла в том, что предпосылка для продолжения семинара была изображена как условие, поставленное деканату. Таким образом, дополнительно была выражена идея нажима, которая полностью отсутствовала в исходном тексте. Тем самым человек опять был представлен как менее вежливый, чем на самом деле. Из этого следует, что передавать через других можно только самые простые сообщения чисто информационного характера, поскольку правильно передается именно информационный компонент, а более тонкие модальные, эмоциональные и др. смыслы, характеризующие внутреннее состояние говорящего и важные с его точки зрения обстоятельства, могут отсекаться или искажаться при передаче.

* * *

Указанные факторы часто действуют не порознь, а в совокупности, как это можно было видеть на примере некоторых из рассмотренных случаев.

Некоторые механизмы преобразования воспринятой информации, особенно первый — подмена адресатом слов автора собственной прагматической импликатурой — в такой мере осознаются говорящими, что могут использоваться для намеренного создания неверного представления у адресата в некоторых жанрах. О воздействии при помощи речевых импликатур в журналистской практике писали Т.В.Булыгина и А.Д.Шмелев [указ. соч.: 463–464]. В настоящее время этот прием широко используется в рекламе, чтобы избежать прямой ложной формулировки и тем самым не быть привлеченным к ответственности. Ср. следующий пример.

> Что же касается взрослых, то здесь сахар с добавками способен нормализовать кислотно-щелочной обмен, не допустить закупоривания сосудов и, кроме того, образования почечных камней! Выходит, новый сахар и впрямь действует как лекарство. Во всяком случае, авторитет сотрудников лаборатории обмена веществ и энергии Института питания Российской Академии медицинских наук (где лимонная кислота исследовалась долго и тщательно) бесспорен (Известия, 3 декабря 1997).

В этом тексте не говорится ничего о том, что сотрудники лаборатории, чей авторитет бесспорен, одобрили новый сахар. Однако, представление об этом возникает как импликатура в соответствии с принципом релевантности Грайса. Многие из информантов, которым был прочитан этот текст, при его пересказе говорили не только о проверке, но и об одобрении сахара Институтом питания.

Подытоживая сказанное, сделаем некоторые практические выводы. Общаясь с кем-либо, мы не должны упускать из виду то, что наши высказывания в силу действия механизмов памяти в дальнейшем могут быть искажены собеседником, смысловые оттенки смазаны, оценки преувеличены или изменены до неузнаваемости. Впрочем, даже помня об этом, вряд ли кто-нибудь откажется от удовольствия высказать свои мысли и мнения, иначе общение стало бы слишком бесцветным. Ср., например, замечание о парижском эмигрантском общении в самом начале 30-х годов: "В нашем литературном кругу все всего боятся. Боятся говорить, высказать прямо мысль, суждение о ком-нибудь. Вдруг передадут? Вдруг выйдет сплетня? И от этого говорят только то, что безопасно, т.е. пресно, скучно, обще, никому не нужно, без красок. Все друг друга боятся. Оттого мне кажется, когда мне предстоит вечер в гостях, что я его гублю в какой-то вредоносной для себя тупости" (Г.Кузнецова, Грасский дневник. М., 1995: 132).

Главный урок, который можно извлечь из рассмотренных случаев, состоит в том, что невозможно судить о человеке, его взглядах и чувствах не на основе его подлинных высказываний, а на основе их передачи другим человеком, хотя бы и вполне добросовестным. Как правило, в этом случае передается интерпретация чужих слов, воспринятых через призму собственных комплексов, предрассудков, предубеждений, своего отношения к данному лицу, своего представления о мире, а не сами слова (исключение составляют ситуации, когда человек имеет специальную установку на буквальное сохранение чужой речи). Разумеется, интерпретация чужих слов не всегда связана с искажением их смысла даже при намеренном изменении плана выражения: ср., например, сознательное прояснение смысла реплик собеседника в диалоге в жанре интервью [Кобозева, Лауфер 1994][6].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Молодым читателям может быть неизвестно, что в Советском Союзе существовала только одна партия — коммунистическая, и выражение *член партии* понималось только в одном смысле.

[2] За этот пример благодарю Е.В.Урысон.

[3] О подаче подлинно ассертивного компонента как пресуппозиционного в иных целях, а именно, в целях лингвистической демагогии см. в [Николаева 1988: 157–158], а в целях пропаганды — в [Булыгина. Шмелев 1997: 462]).

[4] Некоторые примеры коммуникативных неудач, порождаемых неверным пониманием иллокутивного намерения говорящего, например, в *почему-* и *зачем-* вопросах, содержатся в [Земская, Ермакова 1993: 49–51].

[5] Об угрозах как речевом акте см. [Вендлер 1985: 247; Wierzbicka 1987: 178, Баранов, Крейдлин 1992: 87–90; Гловинская 1993: 187–188].

[6] Тематические рамки статьи не позволяют остановиться еще на одном механизме искажения смысла высказывания при его передаче. Он связан с неполным восприятием текста, когда у слушающего, из-за его невнимательности или по каким-то другим причинам, в памяти остаются из целого высказывания только отдельные слова. При восстановлении смысла сказанного эти слова играют роль опорных. То, что к ним добавляется, зависит от множества причин — в частности, от представления слушающего (он же интерпретатор) о том, что мог бы сказать на эту тему автор высказывания, а это представление, в свою очередь, обуславливается не только объективным знанием, но и массой субъективных факторов: желанием / нежеланием услышать нечто определенное, эмоциональным отношением к данному лицу, пристрастиями, предубеждениями и т.д. Именно в таких случаях происходят разительные искажения смысла, в том числе с точностью до наоборот. Приведем пример.

Научный руководитель некоего нового словаря, представляя лексикографическую концепцию этого труда, который, как предполагалось, будет опираться на большой корпус текстов, сказал, что иллюстративный материал словаря должен иметь эстетическую ценность и воспитывать вкус читателя. В дальнейшем один из слушателей неоднократно утверждал, что было сказано следующее: "иллюстративный материал словаря должен иметь воспитательное значение".

Впрочем, такие ситуации трудно отличить от сознательного искажения смысла с целью представить автора высказывания в смешном или невыгодном свете. Иногда исходные положения при пересказе сознательно огрубляются для того, чтобы было легче их опровергнуть (например, так обстояло дело с атеистической пропагандой в советское время).

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл — Текст" // Избранные труды, том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР, серия литературы и языка, 1981, № 4.

Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания, 1992, № 3.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Ван Дейк Т.А. и *Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // НЗЛ. М. 1985. Вып. 16.

Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании, М. 1993.

Гловинская М.Я. "Испорченный телефон" как основной способ передачи чужой речи // Русский язык в его функционировании. Тезисы докладов международной конференции. Третьи Шмелевские чтения, 22—24 февраля 1998 г. М. 1998.

Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.

Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания 1983, № 6.

Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике . Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Добжиньская Т. Метафорическое высказывание в прямой и косвенной речи // Теория метафоры. М. 1990.

Ермакова Е.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

Левин Ю.Д. Истина в дискурсе // Семиотика и информатика. Вып. 34, 1995.

Левин Ю.Д. О семиотике искажения истины // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.

Николаева Т.Н. "Лингвистическая демагогия" // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М., 1989.

Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. 1938–1941. Том первый. 1963–1966. Том третий.

Fillmore Ch.J. Pragmatics and Description of Discourse // Pragmatik II. S.Schmidt (ed.). Wilhelm Fink Verlag, Muenchen, 1976.

Raffler-Engel W. The Implications of Hearer Background on the Perception of the Message // Angewandte Soziolinguistik. Tuebingen, 1981.

Wierzbicka A. English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary. Sydney etc., 1987.

Е.И.Голанова
(Москва)

О "МНИМЫХ СЛОЖНЫХ СЛОВАХ"

(развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке)

> Строгое испытание для лингвиста — эти аналитические прилагательные. А ведь, казалось бы, простая вещь.
>
> М.В.Панов

Среди разных типов современных сложных наименований выделяются своей активностью и массовостью образования, лингвистический статус которых не ясен: слово или словосочетание? Например: *авиабилет, авиасервис, автовокзал, автокосметика, бензопила, бензосучкорезка, веломоделист, велокольцо, видеозапись, видеотелефон, горсправка, госансамбль, дискоклуб, дископрограмма, киноафиша, киносценарий, космоинженер, космоснимок, лесопогрузчик, лесопродукты, мотошлем* и др.[1]

Рассматривая этот тип номинаций, А.А.Реформатский назвал их "мнимыми сложными словами" [Реформатский, 1960]. М.В.Панов, развивая идею о том, что такие образования представляют собой словосочетания, состоящие из существительного и "примкнувшего" к нему, неизменяемого определения — "аналитического" прилагательного [Панов, 1960], подробно анализирует новую грамматическую общность, выделяя более десяти групп разных по происхождению "аналит-единиц", объединяемых рядом общих признаков. Главный из них — свободная сочетаемость (сочетаемость с неограниченным рядом существительных, позиционно или семантически обусловленная), что является основным признаком слова [Панов, 1971].

"Лишь только часть слова становится семантически стабильна в сочетании с любой единицей данного типа,— пишет М.В.Панов,— она перестает быть частью слова. Она дорастает до отдельного слова. Так и появляются многие аналит-прилагательные... Разношерстная толпа единиц стала особым и целостным классом. Однако до сих пор немногие решаются признать, что это новый грамматический класс слов" [Панов 1971, 252].

Эта идея, высказанная более тридцати лет назад, была поддержана и развита в ряде исследований (см., например, [РЯСО 1968]), однако в большинстве работ, посвященных сложным наименованиям, аналитические прилагательные не упоминаются. "Для многих все аналитические прилагательные — это "фи!" — слова, неполноценные однодневки. Но день-то оказался долог — и, видимо, будет длиться и длиться" [Панов 1971, 252].

Активное возникновение и функционирование в современном языке сложных номинаций с разными типами таких определителей подтверждает это предвидение. Наиболее употребительны и стабильно частотны аналит-единицы, относящиеся к группам заимствованных основ на гласный (типа *авто, аудио, видео, микро, кино, теле* и под.) и сокращенных основ на согласный (типа *гос, диет, культ, пром, сан, спорт, строй* и др.) [Земская 1992]. Ср., например: "Не разрешайте детям гулять вдоль *автомагистралей*, в *промзонах!* Обращайте внимание на поведение и состояние детей, живущих недалеко от оживленных *автодорог* или вблизи опасных промышленных предприятий. Если вы просто не удовлетворены своим "*авто*" — или "*пром*"-*окружением*, постарайтесь понять, что же это за окружение" (Экология и промышленность России, 1997, № 3).

К классу аналитических прилагательных относится и ряд других единиц, которые тоже весьма активно ведут себя в современном языке: 1) части сложных слов типа *водо-, газо-, лесо-, металло-, нефте-, стекло-, хлебо-;* ср., например: "Производство всех элементов кровли по размерам заказчика в сжатые сроки на современном импортном оборудовании по европейским стандартам, в том числе: цельнолистовая *металлочерепица, гофролист"* (Экстра М, 1997, № 41), ср. там же: *металлопластик, металлорукав, стеклообои, стеклоленты, стеклосетки, стеклоткани* для производства *гидростеклоизола, евроремонт, евровагонка, европол* и т.п.; 2) некоторые иноязычные и русские приставки с четкой стабильной семантикой — *анти, псевдо, сверх, со, супер: суперзамки, суперкнига, суперлотерея, созастройщики, сопроектировщики, соучредители* и т.д.; 3) "кодовые определители" типа *"икс-лучи", "гамма-установка", "СВЧ-печь", L-клуб, ОСП-студия, VIP-сервис, VIP-зал:* "Уже через десять минут Филипп в шляпе и длинном пальто восседал в кожаных креслах *VIP-зала* аэропорта и отвечал на вопросы местных журналистов (АиФ, 1997, № 20)[2]. Последняя группа, выделенная в числе других аналитических прилагательных М.В.Пановым еще в 70-е гг., легко прирастает новыми образованиями, как бы доказывая правоту слов: "Очень сомнительная группа, хотя дьявольски продуктивна" [Панов 1971, 244].

В последние десятилетия (80–90-е гг.) разряд наименований с аналитическими прилагательными активно пополняется. Образуются не только многочисленные номинации с уже известными

аналитами, но, что особенно важно, появляются новые аналитические определители. Среди них становится заметной и высоко частотной разновидность, включающая иноязычные слова и компоненты (части сложных заимствований), например: *Арт-галерея, арт-кафе, бизнес-план, бизнес-ланч, бизнес-проект, бизнес-букет, бизнес-сувениры, бизнес-стиль, видеодайджест, видеоклип, видеоконтроль, видеодомофон, джаз-попурри, джаз-фестиваль, джаз-фолк-рок, дизайн-ателье, дизайн-проект, еврорынок, европосуда, кантри-ансамбль, кантри-шоу, диско-бал, диско-клуб, дискомода, клип-антракт, компакт-диск, компакт-кассета, компьютер-зал, компьютер-холл, мастер-класс, офис-интерьер, офис-дизайн, поп-певец, поп-лексикон, рок-ансамбль, рок-музыкант, ретро-шлягер, ретро-вокал, суперкачество, супердвижение, фитодизайн, фитобукет, фитнес-курс, фитнес-программа, фитнес-класс, шоу-балет, шоу-бизнес, шоу-собака* и т.п.[3].

Вот некоторые примеры из современной публицистики: "И сегодня профессора Московской консерватории часто приглашают за границу вести *мастер-класс*" (Огонек, 1997, № 38); "Сравнение с фирменными дисками этот компакт вполне выдерживает — отпечатан он в Австрии и звучит тепло, мягко и сочно. Во многом благодаря отличной *мастер-фонограмме*" (Экстра М, 05.01.1995); "При всей наивной простоте этих песен, в них есть неплохие мелодии, а с этим в современной *поп-музыке* совсем беда... Наконец-то наступило долгожданное изобилие на рынке отечественных *компакт-дисков*. Однако самым доступным и массовым музыкальным товаром по-прежнему оставалась *компакт-кассета*" (там же).

Еще несколько примеров: "Мелодия" предлагает для знакомства диск "Сделано в джунглях". Это одна из первых отечественных *панк-рок-групп* ...Ну вот и все новости *дискорынка*" (ВМ, 15.12.1991); "Смелое освоение профессий, которым не учился... вот примета времени... Дерзания литераторов на ниве балета, *рок-музыкантов* — в области *кинорежиссуры*" (Культура, 11.09.1997); "Случилось так, что один из первых узоров в символичную мозаику нового времени заложили... проворные и деятельные *шоу-бизнесмены* да артистическая богема" (МКБ, 1997, № 20); "Свято чтя электоральные традиции демократии, многие институты (включая *поп-газеты* и журналы) определяют пристрастия публики согласно ее опросу" (там же).

Большинство подобных образований воспринимаются как чистые заимствования, появившиеся вместе с новыми понятиями и реалиями современной жизни. Ср., например, серии наименований, связанных с популярной в молодежной среде музыкой, с "ключевыми" словами "диско", "кантри", "поп", "рок", "фолк" и т.п., где англо-американский источник очевиден. Однако во многих случаях идут параллельные репродуктивные процессы и в самом русском языке, с ориентированием на иноязычные струк-

турные образцы или с прямым использованием заимствованных компонентов[4]. Поэтому иногда трудно безоговорочно решить вопрос: перед нами заимствование или номинативная единица, созданная на русской почве? "Обе эти возможности могут совпадать, и именно такие случаи теоретически наиболее интересны" [Панов 1962, 39].

Приведем некоторые примеры. Так, номинация "ток-шоу" представляет явное заимствование последних лет, не зафиксированное словарями современного языка: "Урмас ОТТ открыл для советского телевидения целое направление *ток-шоу*" (Комс. пр., 22.04.1995); "О тонкостях профессии расскажут гости *ток-шоу* Артура Крупенина — сибирские газовики" (Телепрограмма, 23.09.1997); "Я сама" — отныне не только *ток-шоу,* но и новый журнал для женщин" (ТВ Парк, 18.08.1997).

Этот образец дал начало целому ряду названий разнообразных телевизионных "представлений"[5]: *"Маски-шоу", "Магик-шоу", "Мускул-шоу", "Теле-шоу", "Супер-шоу", "Шарман-шоу"; "Аэробика-шоу", "Детектив-шоу", "Джентельмен-шоу", "Довгань-шоу", "Дог-шоу"* и др. (Программа телевидения, ноябрь-декабрь 1994; октябрь 1997).

По всей видимости, эти (и им подобные) наименования возникают уже на русской почве и представляют сложные номинативные единицы, первая часть которых служит определением-уточнителем, сообщающим, какое именно "шоу" увидит зритель. Эти примеры близки к типу аналитических прилагательных, которые носят название "кодовые определители" ("СВЧ-печь" "L-клуб", "Атластур", "Эльф-спорт" и т.п.), так как семантика таких имен в большинстве случаев затемнена, размыта.

Примеры другого ряда, но также иллюстрирующие активность образований с новыми заимствованными элементами: "Цель проекта — создание в российской столице международного аэропорта для *авиаперевозок бизнес-класса.* В его состав войдут международный торговый центр "Тушино-маркет", международный *бизнес-парк*... (Экстра М, 1995, № 20). "Тайга"... это изящный ресторан с легким интерьером... Днем клиенты отдают предпочтение "Тайге" для проведения деловых встреч (*бизнес-ланч*)" (Ваш досуг, 1997, № 26); "Туристическое агентство предлагает шоп-туры, бизнес-туры... детские туры на каникулы" (Экстра М, 1995, № 20); "Рекламное агентство "Экспресс-принт" предлагает полиграфические услуги" (Рекламно-информационный еженедельник "Экспресс-реклама", 1994, № 45); "Экспресс-реклама АиФ для вас" (АиФ, 1997, № 41); "Водители междугородных и международных грузовых перевозок не откажутся перекусить быстро, вкусно и недорого в экспресс-кафе" (Мир и Дом, 1997, № 1); "Новый дом на Новом Арбате. Дизайн-проект... планировка, отделка, индивидуальный стиль разрабатывается непосредственно для каждого покупателя... Какой

облик хотите придать своему жилищу — это решаете Вы, а специалист *фитодизайнер* поможет воплотить Ваши мысли в реальность (там же); "Вы пользуетесь всей гаммой целительных процедур. Это и открытый термальный бассейн, *фитнес-центр с биосауной...*" (там же); "Известный специалист по "*фитнес-программам*" придумал серию простых упражнений, которые можно выполнять дома, в офисе, даже по пути на работу" (Ваш досуг, 1997, № 26); "Кассета для тех, кто живет в напряженном рабочем ритме... очень удобный и простой *фитнес-курс*, который можно легко приспособить к Вашему стилю жизни" (там же). "Оздоровительный комплекс МЭИ предлагает бассейн, тренажерный зал, подводное плавание, *фитнес-класс*" (Ваш досуг, 1997, № 31).

Все эти примеры говорят об активном освоении иноязычных компонентов и включении их в круг русских строительных единиц, в русский номинативный процесс. Факт существования тождественных (или "универсальных") моделей в разных европейских языках свидетельствует о некоторых общих языковых процессах, которым способствуют и многие экстралингвистические факторы.[6] Так, разнообразные международные контакты (деловые, научные, культурные связи), свободное общение соотечественников из разных стран, активное изучение иностранных языков, распространение глобальной сети "интернет", наконец,— все это создает благоприятную почву для актуальных заимствований и интернационализации словаря [см. также Крысин 1996].

Эти экстралингвистические факторы усиливают некоторые внутриязыковые процессы, к которым относится укрепление и развитие класса аналитических прилагательных. Можно привести еще один яркий пример взаимосвязи языковых процессов и внеязыковой действительности наших дней: появление серии актуальных терминов и наименований (связанных с компьютеризацией и развитием глобальной информационной инфраструктуры), образованных при помощи интернациональных компонентов, в русском языке получающих статус аналитических прилагательных: "Последние два года истории компьютерного мира прошли под знаком Internet. Эта всемирная компьютерная сеть... стала явлением мирового порядка, которое затрагивает и даже реформирует основы нынешнего общества... Наиболее популярное приложение — *Всемирная паутина* — (World Wide Web) — быстро растущее и удобное средство для электронных публикаций и торговли" (Научный парк, 1997, № 1); "Поисковые службы регистрируют от ста до трехсот сайтов (*WWW-страниц*) за сутки" (там же); "На практике нужен сервер с конкретными характеристиками, который хорошо работает именно с Internet, и прежде всего с World Wide Web. Желательно, чтобы в комплекте поставки были... *WWW-сервер*, набор авторских средств для создания *Web-страниц*" (Компьютерный еженедельник "Софт-Маркет", 1997, 8–9 март); "В основе *Web-техноло-*

гий лежит концепция клиент/сервер... Через отдельную локальную сеть к этим машинам подключен компьютер с программой — "*Web-мастером*", которая координирует действия клиентов" (там же); "Каждое *Web-соединение* представляет собой целый набор независимых, скрытых соединений" (Сети. Глобальные сети и средства телекоммуникации, 1996, № 11).

Термины типа "Web-страницы", "WWW-страницы", "Web-технологии", "Internet-услуги" и т.п. стали сразу широко использоваться в русской периодике, связанной с этой новой областью. Вот еще ряд примеров: "Можно воспользоваться несовершенствами коммуникационных протоколов и ознакомиться с содержанием электронных *Internet-писем*... Теперь, когда мы обсудили с технической точки зрения, как обеспечивать бесперебойные *Internet-услуги,* давайте зададимся вопросом, а кто, собственно, нуждается в таких услугах?" (там же); "Сетевые Файловые Услуги (network file services — NFS) — наиболее часто применяемая сетевая файловая система... Однако, если для ускорения применяется *кэширование*, то данные в *кэш-памяти* будут потеряны" (там же); "При последующих запросах к этим страницам обращение производится к их копиям на диске (локальном *кэше*)... Ценность *кэширования* как технологии сбережения ресурсов не вызывает сомнения, однако проблемы прав собственности и учета пользователей нельзя игнорировать. Тем владельцам *Web-узлов,* которым необходимо знать о каждом доступе, возможно, следует добавлять специальную директиву "no cache" к служебной информации, посылаемой с каждой страницей... Когда содержимое документа изменяется, *кэш-менеджер* сервера Story Server переименовывает *кэшированную* версию" (Сети..., 1997, № 3).

Приведенные примеры красноречиво говорят о том, что получившая широкое распространение новая сфера человеческой деятельности активно создает свою терминологию (на англо-американской основе), которая приобретает интернациональный характер, одновременно распространяясь в разных европейских языках. В русском языке, как уже было показано, возможны и прямые заимствования многих терминов, и их словообразовательное, орфографическое переосмысление, транслитерация, калькирование.

Быстрое и легкое восприятие нашим языком подобных наименований объясняется во многом тем, что большинство из них построено по известной и в русском языке модели, представляющей сложные номинации, в состав которых входит аналитическое прилагательное.

Итак, язык убедительно свидетельствует, что возник особый грамматический класс, в который "стекаются самые разнообразные по происхождению единицы... Однако в новой грамматической общности, в новой семье их не попрекают происхождением: неважно, откуда они. Важно — где". [Панов 1971, 240].

Действительно, все подобные неизменяемые единицы, выполняя функцию определителей при существительных и выражая свою прилагательность аналитически — примыканием, имеют ряд общих черт,[7] начиная с фиксированного положения в структуре сложного наименования. Для большинства — это постоянная препозиция (см. рассмотренный выше материал[8]), что тоже косвенно доказывает прилагательность, которая особенно четко выступает при использовании их параллельно с однокоренными обычными прилагательными в одном тексте,[9] например: "Современная магистраль нуждается в современных автозаправочных станциях... ей необходимы стоянки для кратковременного отдыха, рядом с которыми расположены *сервис-комплексы,* магазины, кафе... Территория, которую занимает *сервисный центр* со всеми службами, не превышает 100х100" (Мир и Дом, 1997, № 1). "Музыкальная программа: приглашенные *блюз-группы*... большой выбор пива, тигровые креветки, муз. программа: выступления приглашенных *блюзовых групп*" (Ваш досуг, 1997, № 26); "Молодые люди, приятные во всех отношениях, объявили бой *масс-культуре*... Участники движения в высшей степени отрицательно относятся к *массовой культуре* как таковой" (Итоги, 1997, № 42).

Эти примеры достаточно показательны. Класс аналитических прилагательных в наши дни развивается и укрепляется, о чем свидетельствует и новый тип аналитов (преимущественно иноязычного происхождения), рассмотренный выше. Такие единицы широко используются в сложных номинациях, которые активно функционируют в разных сферах современной речевой практики. Естественно, что именно номинации с различными уточнителями актуальны для обозначения некоторых новых явлений (или их новых сторон, новых видов и разновидностей), например, в сфере досуга, спорта, отдыха, деловых контактов, устройства быта, жилища, рабочего места и т.п. Распространению новых номинаций, как и новых реалий, активно способствуют современная публицистика и другие средства массовой информации, широко использующие их в названиях газетных рубрик, радио-и телепередач, во всевозможных объявлениях и материалах рекламы.

Время показало, что процесс развития класса аналитических прилагательных активно продолжается. И если в 60-е гг. во многом это были "факты скорее речевого плана", то в наши дни, по-видимому, можно уже говорить о "фактах языка".

СОКРАЩЕНИЯ

ВМ — Вечерняя Москва
Комс. пр.— Комсомольская правда
МКБ — "МК"-бульвар (Московский комсомолец-бульвар)
НСМ — Новое в русской лексике. Словарные материалы.
РЯСО — "Русский язык и советское общество". М., 1968.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Этот алфавитный перечень легко продолжить [см., например: Н.З.Котелова. "Банк русских неологизмов" в кн. "Новые слова и словари новых слов", Л., 1983].

[2] Даже не зная точного значения аббревиатуры VIP ("особо важные персоны") или ОСП ("отдел сумасшедших проектов"), можно понять общий смысл номинаций: "какой-то зал", "какая-то студия". Такие "кодовые" определители в наше время активно используются в некоторых сферах речи, например, для названий современных художественных выставок, галерей, клубов и т.п.

[3] Подавляющее большинство этих наименований отсутствует в современных словарях русского языка, лишь некоторые из них приводятся в выпусках НСМ (например, с аналит-прилагательным *диско*, см. подробнее об этой группе в [Земская 1992]).

Написание рассматриваемых номинаций свидетельствует об орфографическом разнобое в текстах современной публицистики, что во многом объясняется новизной и спорным статусом этих единиц. А.А.Реформатский в статье "Дефис и его употребление" предлагал учитывать следующее: "Во всех случаях, когда надо соединить в одно целое два слова или два иных элемента для обозначения одного объекта, может быть употреблен дефис" [Реформатский 1964, 147].

[4] Ср.: "В целом русский язык оказывается сейчас не просто терпимым, но именно восприимчивым к любым новообразованиям по иноязычным... моделям" [Костомаров 1994, 184].

[5] Ср.: "Существительное "шоу" происходит от глагола "to show" — показывать. На профессиональном языке радио и телевидения слово обрело новые синонимы — показ, программа, рубрика... Но прежде всего, это — разнообразные телевизионные представления. Шоу различаются по жанровому признаку. Есть музыкальные, политические, ковбойские, чисто информационные... Объединяет шоу ведущий" [Зубков 1970].

[6] Сопоставляя факты русского языка с иноязычными, исследователи подчеркивают однородность наших сложных наименований с неизменяемыми прилагательными и английских сочетаний типа stone wall, немецких сочетаний типа Steinpflaster [Панов 1971].

[7] Детальная характеристика признаков, которые дают основание считать подобные единицы словами, дана в работах [РЯСО 1968; Панов 1971]. Рассмотренный новый материал подтверждает эти положения.

[8] Примеров постпозиции немного, и они сокращаются. Так, сейчас широко используются номинации "*гала*-концерт", "*гала*-представление" (даже "*гала*-обед" и под.), хотя в 60-е гг. исследователи отмечали постпозицию — "концерт-*гала*", "соус *томат*", ср. современное название — "*томат*-паста" и т.п.

[9] Именно характер функционирования является веским доказательством, что эти единицы — части словосочетаний, ср.: "Они ведут себя подобно обычным относительным прилагательным, способным выражать разные виды отношений в сочетании с существительными" [Земская 1992, 60].

ЛИТЕРАТУРА

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

Зубков Г. Глядя прямо в глаза. М., 1970.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.

Новое в русской лексике. Словарные материалы — 81. М., 1986.

Новые слова и словари новых слов. Л., 1983.

Панов М.В. О частях речи в русском языке // НДВШ Фил. науки, 1960, № 1.

Панов М.В. Проспект "Русский язык и советское общество", Алма-Ата, 1962.

Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.

Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1960.

Реформатский А.А. Дефис и его употребление // О современной русской орфографии. М., 1964.

Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

В.Е.Гольдин
(Саратов)

ЗАМЕТКИ О ЧАСТИЦЕ "ВОТ"

Частица "вот" — одна из наиболее употребительных лексических единиц литературно-разговорной речи, диалектной, просторечия. В ранжированных по частоте списках словоформ ее место наряду с отрицанием "не", важнейшими предлогами и союзами — в первом десятке словоформ, тогда как встречаемость "вот" в кодифицированной русской речи значительно ниже [1, 2, 14]. Конситуативность разговорной речи, ориентированность на реальных собеседников, специфические принципы ее развертывания и управления ее пониманием [3] обусловливают большую функциональную нагрузку указательных частиц в непосредственном устном непринужденном общении и, как следствие,— значительные трудности, возникающие при описании их содержания и употребления. Достаточно сравнить между собой посвященные "вот" статьи однотипных словарей, построенных на близком, соотносительном или тождественном материале, чтобы обнаружить в них не только разную степень детализации содержания частицы, неодинаково проведенные границы между значениями и употреблением, но и разные представления о связи основного и производного ее значений, о структуре исходного значения.

Как считает Т.М.Николаева, значение частицы поддается формулировке в общем виде, хотя и с некоторой натяжкой, обычной в лексикографической практике. "Это инвариантное значение как бы пронизывает всю систему употребления слова с частицей, создавая сложную систему смысловых переходов" [4, с, 23]. Речь идет здесь, однако, не об инвариантном значении той или иной частицы в целом как единицы словаря, а, по-видимому, о значении в каждом из многочисленных ее типовых употреблений, наиболее детальный и многосторонний анализ которых осуществлен в цитируемой монографии. Вместе с тем представляются небесполезными попытки выявления инвариантных компонентов функционирования частицы как единого слова с учетом, конечно, возможности нейтрализации или "зачеркивания" отдельных компонентов в конкретных текстовых, речеактовых, фразовых, конситуативных условиях. В этом плане правомерен в ряду других вопрос о том, входит

ли анафорический компонент в основное, исходное значение частицы "вот".

Если для некоторых демонстративов в качестве основной функции и первого значения словари, как известно, указывают анафорическую (см., например, статьи "он", "она", "оно", "они" в МАС), то в толковании частицы "вот" на первый план обычно выдвигают функцию прямого указания. Такое решение кажется небесспорным.

В языке, по мнению К.Бюлера, существует единое указательное поле. Функция "указательного пальца" и его речевых заместителей как средств наглядной демонстрации "никогда не исчезает полностью и не вытесняется, даже в таком наиболее примечательном и типично языковом способе указания, каким является анафора" [5, с. 75]. Различая дейксис наглядный, дейксис анафорический и "дейксис к воображаемому", Бюлер считает анафору производным, вторичным явлением в указательном поле языка, но выступает против сведения ее к наглядному дейксису, так как наглядный дейксис отсылает к внеязыковым сущностям, а анафора маркирует фрагменты и позиции речевого континуума: "Она позволяет не в ущерб общей перспективе всячески вторгаться в текст и в больших или малых циклах извлекать из всего заключенного в них материала то, что уже имело место, или учитывать то, что происходит впервые, связав это с только что названным" [5, с. 357]. Направление "анафорических стрел", отсылок к предшествующему или последующему, не меняет, с точки зрения Бюлера, анафорической природы явления. Присоединяясь к исследователям, подчеркивающим, как и Бюлер, тесную связь между дейксисом и анафорой [4, 6 и др.], мы полагаем, что анафорический компонент потому является одним из стержней, скрепляющих единство употреблений указательной частицы "вот", что он содержится в основном, исходном ее значении в качестве инвариантного. Главной позицией, позволяющей проверить истинность такого утверждения, является, на наш взгляд, позиция ударного "Вот", образующего самостоятельное высказывание с функцией "наглядного" (прямого) дейксиса. Допустим, некто, о ком, как нам кажется, мы ничего не знаем, неожиданно протягивает нам какой-то предмет, например гвоздь, и говорит: "Вот". Можно ли считать акт дейксиса совершившимся? Видимо, нет. Инициативная реплика "Вот" понятна, когда мы ожидаем неких речевых или неречевых событий, имеем в сознании их образ и потому способны их идентифицировать. Если же в своей информационной базе, основанной прежде всего на предыдущем речевом общении, соотнесенной с речевым контекстом в узком и широком смысле слова, нам не удается обнаружить соответствующих знаний и ожиданий, то остается только предполагать, что говорящий принял нас за кого-то другого, действительно обладающего такими знаниями и ожиданиями, либо испорчена

наша информационная база (произошло забывание), либо имеет место инверсия: выдержав паузу, говорящий дополнит необходимые контекстные условия понимания дейксиса. Без этого мы вообще не определим, на что именно указывает говорящий: на наличие данного предмета, на какие-то из его особенностей или на что-то совсем другое. Ср. такие, например, варианты развертывания текста: 1) "Вот. Больше ничего не осталось. А мы-то надеялись, что..." 2) "Вот. Все уже ржавое. Видите, какая сырость? Напрасно Вы согласились..." 3) "Вот! Разве такие нужны гвозди! Я предупреждал..."

Само по себе "Вот" даже в сопровождении указательных жестов и при наличии легко воспринимаемых органами чувств явлений в том месте и в то время, когда и где находятся адресант и адресат, не в состоянии выделить эти явления: для выделения необходима опора на некоторое когнитивное образование (антецедент) и в конечном счете на определенный речевой акт в прошлом. Правостороннее развертывание текста обычно выявляет эту опору или более или менее конкретно отсылает к ней. Таким образом, инициативное высказывание "Вот" предполагает в общем смысле идентичность данного акта речи некоторому другому, что, по Вейнрейху, показательно именно для анафоры [7, с. 177]. Наряду с тем, что называют прямым дейксисом, "Вот" включает отсылочное действие в качестве необходимой стороны указания, реализуется в анафорических отношениях и с учетом специфики соотношения разновидностей указания может описываться средствами моделей, разработанных для экспликации анафоры, например модели О.Ю.Богуславской и И.А.Муравьевой [8].

В аспекте проблем теории разговорной речи интересно, что собственно указательное функционирование частицы "вот" требует "вторжения в текст" и связывания того, "что уже имело место", с новым и нового с "только что названным". Высказывания, построенные казалось бы на основе самого прямого, почти не осложненного квалификативными компонентами, какие имеют место в содержании других русских демонстративов, указания на элементы предметного окружения, обнаруживают сущностную связь с предшествующим контекстом и, безусловно, с символическим полем языка. Это позволяет, по-видимому, говорить о зависимости наглядного дейксиса от анафоры не в меньшей степени, чем анафоры от дейксиса.

При включении отсылочного компонента в толкование основного значения частицы "вот" с последним закономерно связываются (мотивируются им) многие вторичные значения и употребления частицы, в том числе особенно характерные для принципиально устного неподготовленного непосредственного непринужденного диалогического общения. Таково, например, указание на завершенность (достижение целостности) сообщения, содержащегося в

предшествующем ударному "Вот" фрагменте речи самого адресанта:

(1) Она через год поехала туда / они там расписались / и она там осела // Все // Вот // — [13, с. 80].

Вариантом такого употребления частицы являются нередкие именно в разговорной речи случаи, когда к смысловому блоку, отмеченному завершающим "Вот //", говорящий присоединяет еще один блок, продолжающий ту же тему, так что значение завершенности трансформируется в показатель относительной завершенности и делимитации:

(2) И здесь он оставил эту Наденьку / свою любимую женщину / с которой у них был такой брак / н... неоформленный / (пауза) вот // Она очень быстро поняла / что надо быстро ехать / потому что Андрюша и жениться может / — [13, с. 80].

Ослабление самостоятельности завершающего "Вот //" закономерно мотивирует использование частицы для выделения, подчеркивания отдельных частей высказывания, а через эту ступень ведет к другим, более частным и семантически конкретным функциям частицы. См. [11, 12].

Если высказывание "Вот //" относится к непосредственно предшествующему ему фрагменту речи собеседника или к собственному высказыванию как чужому, наблюдаемому со стороны, то в качестве релятива метатекстовой направленности оно побуждает обратить внимание на предшествующую речь и соединяет со значением экзистенции (демонстрируется то, что имеется "в пространстве, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя" [9, с. 15]) разнообразные реакции говорящего на высказывание: от простого выделения, подчеркивания до выражения связанных с ним одобрения, неодобрения, удивления, досады и под. Не останавливаясь на широко известных и неоднократно обсуждавшихся реализациях этой функции, отметим еще одно из ее проявлений. Вот типичный пример:

(3) (Разговор в магазинной очереди. Тема — почему люди не выходят из партии. Г. реагирует на высказывание В. "Ну выйди ты из нее / хоть не... не будь ты подстилкой / как это вот... не будь ты подстилкой / под этой вот... под этой шавкой!")

Г. Не подстилкой / а содержать / а содержать аппарат //
В. да / содержать //
Г. Вот / а не подстилкой/ — [13, с. 110].

"Да" и "Вот" в этом и подобных случаях не тождественны по функции: "Да" подтверждает истинность высказывания, а "Вот" — правильность речевого действия. В приведенном примере В. соглашается с мыслью Г., а Г. подтверждает, что именно так следует

говорить. Различием функций обусловлено то, что не во всех контекстах релятивы "Да" и "Вот" взаимозаменяемы: на собственно-вопросительное высказывание "Вы его видели?" возможен ответ "Да" и мало вероятна реакция "Вот", а констатирующе-вопросительное "Стало быть, вы его видели?" с большей вероятностью предполагает в качестве ответов как "Да", так и "Вот", но "Да" подтвердит высказанное предположение, тогда как "Вот" отметит правильность самого речевого хода или логической операции, результатом которой явилось данное высказывание: Вы правильно мыслите, вы догадливы, именно такой вопрос следовало задать, наконец-то Вы сделали то, что нужно, и т.п.

По-видимому не синонимичны "да", "да да" и "вот", "вот вот" и в следующих фрагментах беседы диалектолога Д. с носителями диалекта (здесь и далее примеры диалектного употребления частицы приводятся по материалам текстового корпуса мегорского говора Вытегорского района Вологодской обл. и помечаются "МВ"; корпус ведется в Саратовском государственном университете):

(4) а. Б. Я грю / Боря / кода ты будешь стареть? // Он говорит / при хорошей жены никода муж не старает (смеется) //
Д. Это он лучше меня ответил / надо мне выучить / да //
Б. Вот / выучите // — МВ.

б. Д. Прямо / что / солому берут / и прямо сверху этих снопов накладывают? / да? //
А. Да да / вот вот / на этот на стог нак(ладывают) // — МВ.

в. Б. Мне Вера-то сказала / я грю это была Людмила... нет... как это... вот... (припоминает отчество)
Д. (подсказывает) Владимировна //
Б. Вот / Людмила Владимировна / она // — МВ.

Фрагменты 4б и 4в интересны явной двуплановостью их содержания. "Да да" в 4б относится к обсуждаемой технологии укладки снопов, а "вот вот" — к степени понимания дела собеседником. Знатоки, мастера, учителя часто отмечают посредством "вот вот" удачные действия своих учеников. В диалоге 4в обсуждается, с одной стороны, кто именно приехал (Людмила Владимировна / она), с другой стороны,— правильность номинации приехавшей (Вот / Людмила Владимировна).

Разновидностью данной, безусловно, анафорической по своей природе функции является отмеченное Б.А.Лариным в "Детстве" М.Горького выделение с помощью "вот" повторяемой части сказанного, своеобразного цитирования: "Эх вы-и! «Скакаше, играя веселыми ногами», а далеко доскачете? Вот — далеко ли?" [10, с. 293].

Как отсылочное можно, думается, трактовать и такое чрезвычайно важное в организации разговорного общения использование частицы "вот" с ослабленным фразовым ударением, когда она

сопровождает хезитацию и временно замещает в речи (одна или в составе устойчивых комплексов) языковые единицы, выражения в процессе их построения или припоминания (см. в 4в: "я грю это была Людмила... нет как это... вот..." — "Владимировна"). Эти единицы, выражения представляются как бы уже существующими в том смысле, что контекстуально и посредством "вот" определены их место в речи и общая функция,— определены настолько, что слушатель нередко успешно участвует в процессе припоминания или внешнего оформления данных единиц, воспринимая такое "вот" в качестве отсылки к неким ментальным образованиям, требующим "здесь и сейчас" своего словесного воплощения. Во всяком случае слушатель подготавливается к их появлению, достаточно точно настраивается на них. Ср.:

(5) При этом она какие-то легенды рассказывает / как она на этой даче трудилась раньше / (пауза) понимаешь // Ну и вообще лозунг такой / что вот э-э... «Как токо не стало папы / дача под угрозой / дом должен упасть / что-то еще там» // — [13, с. 83].

Едва ли можно согласиться с тем, что значение частицы "вот", как иногда считают, сводится в позиции хезитации лишь к предупреждению перебивов и созданию у говорящего дополнительного резерва времени. Экзистенциальный и анафорический компоненты содержания частицы здесь не утрачиваются: частица "вот" отсылает к существующему, хотя и в самой общей форме, контекстно обусловленному смыслу, а в сочетании с анафорическими местоимениями она определяет и конкретнее, на более высоком уровне кодирования категориальные признаки замещаемого фрагмента речи:

(6) и потом вот эту / репу / опять тоже / таким же образом / кладыва'ют / вот в эту / в печку тоже парят / и вот // — МВ.

Семиотическая фундаментальность, исходность инвариантных компонентов содержания частицы "вот" в сочетании с ее неграмматикализованностью обусловливают, с одной стороны, чрезвычайную широту и многообразие ее вхождений в устную разговорную речь, с другой стороны,— высокий уровень типизации и фразеологизации ее употреблений, так что в качестве параметров описания приходится использовать отношение частицы к типу общения, дискурсу, тексту, речевому акту и его компонентам, к высказыванию и его составляющим, к этапам порождения и восприятия речи, к собственно языковой семантике и знанию, к информационным базам общающихся, к таким речевым и языковым признакам, как линейная позиция, связь с левым и правым окружением, фразовое выделение, ударность или безударность, интонационные модели, сочетаемость и т.д. Целостное описание частицы "вот" невозможно осуществить в кратких заметках, это предмет отдельной работы. Важно подчеркнуть, что такая работа должна опирать-

ся в первую очередь на данные разговорной речи, просторечия, диалектов, то есть на речевые материалы тех коммуникативных типов, которые образуют основную среду функционирования частицы "вот". Диалектный материал особенно ценен, поскольку именно диалектной речью наиболее полно и системно реализуется тот тип отражения внеязыковой реальности, который следует принципу совмещения в речи ситуации-темы с ситуацией текущего общения, а этим существенно увеличивается потребность в языковых средствах указания, отсылки и синхронизации речевых картин (см. [14]). Частица "вот" одно из наиболее специализированных средств этого рода.

Рассмотрение текстовых данных даже одного только мегорского говора Вытегорского района Вологодской обл. (см. о нем [15]) позволяет делать интересные наблюдения. Существенно, что основные функции частицы "вот" в литературно-разговорной и диалектной мегорской речи — одни и те же. Это прежде всего отсылки к введенным ранее ситуациям и к вводимым новым, а также указание на объекты, находящиеся или воображаемые как находящиеся в сфере восприятия, это и вторичные функции выделительной, оценочной, связывающей и разграничительной направленности. Сверхвысокая относительная частота "вот" в диалектной речи обусловлена не особым набором значений частицы, а состоянием среды ее функционирования, специфическими речевыми потребностями общения на диалекте. Так, выражение сочинительных отношений (присоединение, соединение, сопоставление), как известно, решительно преобладает в диалектной речи над выражением причинно-следственных, условных и других отношений подчинительного характера, и частица "вот" оказывается одним из важнейших средств оформления этих актуальных для диалектной речи связей. Как во многих других говорах, в мегорском говоре распространены делимитативные частицы "дак", "да и", "дак ну", "да" и др., и частица "вот" не только активно используется в делимитативной функции, но нередко выступает при этом в сочетаниях с другими делимитативными частицами, см., например:

[7] а. а раньше / пекли вот ведь вишь / как / бело пе... пекем / так / на дрожжах / вот / на молочки / ростворяем / и / называется это пышки да вот // и чим-ни (чем-нибудь) наливаем тамо // иногда ведь есть вот / толокно дак / по-старому-то дак и // — МВ.

б. присвоили разряд крановщика башенных и вот этых.. козловых кранов // там в Понизовье-то у нас есте на площадке-то дак вот // и на таком могу работать //

Высокая активность частицы "вот" в литературно-разговорной речи и диалектной, как показывают наблюдения, связана с самой сущностью этих идиомов и нуждается в дальнейшем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прокуровская Н.А.* Незнаменательная лексика // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов, 1983.
2. Частотный словарь современного русского языка. Под. ред. Леннарта Леннгрена. Упсала, 1993.
3. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. Изд-во "Наука". М., 1981.
4. *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). Изд-во "Наука". М., 1985.
5. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. Изд-во "Прогресс". М.,. 1993.
6. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений. Изд-во "Наука". М., 1974.
7. *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Изд-во "Прогресс". М., 1970. Вып. 5.
8. *Богуславская О.Ю., Муравьева И.А.* Механизмы анафорической номинации // Моделирование языковой действительности в интеллектуальных системах. Изд-во "Наука". М., 1987.
9. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28.
10. Словарь автобиографической трилогии М.Горького. Изд-во ЛГУ. Л., 1974. Вып. 1.
11. *Шапиро А.Б.* Очерки по синтаксису русских народных говоров: строение предложения. Изд-во Академии наук СССР. М., 1953.
12. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Изд-во Академии наук СССР. М., 1960.
13. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
14. *Гольдин В.Е.* Машиннообрабатываемые корпусы диалектных текстов и проблема типологии русской речи // Русистика сегодня. М., 1995, № 3.
15. *Гольдин В.Е.* Диалектологический текстовый машинный фонд говора и исследование диалектных изменений // Современные процессы в русских народных говорах. Саратов, 1991.

В.П.Григорьев
(Москва)

"ХЛЕБНИКОВ ШУТИТ...". I. HOMO LUDENS

Пространство, ты исчезнешь, точно юс.
Не знаю, плачу иль смеюсь.

Мешай дело с бездельем: с ума не сойдешь

"Смеховой мир" Древней Руси или мифология (архаического) смеха у нас изучены куда более детально, чем смех в литературе XX века[1]. Для нового времени внимание сосредоточивалось преимущественно на классике XIX века[2], а "речевые приемы комического"[3] в течение нескольких приснопамятных десятилетий изучались в изоляции от наследия ряда крупнейших русских поэтов Серебряного века. Почти единственное исключение — "лучший и талантливейший", действительно замечательный мастер "насмешливого смеха" (по классификации Проппа[4]). О Хлебникове, идеологически терпимом лишь в качестве какого-то своеобразного спарринг-партнера Маяковского, т.е. "мальчика для битья", нечего и говорить[5].

Сам, конечно, того не желая, Маяковский как дипломированный официозной филологией безусловный "хорошист" подавлял и "смеховой мир" Хлебникова. Причем не только, скажем, своей "Схемой смеха" — известнейшее "Заклятие смехом" (в котором у него *смехачи* ассоциировались с "силачами", *смейево* [вариант: *смеево*] — более произвольно со "страной смеха"; отмечались и "хитрые *смеюнчики*"). Не пытаясь "крохотным очерком" — некрологом "очертить всего Хлебникова", Маяковский предложил все-таки несколько общих утверждений, упрощенно схематизирующих Будетлянина. Он неоспоримо свидетельствовал о нем как "остроумнейшем поэте", но таком, которого обычным "потребителям" поэзии, как это ни парадоксально, "нельзя читать"[6].

Позиция Маяковского сегодня воспринимается со смешанным чувством. Она отдает и довольно вульгарным примитивизмом лефовского толка. Ценителя Хлебникова может попросту возмутить некоторая толстокожесть "ученика" в его отношении к любимому "поэтическому учителю". Исследователь укрепляется в сомнениях:

насколько глубоко Маяковский понимал все то, что сделал Хлебников в мировой поэзии XX века. Но остается, кроме всего прочего, и ощущение какой-то чрезмерной "серьезности" хлебниковского облика: лишь мимоходом автор упоминает, в связи с перевертнями, о "сознательном штукарстве", тут же оговариваясь, что оно "мало интересовало Хлебникова".

"Штукарство" — да. Но несомненной серьезности грандиозных хлебниковских "осад" (проблем времени, слова, человечества; достойных изощренно-профессионального языка философов и доброй дюжины метаязыков из тех средств познания, которыми располагало пестрое множество современных ему ученых-специалистов) по-своему сопутствовало, видно, совершенно необходимое поэту-философу, и некое *игровое начало.*

Игроком типа Достоевского или Маяковского Хлебникова едва ли можно вообразить. *Игра* не была для него ни всепоглощающей страстью, ни хотя бы азартной привычкой. Вместе с тем образ *Игры* лишь условно стоит выделять из круга важнейших мировоззренческих категорий Будетлянина. А в его содержательном тезаурусе "поле Игра" образует весьма разветвленное и богатое тропеическими преобразованиями множество, отмеченное как в обычном общечеловеческом философском смысле, так и в плане "эстетической гносеологии" или "концентрированного целевого познания" [7].

Пожалуй, сегодня именно эта отнюдь не мнимая "серьезность игры" Хлебникова до известной степени и затрудняет раскрытие природы его "смехового мира". Пытаясь разобраться в существе наследия поэта, исследователи при прочих равных условиях обычно предпочитают анализировать или вводить в научный обиход именно самые "серьезные" из его доступных текстов. В новых условиях, даже если вывернуть наизнанку нелепую оппозицию "благой Маяковский / отчвалый Хлебников", все равно, может, и "горластый", но несомненно яркий смех первого оставляет прежним смутное представление о неких заумных "лингвистических шарадах" второго, его заражении далеким от смеха "теоретизмом" [8], хилости его опытов с игрой слов и о не свойственном ему вообще чувстве юмора.

Задача: исследовать остроумие Будетлянина — небезызвестна [9], но исходную констатацию Мандельштама: "Хлебников шутит — никто не смеется" [10],— кажется, еще никто и не подвергал испытанию ни сомнениями: "Так ли это? Так уж и никто?",— ни вопросами: "Почему это так? Может быть, шутки Хлебникова не из тех, что рассчитаны на приступы и взрывы смеха, как шутки Маяковского?".

Контекст высказывания Мандельштама обширен и заслуживает, как и все многообразие его оценок Хлебникова, специального разговора. Здесь ему не место [11]. Что касается хлебниковских

шуток, то известны два текста (один — соревновательного характера, другой — собственно оценочного), непосредственно демонстрирующих оппозицию Маяковский/Хлебников некоторыми особенностями их юмора.

Первый — полулегендарная история, которую мы приведем по версии, опубликованной Ю.Нагибиным. "Однажды некто из круга Хлебникова, кажется, Крученых, рассказал, что знает командарма, у которого четыре ордена Красного знамени; воин утверждает, что таких, как он, в стране всего семь человек. "Подумаешь,— сказал Маяковский,— таких, как я, всего один, а не хвастаюсь". "А таких, как я,— грустно сказал Хлебников,— и одного нет". Блестящая острота,— добавляет писатель,— но самое невероятное — это правда. Хлебников ... не вмещается в обычные координаты". И т.д.[12].

Такой разговор мог произойти лишь в самом начале 1922 г. в Москве, когда безусловно парадоксальной личности Хлебникова в общем было не до смеха (по множеству причин; и на них здесь не удастся останавливаться). Так что, даже соглашаясь: *блестящая*, приходится задуматься: в самом ли деле перед нами "острота" в обычном смысле слова? (Ср. в "Гибели Атлантиды" реплику Рабыни: Твои остроты, / Жрец, забавны.)

Тем более, что второй из упомянутых текстов — стихотворение этого же времени "Кто?", написанное явно *до* того разрыва с Маяковским, который запечатлен и словом *негодяи* в концовке "Зангези" (впрочем, **не** в авторской речи!)[13],— предлагает нам спокойно-раздумчивую и тоже блестящую формулу для характеристики типичных *острот* "агитатора" и "главаря":

> Бывало, своим голосом играя, как улыбкой,
> Он зажигает спичку острот
> О голенище глупости.[14]

От смеха и шуток раннего Хлебникова Гумилев, как он признавался в "Аполлоне", испытывал "грусть": их слишком много и они, на его взгляд, "всегда некстати", оставляя "впечатление не смеха, а конвульсий"; из-за чего "часто прекрасное стихотворение портится примесью неожиданной и неловкой шутки или еще далеко не продуманными словообразованиями"[15]. Тем не менее Хлебников продолжал шутить вплоть до опровержения слов о самоубийстве Зангези его появлением и репликой: "... Это была неумная шутка",— завершающей сверхповесть. Заметим, что в предшествующей плоскости, в символическом поединке Смеха с Горем именно "Смех падает мертвый..."[16].

Понятно, что критерии поэта, критика и читателя в оценках конкретных "шуток" будут совпадать далеко не во всем. Нет ни жестких лингвоэстетических импликаций, ни духовных категорических императивов, согласно которым тот же Гумилев или экс-

перт наших дней безоговорочно признают достаточно "продуманными" хлебниковских *умночего, вружбу* или *крылышкуя*, а тем более *боженят, бух, времыши, любеса, равнебен* или *скорнение* и захотят увидеть за ними нечто большее, чем "конвульсии".

Между тем сотни хлебниковских неологизмов, существенных для его эстетики, почти всегда обнаруживают в себе, наряду с самыми серьезными семантическими элементами, и семы "невинного смехотворства", а "Ладомир" у него недаром оборудован и *Игрополем*[17]. Возможно, что в 1909 г. сам Гумилев, а также "Аполлон" в целом другими глазами посмотрели бы и на "Зверинец" Хлебникова, не свершись "последняя трагедия Анненского" (связанная с "милой шуточкой" — мистификацией, которую, как известно, разыграли с журналом Волошин и Е.Дмитриева)[18]. Во всяком случае эта трагедия вычеркнула из истории русской поэзии возможность проведения интереснейшего "матча Серебряного века", участники которого — Анненский и Хлебников — уже расставили, можно сказать, фигуры (и тропы) на доске, чтобы начать "игру в отношения", не имевшие аналогов в разнообразных играх и "играх" десятых годов[19].

Как вспоминает Ахматова, Анненский "шел одновременно по стольким дорогам!" и "нес в себе столько нового, что все новаторы оказывались ему сродни..."[20]. Но Анненский скоропостижно скончался 30 ноября 1909 г. ст.ст. Смерть наступила через месяц после выхода в свет первого номера "Аполлона" со стихами пресловутой Черубины вместо "отложенных" (ради нее!) С.Маковским стихов самого Анненского (чем редактор "больно ранил поэта"[21]) и всего через неделю после пародийно-пошлой дуэли Гумилева с Волошиным ("обже" — та же Дмитриева).

Тема "Анненский и Хлебников" не исследована. Сослагательное же наклонение не слишком уместно и в истории литературы. Но "мысленный эксперимент" нужен и ей. Так вот, допустим на минуту, что "мифотворчество" Волошина сразу предпочло другой путь — "близнечный" (на него позднее "Максу", согласно ярким воспоминаниям Цветаевой, так и не удалось ее увлечь[22]).

Маковский и "молодая редакция" "Аполлона" имеют дело не с Черубиной (ср. "маркизу Дэзес"), а с "гениальными близнецами Крюковыми"; температура "сексуальной озабоченности" редакции падает; "работа с авторами" нормализуется; никем не раненный Анненский поддерживает Вяч. Иванова и Кузмина, уже готовых к публикации "Зверинца"; в начале 1910 г., как и было обещано, "Аполлон" печатает Хлебникова; первый "Садок судей" выходит в свет под иным названием и в измененном составе; уже в следующем году под редакцией Анненского осуществляется будущий замысел реальных альманахов "Стрелец" (1915–1916 гг.); новые "книги отражений" отодвигают на второй план пристрастно партийные "Письма о русской поэзии" и "Здравого смысла тартара-

ры" тонкой полемикой с ними; Мандельштам получает авторитетного союзника в раннем осмыслении "самовитого слова"; Анненский, сам искушенный в "игре на гранях языка"[23], легко отделяет источники, глубокий смысл, непривычный образный мир — вообще всю интонацию сплава серьезного и комического в том же "Зверинце" и целостном хлебниковском идиостиле — от того, что другим критикам это главное надолго заслонило: "обойной бумаги", гримас дешевого эпатажа, "коллективных манифестов", наконец, от прямых "партийных" спекуляций на самом имени или творчестве Хлебникова. Что-то истинно чеховское в Анненском-человеке, можно не сомневаться, не позволило бы ему стать в один ряд и с теми, кого увековечил снайперский хлебниковский афоризм времен шумихи в связи с приездом Маринетти в Россию: "Кружева холопства на баранах гостеприимства"...

Можно предположить, что наше допущение имело бы одним из своих следствий и существенные перемены в акцентах, которыми так богаты работы 10-х годов у Чуковского-критика. В 1922-м то году, говоря о футуристах, он, уж наверное, не отказал бы *смехунчикам* в "разуме" и "душе" (Логосе и Психее), искренне, но двусмысленно восторгаясь "Заклятием смехом"; к "высокой" ссылке на "нашего знаменитого лингвиста проф. Бодуэна де Куртенэ", глядишь, прибавил бы, в духе Анненского-классика, зауряд-ссылку на общедоступную с 1914 г. (!) игру метафорами в одностроке — определении "самовитого слова" у Будетлянина: "Слово — пяльцы; Слово — лен; Слово — ткань"[24]; а, бичуя "деланную пламенность" Маяковского, но сочувствуя его боли, автор заметил бы, что сам-то смеется над очень серьезным у Хлебникова, а за игру принимает его *слезы сквозь смех* [25].

В набросках автобиографической повести 1916 г., заслуживающей специального анализа в связи с оппозицией "серьезное / игра"[26], поиски "основного закона времени" представлены в виде сказочной игры в реальной действительности: "Несколько сказок уже отыграно, а мне,— догадывается автор, надеясь на успех,— осталось проиграть несколько сряду ..."[27].

Разумеется, в ином, но чем-то близком смысле мы пытались здесь если не "отыграть", то сделать заявку на полусказочное отношение Анненский — Хлебников. К нашей "игре" мы пришли от замечаний по поводу хлебниковских шуток. С самоуверенностью в гумилевских оценках как будто уже удалось справиться, и к ним не хотелось бы возвращаться. Есть надежда, что догадка о "последней трагедии Анненского" как особенно *личной* трагедии Хлебникова и общей историко-филологической потере XX века не останется незамеченной; здесь, наоборот, хочется полноценной дискуссии[28]. Однако достаточно полного ответа на вопросы, возникающие в связи с замечанием Мандельштама, наша заметка дать еще не может.

Пока остается констатировать, что над шутками Хлебникова "никто не смеется" уже потому, что поэт как бы сам "подставляется": он "смешон" своей необычностью буквально во всем. И своими поисками новой гармонии, пути к которой оказываются с фатальной неизбежностью дисгармоничными, а это касается как серьезных "осад", так и попутных шуток и Игры в целом. И тем "соавторством" с Крученых "под знаменем Бурлюка", на которое его практически обрек самодовольный "Аполлон". И самыми первыми опытами сплава "воображаемой филологии" с "воображаемой историей", что для многих выглядело как нарочитое и странное юродство в дурном смысле слова. Конечно, сказалось и то, что "в функции смеха" у Хлебникова часто выступает *улыбка,* которой в "Ладомире" можно будет и "платить за ужин", и говорить о нормальных "ударах сердца".

Мандельштам обратил внимание и на то, что Хлебников был в высокой степени наделен "чисто пушкинским даром поэтической беседы-болтовни" (см. сн. 10). С обсуждения образа *болтовни,* важного и для Хлебникова-критика, мы собираемся начать новую заметку — продолжение этой: II. Homo ridens.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лихачев Д.С., Панченко А.М.* "Смеховой мир" Древней Руси. Л., 1976; *Карасев Л.В.* Мифология смеха // Вопросы философии, 1991, № 7.

[2] *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М., 1976.

[3] Сошлюсь на раннюю работу нашего юбиляра: *Земская Е.А.* Речевые приемы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. М., 1959.

[4] *Пропп В.Я.* Указ. соч. С. 15 и 16.

[5] Кроме всего прочего, имела значение и давняя традиция критики воспринимать многие из действительно новаторских вещей как "комические по своему заданию". См.: *Харджиев Н., Тренин В.* Поэтическая культура Маяковского. М., 1970. С. 73. Ср., кстати, там же (с. 293) замечание о том, что "нагромождение экзотизмов" в поэме "Ладомир" ("Туда, туда, где Изанаги ... Астарта — туда, туда!") "стоит как бы на грани юмористической поэзии ...", с чем трудно согласиться.

[6] *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1959. С. 25, 26, 28, 23.— В статье "Вас не понимают рабочие и крестьяне" тезис еще усилен: мол, стихи Хлебникова адресованы лишь "производителям" и правомерно "заряжали многочислие поэтов, а сейчас даже академия хочет угробить их изданием как образец классического стиха" (*Там же,* с. 165). Это было написано в 1928 г. в связи с работой Ю.Н. Тынянова и Н.Л. Степанова над пионерским (при всем текстологическом несовершенстве) пятитомником, читатели которого впервые познакомились со многими из лучших произведений поэта.

[7] См. в этой связи: *Злотников Ю.* Актуальность аналитических тенденций авангарда // Русский авангард в кругу европейской культуры. М., 1993. С. 15.

[8] *Винокур Г.* Культура языка. М., 1929. С. 308; *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 253.

[9] См. нашу работу "Словотворчество и смежные проблемы языка поэта" (М., 1986. С. 13 и др.).

[10] *Мандельштам О.* Соч. в 2-х томах. Т. 2. М., 1990. С. 290 (ст. "Буря и натиск", 1923).

[11] См. ряд наших работ о подступах к проблеме "Хлебников и Мандельштам" (в изданиях Института русского языка РАН 1994–1998 годов).

[12] Новый мир, 1983, № 5. С. 254.

[13] *Хлебников В.* Творения. М., 1986. С. 504.

[14] *Там же.* С. 175.— Ранее использованное нами определение "отчвалые" имело целью, в проекции на заглавие "Кто?", напомнить об известных фактах из "Очерков бурсы", а в более широком плане поставить вопрос о поисках источников специфического хлебниковского юмора как особо существенный.

[15] *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии. Пг., 1923. С. 175–177 (отзыв 1914 г.).

[16] *Хлебников В.* Творения. С. 504.— Стоит подумать о мотивах включения этой части в "Зангези". Она была написана еще в июне 1920 г. (через месяц после "Ладомира") и однажды даже публиковалась Н.Степановым как вполне самостоятельная поэма (*Хлебников В.* Избр. стихотворения. М., 1936. С. 232). Мотивом могло послужить то, что "Горе и Смех", персонификации смерти и жизни, как бы впервые подсказали поэту, еще намеком на истинные значения "игры числа и чисел сроков", новый взгляд на "чет и нечет" (Творения, с. 502 и 503) и тем самым открыли путь к "основному закону времени" конца 1920 г.

[17] См. в работе из сн. 9 с. 181–189 и 235–237. Ср. раздел I, 3 в кн.: *Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien-Moskau, 1995.

[18] См.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978 (публ. *А.В.Лаврова, Р.Д.Тименчика*); *Анненский И.* Книги отражений. М., 1979. С. 662–663 (их же публ. и примеч. к письмам С.К.Маковскому); *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. М., 1989.

[19] "Как удивительна судьба Анненского!" — восклицал Мандельштам в статье "О природе слова" (1921–1922), видя "урок" его творчества для русской поэзии во "внутреннем эллинизме, адекватном духе русского языка, так сказать, домашнем эллинизме". ... "Эллинизм — это система в бергсоновском смысле слова, которую человек развертывает вокруг себя, как веер явлений, освобожденных от временной зависимости, соподчиненных внутренней связи через человеческое "я" (*Мандельштам О.* Указ. издание. Т. 2. С. 181–182. Ср. с. 286–287).

[20] *Ахматова А.* Сочинения в 2-х т. Т. 2. Проза. Переводы. М., 1986. С. 202–203. См.: *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Л., 1990. С. 75–100 и особенно 80, 98–99.— Лишь в 1911 г. Гумилев начал постепенно отходить от влияния Брюсова, которое он испытывал начиная с 1905 г. (по Ходасевичу, так до самого конца (с. 114)). "Мировая радость" (Н.Минский) несомненно была ему присуща, но в отличие от "улыбчивого, затейливо-игривого Кузмина", с одной стороны, и хлебниковской "игры с мировой волей" ("Ка") — с другой, Гумилев оказывался как бы чересчур "трезвым". Вспоминают о его любви к игре в "мэтра", в литературное начальство своих "гумилят" (Ходасевич), о "настойчивой негибкости" в восприятии чужого творчества (Маковский) и даже о том, что его природе было предельно чуждо сомнение, "как совершенно, редкостно, чужд был ему и юмор" (А.Левинсон). Цитир. по кн.: Николай Гумилев в воспоминаниях современни-

ков. М., 1990. С. 169, 205, 80, 215 (репринт; оригинал: Париж — Нью-Йорк, Дюссельдорф, 1989 / Ред.-сост., автор предисл. и комментариев — *Вадим Крейд*). С утверждением А.Левинсона справедливо будет сопоставить тезис о том, что "Хлебников во всем своем творчестве — пугающе серьезен", а, ввиду "детского простодушия", и абсолютно чужд иронии! См.: *Ефимов И.* "Юноша" Хлебников и "взрослый" Платонов // Звезда, 1993, № 12. С. 187 и др.

[21] *Анненский И.* Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 18 (вступ. ст. А.В.Федорова).

[22] *Цветаева М.* Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1980. С.207–209 ("Живое о живом").

[23] Здесь переосмыслена цитата из поэмы позднего Заболоцкого "Рубрук в Монголии" (1958).

[24] Формула 1908 г.(!); опубликована в "Творениях" Хлебникова (М. [Херсон], 1914. С. 44) — издании "Первого журнала русских футуристов". См. об этом определении, в частности, в нашей книге "Поэтика слова" (М., 1979. С. 142).

[25] См.: *Чуковский К.И.* Футуристы / Игорь Северянин. Крученых. Вл. [так!] Хлебников. Вас. Каменский. Вл. Маяковский. Пб. [на обложке: Пг.], 1922. С. 50–52, 56; 22; 79–82 и др.— Выражение *слезы сквозь смех*, кажется, "ни у кого не украдено и в то же время не свое". К случаю, напомним оговорку <Сципиона> в его очаровательном диалоге с Ганнибалом (о теориях Дарвина и Маркса) из сверхповести "Дети Выдры" (1911–1913; Творения, с. 452): "(образ взят)".— Конечно, наши "упреки" Чуковскому, если они справедливы, тем более адресованы ОПОЯЗу и МЛК.

[26] Об этой оппозиции у Хлебникова см. также в нашей статье "Принцип единой левизны" — "Стоило бы обратить внимание" (Русистика сегодня, 1996, № 1).

[27] *Хлебников В.* Собр. произвед. Т. 5. Л., 1933. С. 133.

[28] Рискнем предположить, что уже упоминавшаяся Рабыня из "Гибели Атлантиды", парируя своей репликой сентенцию Жреца: "Жизнь с тобой шутила шутки",— как бы возвращает его слова и ему, и автору, в качестве alter ego которого выступают здесь оба героя. В текстах поэта 1909–1914 годов широко представлены, так сказать, открытые аллюзии на его контакты с "Аполлоном" и обобщения типа: "Я обманулся у Невы, / Доверив все двадцатитрехлетью ..." (*Там же*, с. 49). Вместе с тем стоит поискать и другие, скрытые и полускрытые личные переживания обстоятельств и последствий "трагедии Анненского" (возможны, к тому же, пока неизвестные, и прямые или измененные цитаты) среди всех не до конца ясных текстов или отдельных образов у Хлебникова этих лет.

Renata Grzegorczykowa
(Warszawa)

ZNACZENIA MODALNO-EKSPRESYWNE W ZDANIACH INTENSJONALNYCH

1. Wprowadzenie

Zdania intensjonalne (dopełniające, czes. obsahové, ros. izjasnitel'nyje) to takie, które konotowane są (wymagane) przez nadrzędny czasownik i w związku z tym zależą od niego treściowo: nie mają własnej informacji modalnej i tym samym prawdziwościowej. Zdanie jawnie fałszywe w izolacji traci swą fałszywość, jeśli jest ujmowane jako czyjaś myśl. Np. zdanie *Jan myśli, że Paryż jest stolicą Hiszpanii* jest zdaniem prawdziwym, o ile Jan rzeczywiście tak myśli. Istnienie dwóch planów treściowych: informacji komunikowanej przez zdanie nadrzędne i informacji będącej treścią zdania podrzędnego, precyzującego znaczenie nadrzędnego czasownika, powoduje komplikacje w używaniu wyrażeń modalnych i emocjonalnych, które informują o postawie nadawcy: *Jan podobno (chyba, na pewno, niestety) wyjechał.*

Warto uświadomić sobie w tym miejscu, że wyrażenia modalno-emocjonalne także w zdaniu pojedynczym mają ograniczoną łączliwość: występują zasadniczo w zdaniach oznajmujących; przy innych typach wypowiedzeń następuje blokada: **Podobno przyjdź! * Czy podobno, chyba przyszedł?* lub też zmiana informacji: *Chyba przyjdź!* (niepewność co do woli nadawcy), *Niestety przyjdź!* (wyraz negatywnej emocji nadawcy).

Wprowadzenie wyrażeń modalno-emocjonalnych do zdania podrzędnego intensjonalnego jest albo w ogóle niemożliwe (np. * *Jan chce, żeby Piotr chyba (podobno, niestety) przyjechał,* albo też powoduje niejasność co do tego, czyją postawę modalną lub emocjonalną to wyrażenie komunikuje: *Jan uważa, że Piotr chyba (niestety) przyjechał.* Powstaje niejasność, czy wyrażenia *chyba* i *niestety* informują o postawie Jana, czy nadawcy całego zdania. Analiza tego zjawiska, zauważonego już od dawna przez językoznawców (por. m.in. Padučeva 1985), będzie przedmiotem tego artykułu.

Zanim przejdziemy do dokładniejszej analizy zjawiska, warto przypomnieć z jednej strony typy wyrażeń modalno-ekspresywnych, z drugiej zaś podstawowe typy czasowników wprowadzających zdania intensjonalne.

Wyrażenia modalno-ekspresywne to przede wszystkim wykładniki modalności epistemicznej (*chyba, prawdopodobnie, podobno* — sąd oparty na cudzej relacji), a także deontycznej (*powinien, musi: Jan powinien (musi) odwiedzić ojca)* oraz wykładniki emocji i ocen: *Jan na szczęście (niestety) przyjechał.* Znaczenie emocjonalne i oceniające może być składnikiem treści leksemu, np. *bachor, wrzeszczeć* itp. Szerzej o ekspresywności mowa jest w pracach E.A.Ziemskiej (1981, 1992).

Wyrażenia emocjonalno-modalne są zasadniczo wykładnikami informacji o postawach nadawcy całego zdania (Szerzej o tym patrz m.in. J.Bralczyk 1978, Grzegorczykowa 1988, 1990). Jak zobaczymy dalej w zdaniach intensjonalnych występują różne blokady lub przewartościowania tych informacji.

Wśród zdań intensjonalnych można wyróżnić kilka typów zależnych od semantyki nadrzędnego czasownika.

1°. Zdania wprowadzane przez czasowniki sądu i wiedzy: *Jan myśli (przypuszcza, spodziewa się), że Piotr przyjechał; Jan wie, że Piotr przyjechał.* Do tej grupy zbliżają sie zdania wprowadzane przez czasowniki percepcyjne: *Jan widzi (słyszy), że Piotr wchodzi do gmachu.* Warto zauważyć, że w wielu językach czasowniki percepcji uzyskują wtórne znaczenia sądu i wiedzy.

2°. Drugą grupę stanowią zdania wprowadzane przez czasowniki woli: *Jan chce (żąda), żeby Piotr przyjechał.*

3°. Odrębną grupę tworzą zdania z czasownikami emocji: *Jan żałuje (cieszy się), że Piotr przyjechał.*

4°. Wreszcie bardzo zwartą grupę stanowią czasowniki mówienia wprowadzające mowę zależną: *Jan powiedział, że Piotr przyjechał; Jan zapytał czy Maria przyjechała.*

W dalszym ciągu rozpatrzymy łączliwość wyrażeń modalno-emocjonalnych z poszczególnymi typami zdań intensjonalnych.

2. Wyrażenia modalno-ekspresywne w zdaniach z czasownikami sądu i percepcji.

W zdaniach intensjonalnych istotne jest odróżnienie zdań faktytywnych, które ujmują zdarzenia opisywane przez zdanie podrzędne jako *fakt* ze stanowiska nadawcy całego zdania (np. *Jan wie, że Piotr przyjechał)*, od zdań niefaktytywnych, które treść zdania uzależniają od

myśli, przypuszczenia, poczucia i tp. podmiotu zdania nadrzędnego, np. *Jan myśli (przypuszcza, czuje), że Piotr przyjechał.*

Wyrażenia modalno-emocjonalne wprowadzane są oczywiście swobodnie do zdań nadrzędnych i pełnią swoje podstawowe funkcje informowania o przekonaniu (emocji) nadawcy całego zdania:

Jan { *na szczęście* / *chyba* / *podobno* } *wie, że Piotr przyjechał*

Jan { *na szczęście* / *chyba* / *podobno* } *domyśla się, że Piotr przyjechał*

Jan { *na szczęście* / *podobno* / *chyba* } *widzi (czuje), że Piotr przyjechał.*

Wprowadzanie tych wyrażeń do zdań intensjonalnych powoduje perturbacje różnego rodzaju, tzn. albo dewiacyjność zdania, albo też niejasność co do tego, czyje przekonanie (emocje) wyrażają.

Zdania faktytywne nie dopuszczają w ogóle połączeń z wyrażeniami modalnymi, co jest zrozumiałe, gdyż następowałaby kolizja między asercją i niepewnością:

**Jan wie, że* { *podobno* / *chyba* } *Piotr przyjechał*

*Jan { *widzi* / *zobaczył* } , że { *podobno* / *chyba* } *Piotr przyjechał*

Jeżeli chodzi o wykładniki emocji sytuacja nie jest taka oczywista. Wydaje się, że jest możliwe ich wstawienie, np.

Jan wie, że Piotr { *niestety* / *na szczęście* } *przyjechał*

przy czym komunikują one chyba emocję (ocenę) nadawcy całego zdania.

Przy zdaniach niefaktywnych sytuacja jest bardziej skomplikowana. Zasadniczo wykładniki modalności epistemicznej, zwłaszcza informacje o cudzym przekazie, sa tu także wykluczone:

* *Jan* { *uważa* / *przypuszcza* / *sądzi* } , *że Piotr podobno przyjechał*

Jednakże są wypadki niejasne, przy których wprowadzenie wykładników hipotetyczności osłabia przypuszczenie osoby nazwanej podmiotem zdania nadrzędnego (a jednocześnie nadawcy całego zdania):

Jan przypuszcza, że Piotr { *chyba* / *na pewno* } *przyjechał*

a także:

Jan dowiedział się, że Piotr podobno przyjechał.

Możliwe jest także wprowadzenie wyrażeń emocjonalnych:

Jan { *uważa* / *przypuszcza* } , *że Piotr na srzczęście przyjechał*

Przy czym w tym wypadku chodzi także o emocję nadawcy całego zdania.

3. Wyrażenia modalno-ekspresywne w zdaniach z czasownikami woli.

Przy czasownikach woli sytuacja jest całkowicie klarowna: zdania przez nie wprowadzane wykluczają całkowicie możliwość wystąpienia wyrażeń modalno-emocjonalnych:

**Jan chce, żeby Piotr* { *chyba* / *podobno* / *niestety* } *przyjechał*

Zdanie podrzędne informuje w tym wypadku o stanie postulowanym, żądanym przez podmiot zdania nadrzędnego, nie na tu stwierdzania stanu rzeczy i tym samym wyrażenia epistemiczne informujące o stopniu pewności co do zajścia zdarzenia, oraz wyrażenia oceniające stan rzeczy nie mają zupełnie w tym kontekście zastosowania.

Blokada wyrażeń modalnych (epistemicznych i deontycznych) w zdaniach opisujących zdarzenia postulowane prowadzi do interesującego usunięcia wieloznaczności. Jak wiadomo zdania z *musieć* i *móc* są wieloznaczne:

Jan musi pójść na zebranie

znaczy 'powinien' ale także 'jest zmuszony' (tzw. modalność obiektywna, zwana też aletyczną). Podobnie:

Jan może pójść na zebranie

znaczy 'wolno mu' i 'ma możliwość' (modalność aletyczna). Ponadto oba te czasowniki mogą wyrażać modalność epistemiczną:

Jan musi (może) za chwilę nadejść 'na pewno, prawdopodobnie nadejdzie'. Użycie tych dwuznacznych czasowników w zdaniach intensjonalnych wprowadzanych przez czasowniki woli usuwa znaczenie modalne na rzecz znaczenia aletycznego:

Jan chce, żeby Piotr musiał (mógł) wyjechać

W tym miejscu niemożliwe jest użycie czasownika modalnego *powinien*, który nie ma funkcji aletycznej, a jedynie deontyczną i epistemiczną:

* *Jan chce, żeby Piotr powinien wyjechać*

4. Wyrażenia modalno-ekspresywne w zdaniach z czasownikami emocji.

Jak wiadomo część czasowników emocji wprowadza zdania faktytywne:

Jan { *cieszy się* / *żałuje* / *dziwi się* } *, że Maria przyjechała*

W zdaniach tych oczywiście wykluczone jest wprowadzenie wyrażeń epistemicznych:

* *Jan* { *cieszy się* / *żałuje* / *dziwi się* } *, że Maria* { *podobno* / *chyba* } *przyjechała*

Zachodzi tu wspomniana wyżej kolizja między faktywnością zdarzenia opisywanego przez zdanie podrzędne, a hipotetycznością przekazywaną przez wyrażenie modalne.

Wprowadzenie wykładników emocji daje w tych zdaniach także pewną dziwność semantyczną:

? *Jan żałuje, że Maria niestety przyjechała*

nie jest jasne, czy *niestety* wzmacnia emocję Jana, czy też odnosi się do nadawcy całego zdania. Za tym, że chodzi o interpretację pierwszą przemawia niemożliwość połączenia wykładników dwóch przeciwnych emocji:

* *Jan* { *żałuje* / *martwi się* } *, że Maria na szczęście przyjechała*

Natomiast przy zdaniach niefaktywnych łączliwość z wyrażeniami epistemicznymi jest w pewnych wypadkach możliwa: wzmacniają one niepewność (pewność) podmiotu co do zajścia zdarzenia:

Jan { *ma nadzieję* / *spodziewa się* / *obawia się* } *, że Maria chyba przyjedzie*

W tej sytuacji nie jest jednak możliwy wykładnik cudzego przekazu *podobno:*

* *Jan ma nadzieję, że Maria podobno przyjedzie.*

Wykładniki emocji zachowują się w sposób niejednolity:

? *Jan* { *ma nadzieję* / *spodziewa się* } *, że Maria* { *niestety* / *na szczęście* } *przyjedzie*

ale zupełnie możliwe:
Jan obawia się, że Maria niestety przyjedzie i zupełnie niemożliwe przy kolizji znaczenia:

* *Jan obawia się, że Maria na szczęście przyjedzie.*

5. Wyrażenia modalno-ekspresywne w mowie zależnej.

Mowa zależna to referowanie cudzych wypowiedzi mających własną modalność. Sprowadza się ona, jak wiadomo, do trzech głównych typów: oznajmień (*Jan mówił mi, że Piotr przyjechał),* zapytań (*Jan zapytał, czy Piotr przyjechał)* i wypowiedzi wolitywnych (dyrektyw): *Jan rozkazał (zabronił, pozwolił), żeby Piotr przyjechał.*

W wypowiedziach wolitywnych, jak pokazywaliśmy wyżej, wykluczone jest wystąpienie wykładników modalności epistemicznej i emocjonalności:

* *Jan* { *kazał* / *zabronił* / *pozwolił* } , *żeby Piotr* { *podobno* / *chyba* / *niestety* } *przyjechał*

Pytania przedstawiają obraz mniej jednolity. Zasadniczo także nie wprowadzają wyrażeń modalnych i emocjonalnych, np.

* *Jan zapytał, czy Piotr* { *niestety* / *na szczęście* } *przyjechał*

W tym kontekście wyrażenia *niestety* i *na szczęście* nie dadzą się jednoznacznie zinterpretować. Nie ma jasności, czyja to jest emocja: Jana czy mówiącego.

Jednakże przy wyrażeniach epistemicznych sytuacja jest nieco inna. Wydaje się, że niektóre z nich mogą być wprowadzone do pytań:

? *Jan zapytał, czy Piotr* { *może* / *rzeczywiście* } *przyjechał*

ale wstawienie w tym miejscu *chyba, prawdopodobnie, podobno, z pewnością* daje zdania dziwne, chyba nieakceptowalne:

* *Jan zapytał, czy Piotr* { *chyba* / *podobno* } *przyjechał*

Przejdźmy do analizy zdań referujących wypowiedzi oznajmujące typu *Jan mówił mi, że Piotr przyjechał.*

Wyrażenia modalne i emocjonalne mogą być w nich wstawiane swobodnie, jednakże nasuwają trudności interpretacyjne. Porównajmy zdania:

Jan mówił mi wczoraj, że Piotr { *chyba* / *podobno* / *rzeczywiście* } *przyjechał*

oraz:

Jan mówił mi wczoraj, że Piotr { *na szczęście* / *niestety* } *przyjechał*

W pierwszym zdaniu wyrażenia modalne informują o niepewności Jana co do zajścia zdarzenia, niepewności podzielanej także przez nadawcę całego zdania. Nie ma w tym wypadku możliwości, żeby nadawca dystansowal się wobec otrzymanej informacji. Zdanie: *Jan mówił mi, że Piotr rzekomo przyjechał* informuje także o powątpiewaniu Jana. Nadawca może zdystansować się używając odrębnego zdania:

Jan mówił mi, że Piotr przyjechał, ale ja w to nie wierzę

Natomiast w zdaniu drugim przy wyrażeniach emocjonalnych sytuacja nie jest taka oczywista: wyrażenia te odsyłają, jak się wydaje, do uczuć nadawcy całego zdania. W zdaniu:

Jan mówił mi, że Piotr { *niestety* / *na szczęście* } *przyjechał*

wyrażenia *niestety* i *na szczęście* są wykładnikami postawy nadawcy całego zdania. Przy referowaniu informacji o emocji Jana zdanie musiałoby wyglądać inaczej:

Jan mówił mi, że Piotr przyjechał i wyraził z tego powodu niezadowolenie (radość).

Podobnie zachowują się inne wyrażenia nacechowane emocjonalnie, np. w zdaniu: *Jan mówił mi, że bachor wrzeszczał całą noc,* emocje wyrażane przez wyrazy *bachor* i *wrzeszczeć* charakteryzują nadawcę całego zdania, a nie Jana.

Omawiany problem należy do ogólniejszego zagadnienia mechanizmów przekształcania mowy niezależnej na zależną (Szerzej o tym patrz m.in. Bauer — Grepl 1970, Górny 1966, Kozarzewska 1990). Działają tu ścisłe reguły zamiany osób, czasów i trybów, określników temporalnych a także wyrażeń modalnych.

Przy określeniach temporalnych istnieją dwie odrębne serie wyrażeń odsyłających do aktu mowy (np. *dziś, jutro, rok temu*) i odsyłających do punktu wyznaczonego np. *nazajutrz, tego dnia, w przeddzień, przed rokiem.* W zdaniu: *Przyjdę jutro!,* przełożonym na mowę zależną przysłówek *jutro* musi być zastąpiony przez *nazajutrz* lub *nastepnego dnia: Powiedział dwa tygodnie temu, że przyjedzie następnego dnia.* Pozostawienie wyrażenia *jutro* zmienia znaczenie: *Powiedzial dwa tygodnie temu, że przyjedzie jutro* znaczy: 'przyjedzie w dniu następnym po akcie mowy'. Por. Grzegorczykowa 1975.

W wypadku wyrażeń modalnych nie ma takiej podwójnej serii odsyłającej bądź do nadawcy, bądź do autora referowanej wypowiedzi. Stąd trudności interpretacyjne niektóryh zdań w mowie zależnej.

CYTOWANA LITERATURA

Bauer J., Grepl M., 1970, Skladba spisovné češtiny, Praha.

Bralczyk J., 1978, O leksykalnych wyznacznikach prawdziwościowej oceny sądów, Katowice.

Górny W., 1966, Składnia przytoczenia w języku polskim, Warszawa.

Grzegorczykowa R., 1975, Funkcje semantyczne i składniowe polskich przysłówków, Wrocław.

Grzegorczykowa R., 1988, O wartości asertorycznej zdań z operatorami modalnymi (w:) Studia nad językiem polskim. Polono — Slavica Varsoviensia, Warszawa.

Kozarzewska E., 1990, Czasowniki mówienia we współczesnym języku polskim, Warszawa.

Padučeva E.V., 1985, Vyskazyvanije i jego sootnesennost' s dejstvitel 'nost' ju, Moskva.

Zemskaja E.A., 1981, Ekspresivnoje slovoobrazovanije (w:) Russkaja razgovornaja reč., Moskva.

Zemskaja E.A., 1992, Slovoobrazovanije kak dejatel 'nost', Moskva.

В.Д.Девкин
(Москва)

ПРИМЕТЫ

Общение с представителями других народов ограничивается (по крайней мере, для нашей страны) главным образом официальной сферой. Политика, экономика, наука, культура являются основной средой межнациональных контактов. Поэтому при изучении иностранного языка первостепенная роль отводится именно этой тематике. Это вполне оправдано. Полное взаимопонимание людей разных национальностей зависит от многих обстоятельств. Для этого помимо хорошего владения чужим языком требуются страноведческие знания (общественного строя, истории, географии, духовного развития народа) и, не в последнюю очередь, знакомство с культурой повседневной жизни иностранца (4) — типичные для него условия трудовой жизни и досуга, его интересы, пристрастия, увлечения, традиции, режим дня, питание, поведение и т.п. (4). К далекой периферии бытовой культуры относятся приметы. Примета — это "явление, случай, которые в народе считаются предвестием чего-нибудь" (С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. Толковый словарь русского языка), как доброго, так и дурного. В приметы верят люди суеверные. Часто они испытывают от этого неудобство (поскольку по их представлениям приметы сбываются) и даже желали бы от этого предрассудка избавиться, но не могут сбросить его, как не справляются с болезнью, победить которую одним усилием воли не только трудно, но и невозможно. Описывавший нравы и обычаи русского народа М.Забылин (1880) видел в приметах "следы языческого невежества" (3, с. 259).

К приметам можно подходить по-разному — этнографически, культурологически и с позиций преподавания иностранного языка, когда возникает необходимость представить себе приметы своего и другого народа, язык которого изучается, а также провести их сравнение. Решение этой задачи невозможно в одной работе. Здесь осуществляется лишь одна ее часть и предпринимается попытка дать общее представление о наиболее известных и популярных приметах русского народа, о которых надо иметь понятие, осваивая язык и специфику жизни его носителей.

В универсальной энциклопедии Йоханна Хайнриха Цедлера подчеркивалось, что суеверие — это заблуждение, которое припи-

сывает вещам сверхъестественную силу, которую они в действительности не имеют. С развитием цивилизации и ростом культуры суеверие сдает свои позиции, однако оно продолжает жить в разных проявлениях магии, эзотерии, в пережитках и т.п. (9). Суеверие заметно влияло на обыденное сознание наших предков и продолжает ощущаться даже теперь в нашей обиходной жизни. Эта роль предрассудков нашла свое отражение в "Максимах" Гете. Мартин Лютер считал суеверие (Aberglaube) заблуждением, "псевдоверой" (Mißglauben). Немецкий термин восходит к латинскому superstitio < superstes "отсталый", "дохристианский". Активизация суеверий неизбежно связана с опасением ослабления влияния церкви. Интересно, что в Вене в 1814 году было запрещено издание сказок братьев Гримм потому, что в них было обнаружено слишком много суеверий (8).

Я.Гримм, высказавший немало глубоких мыслей о природе предрассудков, подчеркивал, что кроме запугивания и устрашения, они могут выступать в функции утешения, подбадривания, воодушевления, обнадеживания. Примеры примет "утешающего" характера, когда неприятное связывается с чем-то положительным, обещающим: ins Glück treten (эвфемистически предполагает in Hundekot treten); не везет в игре — повезет в любви; если ребенок ушибся, ему говорят: дай подую (дай поцелую), и все пройдет; чтобы найти безнадежно потерянную дома вещь, надо обвязать тесемкой ножку стола; споткнуться на левую ногу — хорошо (на правую — плохо); для памяти завязывают узелок. Чтобы не иметь неприятностей с человеком, кому преподносится подарок, рекомендуется учесть, что суеверные люди считают, будто колющие и режущие предметы (брошки, заколки, ножи, вилки) ведут к ссоре, носовые, наплечные, головные платки — к разлуке.

Суеверие имеет различные формы проявления. Есть люди, которые носят на счастье талисман, амулет, брелок. Удачу может приносить вещь самого разного свойства — зуб акулы, (найденная) монетка, какая-нибудь фигурка, камушек, любимая ручка, один из галстуков или носовых платков и т.п. С ними не расстаются, их возят с собой, держат в машине, дома.

Толкование снов (13), подобно приметам, относится к суевериям-"предсказаниям": собаку видеть во сне — к другу, рыбу — к болезни, нечистоты — к деньгам, вырвать зуб с кровью — к смерти близкого родственника. Нередко "смысл" придается сновидениям на основе паронимии — звукового подобия: лошадь видеть — к лжи, печь — к печали, доски — к досаде.

Отмечается общность некоторых примет для разных народов и даже их интернациональность (М.Забылин, с. 259–261). Примечательно, что поводом для возникновения приметы в разных культурах иногда оказывается одно и то же явление, которое осмысливается неодинаково. Русской примете "попасть на угол (обычно

праздничного) стола — быть семь лет без взаимности" соответствует немецкая: "получить злую тещу/свекровь". Черная кошка для американцев — хорошо, для русских — плохо. Собаку видеть во сне у русских к другу, у немцев — к ссоре и досаде; надеть рубашку наизнанку — у русских быть битым, у немцев — неуязвимым.

В дальнейшем будут затрагиваться русские приметы и частично немецкие.

Характерным для примет является то, что они нередко появляются в связи с экстраординарными жизненными событиями: они возникают вокруг рождения ребенка, свадьбы, похорон, праздников, подарков, находок, особых явлений погоды (1; 3).

Житейские правила предупредительного или запретительного характера нередко связываются с угрозой, чтобы малосознательного, малокультурного человека предостеречь, удержать, проучить, воспитать и т.п. Примеры немецких примет: кто садится на стол, покроется язвами; если поставить босого ребенка на стол, у него заболят ноги; если сметать со стола или со скамьи веником, в доме появится зараза; зевая надо прикрывать рот, чтобы в него не залетела муха (и с ней нечистая сила); стучащего ночью в дверь следует спросить, кто идет, чтобы не ошибиться и не открыть нечестивому (7; 8).

Многие приметы связаны с миром животных, особенно тех, с кем больше соприкосновения, т.е. прежде всего с домашними животными. Скот ложится под кровлю — к ненастью. Свинья чешется — к теплу, визжит — к ненастью. Лошадь храпит, фыркает, трясет головой — к ненастью. Собака валяется — к ненастью. Кошка моется, лижет лапу — к хорошей погоде. Дворовая птица ощипывается — к ненастью. Вороны в кучу собираются — к ненастью. Воробьи купаются в пыли или щебечут — к дождю. Ласточки низко летают — к дождю, высоко — к ведру. Ворона каркает — предвещает плохое. Зловещими считаются такие птицы, как грач, сова, сорока, кукушка. Добро несут аисты, голуби, ласточки. Собака воет — к покойнику (2; 3).

Зависимость человека от природы и погоды привела к появлению метеорологических примет. В прежние времена люди были связаны с природой значительно сильнее, чем теперь. Наблюдательность при этом была необходима, но отсутствие нужных знаний и вечный страх рождали суеверные и ложные представления. Возникали приметы, нередко ошибочные. Разграничить народную (примитивную, но не лишенную здравого смысла) метеорологию и вымыслы бывает затруднительно. Пушистый иней — к хорошей погоде. Высокая и круглая радуга — к хорошей погоде, пологая и низкая — к ненастью. Большие дождевые пузыри — к продолжению дождя. Дым столбом — к морозу или к ясной погоде. Когда дым без ветра стелется — к дождю, снегу. Солнце заходит с красной зарей — к ясной погоде, в темное облако — к дождю. Кучевые

облака при восходе солнца — к переменной погоде. Красного цвета солнце на восходе — к сильному ветру. Солнце в тумане — к дождю. Разные фазы луны связываются с предсказанием погоды (2; 3).

Есть приметы календарные, соединяющие определенные явления в природе, в жизни людей с конкретными датами: 29-е февраля Касьянов день связывается со всевозможными бедами (високосный год тяжелый — умирает больше людей, чем в остальные годы), 17-го марта Герасим Грачевник — прилетают грачи, 22 марта — Сорок мучеников, весеннее равноденствие, какова погода в этот день, такова она будет еще сорок дней, прилет жаворонков; 7 апреля конец зимы, погода в этот день предвещает погоду лета; 1 апреля у немцев — день бед; родившиеся 1 апреля несчастны; 6 мая Юрьев день: на Егория мороз — будет просо и овес; кто в мае женится, будет всю жизнь маяться; 10 июля Самсон Сеногной: дождь на Самсона предвещает продолжительное ненастье (ср. аналогичное у немцев: 27-го июня — Siebenschläfer); 2 августа в Ильин день бывает, как правило, гроза (5; 9).

Немало примет ставится в зависимость от свойств, приписываемых минералам, растениям, животным: гранат своим потускнением предупреждает о беде, нефрит помогает при болезни почек, цветущий багульник, осенние листья, плющ в доме — к несчастью; аист на крыше или ласточкино гнездо на карнизе — это хорошо; разводить кроликов — к неблагополучию; кукушку считают оракулом, который предсказывает число предстоящих еще прожить лет.

То, что одни считают хорошей приметой, другие считаю плохой. Найденная монетка кому-то приносит счастье, и он ее сохраняет, другой ее даже не поднимает, считая ее чужой и не сулящей ничего доброго. По-разному расценивают "визитную карточку" птички на своей одежде или залетевшую в дом птицу — одни как добрый знак, другие же — наоборот; когда птица кого-то заденет крылом или на кого-то сядет, одни считают хорошим, другие дурным предзнаменованием. Помимо индивидуального варьирования примет, бывает различной их интерпретация и по другим причинам.

Боясь сглазить, прибегают к принципу "от противного": достойное похвалы принижают, хорошее подают уничижительно, наличие положительных качеств отрицают. Некоторые приметы "народного" лечения строятся по аналогичному принципу: спасения от болезней ищут в приеме неприятных, вызывающих отвращение средств, например, у немцев микстура на клопах, вшах, лошадином или свином помете должна была помочь при определенных заболеваниях. "Hals- und Beinbruch!", вопреки своему этимологическому значению, является пожеланием удачи. "Профилактики" ради (чтобы не сглазить) русские отвечают на пожелание успеха "Ни пуха, ни пера! — "Иди к черту!". Стараясь поддержать кого-

то, не находясь с ним в непосредственном контакте, говорят ему "Я буду тебя ругать", т.е. желать тебе успеха. Чтобы не сглазить, стучат по дереву, плюют через левое плечо, употребляют занижающие оценки: чувствовать себя прилично (вместо "хорошо"), он пока держится (вместо того, чтобы сказать, что ему очень везет), дела идут неплохо (на самом деле, великолепно),

Немало примет связано с приемом и приготовлением пищи: пролитое вино, масло, просыпанная соль ставятся в зависимость от хорошего и плохого; пересоленная пища говорит о влюбленности повара/хозяйки; не долить стакан чая до краев — не желать "полной" благополучной жизни; наливать, накладывать через руку (от себя, а не к себе) — проявлять недоброжелательность; сидеть за столом на углу: семь лет отбоя нет (более новое выражение, заменившее "семь лет без взаимности"); оказавшись между тезок, можно что-то задумать, и это исполнится; если первый раз в данном сезоне есть какой-нибудь плод (из фруктов или овощей) и при этом что-то загадать, то это сбудется; поперхнуться за едой — значит: кто-то спешит к столу; если упадет ложка — придет в гости женщина, если — нож,— мужчина.

Пускаясь в путь, человек может подвергаться опасностям, испытывать неприятные неожиданности, в связи с чем часто у него бывает тревожное состояние и расположенность вспомнить приметы: уезжать в дождь — хорошо; перед выходом из дома надо присесть и помолчать минуту (чтобы спокойно сообразить, не забыто ли что-либо нужное); вернуться сразу после выхода из дома — пути не будет. В некоторых деревнях считался вопрос "**Куда** ты идешь?" приносящим неудачу. На него раздраженно отвечали: "Закудыкал!" // "На кудыкино поле (на кудыкину гору)". Существовала даже замена попроса "Куда?": "Далеко ль собрался?" // "Далеко ли?" // "Далеко вы идете?"

Суеверный человек очень страдает от того, что на каждом шагу его подстерегают напоминания о возможных бедах и несчастьях. Не к добру держать в доме разбитую посуду, искусственные цветы, ветки с осенними листьями, расцветший багульник, плющ. С бедами связывают кометы, затмения. Жемчуг напоминает слезы, поэтому дарить его нельзя; 13 — чертова дюжина, ее надо всячески избегать (12); понедельник — день тяжелый; если кто-то пришел в дом в понедельник, нежданные гости будут всю неделю. Предупреждающие приметы: Wer unter einer Leiter hindurchgeht, zieht Unglück auf sich; mit dem linken Fuß zuerst aufstehen, bringt Unglück; das Badewasser vom Fußbad erst am nächsten Tag ausleeren, sonst gießt man sein Glück fort; eine Kartoffel bei sich tragen, schützt vor Rheuma. При вселении в новую квартиру первым из членов семьи умрет тот, кто раньше других переступит порог. Поэтому сначала впускают кошку, чтобы она приняла на себя все недоброе, что ожидается в неосвоенном доме. Еще одна примета, связанная с опасением:

свои болевые точки нельзя показывать на другом человеке — болезнь может перейти на него.

Но не все только плохо. Счастье приносят цветки сирени с количеством лепестков больше четырех, подкова, повстречавшаяся баба с полными ведрами, пожелание "ни пуха, ни пера!", родинки, сросшиеся брови, рождение "в сорочке"; у немцев — подкова, мухомор, свинья, четырехлистный клевер, божья коровка, трубочист, toi-toi-toi! спасает от сглаза, пятерка символизирует целостность и предохраняет от беды; семь тоже число счастливое (12).

Многие приметы перекликаются с народной медициной, знахарством и представляют собой советы, рецепты, предписания. Браслет из шерстяных ниток якобы предостерегает от ломоты, сургуч в кармане — от геморроя. От ячменя должен помочь плевок в глаз. Существовали всевозможные заговоры от самых разных болезней. До сих пор встречаются случаи (достаточно редкие), когда заговаривают рожу, некоторые виды аллергии. Так, у немцев были поверья: натощак смазать веки слюной — полезно для глаз; если в воскресенье утром перед звоном колоколов выпить три яйца жаворонка, появится (певческий) голос; если двум любящим вытирать руки одним и тем же полотенцем, это разрушит любовь; ладанка с протертым хреном на затылке помогает от зубной боли (7; 8; 14).

Некоторые особенности телосложения связываются с качествами, объективно не зависимыми от внешности. Толстых считают добрыми, тонкогубых — злыми, губошлепых — рохлями, имеющего раздвоенный подбородок с ямочкой — похотливым, лысого — развратником, косого — лукавым, рыжего — внушающим опасение (ср. "рыжий, красный — человек опасный"). Кто щекотлив, тот ревнив. Если у беременной живот округлый — будет девочка, если острый — мальчик. Чтобы беременная женщина могла родить красивого ребенка, ее следует окружить только приятными и эстетичными вещами, отстранить от всего, имеющего неприятный вид.

Научить как жить и соблюдать нормы поведения легче, если воздействовать устрашением: у немцев — окунуть палец в рюмку, стучать вилкой или пальцами по столу — к беде; есть двум одной и той же ложкой — к ссоре; свистеть в доме — к его обеднению; плюнуть в реку — потерять здоровье (8); у русских — кто спит с застегнутым воротом рубашки, успит свою душу; двум утираться одним полотенцем — к ссоре; кто спит с кошкой, у того лягушки в голове заводятся; если мыши поедят неубранные остатки ужина, будут у хозяина болеть зубы; ключи на столе — к ссоре; скатертью руки вытирать — заусенцы будут; стирать со стола бумагой (а не тряпкой) — к ссоре; играть ножом — ссора будет; кошелек на стол кладут — деньги водиться не будут (= грязным деньгам на обеденном столе делать нечего). Денег после заката солнца в долг не дают (= на усталую голову легче ошибиться). Дидактический характер

этих примет очевиден (2). Суеверие заставляет людей исполнять то, чего добиться другими способами, например, простым советом или запретом, было бы намного труднее.

Много примет вокруг свадьбы и похорон. Снег и дождь на свадебный поезд — богато жить. Коли на улице распутица, быть свадьбе беспутной. Монах/монахиня свадьбу портят. Обручальное кольцо под венцом уронить — не к доброму житью. Кто под венцом свечу выше держит, тот будет в семье верховодить. Похоронные приметы: после выноса покойника из дома моют полы ("чтобы смерть не вернулась"). В доме, где покойник, завешивают зеркала ("чтобы смерть не повторилась"). Если гроб не в меру велик — быть еще покойнику в доме. Родным не нести покойника, чтоб не подумали, что они рады его смерти. Чтобы не бояться покойника, бросают горсть земли в могилу.

Любопытны словесные аналоги кинетических выражений оккультистских действий: den Daumen halten (jm gutes Gelingen wünschen); um nachteilige Wirkungen des Beredens guter Eigenschaften oder Ereignisse von vornherein auszuschalten, soll man mit dem Finger dreimal auf Holz klopfen; Ausspucken hebt alle Folgen des bösen Blickes auf. Они обращены в будущее, предстоящее и имеют "профилактический" или оптативный смысл.

Более распространенная безрадостность существования, чем счастье, влияет на то, что большинство примет предвещает беду, а не добро. Они каркающе предупреждающи или устрашающи. В иных случаях предостерегающи.

В паремиологии приметы занимают особое место. Они сближаются с пословицами (клишированными жизненными правилами) и поговорками (словесными реакциями на высказывания или ситуацию), только в отличие от них не имеют устойчивости синтаксической структуры и стабильности лексики — они довольно свободно перефразируются, принимая облик причинно-следственного или условного гипотаксиса.

Некоторые приметы обрели статус пословиц: посуда бьется — к счастью; маленькое дерево в сук растет; надеть что-либо задом наперед или наизнанку — быть битым (11). При всей близости примет и пословиц различие их все же ощутимо: пришла беда — отворяй ворота — часто встречающееся явление, однако это скорее правило, чем примета. "Седина в висок, бес в ребро" говорят потому, что вероятность супружеской неверности стареющего мужа достаточно велика, однако это нельзя считать приметой, поскольку здесь нет неотвратимости.

Из-за непостоянства своего состава приметы представляют трудности для лексикографической фиксации и интерпретации. Как нечто, находящееся далеко за пределами культурного стандарта и нормы, приметы могут регионально или в зависимости от каких-либо специфических условий означать совершенно различ-

ное. Так, у немцев видеть во сне яблоки для одних предвестие смерти, для других — счастье в любви; видеть яйца — к ссоре и к счастью; дым — к досаде, побоям и к удаче и радости; мед — к нечаянной радости и к возможности поумнеть, рыб — и к ссоре, и к смерти, и к хорошим вестям, и к деньгам. Есть приметы актеров, музыкантов-исполнителей, хирургов, спортсменов, игроков и др., которых непричастные к их группировкам непосвященные никогда не слышали. К тому же присоединяется "принципиальная факультативность" примет — ведь они далеко необязательны для всех носителей языка. Некоторые не только не признают приметы по убеждению, не верят в них и не считают их достойными внимания по причине несерьезности и мифичности, но многие просто никогда о них не слышали и их нигде не встречали. Поэтому в словарь должна попасть действительно всем известная, распространенная примета, и помещена она должна быть, по-видимому, на семантически центральное слово. Выделить его, как известно, не всегда просто.

В отдельных случаях приметы не лишены юмора. Очевидная нелепость некоторых примет должна своей несуразностью рассмешить, отвлечь от неприятного, создать видимость утешения: если на ночь положить книжку под подушку, то тогда скорее можно одолеть в ней написанное; "икота — вспоминает кто-то" комментируется как "душа с богом беседует" — шутливое "подведение базы" под это трудно-объяснимое и непонятно отчего возникающее явление; когда в компании вдруг все замолкают, то говорят, что в это время пролетел ангел (совковый вариант: "милиционер родился"); если (мужчина) лысеет со лба, значит умный, если с затылка, значит — гуляет, а если одновременно со лба и с затылка, значит гуляет с умом; А давно ль ты стала ворожить? — А как стало нечего в рот положить. У немцев — губы не будут трескаться, если их облизать в тот момент, когда собака отдает свою большую дань природе; задеть и опрокинуть кружку с пивом для девушки — к внебрачному ребенку. Чем абсурдне, тем должно быть, по-видимому, смешнее (6). Современный человек относится к суевериям чаще всего несерьезно, они ему служат, как говорил В.И.Даль, "шуткой, забавой" (1, 30 с.).

Как бы ни относиться к приметам, представление о них нужно иметь. В этой связи полезно вспомнить высказывание В.И.Даля: если (и) смотреть на поверия народа, вообще, как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания, как значительная частица народной жизни; это путы, кои человек надел на себя — по своей ли вине, или по необходимости, по большому уму, или по глупости,— но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое,— этого нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы

каждого поверья. И самому глупому и вредному суеверию нельзя противодействовать, если не знаешь его и не знаком с духом и с бытом народа" (1, с. 10).

Хорошо известно стремление людей подстраховаться, сделать какие-то шаги на всякий случай — "авось пригодится". Так, далекие от религии русские люди крестят своих детей (по принципу: "не помешает!"). У В.И.Даля есть интересное замечание: "Большая часть тех, кои считают долгом приличия гласно и презрительно насмехаться надо всеми народными предрассудками, без разбора,— сами верят им втихомолку, или по крайней мере из предосторожности, на всякий случай, не выезжают со двора в понедельник и не здороваются через порог" (1, с. 10).

Общий фонд примет не так уж велик. Насколько позволяют судить их перечни и словарики, численно они редко превышают сотню, хотя в словарях суеверий их число составляет тысячи (7; 8; 14). Их подавляющее большинство связано с условиями быта, ушедшими в далекое прошлое. Повышение культурного уровня народа и изменение всего уклада жизни сводят их роль к ничтожному минимуму, однако не к полному нулю! Это дает основание не списывать их полностью со счета и некоторое внимание им все же уделять. Приметы — явление уходящее, а если быть точнее, ушедшее. Тем не менее, они как культурологическая маргиналия повседневного обихода должны учитываться как повод для реминисценций, подтекста, намеков, иронии. Особенно важны приметы коммуникативного назначения: через порог не здороваться, "ни пуха, ни пера!", "как бы не сглазить", нечетное число преподносимых цветов, предрассудки, связанные с подарками и т.п.

Поскольку приметы не затрагиваются в словарях (не считая специализированных справочников по суевериям), не упоминаются в учебных пособиях (что вполне оправдано), не включаются в проблематику фразеологии, представляется уместным коснуться их во вспомогательном материале, что и предпринято как попытка в данной статье.

Необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Иностранец, сталкивающийся с культурой обиходной жизни другого народа, часто склонен делать не вполне обоснованные обобщения. Встретив что-нибудь отнюдь нетипичное и нехарактерное, он спешит обобщать и возводить это в правило. И это происходит тем поспешнее и категоричнее, чем более случайны и поверхностны наблюдения. Это беда всех путешественников, особенно тех, кто выезжает заграницу на короткое время. Что касается примет, то здесь следует всячески подчеркнуть их непопулярность, захолустность, какую-то провинциальность, старомодность. Их актуальность сугубо индивидуальна. В русском обществе сейчас наблюдается повышенный интерес к реанимации всякой экзотерической чепухи. Это — своеобразная реакция на снятие с нее табу. В этой

связи приметы выступают несколько в ином свете, чем в последнем семидесятилетии. Однако несмотря ни на что, они остаются малозначительными, экзотичными маргиналиями и в повседневном общении играют совершенно незначительную роль.*

институт русского языка
им. В. В. Виноградова

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В.И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа.— СПб.: Изд-во "Литера", 1996.
2. *Даль В.И.* Пословицы русского народа.— М., 1957.
3. *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия.— М., 1880 / Репринт 1992.
4. *Мальцева Д.Г.* Германия: страна и язык.— М., 1998.
5. Народный месяцеслов. Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде. / Составитель Г.Д.Рыженков.— М.: Изд-во "Современник", 1992.
6. *Grün H.* Frauen wollen nur das Eine und Männer können nicht Auto fahren. Das Buch der Vorurteile. Eichborn, Frankfurt / M., 1995.
7. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, hrsg. E.Hoffmann-Krayer, H.Bächtold-Stäubli. 10 Bde. Berlin, Lpz., 1927–1942.
8. *Hiller H.* Lexikon des Aberglaubens. Gondrom Verlag. München, 1986.
9. *Küster J.* Wörterbuch der Feste und Bräuche im Jahreslauf. Herderbücherei, Freiburg im Breisgau, 1985.
10. *Reuther T.* Vom Sitzen am Eck eines Tisches: ein linguistischer Beitrag zur Untersuchung der russischen "Primety / Omina" in der modernen Alltagskultur. In: Slavistische Beiträge. Bd. 274.— München: Verlag O. Sagner, 1991.— S. 233–278.
11. *Röhrich L.* Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. 2. Auflage. Bde 1–5. Herder. Freiburg u.a., 1995.
12. *Simpson Jean.* Deine Glückszahl — dein Schicksal. Das große Buch der Numerologie. Heyne 08/9351.
13. *Skirecki H.* Eulen-Almanach der Traumdeutung. Eulenspiegel Verlag, Berlin, 1989.
14. *Wehr Chr.* Lexikon der Aberglaubens. W.Heyne, München, 1992.

---

* Примечание. Представляется уместным упомянуть две новые книги, которые для этой статьи использовать не удалось:
Приметы на каждый день. Составитель О.Торпакова.— М.: Агентство "Фаир", 1996.
Энциклопедия суеверий. Составители: Э. и М.А.Рэдфорд (английские суеверия), Е.Миненок (русские суеверия).— М.: "Миф", "Локид", 1995.

www.ruslang.ru

Анджей Дравич
(Варшава)

МИХАИЛ БУЛГАКОВ КАК КЛАССИК ЛИТЕРАТУРЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

I

Сначала попытаемся выяснить, какие черты должен иметь в наше глубоко неклассическое время тот, кого величают литературным классиком — "classicus scriptor", по старому определению Ауля Гелия.

Оставим пока в стороне определения словарей и лексиконов, попробуем обойтись без них, инстинктивно нащупывая суть. Итак, кажется, что в пору всеобщей относительности норм и форм всеобщего принуждения к быстрой смене вкусов, создаваемых своеобразной командной системой диктаторов всяческих мод,— быть классиком значит: суметь остановиться, выйти на берег рвущегося потока, установить свой собственный порядок, свою меру вещей, свои отношения с миром, словом — свой ритм. Дальше остается только силой таланта заставить читателей признать все это и своей собственностью.

Классик формируется во времени и пространстве; чтобы состояться, он должен устояться, то есть, как правило, присутствовать целым рядом произведений. Нужны, говоря словами Мандельштама, "труд и постоянство". И только потом появляется в эффекте и второстепенный признак, то, что считали основным древние и что мы ныне найдем во множестве словарей и лексиконов: понимание классика как признанный образец, эталон, достойный подражания. Опыт подсказывает нам проявить здесь осторожность. Подражание, особенно настоящей классике, противопоказано. Достаточно того, что классики есть и своим присутствием — при жизни и после смерти — меняют мир, как это делает наш великий Мастер.

II

Согласимся, что вообще в двадцатом веке нелегко стать настоящим классиком. Многие претенденты, покушающиеся на это звание — как выяснилось, с негодными средствами,— были отвергнуты временем, даже если канонизировались критикой.

А быть классиком в России нашего столетия, несомненно, адски трудно. Тоталитарная система планомерно уничтожает общество как таковое, превращая его в аморфную массу. Для этой цели надо уничтожить все настоящие ориентиры, константы, авторитеты. Уничтожить прямо или косвенно, перетягивая их на сторону власть имущих, выхолащивая, оставляя исключительно внешнюю оболочку. Система искушений доведена до совершенства. Тот, кто в начале своего пути мог отличиться талантом и гражданской смелостью, с течением времени становится осторожным и расчетливым хозяином своего дарования, наступает на горло собственной песне, и именно как таковой может быть провозглашен "советским классиком". Но это contradictio in adjecto — советский классик не является классиком по условно принятым нами критериям. Это только видимость. Немало было тех, кто подавал надежды, но не выдержал пробы характера. Имел шансы Леонов, даже Федин, но не тут-то было. Не имели шансов те, кто сразу же увлекся ускорением, динамизмом, орнаментализмом; ведь классик, согласимся, устанавливает свой порядок. Поэтому ни Пильняк, ни Всеволод Иванов не годились в такие кандидаты. Даже Бабель, у которого были очень крепкие моральные ориентиры, как-то "не тянет": слишком много внешнего блеска и шума, что ли?.. Правда, точных критериев нет, это дело вкуса, а о вкусах можно спорить.

Те же внешние помехи были у Зощенко, он ведь долго считался юмористом, смех заслонял все остальное; но с течением времени мы пришли к выводу: да, пожалуй это мудрец, мастер, обладатель своей собственной ценностной системы. Никаких сомнений нет при Платонове — да, это классик. И наоборот, Фадеев, Шолохов несомненно талантливые, но бесхарактерные писатели, не о чем и говорить. Горький, усерднейшим образом канонизированный как советский классик номер один, упустил свой шанс. Он небезуспешно воспитывал других, но сам не сдал экзамен по характеру. А характер (боюсь высказать среди филологов такую ересь) в определенных русских условиях должен преобладать над талантом. Паустовский был писателем среднего дарования, но заполнял собой некий нравственный вакуум и, играя очень важную общественную роль, занял место кого-то из отсутствующих классиков, исполнял его обязанности.

Словом, не густо. В поэзии — ведь мы это чувствуем, не так ли? — стать настоящим классиком было как-то проще, несомненней, определенней. Проза, как мы предполагаем, требует кроме всего прочего еще и большой продолжительности, долгого присутствия. Вот Гроссман написал великую книгу, а классик ли он? Как будто все данные есть, но одной вещи все-таки мало, в пространстве нужны минимум две точки.

Быть классиком в современной России — дело предельной сложности. На Западе, вероятно, возможна классика разрушитель-

ная, подрывающая устои; примеры тому Селин, Жид, Беккет, Генри Миллер, Жене. В России — вряд ли, поскольку, грубо говоря, сама жизнь слишком разрушительна, взрывная, подымающая все на дыбы. Поэтому — по праву самосохранения — классик по натуре своей призван защищать устои, помогать сохранять "чувства добрые", быть в какой-то степени традиционным. Это принимается как аксиома, и тут ничего не поделаешь. Как бы мы не любили прекрасный русский авангард и "левое искусство" десятых и двадцатых годов, давно уж доказано, что оно тяжело согрешило по меньшей мере наивностью: слепой верой, обожествлением и отождествлением обеих революций — политической и художественной, за что и пришлось "левым" жестоко поплатиться. Здесь ведь таится корень процессов "классицизации", ухода от экспериментальной поэтики в сторону формы более строгой, простой, именно (в более поверхностном значении) классической, столь характерной для поздних Пастернака, Заболоцкого, Асеева. Здесь дело не в возрасте, это скорее вопрос созревания и прозрения. Его суть предельно точно выразил Пастернак в письме своей грузинской приятельнице Раисе Микадзе:

"Все чаще раздаются голоса самых близких, родных и самых проверенных моих друзей, которые видят упадок, утерю мною самого себя и уход в ординарность в моих интересах последнего времени и давшейся мне так нелегко моей нынешней простоте. Что ж, не горе это. Если есть где-то страдание, отчего не пострадать моему искусству и мне вместе с ним? Может быть, друзья мои правы, а может быть и не правы. Может и очень может быть, я прошел только немного дальше по пути их собственных судеб в уважении к человеческому страданию и готовности его разделить"*.

"Уважение к человеческому страданию", то есть сострадание, солидарность с униженными и оскорбленными нашего времени. А выше и шире: сохранение прежних устоев, защита ценностей, связь с мировым наследством гуманизма, с культурой. Все это требуется русскому классику наших времен сверх и кроме таланта. Очень опасна вакансия, чтобы еще раз употребить слова Бориса Леонидовича. Опаснее некуда.

III

Дореволюционный булгаковский мир был, как мы хорошо знаем, классичен во всех значениях и отношениях. Этот мир был фрагментом более широкого и, казалось, незыблемого, устойчиво-

* Письмо 8 ноября 1950 г. (Б.Л.Пастернак. Письма к грузинским друзьям, Torino. Einaudi, 1967).

го порядка вещей, людей и идей, в котором и литературное наследие, книжная классика занимала определенное место. Достаточно посмотреть с этой точки зрения на "Белую гвардию", осознавая ее близость, хотя и не отождествляя ее, с аутентичным булгаковским миром, чтобы заметить, насколько в духовном мире героев жива литературная традиция. Они сформированы ею в степени, трудно воображаемой в другой, нежели русская интеллигенция, среде. Герои "Белой гвардии" мыслят книжными аналогиями, то и дело цитируют Пушкина и Достоевского. Более того, они рассматривают мир литературной фикции как своего рода реальность высшего порядка, связанную множеством нитей с повседневностью. В классическом строе жизни классики литературы присутствуют как постоянные собеседники и советчики; к ним идут за помощью, когда уклады начинают разваливаться, ими объясняется мир (во всяком случае делаются попытки его объяснить), "потому что Фауст, как Саардамский Плотник, совершенно бессмертен". У замечательного и вдумчивого стилиста не случайно ведь вечность классики — музыкальной и литературной — находит добавочное подтверждение в этом специально подобранном, казалось бы немножко раскованном в сопоставлении, а поэтому особенно убедительном и запоминающемся "совершенно".

Для Булгакова это была натуральная среда, принимаемая как данность с естественностью дыхания. Все это известно, как известна его ранняя любовь к Гоголю и специальное, многократно в будущем подчеркиваемое место, выделенное для Пушкина. "Пушкин — не стихи".

Правда, в этом нет ничего исключительного. Это начальная судьба всего поколения. Однако позже многие его представители добровольно покидали этот традиционный мир, чтобы расшатывать, а то и взрывать его устои, "раздувать мировой пожар", который должен сжечь все бывшие ценности во имя новых, невиданных и непредставляемых, но желаемых. Так поступали революционеры; в свою очередь многие художники применяли в сфере культуры, считая, даже глубоко веря, что, по словам Надежды Мандельштам "... "старое" заменено "новым", а придерживающиеся "старого" останутся ни с чем". Все это давным-давно продемонстрировано, известно и изучено в своих многоликих, иногда очень печальных последствиях.

Булгаков не поддался соблазну неофитского отрицания. Как мы знаем, новый порядок он принял настороженно, правда, пытаясь добросовестно отыскать в нем положительный смысл. Но пафос нигилизма был ему чужд с самого начала. И в жизни и в литературе. Он приложил огромные усилия, чтобы создать себе свой Дом по образу того, родительского, которого его лишили; чтобы сотворить вокруг себя по мере возможности микромир, опирающийся на

те, традиционные, пусть широко попранные основы иерархии ценностей, порядка, равновесия.

Если правильно наше изначальное предположение, что классик — это тот, кто предлагает неустойчивому миру свой собственный порядок, возвращает устойчивость, то Булгаков еще до литературной классичности стремился быть, так сказать, классиком жизни. Во многих аспектах, даже в мелочах, касающихся формирования собственной внешности, манеры держаться, одеваться, говорить; во внешнем устройстве дома и распорядке домашнего бытия. В те времена это все было очень сложно, мелочи становились большими проблемами, неконвенциональное поведение могло в лучшем случае оцениваться как чудачество, эпатаж, в худшем же — объяснять не надо. Многое не удавалось, но тут на выручку приходила литература. Она была подвластна крепнущему мастерству, приносила компенсацию. Измученное поденщиной перо приобретало дома в бессонные ночные часы полноту власти. Оно создавало и воссоздавало мир по Булгакову. Вот хорошо известное нам, булгаковедам, противоборство: день был до ужаса современен, ночь — классическая. Недаром ночами рождалась сначала "Белая гвардия", а потом Главная книга.

IV

И так, слава Богу, наш Мастер не был "как все" или, во всяком случае, не как большинство его современников. Но это еще не исключительность, которую мы стремимся найти. Ее надо еще доказать. Ибо, согласимся, будучи даже в меньшинстве, довольно многие русские интеллигенты после революционного переворота придерживались старых мер, носили в душе старую систему оценок, пытались быть честными насколько позволяла ситуация и создавали у себя дома островки традиционного, "почти дореволюционного" быта.

Но тут, в нашем случае, есть еще одна отличительная черта, которая сразу сужает круг булгакоподобных явлений. Наш Мастер пишет, и как писатель выносит свои критерии и свою шкалу ценностей на-гора, на рынок, на публику. В "Белой гвардии", потом в "Днях Турбиных", частично и в "Беге" он старается быть беспристрастным свидетелем, отдавать должное победителям и побежденным, стремится, употребляя другое выражение Пастернака, "взять революционную тему <...> исторически, как главу меж глав, как событие меж событий и возвести в какую-то пластическую, несектантскую, общерусскую степень".

Сегодня это звучит элементарно, как простое требование историзма, но в те времена — в двадцатые годы — это полностью противоречило господствующей, "классовой" точке зрения и явилось причиной приближающейся опалы и назревающего скандала. Такую литературу сумели создавать очень немногие (в стране, ибо

в эмиграции дело обстояло иначе); близок к Булгакову в этом смысле был, пожалуй, только Вересаев.

Итак, описывая поражение себе подобных, преодолевая собственные симпатии и антипатии, наш Мастер, особенно в "Белой гвардии" приобретает уже черты классика, ибо он приносит своим современникам в отточенной художественной форме то, чего им больше всего не хватало — равновесие зрелого историзма.

Отметим, что, начиная с конца двадцатых годов, Булгаков осознает также — трезво и без мегаломании — свой собственный литературный удельный вес. Он уже чувствует себя мастером и без комплексов, но в духе упомянутой интеллигентской традиции ищет совета у Мольера, Пушкина, Гоголя; он чувствует свое с ними родство, увидев свое место в ряду творческих судеб, поддаваемых нажиму времени и обстоятельств и, прежде всего, нажиму деспотии. Словом, он всматривается в классиков, ища у них объяснения того, что происходит с ним и с его родиной. Иногда он очень смел: в известном письме Попову по поводу Вишневского он — mutatis mutandis — приравнивает свою судьбу к пушкинской, но — классическое! — чувство меры никогда его не покидает, и потому это сравнение принимается без возражений.

Но все это явилось только подготовкой к тому, в чем наиболее полно выразилась особая булгаковская миссия,— к Главной книге.

Она возвращала ему то, что у него было отнято временем: свободу. Он же, автор, в свою очередь одарял этой свободой порабощенный тоталитарной властью мир. Удивительным образом эта двойная свобода подтверждается добавочным аргументом; судьбой самой книги, которая, избежав уничтожения, сумела долететь до нашего времени. Это естественное продолжение романа.

В этом была суть булгаковской победы; спасти смысл своей жизни книгой, которая спаслась сама по установленным ею самой принципам. Свободное искусство оказалось более реальным, чем подневольная реальность.

Согласимся, что в булгаковское время более всего не хватало именно чувства свободы, и что именно в нем была суть его собственного авторского порядка, который он мог предложить своим современникам и потомкам. Изменив только число с единственного на множественное, он бросал им — и всем нам — окрик: "Свободны! Он ждет вас",— указывая путь освобождения и раскрепощения умов.

Здесь, несомненно, подтверждается его репутация классика, которую создала ему уже "Белая гвардия". Никто, кроме него, не доказал возможность свободы в несвободное время настолько убедительно. В этом отношении рядом с "Мастером и Маргаритой" можно поставить разве только "Доктора Живаго", где совсем иные средства, но цели — в плане вечности — тождественны.

С этой перспективы мы можем полностью оценить привязанность Булгакова к традиции в самом широком и глубоком смысле. Что, кстати, отнюдь не мешало ему быть смелым новатором, создателем своего собственного художественного мира, умело использующего опыт революции в искусстве двадцатого века. Это как раз та исключительность, которую мы пытались нащупать. Завзятых революционеров искусства было достаточно много. Но хватало также и сознательных неоархаистов, которые пытались законсервировать — пусть и благороднейшую — старину в чистом виде, усматривая в этом суть культурной миссии русской интеллигенции. Булгаков находится вне этих альтернатив, в другом, собственном измерении. Охранители робели перед классикой, молились на нее и не терпели свободного с нею обращения, видя в этом посягательство на основы, посягательство, идущее "от лукавого", т.е. в конечном счете от большевизма (следы такого подхода мы наблюдаем вплоть до сегодняшнего дня среди некоторых кругов старой русской эмиграции; вспомним скандал, который разразился вокруг "Прогулок с Пушкиным" Андрея Синявского). Наш Мастер свободен также и по отношению к своим великим предшественникам, чувствуя свое с ними равенство. Он естественным образом живет в традиции, пародирует ее, иногда потешается над нею, опровергая некоторые ее элементы, чтобы обратным порядком утверждать то, что кажется ему основным.

Это под стать тому, кто сам является классической традицией, олицетворенной в судьбе и в Книге.

V

Именно так: в судьбе и в Книге. Ибо уже доказано, каким причудливым образом Мастер и Маргарита переплетается с судьбой автора, и больше того: возводит эту судьбу в некую высшую степень реальности, дополняет и завершает ее. И еще больше: мы, булгаковеды, знаем, что Главная книга играет свою роль и в наших скромных судьбах, и я, вероятно, не ошибусь, если предположу, что многие из нас считают ее металитературой.

Поэтому хочется спросить вас, уважаемые литературоведы: достаточно ли для того, чтобы по-настоящему проникнуть в булгаковский мир, достаточно ли одного литературоведения, отдавая ему, конечно, все должное, а также наши усилия и наши знания?

Постараемся на миг острым проницательным, не научным, а просто человеческим взглядом увидеть нашего Мастера в окружающем его мире — с его манерой поведения, общения, отношения к другим — на тогдашнем фоне, где он выглядит немного как таинственный незнакомец, впервые замеченный Берлиозом и Бездомным.

А что, если Михаил Афанасьевич Булгаков был Воландом русской литературы, посланным — догадайтесь, кем? — чтобы навес-

ти в ней человеческий порядок? А что, если созданный писателем герой создал в свою очередь своего автора?

Тогда мы должны принимать роман "Мастер и Маргарита" как форму некоего — чтобы употребить удачную формулировку Мариэтты Омаровны Чудаковой — "пратекста", который открывает сам себя своему автору и его героям. И как метафору и судьбу самого Булгакова.

Иначе, по-видимому, трудно было бы, если вообще возможно, стать классиком в столь неклассическое время. Ведь столько претендентов не состоялось по своей вине или по вине темных сил того времени. Чтобы сохранить себя для будущего как образец, нужна была потусторонняя сила. Правда, ее создал сам творец. Но, как мы только что предположили, она в свою очередь создала его. Но все-таки, в свою очередь, в конечном счете все это — великая русская литература, так что за нею — последнее слово, и в этом контрапункте значения она побеждает. Если даже разные Фомы Неверующие говорят: "Ба, ведь, это только литература!" — мы-то знаем, что в ней, благодаря ей и через нее живут настоящей жизнью, ибо, как правильно замечает Азазелло: "...для того, чтобы считать себя живым, не нужно непременно сидеть в подвале, имея на себе рубашку и больничные кальсоны".

Мы также знаем, что настоящий литературный классик может реально влиять на реальную жизнь. Говорят, Константин Георгиевич Паустовский часто высказывал мысль, что литература призвана изменять мир к лучшему. Однажды с ним поспорили: раз этот мир стал жестоким и бесчеловечным, не свидетельство ли это бессилия и поражения литературы? "А откуда вы знаете,— резко возразил Паустовский оппонентам — какими были бы люди, не окажи литературы на них влияния?"

И действительно, можно предположить, что миру было бы труднее без нашего Мастера. По-видимому, он был создан и возведен в сан классиков (оставим уже наши легкомысленные рассуждения) благодаря некоему инстинкту самосохранения мира и соблюдения извечной правильности бытия, на которой, как мы знаем, "построен мир".

Говоря о прозе, отдадим, наконец, последнее слово поэту, ибо поэзии дано умение сжимать смысл, концентрировать максимум значения в минимуме слов. Семен Липкин в последних словах своей изящной переделкинской поэмы, имея в виду, надо полагать, Анну Андреевну Ахматову, пишет:

Мы удивляемся тому, что день погас,
Но зорко смотрит лунным кругом,
И вспоминаем ту, кто связывает нас
С бессмертьем, с правотой, друг с другом.

Этот зорко смотрящий лунный круг вызван здесь как бы специально в честь нашего Мастера. А дальше мы имеем точный синтез той роли, которую берет на себя настоящий классик литературы нашего столетия: он преодолевает конечность всего, осуществляя связь времен; он напоминает нам о незыблемости основных этических понятий и, наконец, он возвращает нам чувство членов единой семьи человеческой.

Прекрасный дар вечности, правды, солидарности. Поклонимся от его имени памяти того, кто связывает нас с бессмертием, с правотой, друг с другом.

Любомир Дюрович
(Лунд)

В КАКИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ ВХОДИТ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *рус(Ь/с)ки(й)?*

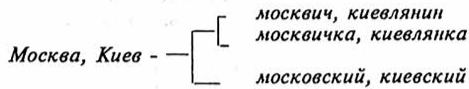
1.1. Понятие словообразовательной парадигмы, в исследование которого Елена Андреевна Земская внесла существенный вклад (срв., например, Земская 1978, 1992 и др.), имеет несомненное оправдание там, где можно указать, что количество и значение входящих в парадигму позиций и оппозиций системой однозначно задано и неизменно. Системный характер парадигмы убедительнее всего доказывается тогда, если она, как иерархически высшая единица, способна подчинять себе (словообразовательные) морфемы. Такое подчинение словообразовательных морфем парадигме может быть двояким: наличная морфема может из-за заданного парадигмой значения терять свое собственное значение, становиться пустой (пустая реальная морфема), или же значение, заданное парадигмой, может нести отсутствие морфемы (нулевая морфема).

Примером пустой реальной морфемы может служить, например, морфема {-#с-}, после необходимых альтернаций в поверхностной структуре -ч-, в словах типа *предложенческий (структура, тип)*, где никакого исходного звена $^{+}$*предложенец* нет и никогда не было, но суффикс {-ij-} исходного слова среднего рода *предложение* не допускает другого способа образования производного прилагательного, кроме 4 церковнославянизмов типа *житийный, понятийный* (срв., напротив, абсолютную словообразовательную активность омонимного суффикса {-ij-}, имплицирующего женский род в иностранных словах типа *организация — организационный, ликвидационный, ректификационный* и пр.)

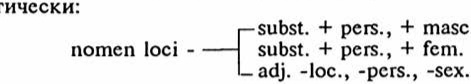
Нулевая словообразовательная морфема находится, например, во всех производных названиях мужских лиц, системно противопоставленных женским типа *студент — студентка, якут — якутка*, т.е. {-Ø-: -#к-}, срв. та же оппозиция с реальной морфемой {-#с-} в *китаец — китайка, новгородец — новгородка*, т.е. {-#с-: -#к-} (Isačenko 1969, 53 и сл.).

1.2. Классическим примером системной словообразовательной парадигмы во всех славянских языках и диалектах является пара-

дигма производных слов от названий населенных пунктов и территорий. К каждому такому названию неминуемо образуются название мужского и женского лица, а также одно и только одно прилагательное, конвертирующее потенциально все эти три существительных (Ďurovič 1972, 197 и сл.):



т.е. семантически:



Та же парадигма, напр. к названию *Америка* или *Баку*, содержит те же позиции: *американец, американка, американский* (срв. словацкое, чешское *americký*); *бакинец, бакинка, бакинский.*

Самым характерным свойством этой парадигмы является системная допустимость только одного прилагательного: нет и не может быть прилагательных типа +*москвичский,* +*киевлянский* (хотя без затруднений будет напр. прилагательное *лютеранский* от *лютеранин*, не относящееся к этому типу парадигм), +*американский/американский,* +*бакский,* и мы даже не можем себе представить прилагательное, конвертирующее названия женщин (+*москвиче(ч)ский*). Это значит, что и *политика Москвы,* и *вкусы москвичей,* и *феминистское движение москвичек* при конверсии будут *московская политика, московские вкусы, московское феминистское движение,* так же как *американская политика* есть и *политика Америки,* и *политика американцев,* и *политика американок:* морфема {-an-}, при помощи которой образуются оба названия ({amer, ik-an-$\begin{bmatrix}\#c-\\ \#k-\end{bmatrix}$}),

в прилагательном не играет никакой семантической роли, т.е. она может, но не должна обозначать лицо, так же как в случае *московский* отсутствие морфемы {-ič-} может, но не должно обозначать не-лицо. Другими словами: при конверсии в прилагательное в словообразовательной парадигме обсуждаемого типа теряет свое значение и морфема, обозначающая лицо, и значимое отсутствие такой морфемы. Таким же образом *болгарский* может конвертировать и название страны *Болгария*, и названия ее жителей (*болгарин, болгарка*). Это случай, где значению соответствует и морфематический состав прилагательного — отсутствуют все "профилирующие" морфемы субстантивных членов парадигмы {-ij-, -in- и -#k-}, но прилагательное *болгарский* конвертирует все три существительных, точно так же как *американский* или *московский.*

Терминологически нужно оговориться: слово, (словообразовательная) парадигма, употребляется так же, как в морфологии, и по отношению к абстрактному типу или классу, и к отдельным типам заданных парадигм.

2.1. Прилагательное *рус(с)кий* образовано — морфематически и исторически — от собирательного существительного *Русь*. Однако семантическое развитие этих двух слов, по причинам в основном не языковым, пошло врозь, и каждое из них в разных восточнославянских языках и в разные исторические периоды — насколько оно вообще существует — входит в разные словообразовательные парадигмы того типа, о котором говорилось выше. Поэтому третьим членом, входящим обязательно в эти парадигмы, могут быть довольно различные этнонимы — названия мужчины и женщины.

2.2. Слово *Русь* обозначало первоначально все территории и население (Unbegaun 1935, 275–276), принадлежащие восточнославянской языковой группе и христианской религии византийского обряда. Эти два критерия в принципе всегда совпадали, и тогда, когда из единого православия в XVI–XVII веках выделилась униатская или же греко-католическая церковь. В течение тысячи лет эта территория входила в разные государственные образования, что — в некоторых случаях — повлекло за собой дифференциацию национальную, языковую и, следовательно, также терминологическую.

Универсальное название *Русь* — не имеющее точного эквивалента в западноевропейских языках — продолжало употребляться и после падения Киевской Руси: часть, которая после этого оказалась в Литовском и позже Польско-Литовском государстве, называлась определенное время Литовская Русь; восточные славяне в исторической Венгрии и их территория были до первой мировой войны политически не выделенная: (Угорская или Угорська) Русь, потом Подкарпатская (Підкарпатська) Русь существовала как политическая единица в рамках Чехословакии; но название Угорская Русь применялось также и к самым восточным частям Словакии, с униатским населением, которые после 1918 г. не вошли в Подкарпатскую Русь. В рамках Московского государства была Великая, позже Малая и Белая Русь, была Червонная, Черная Русь и др.

2.3. Древнейшая парадигма времен Киевской Руси была:

Русь — ┌ *русинъ* (ПР), *русичь, русиць* (СПИг)
└ *русьскыи*

Парадигма здесь полная, хотя название женщины в известных мне источниках не засвидетельствовано. Кроме того, *Русь* — существительное с собирательным значением (Unbegaun 1935, 275-6), а в *русин* {-in-} имеет четкое сингулятивное значение, исключающее

формы множественного числа, которое обозначается коллективом *Русь*. Название *русич/русиц* встречается только в Слове о полку Игореве.

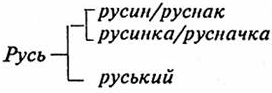
Начиная с XIV-XV веков укрепляются два государства, употребляющие русский как официальный язык — Московское и Литовское государство, срв. известное место из Литовского статута: "А писаръ земъский маеть поруску литерами и словы рускими вси листы... писати". В то же время в Западной Европе для жителей этих двух стран начинают специализироваться два различных названия — Russi, они же Moskovitae или Mosci с одной и Rutheni с другой стороны. Их языки друг от друга отличаются aliquantulum — 'немного' (Унбегаун 1969, 134 цитирует итальянско-польского историка XVII века Guagnini).

С процессом национальной дифференциации Руси прилагательное *русский* все больше специализируется в одном из своих значений и получает значение 'великорусский', хотя *Русь*, как название территории, не потеряло свое старое общее значение: оно только архаизировалось. (В гимне бывшего Советского Союза в строке "...сплотила навеки великая Русь..." имелось в виду это архаичное значение слова *Русь*.). Таким образом, актуальная семантическая связь слов *Русь* и *русский* = 'великорусский' оборвалась. Быть может и в связи с этим этноним *русин* вышел из употребления и возник со словообразовательной точки зрения изолированный этноним *русский, русская*, деадъективное существительное.— К петровскому названию *Россия* образовалась нормальная парадигма *Россия — россиянин, -нка-, российский,* правда, из-за существования слова *русский*, специализировалось *российский,* и оно получило маркированное значение 'относящийся к территории и государству России', (+ loc., срв. стр. 85) т.е. оно не конвертирует этнонимы *россиянин, россиянка.* А прилагательное *русский* по отношению к нему немаркировано.

2.4. В результате делений Польши Австрия получила в Галиции восточных славян, которые не считали себя русскими (великорусами). Австрия признала за ними характер такой же национальности, какой были поляки, немцы, русские, чехи и др. и официально стала называть их Ruthenen, просто заимствуя латинское Rutheni: эквивалентом этому в их собственном западнорусском языке, в литературе обыкновенно называемом "проста мова" (Успенский 1983, 64 и сл.), было название *русин,* мн. ч. *русини* ([rusyny]), хотя люди сами чаще называли себя *руснак,* мн.ч. *руснаци* ([-cy]), или своими региональными названиями *лемки, бойки, гуцули* ([-ly]), или идентифицировали себя, в отличие от поляков, как православные или греко-католики. В период, когда новый украинский литературный язык со второй половины XIX века был принят русинами в Галиции и культивировался преимущественно тамошними куль-

турными учреждениями, названия *руський, ruthenisch* и *український, ukrainisch* могли употребляться как синонимы (Smal-Stockyj u. Gartner, Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache, Wien 1911 и тех же авторов: Граматика української (руської) мови, Львів 1928).

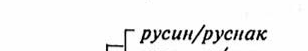
Словообразовательная парадигма в Галиции (Червонна Русь) состояла, следовательно, из всех постулируемых позиций:



2.5. Православные восточные славяне жили на южной стороне Карпат от начала расселения славян в Средней Европе и входили в территорию исторического Венгерского королевства (название Marchia Rutenorum 1177 г.). Этнически это были те самые лемки, бойки и гуцулы, которые жили на севере Карпат и их территории назывались тоже Русью (Угорской). Но развитие самосознания на севере и юге Карпат не тождественно. Русь на севере, т.е. в Польско-Литовском государстве, и после 1772 г. в Австрии, имела свою политическую и четкую культурную историю (братства, в XIX в. львовские культурные и церковные учреждения и пр.) и со второй половины XIX века начала идентифицировать себя как украинская народность. Русь же в границах исторической Венгрии была отсталым закоулком, без политического идентитета и культурного центра (Magocsi 1987 и др.). Только в XVIII и в начале XIX века возникли первые грамматики в принципе церковнославянского языка, которые учитывали местные наречия (самая известная — M.Lutskay т.е. Лучкай, Grammatica Slavo-Ruthena). В вопросе о национальной идентификациюбдлщш98и вплоть до конца первой мировой войны дискуссия шла между направлением великорусским и угро-/карпато-руским; только начиная с 1920-х годов крепло направление украинское, которое политическими средствами полностью победило в бывшей чехословацкой Подкарпатской Руси (с 1945 г. Закарпатская область УССР, теперь Украины). В советское время понятие *русин* в той области было убрано и официально до сих пор не существует. Однако дискуссия опять развернулась и довольно интенсивно ведется полемика о украинском и "руськом" языковом направлении в "Закарпатье".

В восточной Словакии, восточнославянская часть которой раньше также входила в этническую Угорскую Русь, принудительная украинизация и ортодоксизация (запрет греко-католической церкви) 1950—1989 годов была отменена, так что теперь — только в Словакии — есть выбор между народностью русинской, украинской и русской.

В Угорской и Подкарпатской Руси парадигма была такая же, как и в Галиции:



или позже *карпато-руський*.

Прилагательное *русинський* в обиходе русинов не существовало: в названиях населенных пунктов, организаций, журналов и пр. было только *руський* и до сих пор в восточной Словакии, т.е. в пограничных или смешанных областях существует десяток сел с атрибутом *руський* (никогда *русинський*), как напр. Руська, Руське, Руська Кайня, Руська Воля, Руський Кручов, Руський Поток и пр.

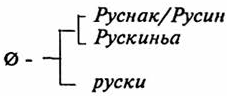
В официальном употреблении Чехословакии был этноним *Rusín, Rusínka, Podkarpatská Rus* (в отличие от парадигмы *Rusko, Rus, Ruska, ruský*). Чешский и словацкий языки употребляли название *Rusín, Rusínka* уже с начала XIX века, но словообразовательная связь с *Русь* в этих языках не ощущалась и прилагательное образовалось от этнонима, т.е. словацкое *rusínsky,* чешское *rusínský* (т.е. + pers., срв. стр. 85).

2.6. В XVIII веке, в рамках заселения освобожденных от турок земель на юге исторической Венгрии (Бачка, Банат, Срием/Срем), переселилось туда несколько десятков тысяч человек из словацкой языковой области. Для нашей темы интересны греко-католики, говорящие на восточнословацком земплинском наречии. На новой территории они идентифицировались по своей религии как *руснаци* (ед. ч. *руснак*), позднее официально *русини, русин* (срв. напр. Witkowski 1984). После распада Австро-Венгрии в 1918 году они оказались в новом государстве Югославии, во время второй мировой войны опять попали в Венгрию, после 1945 г. Югославия была восстановлена, в 1992 году она окончательно распалась, и русины были разделены: часть, в Бачке, т.е. Войводине, с городком Руски Керестур, принадлежит Сербии, а другая часть, с городом Вуковаром лежит в Восточной Славонии, которая теоретически должна принадлежать Кроатии, но в настоящее время оккупирована Сербией (написано в 1995 г.). Русины проживали в области самых ожесточенных боев и об их судьбах сегодня, после всех "этнических чисток", мало известно. Могу, следовательно, говорить только о югославском периоде. Эти русины — в последнее время их было около 30 000 — сыздавна старались писать на своем диалекте, всегда употребляли кириллический шрифт, и в послевоенной Югославии они были официально признаны народностью. Их язык был признан литературным языком (Дуличенко 1981 изобрел для таких языков название "литературные микроязыки"), и он употреблялся как один из пяти

официальных языков автономной "покраины" Войводина — наряду с сербским/хорватским, словацким, венгерским и румынским.

Свой язык эти русины называют *руски язик* и так же, как было в их карпатской "прародине", прилагательного *русински/руснацки* у них не было (в текстах последних лет оно, однако, начинает появляться). Нет также географического названия *Русь*.

Словообразовательная парадигма этнонима несет здесь, таким образом, следы сложного развития:



В качестве примера употребления этих слов, а так же в качестве примера этого языка самого, привожу цитату из брошюры, изданной в Канаде, где только правописание немного отличается от официально одобренного в бывшей Югославии: "Ми себе наволуеме Руснацами, вообще. Мужеска особа <...> пове пре себе же е Руснак. Ньикеди, ньияк иншак. Женска особа у нас пове пре себе вше же е Рускиньа <...>. Наша воедна Народна назва — Руснаци. Народна бешеда (=язык) нам руска. Ми бешедуеме по-руски, нашо мена и презвиска — руски, наша Вира — руска, нашо церкви — руски, нашо дзеци и Школи — руски, ми читаме и пишеме — по руски <...> и шицко инше цогод ма булоякей вязи зос нами у нашей псигологиi, розуме, сознаньу — руске" (Кольесар 1973, 12).

2.7. По-другому вопрос о русинах и их этнониме развивался в восточной Словакии (с 1918 г. Чехословакия, с 1993 г.— государство Словакия).

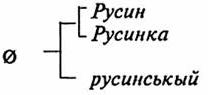
Исторически, до 1950 года, вопрос о национальной идентификации проходил здесь между русинским и русским (великорусским) направлением; в языковом отношении существовал некоторый компромисс — в основной школе употреблялись учебники с большим или меньшим количеством местных диалектных черт, в гимназиях — русский язык с своеобразной смесью церковнославянизмов, словакизмов и диалектизмов ("язычие").

Но по политическим решениям в годы 1950–1952 русинская народность и грекокатолическая церковь были официально убраны (в крае Прешов, где русины жили, была убрана также национальная идентификация "русский"), и в качестве единственного официального языка административным решением введен — наряду со словацким — украинский язык; также греко-католическая церковь была "воссоединена" с православной. Все это вызвало серьезные социальные волнения, между прочим, около двух третей здешних русинов и русских стали определять себя как словаки.

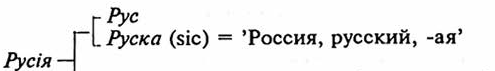
В обществе возникло напряжение между новым украинским (включало православие) и запрещенным русинским (включало греко-католицизм) началом. Во время чехословацкой "Пражской весны" 1968 г. можно было среди многих других вентилировать и этот вопрос, и в качестве некоторого компромисса единственная допустимая украинская народность переименовалась на "*русинсько-українську",* этноним *русин-українець*; появилась культура, дни, Союз ... русинів-українців (в Югославии соответствующая организация была Союз русинох и українцох/Союз русинів і українців), но прилагательное *русинськоукраїнський,* которое мне довелось увидеть, должно быть недоразумением. Название *русин-українець* употребляется до настоящего времени (1995) той частью жителей Словакии, которая идентифицирует себя как украинцы.

Вследствие политических событий 1989 года и падения монополии власти русинский вопрос опять был поставлен ребром. В органе упоминаемого выше Союза русинів-українців "Нове життя" была введена страница "Голос русинів" и, например, уже в июне 1990 года там пишет один читатель: "Нашы люде суть русины і не люблят, жебы їх называти українцями". Такие настроения завершились признанием за русинами характера одной из народностей. Интенсивная работа развивалась над установлением норм русинского литературного языка, который был в январе 1995 г. кодифицирован, кодификация торжественно провозглашена и официально одобрена Министерством образования и науки Словацкой республики.

В этом случае русины перестали употреблять свое старое прилагательное *руськый*, которое получило значение '(велико)русский' и приняли форму *русинськый*, где теперь {-in-} уже является не особой морфемой, а интегральной составной частью производящей основы. Территория русинов в Словакии не есть Русь (регион, где они вперемешку со словаками живут, называют Пряшевщина, по центральному городу Прешов/Пряшів) и словообразовательная парадигма этнонима прямолинейна:



в отличие от



* * *

Как видно, в настоящее время есть два официальных литературных языка русинов: один — в Словакии — называется **русинским** (*русинськый язык*), второй — на территориях бывшей Югославии — **руским** (*руски язик*). Кроме того, русины в Польше все больше употребляют свой язык, который они, однако, чаще всего называют **лемковским**, и в украинском Закарпатье также существует стремление добиться официального признания русинства со своим собственным литературным языком.

Представители этих четырех языков, а также русины и русинисты (так *Орфографічный словник русинського языка*) из некоторых других стран уже в 1992 году образовали координационный орган, который принял общие принципы для кодификации русинского языка в отдельных странах, в каждой на основе местного языка, употребляя кириллический шрифт: идеальная цель в будущем — из этих четырех создать пятый, некоторое койне, "общерусинский" язык.

* * *

Вот какие языковые — в том числе словообразовательные — последствия имеют политические судьбы Руси за минувшую тысячу лет.

ЛИТЕРАТУРА

Witkowski W.: 1984, 'O Baczwańcach i ich języku', **Slavia orientalis** 33, 3–18.

Дуличенко А.Д.: 1981, **Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития,** Таллин.

Ďurovič Ľ.: 1972, 'Относительное прилагательное в славянских языках', in: **The Slavic Word**, D.S.Worth ed., Mouton, The Hague — Paris, 189–214.

Ďurovič Ľ.: 1991, 'Ruthenerna', in: **Slavica Lundensia** 13, Lund, 93–101.

Земская Е.А.: 1964, 'Интерфиксация в современном русском словообразовании', in: **Развитие грамматики и лексики современного русского языка,** Наука, Москва, 36–62.

Земская Е.А.: 1973, **Современный русский язык. Словообразование,** Просвещение, Москва.

Земская Е.А.: 1978, 'О парадигматических отношениях в словообразовании', in: **Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния,** Наука, Москва, 63–77.

Земская Е.А.: 1991, 'Относительное прилагательное как конструктивный элемент номинативной системы современного языка', in: **Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект,** Наука, Москва, 132–164.

Земская Е.А.: 1992, **Словообразование как деятельность,** Наука, Москва.

Isačenko A.V.: 1969, 'Morpheme classes, deep structure, and the Russian indeclinables', **IJSLP** XII, 48–72.

Кольесар Ю.Д.: 1973, **История руского народного мена,** Руски повесци, Монтреал.

Magocsi P.R.: 1987, **The Shaping of a National Identity — Subcarpathian Rus, 1848–1948,** Harvard University Press, Cambridge — London с богатейшей библиографией.

Мечковская Н.Б.: 1989, 'Рускыми словами а словенскым языком'. (О языковом сознании Франциска Скорины), **RL** 13, 145–159.

Орфографічный словник русиньского языка, 1994, Русиньска оброда, Пряшів.

Unbegaun B.: 1935, **La langue russe au XVIe siècle,** Librairie ancienne Honoré Champion, Paris.

Unbegaun B.: 1969, 'L'origine du nom des Ruthènes', in: **Selected Papers on Russian and Slavonic Philology,** Oxford, 128–135.

Успенский Б.А.: 1983, **Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка,** Издательство МГУ, Москва.

Vasmer M.: 1953, **Russisches etymologisches Wörterbuch,** I-III, Carl Winter Universitätsverlag, Heidelberg.

О.П.Ермакова
(Калуга)

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОБАКИ

Собака превосходит всех животных и человека силой чувств радости и печали.
.....
"человек,— говорит взгляд собаки,— у меня нет ничего, кроме тебя".

К.Чапек, Минда, или о собаководстве.

В статье "Речевой портрет ребенка" Е.А.Земская справедливо заметила, что данные детской речи имеют большое значение для общего языкознания, психологии, педагогики и др. научных дисциплин (Земская 1990, 244).

Мы осмелимся высказать мысль, что изучение коммуникативных возможностей животных тоже может представить материал небесполезный для упомянутых научных дисциплин.

Жанр речевого общения человека с животным интересен уже самим фактом своего существования. Это единственная сфера (кроме общения с детьми младенческого возраста), в которой человек использует вербальные средства (хотя не только вербальные), а его собеседник такими средствами не располагает. Но общение постоянно происходит, чаще всего при полном взаимопонимании. Эта сфера общения человека почти совсем не изучена. А между тем изучение ее, нам представляется, интересно как для познания коммуникативных возможностей животного, так и для лучшего понимания некоторых функций человеческой речи.

В статье "Разговоры с животными" (Ермакова 1988, 240–241) мы выделяли две функции разговоров с животными: 1) как форму общения с человеком, когда животное выступает в качестве псевдоадресата, и 2) как форму непосредственного общения с животным.

М.В.Китайгородская рассматривает животное как квазиадресат, выделяя в общении с ним прежде всего фатическую, а также эмотивную и апеллятивную функции (Китайгородская 1993, 79).

В данной статье мы обратимся к разговорам с животным как истинным адресатом.

Статья представляет собой опыт описания коммуникативных средств и их функций одной собаки.

Известно, что из всех домашних животных собака — самое общительное существо.

По тонкому замечанию К.Чапека, "В ней есть нечто, обращенное к кому-то другому" (Собака и кошка). Она очень восприимчива к человеческой речи.

Интересным представляется выяснить, каков словарный запас у той или иной собаки, что различает она в звуках человеческой речи, в частности, какие качества звуков служат и для нее смыслоразличителями.

Не менее важно, мне думается, установить и какие звуковые (и не звуковые) сигналы использует собака в общении с человеком и другими животными, однозначны или многозначны эти сигналы, и многие другие вопросы.

В этой статье мы не сможем остановиться на всех вопросах, представляющих интерес для данной проблемы. Затронем лишь некоторые.

Общие сведения об объекте наблюдения.

Собака — дворняжка (возможно, в родстве с колли, судя по внешнему виду), пяти лет. Живет в семье филологов. Никакого специального "образования" пес не получил, его не обучали выполнять команды, он живет как член семьи. Очень доброжелательный, общительный и любознательный. С ним много разговаривают.

Пассивное владение человеческой речью.

Владение человеческой речью у собаки напоминает то, как некоторые (или многие) из нас владеют иностранным языком — только на уровне понимания. И при этом в пассивном словаре у всех разное количество слов. Неодинаковое оно и у разных собак. Это зависит, естественно, от того, как много с собакой разговаривают, и от лингвистических способностей самой собаки.

Опишем пассивный словарь нашего информанта. В нем представлены прежде всего существительные и глаголы.

Существительные.

Их в словаре собаки больше всего. Среди них: 1) Имена близких людей и знакомых собак: *мама, папа, Митя, Лена, Дядя Дима, Алина, Надя, Иван, Саша, Брайт, Гера, Лесси, Линда, Бим.*

2) Названия мест, где живет и бывает пес,— *Калуга, Вырка* (деревня, где он вместе с хозяевами бывает летом), и тех мест, куда он часто ходит с хозяином (ему всегда сообщается, куда пойдут): *магазин, гараж.* Сюда же надо отнести предложно-падежные и наречные номинации, некоторые из которых являются лишь кос-

венными обозначениями мест, но пес их воспринимает именно как указания на направление движения и место, куда идут: *дома, домой, на речку, к дубам, к Ивану; за водой, за хлебом.* Знает он и обозначение *на работу* (место, куда он не ходит).

3) Названия еды: *хлеб, каша, картошка, мясо, кость, колбаса, молоко, печенье.*

4) Названия некоторых живых существ: *собака, кошка, еж, пчела, оса, муха.*

5) Названия предметов: *поводок, мячик, перчатки, тапочки, шапка, диван, окно, лапы, машина, палка* (только как орудие игры, его никогда не бьют).

Глаголы (приводятся в тех формах, в которых чаще всего произносятся; некоторые в словосочетании): *хочешь* (?), *сядь, сидеть, пей, гулять, пойдем, поедем, подожди* (на дороге — "подожди меня" — он обычно гуляет без поводка, так как совсем не агрессивен), *ешь, доешь, ложись, отдай, скажи, попроси, вставай, уходи, ищи, хватит, мыть лапы, открывай лапой* (дверь), *дай ему лапой, перестань.*

Другие слова — прилагательные, наречия, предикативы: *хороший, плохой, нельзя, горячо, скоро, всё* (!)

Таким образом, в пассивном словаре этой собаки примерно 80 слов. Возможно, и больше, но мы приводим лишь точно зафиксированные.

Думается, было бы интересно установить максимальное количество слов, которое может усвоить животное, в частности, собака, и среднее — типичное их количество.

Разумеется, в понимании собакой слов (их закрепленности за определенными предметами или действиями) велика роль контекста и ситуации.

Некоторые примеры.

Пес хорошо знает слово *мячик.* Дома, в городской квартире, он всегда реагирует на просьбу: "Найди мячик!", "Принеси мячик", "Где твой мячик?". Начинает искать, вспоминает, что он закатился под диван, достает. Однажды ему сказали: "Твой мячик в кухне, под столом". Он немедленно отправился в кухню и нашел под столом мячик.

Но как-то о мячике упомянули на даче, где у него сейчас нет мяча. На вопрос, где мячик, не было никакой реакции. А три года назад у него был мячик и там, он оставлял его на грядках, в кустах и по просьбе находил. Теперь он знает, что его там нет.

По нашим наблюдениям, собака способна объединять в своем восприятии словообразовательные варианты слов. Ей не мешают узнавать как знакомые модификационные изменения слов за счет присоединения уменьшительно-ласкательных суффиксов: *мама-мамочка, папа-папочка, мяч-мячик, колбаса-колбаска, кость-косточка* и др.

Одинаково воспринимает пес и словообразовательные пары *ешь-доешь, неси-принеси, проси-попроси.*

Мы не беремся судить, слышит ли он различия в этих словах. Можно ли это установить с помощью специальной аппаратуры (надежность эксперимента в искусственных условиях вызывает у нас сильное сомнение)? Можно пока только высказать предположение, что пес слышит и вычленяет знакомую часть слова — *ешь* (в *доешь*), *колбас* (в *колбаска*) и т.д.

Но так или иначе, пес одинаково хорошо воспринимает высказывания (что выражается в его реакции). *Где мяч? Где твой мячик? Хочешь колбасы? Хочешь колбаски? Ешь кашу! Доешь кашу!* и т.д.

Различение звуков человеческой речи.

Вопрос, который нас давно интересовал,— какие звуки человеческой речи являются для собаки смыслоразличителями. Сколько "фонем" у собаки в ее пассивном владении языком? Ответить на него в полной мере очень сложно. Трудно корректно поставить эксперимент, устранить влияние интонации, ситуации и т.д.

Здесь мы ограничимся постановкой вопроса и лишь некоторыми непритязательными наблюдениями.

Несомненно, собака различает гласные. На этом, например, основано использование команд "фу!" и "фас!" при дрессировке. Шутливые наименования хозяев — *папа* и *мама* собака отчетливо различает (наблюдение это подтверждается общением с другими собаками)[1]. Можно ли из этого сделать вывод, что противопоставленность согласных по способу образования и для нее смыслоразличительна?

Очевидно, можно.

По нашим наблюдениям, собака воспринимает также звонкие и глухие согласные как смыслоразличители.

Так, наш информант не реагировал на слово *баба*, когда мы пытались заменить им (в разных контекстах) слово *папа*. Но, возможно, только когда имел дело с двумя одинаковыми согласными и перед гласными.

Те же звуки *п — б* в других условиях, на наш взгляд, собакой не всегда противопоставлялись. Так, имя ненавистной собаки *Брайт* вызывает у пса негативную реакцию и при произнесении *Прайт*: при сообщении "там Прайт пришел" — ворчание[2]. До эксперимента в общении с нашим информантом эту собаку называли только *Брайт*. Разумеется, сообщение о приходе Брайта было в таких случаях ложным, чтобы проверить реакцию на слово и исключить возможность реакции на запах собаки, который пес может ощутить и не на близком расстоянии. Замена звука *п* звуком *б* в одном из "самых любимых слов" — *печенье* тоже не изменило реакции радостного оживления.

Таким образом, в этой сфере мы можем пока сделать лишь некоторые предположения на основе отдельных наблюдений: собака различает звонкие и глухие согласные в человеческой речи, но, очевидно, не во всех фонетических условиях и даже не во всех словах.

Понимание жестов и других невербальных стимулов.

Все собаки однозначно понимают некоторые жесты человека: жест, которым прогоняют (человек замахивается рукой или палкой и т.п.), подзывание похлопыванием рукой по бедру и некоторые другие. Заметим при этом, что если первый однозначно воспринимают вообще все животные, то второй характерен только для общения с собаками (но не с кошками).

Пес, о котором идет речь, без всякой дрессировки, во время прогулки, хорошо понимает движение рукой, указывающее — "идем прямо", "направо", "налево" (естественно, как — "в одну сторону" или "в другую"). Обычно забежав вперед, он останавливается и, обернувшись, вопросительно смотрит: "Куда идти?". И безошибочно реагирует на соответствующее указание рукой. Понимает пес также жест, указывающий на кого-то или что-то, жест, приглашающий сесть, вспрыгнуть,— похлопывание рукой по дивану, подоконнику и т.п.

Хозяин чаще всего подзывает его характерным свистом. Пес прекрасно отличает его от свиста, который издает кто-то другой, реагирует моментально, даже если хозяина не видно, (например, если он свистит из окна пятого этажа, когда пес гуляет во дворе и не знает, где находится хозяин).

Какими средствами коммуникации располагает сама собака? Каков ее активный язык?

Каждая собака общается с человеком посредством звуков, мимики и жестов.

По нашим наблюдениям, собаки различаются тем, насколько активно и разнообразно используют они звуковую "речь".

Звуковая речь собаки.

Есть более молчаливые и более "разговорчивые" собаки. Наш пес очень разговорчив, хотя, разумеется, в полной мере использует мимику и жесты.

Попробуем описать характер "звуковой речи" этой собаки, набор звуков и их функции.

Наш информант не часто пользуется лаем как средством общения с человеком (на собак, конечно, лает). Никогда не выражает лаем просьбы — вывести и дать поесть (хотя такое нередко наблюдается у собак). Он "подает голос" обычно в одном случае: сообщает о своем приходе, если убежал и долго гулял, и тем самым просит его пустить домой. Приходит ночью, садится под окно во дворе

(квартира на 5-м этаже, а дверь в подъезд он сам открыть не может) и громко лает (иногда с подвыванием). Конечно, он использует лай либо для оповещения ближайших собак, что он здесь и "несет службу" (только в деревне), либо для выражения отрицательных эмоций: на людей лает крайне редко, обычно, если не любит кого-то. Бывает и радостный лай при "появлении знакомого", но редко.

Зато он многое выражает другими звуками.

Не располагая точными сведениями (которые можно получить только посредством специальной аппаратуры) о звуках, издаваемых собакой, мы можем прибегнуть лишь к сопоставлению их со звуками человеческой речи. Понимая дилетантский характер этого сопоставления, все же попытаемся это сделать.

В языке собаки больше всего "гласных". Как ни удалены собачьи "гласные" от звуков человеческой речи, все же характерно, что в его звуковой гамме нет звука, напоминающего человеческое *э*. Более или менее похожи собачьи "гласные" на *а, о, у, и, ы*.

Если в "звуковой речи" собаки и можно выделить некое подобие согласным, то скорее всего его звук, напоминающий глухой заднеязычный щелевой твердый — *х*. Но подобие это очень отдаленное.

Чаще всего наш информант использует "дифтонгические" сочетания, напоминающие — *ау, уа, о-у, у-у, а-и*. Интонация при этом, как правило, нисходящая. Кроме того, можно услышать и некие аналоги сочетаний *а-ах, о-ох, и-ах* (более длительный звук перед "согласным"). Временами, вздыхая, он издает совершенно человеческие звуки — *о-хо-хо*. Люди, впервые слышавшие эти звуки из-под стола, шарахались и не могли поверить, что это вздыхает собака. Очевидно, это у пса подражание человеку, хотя до этого мне не приходилось наблюдать, чтобы собака воспроизводила звуки, свойственные человеческой речи.

Заметим, что весь этот набор звуков пес использует только в общении с человеком. В общении с собаками он издает лай, рычание (иногда рычит и на людей) — горловые звуки, не соотносимые с человеческой речью — в некоторых случаях — легкое повизгивание.

Коммуникативные функции звуков у собаки.

По нашим наблюдениям звуки *о-у, у-у* (при нисходящей интонации) чаще всего выражают:

1. Напоминание о себе и одновременно просьбу, например, если за столом едят то, что он любит и, по его мнению, долго не получает ("Вы не забыли, что я здесь и что я тоже люблю печенье?").

2. Сообщение, что он пришел, когда видит сидящих на веранде людей (на даче), а дверь ему открывать не торопятся.

3. Выражение только эмоции неудовольствия, в частности, когда ему предлагают уйти с дивана, когда он видит, что из его миски ест приходящий на дачу еж (лаять на него и проявлять какую-то агрессию в этом случае ему запретили; он "отводит душу", когда обнаружит ежа в лесу и тогда некоторое время тяфкает на него, издавая специфические звуки, которые никогда не используются в лае на собак и людей).

Так называемые дифтонги в перечисленных случаях несколько отличаются, но установить точно закрепленность их вариантов за определенными функциями нам пока не удалось.

Можно отметить, что эти "дифтонги" полифункциональны, но общий фон их использования — эмоциональная неудовлетворенность.

Напротив, сочетания звуков: *а-у, у-а, и-а, и-и, а-ах, и-ах* (последний звук мало отчетлив и скорее вызывает ассоциации с *х*. Явных аналогий с согласными человеческой речи, как уже отмечалось, в языке собаки нет) — *и-и* выражают чувства светлые — радость, приятное смущение, удовольствие, игривость.

Эти звуки пес часто издает, когда после некоторого отсутствия хозяина и томительного ожидания его, появившийся хозяин его тормошит, треплет, и оба радуются.

Таким образом, очевидно одно: звуки разной тональности функционально противопоставлены в языке собаки.

Светлые чувства выражаются или звуком, отдаленно напоминающим высокий звук *и* человеческой речи, или "низким небемольным" звуком *а*. Иной эмоциональной окрашенностью характеризуются звуки *о-у*, также отдаленно ассоциирующиеся с низкими, бемольными звуками *о-у* человеческой речи (опираемся на акустическую классификацию в книге М.В.Панова — см. Панов 1979, 53, 58).

Функции жестов и мимики.

Жестикулирует собака хвостом. Виляние хвостом выражает:

1) приветствие;

2) дружелюбие;

3) радость;

4) возбуждение по разным причинам;

5) предвкушение удачной охоты: виляет хвостом, когда копает в поле в поисках мышей (уже засунув нос в нору или около норы);

6) вопрос — просьбу (вместе с вопросительным взглядом), когда хочет выяснить, возьмут ли его с собой, что значит, что хозяин взялся за рюкзак или другие "дачные" вещи. Показывая глазами на колбасу или печенье, одновременно крутит хвостом;

7) согласие на предложение: *пойдем?, хочешь?* или на приятное сообщение: *скоро пойдем гулять*. Действия нелюбимые никогда не

вызывают виляние хвостом. На слова *пойдем мыть лапы* пес идет, но никогда не выражает согласие хвостом;

8) признание вины: виляние хвостом здесь сопровождается особой походкой ("приниженной"), виноватым взглядом.

Некоторые жесты пес воспроизводит, подражая человеку. Так однажды ему посоветовали: "дай ему лапой" (человек вместо лакомства показал псу фигу) и продемонстрировали, ударив дразнящего рукой. Пес тут же повторил этот жест. С тех пор это стало развлечением у детей: показывают собаке фигу, он бьет по руке лапой. Но только тогда, когда фигу показывает сидящий за столом, а пес рассчитывает на угощение.

Таким образом, жесты у собаки часто служат средством коммуникации одновременно с мимикой: прежде всего взглядом. И так же как люди, в общении собака может использовать все средства коммуникации, которыми располагает.

Попутно отметим, что наш информант не умеет смеяться — выражать мимику смеха, хотя нам приходилось наблюдать собаку, у которой характерно вздергивались губы, как при смехе, обнажались зубы, но для выражения радости, а не агрессии.

Подводя итоги, попробуем обобщить те коммуникативные намерения, которые выражает собака.

1. Побуждение: просьба, требование, призыв. Любое "сообщение" — о приходе, о появлении нежелательных посетителей, о том, что нашел ежа, ужа и т.д.— это какое-то побуждение: просьба пустить, присоединиться к охоте, посмотреть, разделить эмоции и т.п.

2. Вопрос: возьмут ли его, когда кто-то из членов семьи уходит, и т.п. Но и вопрос, как это нередко бывает в общении людей, чаще всего тоже просьба.

3. Выражение согласия или протеста.

4. Выражение эмоций — радости, огорчения, тоски, чувства вины.

Таким образом, основные коммуникативные функции "речи" собаки — апеллятивная и эмотивная. В то же время нельзя полностью исключить из коммуникативных намерений собаки фатическую функцию, хотя она чаще всего совмещается с выражением эмоций.

Некоторые "тексты", состоящие из реплики человека и реакции собаки.

1. Молока хочешь? Дать Кузе молока?

— Радостное виляние хвостом, поза ожидания, в других случаях и *-аў*.

2. Сейчас и ты будешь кашу есть, мы поели, тебе оставили. Как ты насчет каши?

— Поднимается и уходит из кухни, где лежал под столом (кашу ест только после уговоров).

3. В деревне: Я пойду за молоком, а ты дома жди. Сиди и жди. (В дом, где молоко, его не берут, там полно собак, возможна драка). Со вздохом ложится на веранде.

4. Надо бы нам на Вырку собираться.

— Радостное оживление, хвост, прыжки, *ау*.

5. Пес стоит у закрытой двери и, обернувшись, смотрит на хозяина.— Ну, что же ты стоишь. Отрывай лапой. Толкай дверь лапой.

— Толкает дверь лапой.

6. В деревне: Там вроде Алина приехала (одна из дачниц, живущих примерно в четырехстах метрах от его дома; пес с ней дружит), сходил бы к ней.

— Поднимается и идет прямо туда через поле.

7. Хозяин ходит с ним в несколько мест. Перерывы в посещении могут быть большими, но по словесным указаниям: "Пойдем к Ивану", "Пойдем за хлебом", "Пойдем к Мите", "Пойдем в гараж" и др., пес безошибочно, убегая вперед, берет верное направление и ведет хозяина. В жилых домах обычно ошибается только в этаже.

8. Пес очень возбуждается, когда приходит домой кто-нибудь из членов семьи или знакомых. Прыгает, ставит лапы на грудь. Успокаивается, только схватив в зубы перчатку или шапку. Убегает с добычей, прыгает на диван и мордой прикрывает то, что схватил.

— Ты зачем взял мамину перчатку? Отдай!

— Постукивание хвостом, веселый блеск в глазах, отдавать не хочет. Уговаривают. Нехотя отдает, часто при этом издает звуки — *о-ў*.

9. А где твой мячик?

— Оглядывается, идет искать, помнит, что он закатился под диван, пытается достать лапой. Если мяч где-то в доступном месте, берет в зубы, приносит, но отдает неохотно, хотя потом радостно прыгает и ловит подброшенный мяч.

10. В лесу на прогулке около дачи нередко убегает домой один: надоело, ходят медленно, места знакомые. Потом выбегает на тропинку к дому, лежит и ждет. При появлении того, кого он бросил, бежит с виноватым видом и несколько прижатым хвостом.

— Что же это ты нас (меня) бросил? Плохой ты друг! Плохой!

— Крутится, чуть повизгивая и "произнося" *а — ах*.

— Ну, ладно, прощаю.

— Прыгает, старается лизнуть в лицо. "Говорит" *а — у*.

11. Видит, что хозяин одевается для выхода из дома, мигом встает, крутит хвостом, заглядывает в глаза;

— Нет, ты не доел кашу. Доешь и пойдем гулять.

— Подходит к миске и доедает кашу.

12. В аналогичной ситуации:

— Нет, ты дома, я на работу иду.

— Со вздохом ложится у двери, уже не пытается "уговаривать".

13. Утром, проснувшись, подходит к хозяину, проверяет, намерен ли тот встать и его вывести.

— Рано, рано, еще полежим.

Пес со вздохом ложится снова.

14. При переходе через дорогу: Нельзя! Машина!

Останавливается, ждет.

15. После прогулки, дома.— Ну, кто будет лапы мыть? Папа или мама? Подходит к "маме", крутит хвостом, "говорит" — *и-а-х*.

Мы привели лишь некоторые примеры многочисленных разговоров с собакой, поскольку наша задача была — прежде всего показать коммуникативные возможности собаки. В этой статье мы не остановились на всех наблюдаемых нами формах общения человека с собакой.

Наша статья — лишь скромный опыт в описании интересной, как нам кажется, сферы общения.

Накопление опыта в исследовании коммуникативных возможностей домашних животных может дать представление о том, каким пассивным словарем в среднем обладает собака (или кошка). Может быть, даже в наш век нетривиальных словарей будет составлен такой словарь! При основательном изучении этого вопроса мы будем более точно знать, что усваивает животное из человеческой речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О таком же употреблении этих слов в общении со своими собаками говорили мне поляки и немцы.

[2] Реакция на имя Брайт у пса наблюдается только в деревне (где Брайт живет и может подойти к нашему дому) и полностью отсутствует в городе, где "недруг" не может прийти.

ЛИТЕРАТУРА

Ермакова О.П. Разговоры с животными (лингво-психологические заметки) // Разновидности городской устной речи. М., 1988.

Земская Е.А. Речевой портрет ребенка // Язык: система и подсистемы. М., 1990.

Китайгородская М.В. Чужая речь в коммуникативном аспекте // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., "Высшая школа", 1979.

В.А.Зайцева
(Нью-Йорк)

РР (русская разговорная речь) и КЛЯ (кодифицированный литературный язык) в теории коммуникативной компетенции

Новизна и богатство материалов, собранных и описанных Е.А.Земской и ее группой при исследовании живой русской разговорной речи ставят перед лингвистикой новые вопросы, в частности,— возможно ли создание такой теории языка, которая бы давала принципиальное объяснение колоссальной разнице между КЛЯ и РР и в то ж время была бы в состоянии представить язык как единую систему. Работы Земской и ее группы наглядно демонстрируют, что процессы, происходящие в РР, не укладываются в существующие параметры описания КЛЯ.

Отметим сразу, что неопределенность теоретического статуса РР по отношению к КЛЯ и общей системе языка поразительно напоминает исключительное положение перформативов по отношению к другим глаголам речи. Существенная разница состоит в том, что группу перформативов при ее сравнительной малочисленности легко отнести к категории исключений[1] — при очевидной невозможности поступить подобным же образом с материалами РР. Сходство между перформативами и РР по отношению к общей языковой системе не является чисто внешним. Именно эти две области языка обнаруживают прочную связь с внеязыковой реальностью. Поскольку связь между языком и внеязыковой реальностью осуществляется через акт коммуникации, описание взаимосвязи между устройством языка и внеязыковой реальностью (наиболее очевидной в дейктических структурах и перформативах) прямо зависит от принципов описания коммуникативных процессов и правил.

В настоящей работе рассматриваются методологические возможности теории коммуникативной компетенции и коммуникативной модели (ТДМ = трансакционная дискурсивная модель), описанной в Йокояма 1986, в области формализации взаимодействия между устройством языка, коммуникацией и внеязыковой реальностью[2]. В частности, исследуется применение ТДМ к описанию механизма референции, действующего и в КЛЯ и в РР, и

выявляется связь этого механизма с семантикой глаголов речи и предсказуемостью перформативной функции. Ниже предлагается краткое (и поэтому неизбежно огрубленное) описание главных компонентов ТДМ и ее импликаций для РР[3].

1. **Общие принципы ТДМ**: каждое высказывание является актом передачи единиц знания от собеседника **А** к собеседнику **В**; в каждом высказывании автоматически передается представление говорящего о знаниях собеседника и их соотношении со знаниями говорящего.

Импликации для описания РР и КЛЯ. Поскольку знания передаются и вербально, и при помощи жестов, выражения лица[4] и т.д., эти принципы позволяют оперировать одновременно знаниями, источником которых является не только общий смысл и форма высказывания, но также и сопутствующая ему речевая ситуация, равно как и те знания, которые привлекаются собеседниками для интерпретации этой ситуации. (Это единство отчасти передается и категорией Якубинского "апперцепционная база", но там все же содержится представление о границе между вербальными и невербальными источниками знаний). Так как основные особенности РР лежат, главным образом, в способах связи значения высказывания с конситуацией, ТДМ, оснащенная аппаратом для включения знаний участников речи в значение высказывания, представляет более широкие возможности, чем "апперцепционная база".

2. Классификация знаний. Все коммуникативно передаваемые знания подразделяются на семь видов. Из них два вида являются метинформационными: знание кода (т.е., лексического инвентаря и грамматических правил) и знание данной дискурсивной ситуации (включающее также и знание общих коммуникативных процедур). Остальные пять видов относятся к информационным знаниям: предикационное (когда известно, что что-то случилось, но неизвестно, что именно); пропозиционное (когда известно, что именно случилось, например, *кто-то кого-то ударил*); спецификационное (соответствующее знанию термов пропозиции и позволяющее назвать участников и обстоятельства действия); референтное (позволяющее назвать референта, ответив на вопрос "Кто это?"); экзистенциальное (позволяющее задать вопрос "Кто это?" — когда у говорящего отсутствует референциальное знание X, но имеется знание, что X существует).

Кроме того, разные виды знаний состоят в импликационных отношениях (так, референциальное знание подразумевает присутствие экзистенциального, пропозициональное знание предполагает предикационное и экзистенциальное знание термов и т.д.). Так как в нашей работе центральное место будет занимать анализ взаимосвязи между референциальным, пропозициональным знаниями и знанием кода, следует сразу отметить поразительное сходство в

"структурном устройстве" единиц кода и референциального знания.

Знание кода (в дальнейшем будет обозначаться как КОД) передается набором пропозиций (минимально одной пропозицией) с нереференциальными термами и выражается статическими предикатами общего характера:

КОД "осцилограф"
[[Осцилограф — это прибор для записи электрических колебаний.]]
[[О. был изобретен в 50-х годах]]

Количество пропозиций, ассоциируемых с КОДОМ, может варьироваться от говорящего к говорящему, но сами пропозиции в общих чертах сходны у всех носителей данного языка, обладающих знанием данной единицы.

Референциальное знание (условно обозначаемое фигурными скобками) также ассоциируется с некоторым ненулевым множеством пропозиций. В отличие от КОДА, референциальное знание одного и того же лица, скажем, {Джейн Смит} у разных говорящих может значительно варьироваться:

А {Джейн Смит}:	**В** {Джейн Смит}:
[[Д.— женщина около тридцати лет]]	[[Д.— не очень молодая женщина]]
[[преподает в Мидвэйловском колледже]]	[[преподает в Мидвэйловском колледже]]
[[Д.— подруга Боба Уайта]]	[[Д. недавно защитила диссертацию]]
[[У Д. спокойный характер]]	[[Д.— очень амбициозная особа]]

Как отмечает Йокояма, в основе таких пропозиций лежит пропозициональное знание, однако сами пропозиции обычно представляют более сложный комплекс знаний (экзистенциональные, спецификационные, референциальные). Главное отличие пропозиций, закрепленных за единицей КОДА,— отсутствие референциальных знаний.

Теоретические импликации. Классификация знаний и их импликационных отношений автоматически устраняет большую часть проблем, связанных с передачей "подтекста" — коннотативных знаний, представленных в логическом анализе естественных языков как *пресуппозиции, презумпции, импликатуры*[5] и т.д.. Сходство между референциональным знанием и КОДОМ и связь обоих видов знания с пропозициональным знанием обнаруживает единую основу для анализа языка и речи (идея, представлявшаяся "химерической" не только Соссюру[6] и его преемникам в генеративной грамматике, но и многим исследователям речевых актов и коммуникативных процессов[7]).

Взаимосвязь между этими тремя видами знаний — область наименее исследованная в Йокояма 1986, поскольку в этой работе

модель ТДМ применялась к описанию порядка слов и интонации русского языка. Однако и при самом поверхностном взгляде легко заметить, что общая структура у единиц референционного знания и лексических единиц КОДА обеспечивает взаимосвязь между языковой и внеязыковой реальностью. Достаточно одной из пропозиций быть перенесенной из множества пропозиций, представляющих референтное значение, в множество пропозиций, составляющих единицу КОДА, и мы получаем сдвиг в значении языковой единицы. Проследить обратный процесс — переход пропозиции из КОДА в набор пропозиций к референциальному знанию входит в задачу настоящей работы; этот переход будет подробно рассмотрен ниже.

3. Модель коммуникации. Центральным компонентом теории Йокоямы является Трансакционная Дискурсивная Модель (ТДМ). Динамика передачи знаний описывается в рамках теории множеств диаграммой Венна. Собеседники **A** и **B** представлены как множество знаний **A** и множество знаний **B**. Оба множества всегда пересекаются, т.е. какие-то единицы знаний в когнитивных множествах любых двух лиц всегда частично совпадают. Кроме того, каждое из множеств содержит свое подмножество (**Ca** для **A** и **Cb** для **B**), куда входит только небольшая часть активизированных знаний: то, на чем сосредоточен человек в данный момент времени. Шанс, что у двух отдельно взятых лиц совпадет содержание этих подмножеств, очень невелик. Для того, чтобы коммуникация вообще оказалась возможной, подможества **Ca** и **Cb** должны пересекаться; пересечение **(Ca-A)Ω(Cb-B)** (в дальнейшем: **Cab**) должно как минимум содержать следующие единицы: референциальный дейктический набор {я, ты[8], здесь, сейчас}, ‖ **P** ‖ (т.е., предикационное знание "что-нибудь всегда где-нибудь случается и может служить темой разговора") и КОД.

В процессе дискурса содержание **Cab'**а постоянно меняется и единицы знаний мгновенно перемещаются из пересечения в пересечение. Переход единиц знания от **A** к **B** ("трансакция") выглядит так: то новое для **B**, что до высказывания содержалось только в множестве **A**, т.е., в пересечении **AΩ(Ca-B)**, немедленно становится достоянием **B** и сразу после высказывания переходит в **Cab**. В то же время само высказывание служит толчком для мгновенного перемещения ("релокации") других единиц, имевшихся у **B** до высказывания. Поскольку высказывание строится говорящим **A** также на представлении о единицах знания, имеющихся у **B**, но неактивизированных, т.е., находящихся в пересечении **CbΩ(A-Ca)**, то по окончании высказывания в множестве **B** происходит немедленное перемещение этих единиц из пересечения **CbΩ(A-Ca)** в **Cab**. Другими словами, активизируется и попадает в центр общего внимания собеседников не только то новое, о чем знал и думал **A** и совсем не знал **B**, но также и то, о чем **A** знал и думал, а **B** знал, но

не думал до момента речи. Таким образом, формальным показателем успешности дискурсионной трансакции является полное слияние подмножеств **Ca и Cb=Cab**[9]. Исключением является вопросительное высказывание, так как оно метинформационно сигнализирует отсутствие определенного типа знаний у говорящего, желание это знание получить и предположение о том, что у адресата оно содержится. Полное слияние **Ca** и **Cb** происходит только после высказанного ответа.

Важно отметить, что модель прототипического дискурсионного обмена, описанная в Йокояма 1986, представляет картины пересечений множеств и подмножеств знаний участников дискурса с *точки зрения говорящего.* Представление говорящего о картине дискурсивной ситуации предшествует каждому высказыванию. Независимо от объективной правильности оценки содержания и местонахождения единиц знания у адресата, все высказывания производятся говорящим и строятся на основе его субъективной оценки дискурсивной ситуации.

4. Процедурные правила:

Оценка (Assessment). Говорящий обязан как можно точнее оценить состояние знаний собеседника (присутствие/отсутствие таких-то единиц знания и их местоположение в пересечениях множеств и подмножеств знаний). Оценка мотивируется Грайсовским принципом релевантности.

Подтверждение (Acknowledgement). Если говорящий оценил состояние знаний адресата правильно, то адресат обязан это подтвердить (подтверждение может выражаться невербально (кивком, например) или вербально: *У-гу, Понятно* и т.д.).

Поправка (Adjustment). В случае такой ошибки в оценке знаний адресата, которая препятствует дальнейшей передаче знаний, адресат обязан придти на помощь и вывести собеседника из заблуждения. Примеры поправки: *Какая Наташа? Иванова или Петровская?* в ответ на сообщение *Тебе звонила Наташа.*

Принятие импозиции (Acceptance). Импозиция — это частный случай такой ошибки говорящего в оценке знаний адресата, когда говорящий строит свое высказывании на ошибочном представлении, что некая единица находится в **Cab'e**, тогда как она является частью неактивизированных знаний адресата. Такая ошибка не препятствует коммуникации, но затрудняет ее (адресату приходится "порыться" в своих знаниях и активизировать нужную единицу, не прибегая к поправке). Таким образом, третье процедурное правило вменяет адресату в обязанность принять импозицию[10]. Именно поэтому импозиция характерна при близких, неофициальных отношениях, когда говорящий может позволить себе некоторую неточность в оценке.

Методологические импликации. ТДМ приводит в одну стройную систему те принципы и понятия, которые создавались на заре прагматики — и часто независимо друг от друга — для описания коммуникативных явлений, имеющих отношение к форме и значению высказывания, такие как апперцепционная база, теория актуального членения, теория речевых актов. Главная методологическая инновация ТДМ состоит в том, что коммуникативные явления, которые стоят за такими понятиями, как "тема/рема", "топик/комментарий (фокус)", "данное/новое", "известное/неизвестное" определяются на самостоятельных, независящих от высказывания/предложения основаниях[11]. Кроме терминологического разнобоя и общей расплывчатости, эти понятия (как упоминалось в Йокояма 1992) страдают известной циркулярностью: например, тема часто определяется как то, что находится в начале предложения, а помещение слов в его начало объясняется на основании того, что они относятся к теме. Являясь в большой степени усовершенствованным и расширенным вариантом теории актуального членения, ТДМ представляет аппарат для более тонких классификационных различий, создаваемых пересечениями когнитивных множеств и подмножеств, недоступных в других коммуникативных моделях. Например, традиционная категория "общие знания собеседников" не учитывает серьезных различий, определяемых через такие пересечения как:

(A-CA)Ω(D-Cb) (то, о чем **A** и **B** знают, но сейчас не думают),

CbΩ(A-Ca) (то, что знают **A** и **B**, но о чем сейчас **B** думает, а **A** нет);

CaΩCb (то, о чем **A** и **B** знают и о чем думают сейчас);

CaΩ(B-Cb) (то, что **A** и **B** знают, но о чем сейчас думает только **A**).

Йокояма 1986 показывает, что эти различия играют решающую роль не только для порядка слов и интонации русского языка, но также и при распределении дискурсивных частиц в японском языке и деакцентуализации в английском: эти явления находятся в прямой зависимости от местоположения единиц референтного знания в когнитивных множествах собеседников (согласно оценке картины дискурса говорящим). Принципы оценки когнитивных множеств адресата являются идентичными в КЛЯ и в РР.

Применение ТДМ в описании эллипса в КЛЯ и РР

Одно из важных дополнений к модели ТДМ, сделанных в Мун 1955 (описавшей условия обязательного и вариативного опущения подлежащего в повествовательных и побудительных предложениях), состоит в добавлении параметров *центр и периферия* для описания местоположения дейктических единиц референциального знания {я, ты, здесь, сейчас} в пересечении **Cab**. Это добавление

связано с тем, что идентичные элементы, содержащиеся в пересечении **Cab**, могут находиться в центре пересечения у одного из собеседников и на периферии у другого. Таким образом получается, что при оценке знаний адресата говорящий оперирует не одной, а двумя картинами дискурса, представляя себе возможные расхождения с тем, как видится ситуация дискурса собеседнику[12]. Ниже предлагаются пример из Мун 1995 и краткое описание ее анализа этого примера.

(I) а. Огромна была работоспособность **Куприна**. б. Иногда **он** не отрывался от рукописи по четырнадцати часов подряд. в. **ø** Не спал ночи. г. С любовью, бесконечным терпением **ø** переписывал по многу раз каждую страницу. д. **ø** Трудился над рукописью, как ювелир над драгоценным украшением.

Как только предложение (Ia) прочитано, все единицы знаний, в нем содержащиеся, перемещаются в **Cab**; картина дискурса для **А** (автора) и **В** (читателя) теперь одинакова:

(2) **Cab, центр:** {работоспособность Куприна},
[[огромна была]],
{Куприн}, подразумеваемый в *работоспособность Куприна.*
Cab, периферия: {Куприн}

Перед высказыванием (1б) картина организации знаний **А** меняется:

(3) **Cab, центр**: {Куприн}
Cab, периферия: {работоспособность Куприна},
[[огромна была]]

Между тем, **А** осознает, что у адресата осталась прежняя картина (как в (2)), т.е. нельзя рассчитывать, что **В** будет знать, что **А** собирается говорить о *Куприне*, а не продолжать тему его *работоспособности.* Таким образом, у **А** оказывается ДВЕ картины организации знаний: одна с точки зрения **А**, изменившаяся как в (3), другая — с точки зрения **В**, оставшаяся прежней, как в (2). Мун 1995 показывает, что при таком расхождении в картинах дискурса местоимение не может быть опущено, т.е., предложение (1а) не может быть продолжено как ******Иногда ø не отрывался от рукописи по четырнадцати часов подряд.* Присутствие местоимения *он* — сигнал адресату, что говорящий успел перестроить расположение единиц в **Cab'е** и то же самое следует сделать адресату. На основании высказывания (1б) теперь и **В** перемещает {Куприн} с периферии в центр, после чего **Cab** выглядит одинаково для **А** и **В**, в результате чего местоимение опускается. Во всех последующих высказываниях центральное положение единицы {Куприн} у говорящего не

меняется, производя тот же эффект: в каждом из этих высказываний местоимение опускается.

По-видимому, функцию таких местоимений, которые не могут опускаться и которые употребляются с целью дать адресату сигнал переместить единицу референциального знания с периферии в центр **Cab'а** следует рассматривать как вариант метинформационной процедуры поправки, но совершаемой не адресатом, а говорящим[13]. Установить разницу в картинах дискурса для говорящего / автора не представляет труда, так как источником всех расхождений является организация знаний в **Cab'е** самого говорящего, а картина **Cab'а** адресата оценивается как то, что там должно находиться по правилам.

Несмотря на то, что Мун 1995 установила правило опущения местоимения на материале КЛЯ, оно, как мы увидим ниже, оперирует и в РР. Приведем из работы Земской (Земская 1981:197) один из множества ярких примеров коммуникативной неудачи, идущей от неверной оценки говорящим содержания когнитивных множеств адресата и роли поправки в ее преодолении:

> (4) "Ср. две совершенно разные конситуации, любая из которых может придать разный смысл незамещенной позиции: [1] А. и Б. ранее условились, что вынесут из спальни в коридор небольшой шкаф; [2] в той же спальне стоит большой букет черемухи (который вредно оставлять на ночь в спальне). А. к Б. *Вынести бы надо* // Б. *Ну не сейчас же?* А. (поняв суть нарушенной коммуникации) Да нет / не шкаф / черемуху // Б. А. *ну конечно / конечно //.*

То, что у Земской названо "двумя разными конситуациями", в рамках ТДМ можно представить как две разные единицы референциального знания: {шкаф} и {черемуха}, связанные с двумя разными единицами пропозиционального знания, с одинаковым кодовым выражением ВЫНЕСТИ. Терм пропозиционного знания [[вынести]] представлен у **А** как спецификационное и референциальное знание "черемуха", что позволяет **А** предположить, что и серия пропозиций, входящих в КОД "черемуха", т.е., {ЧЕРЕМУХА: [цветы с сильным запахом]], [[их вредно оставлять на ночь в спальне]][[их надо вынести]]}, также находится в **Cab'е**. Для **В**, однако, [[вынести]] представляет другую единицу пропозиционного знания, введенную в **АΩВ** в предыдущем дискурсе и с другим спецификационным и референтным термом: {шкаф[[мы хотели вынести из спальни шкаф]]}.

Обе референциальные единицы {черемуха} и {шкаф} имеют право находиться в **Cab'е**, поскольку относятся к дейктическому набору {ЗДЕСЬ="спальня"}, что и оказалось основанием для ошибочной оценки, произведенной говорящим **А**. Опущенное местои-

мение ("незамещенная позиция") свидетельствует о том, что **А** счел, что референциальная единица {черемуха} находится у **В** в центре **Cab'а**. Опущенное местоимение в высказывании послужило сигналом для **В**, что он может считать свою картину дискурса с единицей {шкаф} в центре **Cab'а** идентичной с картиной у **А**. Словами *Да нет / не шкаф / черемуху //* **А** совершает метинформационный акт поправки, после которого количество и расположение единиц в **Ca** и **Cb** становится идентичным и недоразумение устраняется.

Тот факт, что в РР местоимение иногда опускается, а иногда не только не опускается, но и не может быть опущенным, требует своего объяснения. Рассмотрим, например, эпизод, описанный у Земской (Земская 1981:199):

(5) (А показывает на приближающийся автобус)
А. На этом можно? Б. На этом с пересадкой //

Указание на приближающийся автобус не поможет сделать высказывание понятным, если местоимение опустить:

(6) (А показывает на приближающийся автобус)
А. *Можно?

Принцип Мун 1995, устанавливающий прямую зависимость между положением единицы знания в центре **Cab'а** у обоих собеседников и нулевой замещенностью позиции подлежащего, по-видимому, можно распространить и на замещенность других позиций. Чем объясняется неприемлемость варианта (5), представленного в (6)? Сопроводительный жест **А** вводит {автобус} в центр **Cab'а** у обоих собеседников, тем самым позволяя опустить "автобус". Пропозициональное знание [[ехать]] является частью знания кода АВТОБУС. Тем не менее в данный момент у говорящего нет никаких оснований считать, что {автобус} в центре **Cab'а** адресата связывается с пропозицией [[ехать на этом автобусе]], о чем свидетельствует и вопросительная форма высказывания. Именно поэтому оценка положения этой единицы как находящейся в центре **Cab'а** абсолютно исключена. Спецификационный терм *на этом* вводит в центр **Cab'а** адресата всю пропозицию и не может быть опущен.

Итак, связь между расположением единиц референциального знания в когнитивных множествах собеседников и эллипсисом прослеживается и в КЛЯ и в РР. Предложенный выше анализ лишь намечает возможность применения ТДМ к исследованию КЛЯ и РР в рамках одной системы, полное описание которой потребует совокупных трудов многих исследователей, но это — дело далекого будущего.

Референциальные портреты участников речи

Отметим, что коммуникативная модель является такой же идеализированной абстракцией, как и сама языковая система. Термины "говорящий" или "адресат" так же нереферентны, как и словарные единицы "я" или "ты". Они становятся референтными только после того, как участники дискурса, по удачному выражению Падучевой 1985, следуют "инструкции" по "нахождению" референта в реальной ситуации, и сама эта "инструкция" заложена в лексическом значении этих единиц. В данной работе вместо понятия "нахождение" предлагается понятие "концептуализация", которое точнее отражает когнитивную природу и интерпретационный характер процесса. Точно такими же "инструкциями" являются процедурные правила ТДМ.

Поскольку присутствие в **Cab'e** дейктических {я, ты, здесь, сейчас} является необходимым условием для начала дискурса, концептуализация ситуации, на основании которой будет строиться высказывание, состоит, прежде всего, в определении набора пропозиций для каждой из дейктических единиц. Чем ближе мы знаем человека, тем длиннее список пропозиций, связанный с референциальным знанием этого лица. Каким же образом говорящий выбирает эти пропозиции — и какие именно? И каким образом они оказываются одинаковыми в **Cab'e**? Для этого, по-видимому, необходимо, чтобы концептуализация производилась обоими участниками дискурса и на одинаковых основаниях — прозрачных для говорящего.

Результаты исследования взаимосвязи между пропозициональным и референциальным знаниями и КОДОМ (в Зайцева 1995б и 1996) показали, что набор пропозиций к референциальному знанию (в дальнейшем: "референциальный портрет собеседников"), содержащемуся в **Cab'e** как дейктический набор {я, ты, здесь, сейчас} не только не постоянен, но меняется с каждым речевым обменом. Ниже предлагается дополненный вариант анализа примера из предыдущих работ, взятый из рассказа Чехова "Именины". Это эпизод, в котором жена именинника, Ольга Михайловна (беременная, усталая и недовольная мужем) принимает очередного гостя, сына своей знакомой. После обычных банальностей по поводу того, как он вырос ("Старое старится, а молодое растет..."), она, быстро исчерпав тему, продолжает так:

> (7) (а) Вы обедали? (б) — Ах, не беспокойтесь, пожалуйста! — сказал студент, (в) — Ведь вы не обедали? (г) — Ради бога, не беспокойтесь! (д) — Но ведь вы хотите есть,— спросила Ольга Михайловна грубым и жестким голосом, нетерпеливо и с досадой — это вышло у нее

нечаянно, но тотчас же она закашлялась, улыбнулась, покраснела[14]. (Чехов. "Именины")

Так, совершенно очевидно, что перед высказыванием (7а) О.М. определяет себя как ХОЗЯЙКУ, а студента как ГОСТЯ. Отметим другой, столь же очевидный факт: кто чей гость, устанавливается через определение дейктического {здесь}: в доме студента та же самая О.М. играла бы роль гостьи, а не хозяйки. Появление данного лица {здесь: в доме О.М.} составляет пропозиционное знание [[в дом О.М. пришел X]], в котором {я, ты, здесь, сейчас} являются спецификационными термами. Определяя репертуар референциальных пропозиций для дейктических {я} и {вы}, О.М. совершает акт концептуализации, т.е. решает, какая единица КОДА содержит ту пропозицию, которая соответствует пропозиционному знанию, уже находящемуся в **Cab'e**.

Картина дискурса с точки зрения О.М. до (7а):

(8) {я=О.М., КОД: "ХОЗЯЙКА"}	{вы=студент, КОД: "ГОСТЬ"}
[[гостеприимные ХОЗЯЙКИ	[[гостеприимные ХОЗЯЙКИ]]
кормят ГОСТЕЙ]]	кормят ГОСТЕЙ]]
ПД Ольги Михайловны: —>	[[*мне надо накормить гостя*]]

Схема в (8), в сущности, описывает механизм референциализации КОДА, выявляя роль пропозиционального знания как посредника между референциальным знанием и КОДОМ. Как только пропозиция [[гостеприимные хозяйки кормят гостей]] переносится из КОДА в "референциальный портрет" {я}, говорящий, т.е., **Ps** в терминологии Якобсона 1957, занимает позицию спецификационного терма пропозиции. В результате этой операции такая пропозиция получает новый модальный статус: она становится пропозицией, на основании которой **Ps** собирается действовать (назовем ее пропозиция действия=ПД). Суть взаимодействия между референциальным портретом и модальной ПД хорошо передается пословицей "Назвался груздем — полезай в кузов". Проследим действие этой пропозиции на референциальный портрет адресата:

Картина дискурса с точки зрения студента после (7а) и до (7б):

(9) {я=КОД: "гость"}	{вы=КОД: "хозяйка"}
	[[хозяйка предлагает накормить
	—> КОД: "будет ХЛОПОТАТЬ"]]
[[ГОСТЬ: учтивые гости <—	
стараются доставить хозяевам	
как можно меньше ХЛОПОТ]]	
П.Д. студента —> [[*мне не надо беспокоить О.М.*]]	

Вопрос О.М. *Вы обедали?* требует ответа *да* или *нет*. Так как студент не отвечает *нет*, (7б) коннотативно вводит в **Cab** пропозиционное знание [[гость голодный]], что приводит к мгновенным изменениям в "референциальных портретах":

(10) **Картина дискурса с точки зрения О.М. после (7б)**

I. {я=КОД: "хозяйка"}	{вы=КОД: "гость"}
ПД:	[[гость голодный]]
<<[[*мне не надо беспокоиться*]]>>	<— [[гость не хочет беспокоить хозяйку]]

II. {я=КОД: "хозяйка"} {вы=КОД: "гость"}
[[хозяйка знает, что гость голодный]]
[[ПД: хозяйка не беспокоится]]
—> {я=КОД: "негостеприимная хозяйка"}

Невинный, казалось бы, ответ студента приводит к конфликту. Для О.М. принять ПД [[не беспокоиться]] значит поменять свой референциальный портрет на противоположный. При том, что ей действительно не хочется беспокоиться, студент лишает ее единственной возможности сохранить прежнюю роль гостеприимной хозяйки, не ответив *Да* на ее вопрос *Вы обедали?* Второй вопрос О.М. *Ведь вы не обедали?* направлен на устранение одной из конфликтных ПД (как показано в Зайцева 1995б, функция частицы *ведь* как раз и состоит в привлечении такого материала из **CaΩ(B-Cb)**, который указывает на противоречивость ПД, предложенной адресатом). Однако и на этот раз студент не дает прямого ответа. Для него признать [[я голоден]] — значит предложить хозяйке ПД [[накормите меня]], а заодно и поменять свой референциальный портрет на {я: неучтивый гость}. Если бы сразу же после (7г) О.М. бросилась кормить гостя, не слушая его возражений (и тактично не прибегая к коннотативно полученному знанию[15]), она бы не только действовала в рамках {гостеприимной хозяйки}, но и позволила бы гостю "сохранить лицо". "Грубость" и "жестокость" ее вопроса в (7д) как раз в том и заключается, что уклончивый ответ студента — обращение к ее такту, на который она реагирует настоянием, чтобы ей представили ясные и непротиворечивые доказательства того, что [[гость не голоден]], и, значит, ей можно не беспокоиться[16].

Как видно из этого далеко не полного анализа, ТДМ может рассматриваться и как принципиальное описание речевых актов, на нужду в котором неоднократно указывали исследователи[17]. Делая доступной для анализа динамику перемещения знаний в когнитивных множествах собеседников (и в этом смысле это аналог традиционному актуальному членению), она также позволяет проследить воздействие этих перемещений на взаимоотношения, намерения и представления собеседников друг о друге (область теории речевых актов). Приняв ТДМ за прототипическую модель речевого акта, мы получаем возможность включать в описание семантики речевых глаголов на одинаковом основании и ментальные процессы, и действия участников речи (до, после и во время речевого акта). Информацию, характеризующую все три обязатель-

ных компонента (адресант, адресат и речевой материал) можно представить такими же сериями пропозиций, как и для описания референциального знания или неглагольных единиц КОДА[18].

Связь пропозиционного знания, с одной стороны, с кодом, а с другой,— с референциальным знанием особенно наглядно выявляется в феномене перформативов[19]. Принцип, по которому можно предсказать перформативную функцию у глагола речи, основан на механизме референциализации, описанном выше. Такой глагол как *обещать* приобретает перформативную функцию в первом лице точно по тому же принципу, по которому Ольга Михайловна, определив себя через единицу КОДА {я=ХОЗЯЙКА}, начинает вести себя на основании тех пропозиций, которые входят в данную единицу, т.е. ведет себя как положено хозяйкам. Другими словами, реальный говорящий ($\mathbf{P^s}_1$) занимает позицию спецификационного терма ГОВОРЯЩИЙ ($\mathbf{P^n}_1$) во всех тех пропозициях, которые входят в значение данной лексической единицы. $\mathbf{P^s}_1$ использует эти пропозиции (мини-сценарии для $\mathbf{P^n}_1$), разыгрывая их в реальности. Перформативной функцией будут обладать только те речевые глаголы, в семантику которых входят пропозиции, которые описывают действия ($\mathbf{P^n}_1$) во время (а не до или после) произведения речевого акта и в которых терм АДРЕСАТ ($\mathbf{P^n}_2$) не принимает иного участия, кроме получения знаний. Так, глагол *доказывать* не является перформативом, поскольку содержит такую пропозицию ПД как [[$\mathbf{P^n}_2$ изменяет свое мнение]],— роль, которую в реальном речевом акте выполняет $\mathbf{P^s}_2$, а не $\mathbf{P^s}_1$. Глагол *угрожать* содержит пропозицию [[$\mathbf{P^n}_2$ испытывает страх]], *лгать* [[$\mathbf{P^n}_2$ не обладает теми же знаниями, что и $\mathbf{P^n}_1$]] и т.д.

Таким образом, ТДМ наглядно демонстрирует — и уже не на уровне метафоры, как у Остина,— что именно мы делаем словами с нашими собеседниками, откуда берутся "импликатуры" и в чем сила "иллокутивной силы", предоставляя возможность рассматривать речь как деятельность. При всей тривиальности сентенции "язык — орудие мысли", общепризнанной в традиционном языкознании, и при том, что генеративная лингвистика называет себя *когнитивной* наукой, ни тот, ни другой подход не ставили своей задачей такое описание языковой системы, которое бы включало реальные когнитивные процессы, происходящие при кодировании / декодировании сообщения. (В ряде работ в русле порождающей грамматики специально оговаривается тот факт, что теоретическая система "порождения предложений" ни в коем случае не должна рассматриваться как отражение реальных процессов при использовании языка в речи). Теория коммуникативной компетенции Йокоямы намечает пути к достижению этой задачи.

[1] Именно так и поступил основатель теории речевых актов **Austin**, первым обративший внимание на тот факт, что некоторые глаголы речи при употреблении их в высказывании от первого лица и в настоящем времени приобретают перформативную функцию, т.е., становятся тем действием, которое тот же самый глагол, употребленный в других лицах и в другом времени, лишь называет или описывает (сказать *Я вас приглашаю* и есть совершение действия приглашения, а *Я вас приглашу/приглашал* или *Он вас приглашает* — нет.). Так как причины, по которым некоторые глаголы речи не обладают перформативной функцией, до недавнего времени были неясны (сказать *Я вам угрожаю* не равно совершению акта угрозы), то считалось, что лексическое описание глагола речи должно снабжаться отдельной пометой, указывающей на идеосинкретическую способность данного глагола быть перформативом (см., например, Verschueren 1980, Frazer 1987, Апресян 1988, Гловинская 1993). Принципы описания семантики глаголов, предложенные в Zaitseva 1995, позволяют предсказать наличие перформативной функции, выводящейся из семантического инварианта глагола речи.

[2] О назревшей необходимости в создании общей теории языка, последовательно учитывающей эту взаимосвязь, свидетельствует почти одновременное появление ряда монографий и тематических сборников (не говоря уже об огромном количестве отдельных статей), посвященных способам связи семантической и прагматической информации с языковыми уровнями, таких как Арутюнова (ред.) 1988а и 1988б, Givón 1984/1990, Караулов (ред.) 1988, Kempson 1988 (ред.), Kuno 1987, Langacker 1987, Падучева 1985, Sperber & Wilson 1986, Wierzbicka 1988,— одно перечисление и краткое описание всех работ, вышедших только в 80-е годы, могло бы составить обширную статью.

[3] См. детали в Yokoyama 1986; общее представление теоретических импликаций модели и итоги исследований в рамках ТДМ в Yokoyama 1996; краткое описание модели на русском языке в Йокояма 1992.

[4] Ср. замечание в Земская 1987:15: "В разговорной речи отсутствие специальных этикетных слов типа *спасибо, пожалуйста* компенсируется интонацией и такими средствами, как мимика, жест, улыбка". См. также описание функции жеста в РР, представленное Капанадзе и Красильниковой в работах Земская и др. 1973, Земская и др. 1983, а также работу Винокур в сборнике "Русский язык в его функционировании" под ред. Земской и Шмелева 1988.

[5] Проблемы, связанные с применением логического аппарата к анализу естественных языков, неоднократно обсуждались и продолжают оставаться предметом горячих дискуссий. См., например, Арутюнова 1976 и 1982, Kempson 1989, Lakoff 1987, Norgard-Sorensen 1993, Падучева 1985, Horn 1989. См. также дискуссию по вопросу о том, что считать в некоторых контекстах ассерцией, а что пресуппозицией, в работах Падучевой 1985 и Апресяна 1988.

[6] См. Saussure 1985/1972:38: "Pour tout ces raisons, il serait chimérique de réunir sous un même point de vue la langue et la parole".

[7] См. Sperber & Wilson 1986:3: "<...> коммуникация может быть достигнута при помощи кодирования/декодирования сообщений, она может быть достигнута и путем предоставления свидетельств для выведения подразумеваемого значения. Каждая из этих моделей — языковая и интерпретационная — по-своему адекватны для разных типов коммуникации, из чего следует, что возводить одну из моделей в ранг общей теории коммуникации было бы ошибкой". И далее:

(173—174): "языки необходимы не для коммуникации, а для передачи информации; это и есть их главная функция (...). Те виды деятельности, которые связаны с обязательным использованием языка (т.е., репрезентационной системой, управляемой грамматикой), являются не коммуникативными, а когнитивными (перевод мой — В.З.)".

[8] При описании модели будем считать форму {ты} условной, не отражающей реальных отношений собеседников; при контекстуальном анализе выбор между {ты} и {вы} будет определяться отношениями собеседников.

[9] Yokoyama 1988 указывает, что такого слияния не происходит при лжи и манипуляции (у говорящего **A** после высказывания остаются в **Ca** знания, не попавшие в **Cb** и не ставшие достоянием **B**).

[10] По-видимому, именно импозиция стоит за Грайсовским понятием *усилие* (описанное в Падучева 1985:42: "<...> импликатуры — это заключения, которые делает С, принимая во внимание не только само содержания предложения **S**, но и то обстоятельство, что Г вообще произнес **S** в данной ситуации, и то, что Г не сделал вместо высказывания **S** некоторого другого высказывания **S'**. При этом используется интуитивно ясное, но не поддающееся точному определению понятие "усилие": **S'** — это высказывание, которое требует меньшего усилия, чем **S**".

[11] Строго говоря, "актуальному членению", как и его терминологическому эквиваленту — "коммуникативной структуре предложения",— соответствует в ТДМ та картина дискурса, которая является результатом оценки когнитивных множеств собеседника, предшествует высказыванию и этим высказыванием передается. Казалось бы, и в той и другой системе наблюдается одинаковая круговая взаимозависимость между формой высказывания и картиной дискурса, на которой оно построено. Однако, сходство здесь внешнее, так как ТДМ устанавливает принципы самой оценки знаний и поэтому предоставляет возможность объективно проследить основания, на которых говорящий строит свою картину дискурса. Перечислим категории ТДМ, не связанные с предложением/высказыванием: 1) присутствие/отсутствие и не-/совпадение единиц знания в когнитивном множестве собеседников есть факт внеязыковой реальности и потому величина независимая; 2) классификация знаний на 7 видов не зависит от того, кто ими обладает; 3) оценка знаний собеседника производится говорящим согласно коммуникативным правилам, не зависящим от индивидуального речевого акта и его участников.

[12] Такие случаи не рассматривались в Yokoyama 1986, хотя там упоминается, что реальная картина должна быть сложнее описанной в модели и указывается, что границы пересечений в когнитивных множествах могут быть размытыми, т.е. представлять периферию данного пересечения. Тот эмпирический факт, что знания забываются, но в разной степени (какие-то из них при усилии могут быть восстановлены) интерпретировался как показатель того, что неактивизированные знания сначала находятся на периферии когнитивного множества и только потом утрачиваются. См. также работу Parrott 1990, в которой используется идея периферии когнитивного множества адресата для установления отличий между частицами *же* и *ведь*.

[13] Ср. Zajtseva 1993, где рассматривается тот факт, что при письменной коммуникации у адресата нет возможности следовать коммуникативной процедуре подтверждения, и устанавливается, что эту процедуру берет на себя автор.

[14] По нашим наблюдениям, говорящий краснеет, когда в **Cab**'е появляется два взаимоисключающих набора "референциальных портретов" {я, ты}, причем,

второй часто возникает на основании знаний, переданных коннотативно, независимо от желания говорящего. Даже если двойной набор в реальности содержится только в картине **Cab'a** у говорящего и не соответствует представлению о **Cab'e** у адресата (вспомним мнительных и часто краснеющих подростков), психо-физиологическая реакция оказывается такой же. Сюда же относится тот факт, что лжец, даже не изобличенный во лжи, может покраснеть, а при разоблачении краснеет практически всегда. См. описание картины дискурса при лжи в Yokoyama 1988.

[15] Yokoyama 1988 показывает формальную разницу между тактом и ложью, которые с точки зрения Грайсовского постулата искренности являются одинаковым коммуникативным нарушением. После тактичного высказывания **A** все единицы знания перемещаются из **Ca** в **Cab**, тогда как после ложного — такого слияния не происходит.

[16] Всю бестактность своего вопроса О.М. осознает только после высказывания, что означает, что в процессе *оценки* когнитивных множеств она приняла во внимание лишь свою картину дискурса. Таким образом, ТДМ позволяет точно указать, откуда берется читательское ощущение того, что О.М. совершает эту "жестокость" скорее по рассеянности, что она так сосредоточена на своем внутреннем состоянии, что не может полностью "включиться" во внешний мир. Это и есть то расширение области лингвистики, о котором говорилось в Падучева 1995:41: "Такой лингвистики еще нет, но контуры ее уже вырисовываются: эта лингвистика должна включать формальные правила извлечения из повествовательного текста всей той семантической информации, которую получает из него человек как носитель языка".

[17] В частности, Земская 1988 отмечает массу несоответствий между реальными процессами в РР и возможностью их описать в рамках теории речевых актов: "Реальная живая речь сложнее, чем те закономерности, которые описывают лингвисты и философы. Люди не всегда говорят с вполне определенной и единственной целью, чтобы достичь какого-то определенного результата; не всегда бывают краткими, ясными, непротиворечивыми, правдивыми, т.е. они нарушают максимы Грайса на каждом шагу (34).

[18] Семантическое толкование речевых глаголов у разных исследователей так или иначе включает описания, напоминающие наши пропозиции (см., например, Bach & Harnish 1979, Wierzbicka 1985, Апресян 1988, Гловинская 1993). Так как ТДМ позволяет "проникнуть" в ментальные процессы, мы получаем возможность точнее определить статус этих пропозиций в семантическом толковании глагола (т.е. кто из участников речи что знает и какая из пропозиций является пропозицией действия и для кого). В Zaitseva 1995a ТДМ рассматривается как прототипическая ситуация речевого акта (в смысле, близком к Fillmore 1977), а для описания информации, сопровождающей компоненты ситуации, используется термин "характеристики" (characteristics/features) В свете последних работ (Zaitseva 1995b и 1996) эти "характеристики" следует пересмотреть как набор пропозиций.

[19] Подробное описание см. Zaitseva, V 1994, 1995 a.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. XIII.

Арутюнова Н.Д. (отв. ред.). Проблемная группа "Логический анализ языка". Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988(а).

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988(б).

Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. Отв. ред. Е.А.Земская и Д.Н.Шмелев. М., 1993.

Земская Е.А. (отв. ред.). Русская разговорная речь. М., 1973.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. Б-ка преподавателя русского языка как иностранного. М., 1987.

Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. Отв. ред. Д.Н.Шмелев и Е.А.Земская. М., 1988.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

Йокояма О.Т. Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // ВЯ. 1992, № 6.

Караулов Ю.Н. (отв. ред.) Язык: система и функционирование. Сборник научных трудов. М., 1988.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

Падучева Е.В. и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. т. 54, № 3. М., 1995.

Austin, J. 1962. *How to do things with words.* Oxford University Press: Oxford.

Bach, K. & R.M.Harnish. 1979. *Linguistic communication and speech acts.* Cambridge, MA/London, England: The MIT Press.

Horn, L.R. 1989. *A natural history of negation.* Chicago/London: The University of Chicago Press.

Frazer, B. 1987. Pragnatic formatives, in J. Verschueren & M.Bertuccelli-Papi (eds.), *The pragmatic perspective. Selected papers from the 1985 International Pragmatic Conference.* Amsterdam: John Benjamins.

Givón, T. 1984/1990. *Sentax: A functional-typologicak introduction* (2 vols.) Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Jakobson, R.O. 1957/1984. Shifters, verbal categories and the Russian verb, in Linda R. Waugh and Morris Halle (eds.), *Roman Jakobson. Russian and Slavic Grammar. Studies 1931—1981.* Berlin/New York/Amsterdam: Mouton Publishers.

Kempson, R. (ed.). 1988. *Mental representations. The interface between language and reality.* Cambridge: Cambridge University Press.

Kuno, S. 1987. *Functional syntax. Anaphora, discourse and empathy.* Chicago/london: The University of Chicago Press.

Lakoff, G. 1987. *Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind.* Chicago London: The University of Chicago Press.

Langacker, R.W. 1987. *Foundations of cognitive grammar. Vol.I: Theoretical prerequisites.* Stanfond: Stanford University Press.

Norgard-Sorensen, J. 1992. *Coherence theory. The case of Russian. (Trends in linguistics. Studies and monographs 63).* Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

Moon, G. 1995. Jn the use of the imperative 'Subject' in Russian, in: O.T.Yokoyama 1995 (ed.), *Harvars Studies in Slavic Linguistics. Vol. III.* Cambridge, MA.

Parrott, L. Argumentative ze in discoruse, in: O.T. Jokoyama 1995 (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics. Vol. I.* Cambridge, MA.

de Saussure, Ferdinand. 1985. *Cours de linguistique générale.* Publié par Ch. Bally et A. Sechehaye. Paris: Payot.

Sperber, D. & D. Wilson. 1986. *Relevance: communication and cognition.* Oxford: Oxford University Press.

Verschueren, J. 1980. *On speech act verbs.* John Benjamins: Amsterdam.

Wierzbicka, A. 1988. *The semantics of grammar.* Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.

Wierzbicka, A. 1985. A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres, *Language in Society* 14.

Yokoyama, O.T. 1986. *Discourse and wors order.* Amsterdam/Philadelphia: Benjamuns

Yokoyama, O.T. 1988. Disbelief, lies, and manipulations in a Transactional Biscourse Model, in: Herman Parret (ed.), *Rhetoric of Lying* (Argumentation 2.1)

Yokoyama 1996. Non-propositional encoding of discourse categories, in: B.Y. Partee and P. Sgall (eds.) *Discourse and meaning.* Amsterdam/Philadelphia: Benjamins

Zaitseva, V. 1993. Discourse theory and the author-reader contract: The first-person drafts of Crime and Pumishment, in: O.T.Yokoyama 1993 (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics. Vol. II.* Cambridge, MA.

Zaitseva, V. 1994. The metaphoric nature of coding: toward a theory of utterance. *Journal of Pragmatics* 22.

Zaitseva, V. 1995a. *The speaker's pespective in grammar and lexicon. The case of Russian.* Peter Lang: New York-Paris.

Zaitseva, V. 1995b. Particles and the subtxt: coding referential portraits of the interlocutors, in: O.T. Yokoyama 1995 (ed.), *Harvard Studies in Slavic Linguistics. Vol. III.* Cambridge, MA.

Zaitseva, V. 1996. Referential knowledge in discourse: interpretation of {I, you} in male and female speech, in Marfaret Mills (ed.), *Fender issues in Slavic* (in press).

Ольга Йокояма
(Лос-Анджелес)

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В РАМКАХ ТРАНСАКЦИОННОЙ МОДЕЛИ ДИСКУРСА*.

Другому как понять тебя?

1. Введение: коммуникативная компетенция в рамках Трансакционной модели дискурса[1] (ТМД)

Если бы собеседники были зеркальным отражением друг друга, то в информационном диалоге не было бы нужды, т.к. когнитивные множества собеседников (т.е. содержимое их умов) тогда бы полностью совпадали. Разнообразием речевой деятельности человечество обязано несовпадению когнитивных множеств. Тому же несовпадению оно обязано и непониманием одним другого, коммуникативными неудачами (КН) и немалой долей конфликтов и огорчений.

Каждое высказывание рассчитано на сиюминутное состояние определенного когнитивного множества данного адресата. Не будучи всеведущим, однако, говорящий может только строить предположения о состоянии когнитивного множества собеседника, основываясь на уже имеющихся у него данных об адресате или же на экстралингвистических показателях его когнитивного множества. Максимально кооперационно настроенный коммуникант Грайсовского типа при этом стремится к максимально добросовестной оценке дискурсивной ситуации, способствующей минимализации просчета.

2. Роль импозиции в коммуникативных неудачах

Не каждый коммуникант и не во всех ситуациях утруждает себя максимально добросовестным подходом к дискурсу. Грайсовская

* Настоящая работа является своего рода продолжением нескончаемого разговора о русском и западном, начавшегося между Еленой Андреевной Земской и автором зимой 1991 года, во время пребывания Елены Андреевны в Гарвардском университете.

кооперация — это постулаты преимущественно "чужого" модуса коммуникации[2]. В условиях "своего" модуса говорящий пользуется иным кодом и иными правилами, допускающими эгоцентризм и просчеты, приводящие к навязыванию (т.е. к "импозиции") говорящим своей субъективной оценки дискурсивной ситуации, и позволяющими ему рассчитывать на приятие этой импозиции адресатом, т.е. на его ультра-кооперацию. КН возникают, когда импозиция не принимается адресатом. Причиной этого может быть или чрезмерная субъективность просчета говорящего, превышающая когнитивные возможности адресата понять высказывание, или же психологический отказ адресата принять импозицию (плохое настроение, сосредоточенность на своем и т.п.). О близкой связи между "своим" модусом и КН говорится в [Ермакова, Земская 1993, 31—32]: "Казалось бы близость или знакомство партнеров коммуникации должны способствовать коммуникативным удачам. Но часто именно они и порождают КН: коммуникант нередко обманчиво предполагает, что у партнера та же пресуппозиция, что его занимают те же события и проблемы, что он находится "на той же волне" общения". Подобные неверные предположения коммуниканта об адресате и являются импозицией.

Импозировать говорящий может любой компонент дискурсивной ситуации, в том числе знания, их релевантность, оценку дистанции. Рассмотрим роль импозиции в том виде, в каком она определяется в ТМД, на нескольких примерах КН. Пример (1), наиболее простой, порожден неуспешной импозицией референционного знания релятива *родители*:

> (1) **А.** Малыша держат в городе / потому что *родители* не хотят ехать на дачу // **Б.** (*смотрит непонимающе) Какие родители?* **А.** Его // Вы думали мои? Нет / его // [Ермакова, Земская 1993, 37][3]. Сложнее пример (2), где импозиция референционного знания дейктического слова *там* сопровождается, по-видимому, еще и импозицией "своего" модуса со стороны вопрошающей, позволившей себе импозицию этого референционного знания по отношению к явно "чужому" лицу:
>
> (2) (на вокзале, одна незнакомая женщина обращается к другой, сидящей к ней лицом) **А.** *Там* телефон есть? **Б.** (*недоуменно*) Где там? **А.** (показывает за спину собеседнице) В зале // [39]

Двойной импозицией следует считать также и следующий пример КН:

(3) **А.** (рассказывает **Б.** о своей дочери) Гришка [отец девочки] Ленку совсем *заточил* [девочка отличается свободомыслием и нередко уходит надолго из дома]. **Б.** *(некоторое время молчит, потом спрашивает)*: А куда в наше время можно заточить современную девочку-школьницу? **А.** (*изумленно*) Что?? **Б.** Да / вот ты говоришь / Гриша Лену заточил // **А.** Да я имела в виду / что он точит / и точит / ругает / придирается // А уж вы придумаете! [36]

Кроме импозиции знания языкового кода (слово "заточил", в том смысле, в котором его употребляет А,— неологизм), налицо импозиция дистанции А — Б. В отличие от примера (2), грубого нарушения дистанции тут нет. Все же А, по-видимому, расценивает отношение между собеседниками как достаточно короткое, чтобы допустить языковое творчество, в то время как Б расценивает его как несколько более дистантное. На последнее указывает пауза перед недоуменным вопросом Б, относительная распространенность его синтаксического построения, а также более дистантные референционные выражения "Гриша" и "Лена" (ср. "Гришка", "Ленка")[4].

В русской разговорной речи приходится различать разные градации "своего" модуса, от "истинно своего" (разговор на кухне, между близкими) до "псевдо-своего" (микро-диалоги в местах обслуживания). "Истинно свой" модус, как правило, симметричен, отсутствие дистанции расценивается обеими сторонами однозначно, на импозицию имеют право все участники. В "псевдо-своем" модусе, где краткость дистанции между собеседниками вынуждена мифом "общества равных", дистанция в действительности не симметрична и право на импозицию не дано обеим сторонам в равной степени. Так вектор дистанции от продавца к покупателю короче, чем обратно от покупателя к продавцу. Примером такой асимметрии служит магазинный диалог (4):

(4) Покупатель: Покажите мне *кольцо* / размер 17 // Продавщица: Что вы / не видите / что у нас *колец* нет? Покупатель: Как нет? А это что? Продавец: это же *перстни*! [41]

В ситуации ювелирного прилавка, где товар налицо и где очевидно, что покупатель просто назвал его не тем словом, казалось бы, продавщица могла бы принять импозицию кодового знания данной лексической единицы, пойти навстречу покупателю и ответить: "Если вам перстень, то вот...". Адресат "истинно своего" модуса в данной ситуации не отказался бы сделать когнитивное усилие и догадаться, оперевшись на очевидную конситуацию. Асимметрия "псевдо-своего" магазинного общения между покупа-

телем и продавщицей дала последней сознание права не догадываться (или не проявлять того, что она догадывается), т.е. сознание права на отказ принять импозицию. Мы не имеем четких показателей реакции самого покупателя на проявление продавщицей сознания силы своего положения (хотя его "Как нет? А это что?" едва ли можно считать "смирной" реакцией). На нас, однако, слова продавщицы производят впечатление грубости, происходящей от закодированной в ее импликации асимметрии коммуникативного модуса.

Всякое несоответствие в расценке радиуса дистанции между собеседниками ведет к подобного рода шероховатостям в общении. Наиболее четко в языковом отношении это несоответствие ощущается в выборе референционных выражений от асимметричного "ты" и до множества видов обращения, рассмотренных частично в [Ермакова, Земская 1993, 47—48]. К шероховатостям ведет также и несоответствие в оценке релевантности, непосредственно зависящее от радиуса дистанции. Рассмотрим следующие два диалога:

(5) **А.** Как вы поживаете? **Б.** Ничего, спасибо.
(6) **А.** How are you? **В.** *So-so, thank you.

Несмотря на буквальное соответствие диалогов (5) и (6), ответ В в диалоге (6) в англоязычном обществе неприемлем. В нем коммуникант В нарушает принцип релевантности, сокращая дистанцию В — А. Коммуниканту А в сущности никакого дела до В нет, в то время как малейший намек на неполное благополучие В (всего лишь "ничего", а не "хорошо"!) представляет собой импозицию, заставляя А из вежливости проявить к В лицемерный интерес. Оказывается, что русские, отвечающие по-английски "So-so, thank you", вместо скромности, заставляющей их предпочесть "ничего" более самоутвердительному "хорошо" или "отлично", навязывают собеседнику интерес к своей личности, выходящий за рамки тактичного. В принципе ответ в (6) представляет собой непонимание такой же конвенции общения, как в рассказе Аверченко, описанном в [Ермакова, Земская 1993, 33]. Разница лишь в том, что, если бы аверченский "я", не входя издевательски во все подробности своего самочувствия, ответил просто "Ничего", то КН бы не случилось, т.к. русская конвенция не исключает уместности слова "ничего" в подобных ситуациях. В интер-культурном диалоге (6), с другой стороны, собеседники не вполне разделяют конвенции приветствий, что и ведет к КН.

3. Метынформационный диалог и резкость: корреляции и гипотезы

При рассмотрении КН, описанных в [Ермакова, Земская 1993], бросается в глаза множество проявлений некоторой резкости реакций собеседника, столкнувшегося с кажущейся ему нелепостью. В типичные реакции входят такие языковые показатели непонимания, неприятия и досады как "неужели", "разве"[5], "Кто сказал?", "Тьфу, не понимаешь что ли?", "Что я всем мешала что ли?", "Да что вы?", "Как же[6] нет?!", "С чего ты взяла?" и т.п. Примеры КН нередко содержат еще и дополнительные замечания авторов, указывающие на обиду, раздражение и даже возмущение говорящих.

В тех случаях, когда неправильно понятый смысл высказывания задевает личность коммуниканта (пусть даже и по недоразумению), обида представляется в некоторой степени оправданной. Интересно, однако, что сплошь и рядом резкую реакцию вызывают КН неличного характера, представляющие собой всего лишь импозицию кодовых или референционных знаний. Рассмотрим следующий пример, связанный с неоднозначным толкованием слова "как":

> (7) **А.** Ты знаешь / что Димка ударил И.П.? **Б.** *Как?* **А.** Я не знаю как / знаю / что ударил // **Б.** Тьфу! Что я спрашиваю / каким способом? Я просто поверить не могу // **А.** А говоришь / "как" // [38]

Несмотря на раздражение, выражаемое в (7) коммуникантом Б, его высказывание "Тьфу! Что я спрашиваю / каким способом? Я просто поверить не могу // "имеет в принципе положительную функцию: оно направлено на выявление и на "поправку" случившейся КН, ставшей ему очевидной из предшествующего высказывания собеседника. Своей резкой репликой Б разъясняет А коммуникативное намерение заданного им вопроса "Как?!" Реплика Б является, таким образом, "метынформационной". Она — не самоцель, а вспомогательное высказывание, служащее на пользу информационной трансакции, и, по-видимому, успешно приводящее к поправке КН и открывающее путь к искомому. Обозначим первые метынформационные высказывания в КН символом "М1".

Показательно, что собеседник А, несмотря на упрек, звучащий в его последней, примирительной фразе примера (7), метынформационную функцию реплики М1 принимает как таковую. Часто встречающаяся в ответе на полную раздражения реплику частица "просто", а иногда также и еще более часто встречающаяся в КН частица "да", служат маркерами примирительного пояснения:

(8) **А.** *После твоего ухода* все развеселились. **Б.** (*обиженно*): Что я / всем мешала что ли? **А.** Господи / да не потому что ты ушла // Просто наверное выпили еще / или не знаю почему // [39].

Наблюдаемая в примерах КН, описанных в [Ермакова, Земская 1993], резкость первых метынформационных реплик требует более подробного рассмотрения. Во-первых, имеются некоторые косвенные указания на неравномерное распределение резких высказываний М1 между мужчинами и женщинами. Если сравнить частоту пауз, предшествующих М1 в [Ермакова, Земская 1993], то паузы встречаются у женщин 4 раза, а у мужчин один раз (в двух случаях пол говорящего остается неясен). Характерно, что следующее за паузой высказывание М1, как правило, сдержанно, без резкостей. Не говорит ли это о том, что резкость в М1 — преимущественно мужская черта? Вопрос требует дальнейшего изучения на более обширном материале.

Паузы указывают на возможность еще одной корреляции. Во всех примерах КН, где встречаются паузы, отношения между собеседниками относительно дистантны (директор и учительница, разговор незнакомых по телефону, соседи; в одном разговоре между, по-видимому, достаточно хорошо знакомыми собеседниками, рассмотренном выше в (3), имеются языковые показатели дистанции в речи коммуниканта, сказавшего М1). Естественно было бы предположить, что по мере нарастания градации "своего" модуса потенциал резкости в М1 нарастает.

Некоторое соотношение можно предположить между заинтересованностью обнаружившего КН участника в успехе трансакции и резкостью его М1. В примере (9) участница В, обнаружившая неувязку, сохраняет спокойствие при порождении М1:

(9) **А.** Лида / *дирижерская девочка* // Я все время говорю / зачем ей скрипку? **Б.** Ну / кто знает // **В.** А почему / если она *из семьи дирижеров* / ей скрипачкой быть нельзя? **А.** *Она не из семьи дирижеров / у нее все данные дирижера* // Это у нас так говорят // [43]

В примере (10), М1 (второе высказывание А) звучит более резко:

(10) (в магазине, разговор двух знакомых женщин) **А.** Хочу купить *булку* // **Б.** Здесь нет *булок* // **А.** Как же нет? А это что? [44]

Если сравнить М1 в (9) с М1 в (10), то в примере (9) М1 мотивируется исключительно желанием понять логику праздного

по сути разговора. В (10), с другой стороны, наличие булок непосредственно связано с экстралингвистической деятельностью А. Достоверность информации, сообщенной ей Б, затрагивает насущные интересы обнаружившей неувязку участницы диалога А.

Если выборка примеров в [Ермакова, Земская 1993] правильно отражает частотность резких метыинформационных реплик, то приходится предположить, что этот принципиально положительный вид кооперационного речевого поведения часто сопровождается в русском языке раздражением или по крайней мере неудовольствием. Такая гипотеза, конечно, вызывает в лингвисте желание объяснить корреляцию, не представляющуюся функционально оправданной. Нетрудно было бы прибегнуть к культурологическим объяснениям вроде характеристики, данной русскому речевому поведению Бердяевым: "Русские очень легко задевают личность другого человека, говорят вещи обидные (...)"[7]. Если обидные вещи говорятся часто, то, естественно, прав будет и тот, кто выбирает более обидное толкование из числа допустимых в данном контексте. Вспомним пример (8), где коммуникант поступает именно так.

Поражает необоснованность обидчивости хозяйки в примере (11):

> (11) (разговор гостьи и хозяйки дома) **Г.** У вас кошка красивая // Глаза *желтые* // **Х.** (обижено) Что вы! У нее глаза *зеленые* // [42]

Одно лексико-семантическое расхождение по поводу названия цвета глаз кошки представляется недостаточным для того, чтобы объяснить обиженный тон хозяйки. Она, по-видимому, не только считает этот цвет зеленым (а не желтым), но также считает, что зеленые кошачьи глаза красивее желтых. Высказывание гостьи "Глаза желтые" имплицирует в интерпретации хозяйки некрасивость глаз кошки, и таким образом ее обижает. Стремление хозяйки предпочесть неоправданную обидную импликатуру не побеждается даже явно положительным характером речевого действия гостьи, сказавшей сначала комплимент "У вас кошка красивая". Какие психологические причины не позволили хозяйке, улыбнувшись на комплимент, мягко возразить (если уж так хочется!) на лексико-семантическое определение слова "желтый": "А вам кажется, они желтые? А мне почему-то всегда казалось, что они зеленые"?[8]

Возможно, что Бердяев был прав, говоря о подпольных токах в русском общении, как он был несомненно прав, утверждая, что русские "не признают категорий, непереходимых границ"[9].

Благодаря многолетней научной деятельности Е.А.Земской, у лингвиста в руках теперь имеются языковые данные, могущие конкретно подтвердить или опровергнуть подобные культурологи-

ческие наблюдения. Особенно интересный с этой точки зрения материал представляет собой метаинформационный процесс, вызываемый КН, и обычно приводящий к разрешению недоразумений, несмотря на наличие в нем как явных резкостей так и подпольных токов.

КОММЕНТАРИИ

[1] Подробнее о ТМД см. [Йокояма 1992]; там же см. определение ниже встречающихся терминов "импозиция", "метаинформация" и др.

[2] О "своем" и "чужом" модусах коммуникации см. [Йокояма 1993].

[3] Примеры (1) — (4) и (7) — (11) приводятся по [Ермакова, Земская 1993], с сохранением курсива и жирного шрифта. В дальнейшем будет даваться только страница источника, например: [37].

[4] Решающее диагностическое значение для установления модуса имеет интонация, которой мы здесь вынуждены не касаться ввиду недостаточности данных.

[5] См. анализ частиц "неужели" и "разве" в рамках ТМД в [Zaitseva 1995].

[6] Анализ частицы "же" в рамках ТМД см. в [Parrott 1990]

[7] Представляется уместным привести более полную цитату, которой автор обязан В.Е.Гитину:
Трудность общения с русскими совсем иная, чем трудность общения с французами. Русские самый общительный в мире народ, как я уже говорил. У русских нет условностей, нет дистанции, есть потребность часто видать людей, с которыми у них даже нет особенно близких отношений, выворачивать душу, ввергаться в чужую жизнь и ввергать в свою жизнь, вести бесконечные споры об идейных вопросах. (...) Русские не признают категорий, непереходимых границ, отчетливых и резко выраженных форм общежития, дифференциаций по резким культурным областям и специальностям. Всякий истинно русский человек интересуется вопросом о смысле жизни и ищет общения другими в искании смысла. Но наряду с большими качествами, которые делают более легким общение в русской среде, есть и большие недостатки. В русской среде, в русском обществе и собрании я часто ощущал подпольные токи, которых в такой форме я не замечал в западной среде. Русские очень легко задевают личность другого человека, говорят вещи обидные (...) В русском мышлении нравственный момент преобладает нам моментом чисто интеллектуальным. Западным же людям свойствен объективирующий интеллектуализм, который очень охраняет от вторжений в чужую жизнь. Главное же качество русского общения, что в нем легче начинать говорить о главном и существенном. [Бердяев, 1983, 410—411]

[8] При анализе психологических причин определенной речевой реакции представляется необходимым учитывать также предысторию как говорящего, так и взаимоотношений собеседников. [Ермакова, Земская 1993, 59] рассматривают ответы типа "Я не спрашивала", дающиеся в ответ на вопрос по поводу третьего лица, кажущийся отвечающему неуместным. Автор данной статьи часто ловит себя на таком ответе в разговоре с одной родственницей и четко сознает психологическую мотивацию своего ответа. Раздражение, испытываемое автором, вынужденным отвечать такими словами, вызывается в первую очередь *предсказуемостью* неуместных (с точки зрения автора) вопросов. Хочется ответить:

"Опять!" Раздражает не только неуместность вопроса, не только навязывание релевантности его автору ("А почему я обязана интересоваться подобными вещами, спрашивать кого-то о них, или пытаться делать какие-то наблюдения и выводы?!"), но главным образом тот факт, что подобные вопросы задаются этой родственницей регулярно в определенных, предсказуемых контекстах.

[9] См. примечание 7.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 1, Самопознание: опыт философской автобиографии, изд. 2-е. Paris: YMCA Press. 1983.

Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Йокояма О. Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // ВЯ. 1992. No. 6.

Йокояма, Ольга Ц. Оппозиция *свой-чужой* в русском языке // American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists / Eds. Robert Maguire and Alan Timberlake. Columbus: Slavica. 1993.

Parrott L.A. 'Argumentative *že*' in discourse // Harvard Studies in Slavic Linguistics, vol. I / Ed. Olga T. Yokoyama. Cambridge: Hanvard University Slavic Linguistics Colloquium. 1990.

Zaitseva V.A. Particles and the subtext // Harvard Studies in Slavic Linguistics, vol. III / Ed. Olga T. Yokoyama. Cambridge: Harvard University Slavic Linguistics Colloquium. 1995.

Л.Л.Касаткин
(Москва)

О МОРФЕМАТИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

1. Передача на письме фонемного состава слов и морфем опирается на несколько принципов, в том числе на фонематический (фонемный) и морфематический (морфологический). Некоторые представители Санкт-Петербургской фонологической школы выделяют оба эти принципа, большинство представителей Московской фонологической школы выделяют лишь фонематический принцип, считая, что им определяются и те написания, которые представители СПФШ относят к морфематическим [см. Иванова 1977, с. 92—148; Зиндер 1987, с. 91—96; Ильинская, Сидоров 1953, с. 12—18; Реформатский 1967, с. 373—376*; Кузьмина 1981, с. 9—11; Аванесов 1984, с. 261—267; Панов 1989, с. 151—162]. Фонематический принцип проявляется при передаче на письме одной и той же буквой позиционных вариантов одной и той же фонемы, а морфематический принцип проявляется при передаче на письме одной и той же буквой разных фонем, выступающих на одном и том же месте одной и той же морфемы.

Расхождение в оценке одних и тех же написаний представителями МФШ и СПФШ связано с различным пониманием фонемы в этих школах. Так, предлог *под* пишется всегда одинаково, хотя в нем в разных позициях произносятся разные согласные и гласные звуки: [п]*од горо́й,* [п°]*о́д гору; п*[о́]*д гору, п*[аъ]*д го́рку, п*[ъ]*д горо́й; по*[дн] *ноль, по*[д] *один, по*[д] *два, по*[т] *три, по*[т'] *четыре, по*[т] *пять, по*[ч] *шесть, по*[ц'] *се́мь, по*[д'] *девять, по*[ц] *сорок и др.* [см. Касаткин 1995, с. 326—327].

С точки зрения СПФШ, в предлоге *под* звуки [п] и [п°] представляют фонему /п/, звуки [д], фаукальный [дн] и, очевидно, имплозивный [д] — фонему /д/. Передача этих звуков на письме одними и теми же буквами подчиняется фонематическому принципу. Другие указанные выше звуки в предлоге *под* являются предста-

* А.А.Реформатский выделяет и морфологический принцип орфографии, однако придает ему особое, нетрадиционное значение.

вителями нескольких фонем: гласный звук [о] — аллофон фонемы /о/, а [аъ] и [ъ] — фонемы /а/, согласные звуки [т], [д'], [ц] — аллофоны фонем /т/, /д'/, /ц/. Имплозивный передненёбный [т̂], очевидно, следует расценивать как аллофон /ч'/. Фонемная же идентификация имплозивного [т̂], который в равной степени может быть отнесен и к фонеме /т/, и к фонеме /ц/, а также звуков [ч], [ц'] представляет для СПФШ весьма сложную проблему. О.В.Сахарова показала, что подобные звуки с точки зрения СПФШ являются "фонематически неопределенными сегментами" [Сахарова 1987]. Передача на письме этих разных гласных и согласных фонем в предлоге *под* буквами *о* и *д* подчиняется морфематическому принципу.

С точки зрения МФШ, передача на письме одной и той же буквой разных звуков, представляющих одну и ту же фонему в сигнификативно сильных позициях, подчиняется фонематическому принципу графики. В приведенном примере это [п] и [п°] как доминанта и вариация <п>, [д] и [дʰ] как доминанта и вариация <д>. Что касается других обусловленных фонетическими позициями чередующихся звуков, выступающих в предлоге *под* в сигнификативно слабых позициях, то все гласные (как и ударный [о] в сигнификативно сильной позиции) представляют фонему <о>, а согласные — <д>. Передача на письме этих разных звуков одними и теми же буквами подчиняется фонематическому принципу орфографии.

Фонематический и морфематический принципы орфографии близки тем, что они оба позволяют передавать на письме одни и те же морфемы единообразно. Однотипны у них и способы обоснования передачи на письме морфем в одних словах или словоформах написанием этих же морфем в других словах или словоформах. Важное же различие между ними в том, что фонематический принцип проявляет фонемный состав морфемы, а морфематический принцип затемняет его, одинаково передавая на письме разные фонемы.

2. Некоторые написания и с точки зрения МФШ должны быть оценены как подчиняющиеся морфематическому принципу орфографии, требующему графического единообразия одних и тех же морфем при различиях в их фонемном составе. В этих случаях написание противоречит фонематическому принципу.

Я уже показывал, что на морфематическом принципе построено написание под ударением после шипящих в соответствии с фонемой <о> буквы *ё (е)*, а не *о* в связи со стремлением к единообразной передаче морфемы, которая в других словах или формах пишется с *е*: *жёны — женин, жена; жёрдочка — жердь, жердей; дешёвый — дешевле, дешеветь; шёпот — шепчет, шептать; причёска — причешет; чёрточка — чертит; щёлка — щель.* Чередую-

щиеся ударные [о] ‖ [э] отражают историческое чередование фонем <о> ‖ <э>. Фонема <э> представлена здесь и звуком [ыъ] в первом предударном слоге после твердых [ш], [ж] [Касаткин 1989 а].

В возвратном постфиксе *-ся* может выступать не только фонема <с'>, как это следует из написания (*умойся — умой*<с'а>), *но и* <ц> (*боится — боит*<ца>, где фонему <ц> представляет звук [ц] в сигнификативно сильной позиции перед гласным) и <с> при произношении твердого [с] (*открылся — открыл*<са>). Исторические чередования и здесь на письме не передаются.

Морфематическому принципу орфографии отвечают также написания типа *дезинформация, контригра, пединститут, сверхидеальный* с *и* после согласной, соответствующей твердой фонеме. Здесь сохраняется облик корня, вопреки правилу графики писать *ы* после таких согласных: ср. *безыдейный, предыстория* и др. [Касаткин 1982, с. 134; 1989 б, с. 271—272].

3. Из оценки с позиций МФШ чередующихся звуков как относящихся к одной фонеме или к разным фонемам и передающихся на письме одним и тем же способом вытекает характеристика принципа орфографии, на котором основано написание, как фонематического или морфематического.

3.1. Чередование твердых зубных согласных с мягкими перед мягкими зубными внутри слова представителями МФШ обычно объясняется как фонетическая позиционная зависимость. Поэтому в *мо*[ст] — *мо*[с'т']*ик, у*[зд]*а — у*[з'д']*е, Пе*[нз]*а — Пе*[н'з']*е* и т.п. позиционно чередующиеся звуки [с] ‖ [с'], [з] ‖ [з'], [н] ‖ [н'] рассматриваются как представители фонем <с>, <з>, <н>, а необозначение на письме мягкости зубных перед мягкими зубными в словах *мостик, узде, Пензе* и т.п. объясняется фонематическим принципом орфографии.

Однако в современном русском литературном языке позиция мягкого зубного согласного перед мягким зубным перестала быть сигнификативно слабой в результате ряда фонетических изменений. Так, действие процесса отвердения мягких согласных перед мягкими, который захватил уже и подобные сочетания мягких зубных согласных, а также процесса замены прежнего твердого [с] мягким [с'] в постфиксе *-ся* привели к тому, что в младшей норме возникло сочетание [сс'] в одной из форм прошедшего времени: *не*[сс']*я, разро*[сс']*я, спа*[сс']*я, гры*[сс']*я, разле*[сс']*я* и т.п., в то время как в одной из форм повелительного наклонения сохраняется произношение [с'с']: *бро*[с'с']*я, взве*[с'с']*я, обезопа*[с'с']*я, прибли*[с'с']*я, уни*[с'с']*я* и т.п. Различение [с] и [с'] перед [с'] свидетельствует о том, что позиция зубного перед мягким зубным (как ранее и перед твердым) стала сигнификативно сильной по твердости/мягкости. Мягкие зубные звуки в этой позиции стали представителями мягких фонем. Поэтому чередование [с] ‖ [с'], [з] ‖ [з'], [н ‖ [н'] в приведенных выше примерах *мост — мостик, узда —*

узде, Пенза — Пензе (как и чередование других твердых и мягких зубных согласных в подобных случаях) превратилось в чередование фонем: <с> ‖ <с'>, <з> ‖ <з'>, <н> ‖ <н'> [Касаткин 1993]. Следовательно, отсутствие *ь* после *с, з, н* в словоформах *мостик, узде, Пензе* перестало объясняться, как это было раньше, тем, что мягкий зубной согласный звук является вариантом твердой фонемы, а связано теперь с тем, что он не пишется в тех же корнях в словоформах *мост, узда, Пенза*, то есть объясняется морфематическим принципом орфографии.

3.2. Согласные [т], [т'], [д], [д'] заменяются нулем звука в позиции между некоторыми зубными согласными — [с]-[н] ([с']-[н']): *мес*[т]*о — мес*[-]*ный (местный), учас*[т']*ие — учас*[-]*ник (участник);* [с]-[с]: *шес*[т'] *— шес*[-]*сот (шестьсот), турис*[т] *— турис*[-]*ский (туристский);* [н]-[с]: *аген*[т] *— аген*[-]*ство (агентство), Голлан*[д']*ия — голлан*[-]*ский (голландский);* [с]-[ц]: *крес*[т']*ец — крес*[-]*ца (крестца), уз*[д]*а — под уз*[-]*цы (под уздцы);* [н]-[ц]: *талан*[т']*ец — талан*[-]*ца (талантца), голлан*[д']*ец — голлан*[-]*ца (голландца);* [з]-[н] ([з']-[н']):*опоз*[д]*ать — поз*[-]*но (поздно), ез*[д']*ить — наез*[-]*ник (наездник)* и др.

М.В.Панов, считая отсутствие зубного смычного согласного между зубными в таких сочетаниях обязательным для современного русского литературного языка, описывает это чередование [т], [т'], [д], [д'] с нулем звука как позиционное, при котором и эти согласные звуки, и нуль звука представляют соответствующие согласные фонемы [Панов 1979, с. 137—139]. В этом случае написание букв *т, д* в таких словах, как *местный, шестьсот, поздно* и т.п. должно объясняться фонематическим принципом орфографии.

Однако изменения, происходящие в современном русском литературном языке, привели к тому, что в части этих сочетаний в некоторых словах, особенно в младшей норме, стало возможно произношение смычного зубного согласного между зубными, наряду с его отсутствием: *кос*[-]*ный* и *кос*[т]*ный, челюс*[-]*ной и челюс*[т]*ной, беспомес*[-]*ный* и *беспомес*[т]*ный, гиган*[-]*ский и гиган*[ц]*ский, без*[-]*на и без*[д]*на, звёз*[-]*ный и звез*[д]*ный, безвозмез*[-]*ный и безвозмез*[д]*ный* и др. После [р] в сочетании *стн* наличие [т], [т'] становится предпочтительнее, чем его отсутствие: *грубошёрс*[т]*ный, перс*[т']*ня* и др. [см.: Аванесов 1984, с. 289—291; Панов 1990, с. 108; Каленчук, Касаткина 1997). Таким образом, возникает различие между словами с указанными сочетаниями зубных согласных: в одних словах по-прежнему на месте *т, д* нуль звука, в других словах на их месте может произноситься смычный зубной. Чередование звуков утратило свою безысключительность, поэтому члены этого чередования перестали воплощать одну и ту же фонему: наличие смычного зубного звука между зубными в указанных сочетаниях отражает соответствующую согласную фонему, а отсутствие этого звука свидетельствует и о ее отсутствии.

Отсюда следует, что написание *т, д* в таких словах, как *местный, шестьсот, поздно* и т.п., где на месте этих букв согласный не произносится, стало подчиняться морфематическому принципу орфографии.

Есть еще один аргумент в пользу такого решения. Между [с]-[л] ([с']-[л']) звук [т] ([т']) в XIX — начале XX в., как и между другими зубными согласными, не произносился. Теперь положение иное. В некоторых словах он по-прежнему заменяется нулем звука: *счас*[т']*ье — счас*[-]*ливый (счастливый)*, и так же произносятся *завистливый, совестливый, участливый* и др. Но в словах *кос*[т]*лявый, хвас*[т]*ливый, пос*[т]*лать* в той же фонетической позиции этой замены нет. Эта позиция для <т> (<т'>) и нуля фонемы стала сильной. Следовательно, *пос*[т]*лать — пос*<т>*лать, счас*[-]ливый — счас<Ø>*ливый* [ср. Панов 1990, с. 32—33, 109, 216]. Поэтому написание *т* в *костлявый, хвастливый, постлать* подчиняется фонематическому принципу орфографии, а в *счастливый, завистливый, совестливый, участливый* — морфематическому.

"Законы звуковой сочетаемости относятся к классу звуков, а не к отдельному звуку" [Панов 1967, с. 79]. Поэтому если между одними зубными согласными замена смычного зубного нулем звука обязательна, между другими зубными согласными, существенно не отличающимися от первых, происходит только в некоторых словах, а в других словах факультативна, в сочетаниях третьего типа эта замена в одних словах осуществляется, а в других нет, то фонетическая закономерность должна формулироваться не для каждой из этих групп сочетаний, а для всех зубных. Поскольку позиция между некоторыми зубными согласными является сильной с точки зрения наличия или отсутствия фонем <т>,<т'>, то, следовательно, отсутствие смычного зубного звука между другими зубными согласными также свидетельствует об отсутствии соответствующей фонемы. А написание согласной буквы на месте этой отсутствующей фонемы определяется морфематическим принципом орфографии.

3.3. В суффиксе страдательных причастий прошедшего времени *-ённ-/-енн-/-нн-* пишется два *нн*, а в суффиксе прилагательных, образованных от бесприставочных глаголов несовершенного вида *-ён- -ен- -н-*, одно *н*: *пленённый, рождённый, купленный, выращенный, сказанный, засеянный — варёный, плетёный, вяленый, жареный, рваный, сеяний* и т.п. Такое различие в написании этих суффиксов основано на различии их фонемного состава, что связано с разницей в их произношении в том случае, когда гласный суффиксов *-ённ-* и *-ён-* или гласный, предшествующий суффиксам *-нн-* и *-н-*, ударный: *казнённый — казнё*[н]*ый — казнё*<нн>*ый, данный — да́*[н]*ый — да*<нн>*ый и печёный — печё*[н]*ый — печё*<н>*ый, тканый — тка́*[н]*ый — тка*<н>*ый* и т.п. В этой позиции <нн> и <н>

различаются, она для них сигнификативно сильная. Если в таких причастиях и прилагательных ударение стоит ближе к началу слова, то на месте <нн> и <н> произносится краткий [н], две фонемы <нн> и одна фонема <н> в этой позиции не различаются, она для них сигнификативно слабая: *купленный — ку́пле*[н]*ый, выданный — вы́да*[н]*ый* и *крашеный — кра́ше*[н]*ый, ломаный — ло́ма*[н]*ый* и т.п. Однако и здесь, как и в сигнификативно сильной позиции, написание *нн* или *н* подчиняется фонематическому принципу орфографии: сигнификативно слабая позиция проверяется сильной в словах той же грамматической категории.

В некоторых случаях это соответствие написания фонемному составу суффикса нарушено. Так, различают указанные выше отглагольные прилагательные, пишущиеся с одним *н*, и сходные с ними причастия, имеющие зависимые слова и пишущиеся с двумя *нн: мощёные улицы и мощённые кирпичом улицы, печёный картофель и печённый в золе картофель, плетёные кружева и плетённые мастерицей кружева* и т.п. [см.: Русская грамматика 1980, т. 1, с. 298, 666; Кайдалова, Калинина 1983, с. 56—59; Валгина, Светлышева 1994, с. 89—90; Розенталь и др. 1994, с. 56—57]. Произношение таких слов совпадает: *белёный и белённый, гранёный и гранённый, мощёный и мощённый, тканый и тканный* и т.п. произносятся с кратким [н] в сигнификативно сильной для <н> и <нн> позиции (на этом основании Н.А.Еськова предлагала и писать их одинаково с одним *н* [Еськова 1966, с. 126, 131]). Поэтому написание этих слов с одним *н* соответствует фонематическому принципу орфографии, написание же двух *нн* противоречит этому принципу. Два *нн* пишутся в суффиксе этих причастий потому, что и в причастиях, образованных от глаголов совершенного вида и гораздо более многочисленных, в этом суффикс пишутся два *нн*. Основание — единообразная передача на письме одной и той же морфемы. Поэтому написание двух *нн* в суффиксе страдательных причастий прошедшего времени, образованных от глаголов несовершенного вида, *варённый, печённый,* а также *жаренный, крашенный, вязанный* и т.п. подчиняется морфематическому принципу орфографии [ср. Обзор 1965, с. 173—180].

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984.

Валгина Н.С., Светлышева В.Н. Орфография и пунктуация. Справочник. М., 1994.

Еськова Н.А. О написании *нн — н* в полных формах страдательных причастий и соотносительных прилагательных // Вопросы культуры речи. Вып. 7. М., 1966.

Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987.

Иванова В.Ф. Принципы русской орфографии. Л., 1977.

Ильинская И.С., Сидоров В.Н. Современное русское правописание // Учен. зап. Московского гор. пед. ин-та им. В.П.Потемкина. Т. 22. Кафедра русского языка. Вып. 2. М., 1953.

Кайдалова А.И., Калинина И.К. Современная русская орфография. 4-е изд. М., 1983.

Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Касаткин Л.Л. Графика и орфография // Современный русский литературный язык / Под ред. П.А.Леканта. М., 1982 и др. изд.

Касаткин Л.Л. Чередование гласных после [ш, ж, ц] в русском литературном языке // Вопросы фонологии в аспекте русского языка как иностранного. Доклады. Материалы I Международного симпозиума МАПРЯЛ. Москва, УДН, 19—23 октября 1987 г. М., 1989.

Касаткин Л.Л. Графика и орфография // Русский язык. В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Л.Ю.Максимова. М., 1989.

Касаткин Л.Л. Развитие в современном русском языке корреляции согласных по твердости/мягкости // Проблемы фонетики. I. М., 1993.

Касаткин Л.Л. О некоторых понятиях и терминах Московской фонологической школы // Проблемы фонетики. II. М., 1995.

Кузьмина С.М. Теория русской орфографии. М., 1981.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII-XX вв.). М., 1965.

Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Панов М.В. Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. 2-е изд. М., 1989.

Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967.

Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.

Сахарова О.В. Дистрибуция и функциональная нагрузка фонематически неопределенных сегментов в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987.

Р.Ф.Касаткина
(Москва)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ОРФОЭПИЯ: ПРОИЗНОШЕНИЕ СОЧЕТАНИЯ *НЩ-* НА СТЫКЕ КОРНЯ И СУФФИКСА *-ЩИНА*

Неуклонное последовательное наступление твердости в сочетаниях согласных с последующим мягким — процесс, который наблюдается в русском языке с начала века и продолжается на наших глазах.

Этот процесс во всех его стадиях отражен в работах многих лингвистов и продолжает быть объектом внимания представителей как дескриптивистского направления в русской фонетической науке, так и кодификаторского — при составлении словарей и справочников, отражающих произносительную сторону речи (см., напр., Аванесов 1956, 1984; Панов 1967, 1979, 1989, 1990; Вербицкая 1976; Касаткин 1989, 1991; Каленчук 1986, ОС 1989, Каленчук, Касаткина 1997).

При последовательном процессе утраты мягкости первого согласного в сочетаниях со следующими мягкими одним из стабилизирующих факторов этого движения, как кажется, выступает гоморганность согласных в сочетании: в парах губной + губной, зубной + зубной, зубной + передненёбный, заднеязычный + заднеязычный мягкость первого согласного удерживается дольше (см., напр., ОС 1989).

Остановимся на сочетаниях [н] со следующими мягкими передненёбными [ч'] и [ш']. Согласные эти артикуляционно близки. И именно поэтому их сочетания до недавних пор рассматривались как пример незыблемости ассимилятивной мягкости (см., напр., Панов 1990, с. 42; ОС 1989).

Однако наблюдения Л.Л.Касаткина последнего времени показали, что в сочетании *нч* мягкость первого согласного уже не всегда обязательна при произношении ряда заимствованных слов, таких, например, как *анчоусы, винчестер, панчен-лама, ханчкара* (Касаткин 1991, с. 171) и при произношении сложносокращенных слов типа *санчасть и Минчермет* (там же, с. 170). Это дало Касаткину основание говорить о том, что и реализация сочетания *нщ* с мягким [н'] — "...уже только привычная модель произношения кон-

кретных слов. Появление новых сложных слов со стыком корней на *нщ* или новых заимствованных слов с этим сочетанием проявит действующую в современном русском языке тенденцию к отвердению мягкого согласного перед мягким... Если, например, по образцу *панамериканский, панславистский* и т.п. какой-нибудь журналист создал бы слово *панцигровский* или *панщучинский,* то всего вероятнее, что [н] перед [ш'] в этом слове стали бы произносить твердо" (Касаткин 1995, с. 332—333).

Сочетание *нщ* в синтагматике современного русского языка встречается только на стыке корня и суффикса (если не рассматривать такие искусственные образования как *Генщёлочь* или примеры, приведенные выше). Этот вид морфологической границы, как известно, в русском языке выражен слабо, именно здесь наиболее отчетливо проявляются фузионные тенденции в системе языка. Поэтому ассимилятивные процессы в этой позиции происходят почти столь же активно, как и внутри корня, а все новшества, связанные с отвердением первого согласного, в этой позиции появляются позже, чем на стыке приставки и корня.

Сочетание *нщ* возникает при соединении суффиксов *-щик*(*-щица*) и *-щина* с корнями, оканчивающимися на [н]. Согласно словарю А.А.Зализняка (Зализняк 1977), сочетание *-нщ-* представлено в следующих словах с суффиксом *-щик: автогенщик, барабанщик, банщик, балаганщик, вагранщик, денщик, духанщик, гребенщик, зеленщик, знаменщик, знамёнщик, каменщик, караванщик, карманщик, кормленщик, майданщик, маслёнщик, манекенщик, мороженщик, обманщик, органщик, подёнщик, подкаменщик, расчеканщик, стерженщик, филигранщик, фуганщик, фурманщик, чайханщик, чемоданщик, шарманщик, щебёнщик.*

В перечисленных словах интересующее нас сочетание находится в разных позициях по отношению к ударению: 1) в слоге под ударением (*денщик, зеленщик, стерженщик*), 2) в 1-м заударном слоге (*банщик, духанщик, филигранщик* — такие примеры преобладают) и 3) во 2-м заударном слоге (*знаменщик, каменщик, мороженщик*). Проверка произношения [н] во всех этих словах показала, что независимо от фонетической позиции оно произносится мягко разными дикторами — носителями нормы (представителями разных поколений). Согласно тому же источнику (Зализняк 1977), суффикс *-щина* представлен в следующих существительных: *атаманщина, балаганщина, басурманщина, военщина, гетманщина, деникинщина, деревенщина, женщина, иностранщина, казёнщина, керенщина, латинщина, обыдёнщина, ордынщина, панщина, партизанщина, подёнщина, разинщина, славянщина, столыпинщина, цыганщина.*

Суффикс *-щина*, в отличие от суффикса *-щик,* придает образованным с его помощью существительным несколько значений (см. Русская грамматика 1980, с. 175 и 180; Ефремова 1996, с. 506). Выделяются, по крайней мере, два основных значения: 1) террито-

риальное (*Брянщина, Гродненщина, Полтавщина, Смоленщина, Тамбовщина*) 2) значение признака, названного мотивирующим прилагательным, обычно с оттенком неодобрения (*балаганщина, военщина, интеллигентщина, панщина, цыганщина*). К этой группе примыкает небольшой корпус существительных, образованных от имен и фамилий исторических деятелей и литературных персонажей: *аракчеевщина, бироновщина, деникинщина, обломовщина, маниловщина* (Русская грамматика, с. 180).

Проверка произношения существительных последней группы на твердость/мягкость [н] в сочетании *-нщ-* показала, что носители современного русского литературного языка могут произносить первый согласный в этом сочетании как мягко, так и, что особенно важно в связи с обсуждаемым вопросом,— твердо.

В связи с этим был проведен небольшой эксперимент по проверке произношения интересующего нас сочетания в таких словах, как *деникинщина, есенинщина, керенщина, разинщина, сталинщина, столыпинщина.*

По данным произношения этих слов десятью информантами-лингвистами допустима как мягкая, так и твердая реализация носового согласного. Около 50% реализаций было -[н]*щ* и столько же — -[н']*щ*.

Таким образом, возникает эффект, кажущийся парадоксальным: твердость или мягкость [н] в сочетании зависит как будто бы не от фонетической или грамматической позиции (стык корня с суффиксом), а от словообразовательной модели. Другие примеры подобного влияния словообразования на фонетику нам до сих пор известны не были. Однако прежде чем считать этот вывод окончательным, рассмотрим еще и фонетические условия, в которых оказывается сочетание *-нщ-*.

Во всех приведенных выше случаях рассматриваемое сочетание находится в одной и той же фонетической позиции: после гласного 1-го заударного слога. Эта позиция оказывается слабой для ряда фонетических явлений в области русского консонантизма, в то время как положение консонантных сочетаний сразу после ударного гласного оказывается выигрышным для тех же явлений. Эта особенность позиции 1-го заударного слога для реализации согласных была впервые отмечена по отношению к произношению долгого или краткого [н] в суффиксах причастий, а также долгих согласных в заимствованных словах в книге (Обзор предложений... 1965, с. 167).

В настоящее время позиция эта признается сигнификативно сильной для реализации долгого [нн] (см. статью Л.Л.Касаткина в настоящем сборнике). Согласно нашим наблюдениям, эта позиция оказывается особой также и для реализации некоторых других фонетических явлений. Так, наши наблюдения над произношением сочетаний губных согласных с <j> свидетельствуют о том, что в

позиции 1-го заударного слога губные произносятся мягко, в то время как в других позициях, в том числе и в слоге под ударением, возможны варианты: произношение как твердого, так и мягкого губного. Ср. напр., произношение *подо́[б']ье, но сна́до[б]ье* и *сна́до[б']ье; здоро́[в']ье*, но *[в]ью* и *[в']ью; предзи́[м']ье*, но *о́зи[м]ью* и *о́зи[м']ью, вы́[п']ью*, но *о́щу[п]ью* и *о́щу[п']ью* и т.п.

Поэтому была предпринята проверка произношения [н] перед [ш'] с учетом следующих факторов: во-первых, в существительных с территориальным значением в тех случаях, когда искомое сочетание находилось во 2-м заударном слоге, напр., *Гродненщина, Ровненщина*, а не в слоге, следующем непосредственно после ударного гласного. Появление твердого [н] в этой позиции явилось бы свидетельством того, что отказу от ассимилятивной мягкости в сочетании *-нщ-* способствует не особая словообразовательная модель (поскольку во всех других словах этой модели, таких, как *Брянщина, Смоленщина* [н] произносится мягко), а фонетическая позиция — значительная дистанция сочетания от ударения.

Во-вторых, были проверены слова словообразовательной модели *разинщина, столыпинщина*, в которых *-нщ-* находилось в 1-м заударном слоге (таких, например, как *карамзинщина, куприщина*), т.е. в позиции, способствующей сохранению мягкости. Предполагается, что эти две проверки помогут решить вопрос, какой из двух факторов — словообразовательный или фонетический — оказывает решающее влияние на отвердение [н].

Было проверено произношение десяти информантов. Анализ полученных данных показал, что и на подобранном таким образом материале прослеживается закономерность, отмеченная выше: фонетический фактор уступает словообразовательному. Твердое произношение носового согласного преобладает в тех словах, где значение суффикса связано с именами и фамилиями деятелей, независимо от места сочетания *-нщ-* по отношению к ударению. В тех словах, где суффикс *-щина* имеет территориальное значение, [н] произносится мягко, также не обнаруживая зависимости от места ударения.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984

Вербицкая Л.А. Русская орфоэпия. Л., 1976

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977

Каленчук М.Л. Особенности реализации согласных фонем на стыке морфем в современном русском литературном языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1986

Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Касаткин Л.Л. Одна из тенденций развития фонетики русского языка // ВЯ, 1989, № 6

Касаткин Л.Л. Развитие в современном русском языке корреляции согласных по твердости / мягкости // Проблемы фонетики I. М., 1993

Касаткин Л.Л. О некоторых понятиях и терминах Московской фонологической школы // Проблемы фонетики II. М., 1995

Касаткин Л.Л. О морфематическом принципе русской орфографии (настоящий сборник).

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. М., 1965

ОС — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. / Под ред. Р.И.Аванесова. Изд. 5. М., 1989

Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967

Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979

Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990

Реформатский А.А. О типах позиций // Лингвистика и поэтика. М., 1987

Русская грамматика. Т. I, М., 1980

H. Keipert
(Bonn)

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ: EINE SPRACHBEZEICHNUNG ALS PROBLEM DER WORTBILDUNGSLEHRE

1

Als Benennungen für die — wie man meinen möchte — eigentlichen Forschungsobjekte des Sprachwissenschaftlers gehören die Bezeichnungen von Sprachen gewissermaßen zum Grundbestand der linguistischen Fachterminologie, aber wie wenig gerade sie sich von selbst verstehen, zeigt sich in der beachtlichen Zahl von Abhandlungen, die ihnen nicht zuletzt auf dem Gebiet der Slavischen Philologie gewidmet worden sind (und weiter gewidmet werden), und noch evidenter in dem Meinungsstreit, der in den letzten Jahren über die Zweckmäßigkeit oder gar Zulässigkeit der einen oder anderen terminologischen Regelung aufgekommen ist. Wenn man die Verhältnisse im Russischen zugrundelegt, wie sie sich in Švedovas Neubearbeitung des Ožegovschen Wörterbuchs von 1992 spiegeln, dann werden die Bezeichnungen heutiger slavischer Sprachen in der Regel mit Hilfe suffixaler Adjektiv-Ableitungen von den Bezeichnungen der entsprechenden slavischen Völker gebildet, vgl., meist jeweils verbunden mit язык, die Adjektive украинский unter украинцы, белорусский unter белорусы, польский unter поляки, словацкий unter словенцы, хорватский unter хорваты, сербский unter сербы, македонский unter македонцы, болгарский unter болгары, ferner славянский unter славяне[1]. Auffällige Ausnahme gegenüber dieser Reihe ist русский, neben dem heute kein vergleichbar passendes Ethnonym (oder Choronym) steht: das Beziehungsadjektiv zu Россия ist, wie gerade in jüngster Zeit häufiger zu belegen, российский, und das der Bildung ursprünglich zugrundeliegende Русь ist mit русский nur in denjenigen Bedeutungen zusammenzubringen, die das Adjektiv im älteren Russischen bzw. Ostslavischen gehabt hat[2]. Aus diesem Grund führt Ožegov-Švedova das Adjektiv русский unter der erst durch Substantivierung entstandenen Volksbezeichnung русские[3]

Das Kompositum церковнославянский läßt sich nicht in gleicher Weise auf ein Ethnonym zurückführen, denn bekanntlich ist das Kirchenslavische eine, wie es schon einmal hieß, "Sprache ohne Volk", und zumindest wir Heutigen können uns keine "Kirchenslaven" mehr vorstellen, als deren Sprache das Kirchenslavische ebenso gelten dürfte wie das Russische als Sprache der Russen. Allerdings sollte in diesem Zusammenhang daran erinnert sein, daß z.B. ein Kopitar am Anfang des 19.Jh. offenbar ohne Bedenken mit Formulierungen wie "der Slavonier sagt (kennt, gebraucht...)" auf Sprachphänomene in dem von ihm auch Slavonisch genannten Kirchenslavischen referiert, also durchaus an personale Träger dieser Sprache denkt. Im Gegensatz dazu heißt es bei Ožegov-Švedova:

> ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ [...] Относящийся к богослужебной письменности южных и восточных славян. *Ц. язык.*

und ganz ähnlich unter dem konkurrierenden Terminus

> СТАРОСЛАВЯНСКИЙ [...] Относящийся к первому литературно-письменному языку славян эпохи 9–11 вв. *С. язык. Старославянская письменность.*

Zwar werden in diesen Bedeutungsangaben auch Völker genannt (die Süd- und Ostslaven bzw. die Slaven überhaupt), aber zunächst beziehen sich beide Adjektive auf eine bestimmte Sprache und/oder ein bestimmtes Schrifttum. Im wesentlichen übereinstimmend definiert der "Lingvističeskij ėnciklopedičeskij slovar'" von 1990:

> СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК: язык древнейших дошедших до нас славянских памятников 10–11 вв. [...]

und

> ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК: древнеславянский литературный язык. По своему происхождению это старославянский язык, подвергшийся влиянию живых языков народов, у к-рых он был распространен [..][4].

Die hier fehlende oder doch nur verschwommene Bezugnahme auf ein Ethnos läßt sich, wie bekannt, dadurch herstellen, daß man die erste Schriftsprache der Slaven nicht старославянский (bzw. *Altslavisch* usw.), sondern древнеболгарский (bzw. *Altbulgarisch* usw.) nennt. Freilich wird diese einigen Sprachforschern (namentlich, aber nicht nur in Bulgarien) höchst willkommene ethnische Spezifikation von anderen nicht minder entschieden abgelehnt[5]. Aus ähnlichen Gründen, nämlich wegen der von ihm nahegelegten gleichermaßen deutlichen wie unerwünschten Erinnerung an церковь (bzw. Церковь) scheint der Terminus церковнославянский in der russischen Sprachwissenschaft

der sowjetischen Zeit lange gemieden worden zu sein. Die Folgen dieser Abstinenz sind bis in die genannten Lexika hinein zu spüren: während das Ožegov-Wörterbuch von 1992 wenigstens mit dem Adjektiv богослужебный auf die kirchlich-religiöse Funktion dieser Sprache hinweist, gibt es in dem viel längeren Artikel der "Linguistischen Enzyklopädie" von 1990 keine derartigen Signale. Wollte man die zitierten Lexikon-Erläuterungen zu церковнославянский zur Grundlage eines Urteils über die Motiviertheit des Ausdrucks im Russischen machen, müßte er wegen des Fehlens von церковь oder церковный in diesen Artikeln als nicht sonderlich gut motiviert zu gelten haben. Das dürfte in deutlichem Widerspruch zu der bei Slavisten wohl vorherrschenden Ansicht stehen, daß церковнославянский als Zusammensetzung klar strukuriert ist und in Hinblick auf das Verhältnis der Konstituenten am ehesten zu den Determinativkomposita gehört[6]. Schon die konkurrierende Reihenbildung mit древнеславянский und старославянский, aber auch weitere Sprachbezeichnungen wie общеславянский, праславянский, западно-/южно-/ восточнославянский lassen das Erstglied in diesem zusammengesetzten Terminus jetzt meist als einen subordinierten, spezifizierenden Zusatz erscheinen, der die Bedeutung des adjektivischen Zweitglieds — славянский in charakteristischer Weise differenziert und beschränkt. Im folgenden soll gezeigt werden, daß diese heute vermutlich weithin plausibelste Deutung des Kompositums ihm ursprünglich nicht eigen gewesen sein kann und sich vielleicht auch in der Gegenwart für Kenner des Kirchenslavischen durchaus nicht von selbst versteht.

2

Über die Herkunft der Bezeichnung церковнославянский sind bisher, soweit ich sehe, zwei Feststellungen getroffen worden, die sich auf den ersten Blick zwar wechselseitig zu ergänzen scheinen, bei näherem Zusehen aber auch in der Kombination als unzureichend erweisen. 1980 hat R. Picchio behauptet, daß das russische Wort nach dem Vorbild des deutschen Adjektivs *kirchenslavisch* entstanden sei, das Kopitar 1822 in seiner Besprechung von J. Dobrovskýs "Institutiones" geprägt habe, um das in diesem Werk störende nahezu synonyme Nebeneinander von *lingua slavica, lingua slavonica* und *lingua slavica ecclesiastica* zu vermeiden:

> Kopitar elucidated the concept of a Slavic sacred language through the terms *alte Kirchensprache, slavische Kirchensprache* and *kirchenslavische Sprache*, and thus implied a conceptual emphasis on the terminological tradition represented by the Latin term *lingua slavica ecclesiastica.*

Im deutschen Kontext dieser Rezension Kopitars und durch einige von ihr beeinflußte deutschsprachige Werke (insbesondere A. Schleichers "Formenlehre der kirchenslavischen Sprache" von 1852) sei der Begriff des Kirchenslavischen so klar definiert worden, daß er als terminologisches Muster selbst für slavisch schreibende Slavisten habe dienen können: während z.B. A. Chr. Vostokovs erste wichtige Abhandlung 1820 unter dem Titel "Rassuždenie o slavjanskom jazyke" (also unter Verwendung des herkömmlichen Ausdrucks славянский) erschienen sei, habe er vier Jahrzehnte danach für seinen "Slovar' cerkovnoslavjanskogo jazyka" von 1858–1861 die nach dem Vorbild von dt. *kirchenslavisch* aufgekommene Form церковнославянский verwendet[7]. Ohne auf diese Überlegungen Picchios einzugehen, hat auf der anderen Seite A.I.Gorškov 1987 unterstrichen, daß das hier interessierende Adjektiv seit der Mitte der dreißiger Jahre des 19. Jh. in der russischen Publizistik auftauche, nachdem zuvor im 18. und frühen 19. Jh. славянский bzw. славенский vorgeherrscht habe[8]. Obwohl Gorškovs knappe Bemerkung möglicherweise gar nicht als Nachweis eines Erstbelegs von церковнославянский gedacht war, ist sie so verstanden worden, denn unter Berufung darauf heißt es jetzt:

> This label first appeared in the work of Nadezhdin and Maksimovich in the 1830s[9].

Daß hier ein Irrtum vorliegt, kann jeder sehen, der von dem schon erwähnter "Rassuždenie" Vostokovs mehr als nur den Titel liest, aber auch sonst ist dessen zwei Jahre vor Kopitars Dobrovský-Rezension und anderthalb Jahrzehnte vor Nadeždins Artikel gedruckter Text für die Geschichte des Wortes церковнославянский in der russischen Sprachwissenschaft ein aufschlußreiches Dokument.

3

Vostokovs berühmter Aufsatz von 1820 trägt seine Überschrift sicher zu Recht, denn in Übereinstimmung mit ihr dominiert im Text als Sprachbezeichnung tatsächlich das Adjektiv славянский.Daneben finden wir jedoch nicht weniger als 14 Belege von церковнославянский, die aus gegebenem Anlaß unsere besondere Aufmerksamkeit verdienen. Symptomatisch ist zunächst die orthographische Vielfalt, mit der dieses Kompositum im Erstdruck der Schrift auftritt[10]. Die Varianz betrifft einerseits das Schwanken zwischen Groß- und Kleinschreibung, anderseits die gelegentliche Einfügung eines Bindestrichs. Regelmäßige Großschreibung wäre deshalb zu erwarten gewesen, weil andere Sprachbezeichnungen wie Русский, Богемский, Польский, Сербский oder natürlich auch Славянский hier konsequent mit großen Anfangsbuchstaben gesetzt sind, ähnlich das stets ohne Bindestrich gebrauchte Ново-

славянский. Abweichend von dieser Regel beginnt der Druck von 1820 mit vier Belegen von церковнославянский S. 7–13, läßt dann die kuriose Form церковно-Славянский S. 17 folgen, schreibt S. 23–34 fünfmal Церковнославянский und hat schließlich S. 53–58 abwechselnd dreimal Церковно-Славянский und einmal Церковнославянский! Die auf engem Raum begegnenden vier verschiedenen Schreibungen lassen vermuten, daß der Terminus zumindest dem Setzer nicht so geläufig gewesen ist, daß er für ihn schon über eine feste orthographische Gestalt verfügt hätte. Dagegen schreiben die Neudrucke desselben Textes von 1856 und 1865 einheitlich Церковно-Славянский!

Verwendet wird das Adjektiv bei Vostokov vor allem in der Verbindung mit язык (S. 8 [7], 15 [17], 27 [25], 28 [25], 26 [30], 53 [13]), wobei gelegentlich weitere Adjektive hinzutreten wie in древний церковнославянский (S. 8 [7]) oder Церковнославянский старинный язык (S. 54 [13]) und das Substantiv (язык bzw. диалект) z. T. aus dem Zusammenhang zu ergänzen ist wie bei dem Satz

> Особенныя слова, коими отличается Русский диалект от церковнославянскаго в древнем онаго периоде, были некоторыя частицы, местоимения, наречия и тому подобныя [...] S. 9 [13]);

man liest aber auch schon das Adjektiv in deutlicher substantiviertem Gebrauch

> причастие Церковнославянскаго (S. 24 [23], vgl. auch 32 [27], 58 [18])

und typisch fachsprachliche Verwendungen wie

> церковнославянское *жд* (S.9 [8])
>
> Церковно-Славянское *-го* (S.55 [14]),

die zeigen, daß der Verfasser das Wort wie andere Sprachbezeichnungen auch behandelt.

Vielleicht noch interessanter als die orthographische Vielgestaltigkeit ist, daß die Durchsicht des Textes neben славянский weitere konkurrierende Bezeichnungsmöglichkeiten zutagefördert. Dabei geht es in erster Linie um die Juxtaposition von церковный und Славянский in immerhin acht Fällen, vor allem in der Junktur церковный Славянский bzw. Церковный Славянский язык (S.12 [16], 31 [26f], 31 [27], 32 [27], 54 [13]) und in umgekehrter Folge Славянский церковный язык (S.30 [26]), aber auch Церковныя Славянския книги (S.32 [27]) und Славянския церковныя книги (S.31 [26]). Wie schon das Adjektivkompositum geben auch solche Fügungen mehrerer Adjektive zu erkennen, daß Vostokov bemüht gewesen ist, die Gefahren der Mehrdeutigkeit des traditionellen Ausdrucks славянский ("Slavisch";

"Urslavisch"; "Kirchenslavisch") zu vermeiden, die sich z.B. auch bei Новославянский zeigen, das einerseits in der Bedeutung "modernes Slavisch" auftritt:

> Каждый из Новославянских языков и диалектов сохранил какия нибудь особенныя потерянныя другими слова (S.11 [16]),

aber auch (neben новый Славянский) in der Bedeutung "modernes Kirchenslavisch":

> В окончании предлогов *съ, съ, къ*, всегда ъ вместо Новославянскаго и Русскаго *о (во, со, ко)*, Сербскаго *а (ва, са, ка)*, Польскаго *е* или *и (we, ze, ku)* S.13 [16]).

Das seltene Auftreten dieses zweiten Kompositums veranschaulicht aber, daß Vostokov die ihm zweckmäßig erschienene Differenzierung unter den Bedeutungen von Славянский im Falle der Sprache des kirchlichen Schrifttums eher in der zusätzlichen Verbindung mit dem Adjektiv церковный oder aber im Kompositum церковнославянский gesucht hat. Daß auch bei den anderen Bedeutungen des polysemen славянский Unterscheidungen mit Hilfe weiterer Adjektive erprobt werden (also z.B. S. 20ff. [22f.] древний язык Славянский und Русский и другие новейшие диалекты Славянские zueinander in Opposition stehen), sei nur am Rande erwähnt.

Der Text des "Rassuždenie" legt die Vermutung nahe, daß es für Vostokov sachlich-terminologisch keinen größeren Unterschied ausgemacht haben kann, ob er von Церковнославяснкий язык, von Славянский церковный язык oder von Церковный Славянский язык spricht. Das bedeutet wohl auch, daß wir das Adjektiv церковнославянский bei ihm am ehesten als Kopulativkompositum auffassen müssen: церковнославяснкий = церковный и (bzw. или) славянский. Daß dieses Verständnis der Zusammensetzung als einer im wesentlichen gleichrangigen Verbindung der Konstituenten eines ist, das im 19. Jh. sehr nahegelegen hat, ja damals wahrscheinlich überhaupt das nächstliegende war, sieht man auch daran, daß es neben церковнославянский mit gleicher Bedeutung, aber umgekehrter Abfolge der Konstituenten славяноцерковный gegeben hat[11]. Wenn die oben angedeutete Klassifikation als Determinativkompositum (etwa: церковнославянский = славянский (язык) церкви, церковной письменности?) heute wirklich von den meisten Slavisten bevorzugt wird, dann muß dieser Fachausdruck von seiner Entstehung zu Beginn des 19. Jh. bis zum Ende des 20. Jh. bei der Mehrzahl der Sprachforscher strukturell uminterpretiert worden sein. Diese Uminterpretation ist ein historisch-semantischer Prozeß gewesen, auf den die immer intensivere Erforschung der slavischen Sprachen, vor allem aber die Zurückdrängung des Kirchlich-Religiösen aus dem öffentlichen Leben Rußlands im 20. Jh.

eingewirkt haben. Sobald славянский nicht mehr in der Bedeutung "(zur) Sprache der Gottesdienstbücher (gehörig)" zur Verfügung steht, wie es beispielsweise deren Fehlen bei Ožegov-Švedova anzuzeigen scheint[12], ist ein kopulatives Verständnis von церковнославянский im Sinne Vostokovs ausgeschlossen. Es kennzeichnet die gegenwärtige Situation, daß sogar die Kirchenslavisch-Grammatik des Ierom. Alipij (Gamanovič) bei ihrer Erklärung der Sprachbezeichnung auf die anscheinend weithin verloren gegangene Bedeutung von славянский verzichtet und sich mit der von Ožegov-Švedova verzeichneten behilft:

> Церковно-славянский язык, как указывает самое название, является языком специальнаго назначения. Название "церковный" указывает на употребление его в церковном богослужении, а название "славянский" указывает на то, что им пользуются славянские народы, к которым принадлежат главным образом русские, сербы и болгары[13].

Interessant ist an dieser Definition jedoch, daß sie das Kompositum eher kopulativ als determinativ deutet, weil sie — zu Recht — ein besonderes Gewicht auf die kirchliche Zweckbestimmung dieser Sprache legt und damit die erste Konstituente fast gleichrangig neben der zweiten erscheinen läßt[14].

4

Die zahlreichen церковнославянский-Stellen in Vostokovs "Rassuždenie" von 1820 zwingen also zu einer Revision der Picchio-Gorškov-Hypothese, aber es sind keineswegs die frühesten Belege für die Verwendung dieses Wortes im russischen philologischen Schrifttum. Es würde lohnen, das allmähliche Aufkommen und die Durchsetzung dieser Prägung genauer zu verfolgen: Vostokov selbst verwendet sie zweifellos bereits 1818, vielleicht sogar schon 1810, als er sich, sozusagen in einem (mir nicht zugänglichen) ersten Entwurf zum künftigen "Rassuždenie", kritisch mit den Kirchenslavisch-Konzeptionen Dobrovskýs und Schlözers auseinanderzusetzen versucht hat[15]; der Terminus taucht vor 1820 aber auch bei anderen russischen Slavisten schon auf[16]. Diese "Vorgeschichte" von церковнославянский, in die natürlich auch verdeutlichende Klammerschreibungen wie Славянский (церковный) oder Ausdrücke wie Славянский κατ' ἐξοχήν gehören, läßt sich hier nicht weiter verfolgen. Aus Raumgründen kann ich leider auch nur knapp berichten, daß das deutsche Kompositum *kirchenslavisch* gleichfalls nicht erst 1822 gebildet worden ist, sondern bei Kopitar schon 1808 und danach wiederholt in seinen kleinen Schriften begegnet[17]. Ob das russische und das deutsche Wort — in welcher Richtung auch immer — genetisch miteinander zu verbinden sind, ist ein reizvoller Gedanke,

doch sollte er erst auf Grund einer besseren Kenntnis der Belegsituation weiter verfolgt werden. Eine maßgebliche Rolle bei der Entstehung des russischen wie des deutschen Terminus hat sicher die Tatsache gespielt, daß das Adjektiv церковный spätestens seit der zweiten Hälfte des 18. Jh. mehr oder weniger terminologisiert zur Bezeichnung einer bestimmten Sprachform bzw. eines bestimmten Korpus von Texten verwendet werden konnte — man denke etwa an einen Titel wie "Cerkovnyj slovar" (P. Alekseev, 1773) oder vielleicht sogar an Lomonosovs "Predislovie o pol'ze knig cerkovnych v rossijskom jazyke" (1758), wo wir vielleicht allzu schnell nur an "kirchlich" und nicht auch an das mitgemeinte "kirchenslavisch" denken. Schlözer jedenfalls übersetzt Alekseevs Buchtitel mit *Kirchen-Lexikon* und in Anlehnung daran stellt Kopitar die Frage nach der noch ausstehenden *Kirchengrammatik*[18] — so wie Linde in seinem auch von Vostokov eifrig konsultierten "Wörterbuch der polnischen Sprache" das Sigel *Cerk. (=cerkiewny dialekt)* bzw. *Eccl. (=Ecclesiastica)* gebraucht, wenn er kirchenslavische Wörter zitiert[19]. Der Boden, auf dem die Sprachbezeichnungen церковнославянский und *kirchenslavisch* entstanden sind, ist also schon vor dem 19. Jh. bereitet gewesen, und bei dem bemerkenswerten Interesse, das alles Kirchenslavische heute wieder findet, wäre es an der Zeit, mehr und Genaueres auch über den Ursprung dieser erneut aktuell gewordenen Termini zu erfahren.

ANMERKUNGEN

[1] S.I.Ožegov, N.Ju. Švedova: Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M. 1992. Vielleicht liegt es an dieser Art der Anordnung, daß die Sprachbezeichnung серб(ск)охорватский bei Ožegov-Švedova fehlt. S.v. славяне wird unter den slavischen Völkern noch черногорцы genannt; daneben gibt es als Artikel auch боснийцы; die Adjektive черногорский und боснийский werden aber nicht mit язык zitiert. Der "Slovar' russkogo jazyka" (^{2}4.1984, S. 78) hat nur серб(ск)охорватский und definiert die Verbindung mit язык als "язык сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев-мусульман"; S. 129 s.v. славяне sind aber neben den боснийцы (vgl.^{2} 1.1981, S. 109) die черногорцы (vgl. ^{2} 4.1984, S. 666) offenbar vergessen worden.

[2] *Zu Rus'* vgl. G. Schramm: "Die Herkunft des Namens Rus'. Die Kritik des Forschungsstandes", Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 30. 1982, S. 7–49.

[3] A.N. Tichonov: Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka v dvuch tomach. M. 1985 ist in dieser semantischen Hinsicht bei der Nestbildung weniger konsequent: während z.B. болгарский unter болгар(ин) oder украинский unter украин(ец) und dieses unter Украина erscheinen (1. S. 108 Nr. 385 bzw. 2. S. 287 Nr. 82), steht bei ihm das Adjektiv русский über der (als Substantiv auftretenden) Personenbezeichnung русский (2. S. 56 Nr. 463, vgl. auch das Nest росс/русс und Росси(я) S. 49 Nr. 401–2).

[4] Lingvističeskij ėnciklopedičeskij slovar'. M. 1990. S. 491, 575f. Zu den Merkwürdigkeiten des zweiten Artikels gehört, daß dessen Autor (L.L.Kasatkin) das Explicandum zwar mit древнеславянский литературный язык erklärt und sogar

darauf hinweist, daß dieser Ausdruck in der linguistischen Literatur statt старославянский und церковнославянский verwendet werde; dennoch aber ein eigener Artikel für древнеславянский in dieser Enzyklopädie fehlt.

[5] Vgl. aus bulgarischer Sicht z.B. E. Dogramadžieva, Kr. Kostova: "Problemy definicii drevnebolgarskogo jazyka na osnove opredelenij drugich drevnich slavjanskich jazykov", Slavjanska filologija 19. 1988. S. 19–28 oder D. Dunkov, R. Stankov: "K voprosu ob osnovnych položenijach stanovlenija i razvitija drevnebolgarskogo literaturno-pis'mennogo jazyka i ego izvodov", Palaeobulgarica 12, 1. 1988. S. 9–28.

[6] Zur Unterscheidung von Determinativ- und Kopulativkomposita vgl. W. Fleischer: Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4. Aufl. Leipzig 1976. S. 81, ferner E.A. Zemskaja: Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie. M. 1973. S. 177 ("отношение подчинения vs. сочинения") und jetzt zu den Adjektivkomposita mit koordinativer Beziehung der Konstituenten z. B. I.A. Mel'čuk: "Slovoobrazovanie v lingvističeskich modeljach "Smysl ⇔ Tekst" (predvaritel'nye zamečanija)", Metody formalne w opisu języków słowiańskich. Białystok 1990. S. 53f.

[7] R. Picchio: "Church Slavonic", The Slavic Literary Languages: Formation and Development. Ed. by A.M. Schenker and E. Stankiewicz. New Haven 1980. S. 4–5 bzw. R. Picchio: Letteratura della Slavia ortodossa. Bari 1991. S. 106–107.

[8] A.I.Gorškov: "Otečestvennye filologi o staroslavjanskom i drevnerusskom jazyke", Drevnerusskij literaturnyj jazyk v ego otnošenii k staroslavjanskomu. M. 1987. S. 8–9. Vgl. die von Gorškov verwendeten Stellen schon bei V.V. Vinogradov: Očerki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII-XIX vv. M. 1938. S. 308.

[9] D.S.Worth: "([Church] Slavonic) Writing in Kievan Rus", Christianity and the Eastern Slavs. Vol. I. Slavic Cultures and the Middle Ages. Berkeley, Los Angeles, Oxford 1993. S. 143. Diese Schlußfolgerung ist nicht zuletzt deshalb erstaunlich, weil im wissenschaftsgeschichtlichen Teil des klassischen Werks von S.K. Bulič: Cerkovnoslavjanskie ėlementy v sovremennom literaturnom i narodnom russkom jazyke. I. Spb. 1893 (Nachdruck München 1986) leicht viele frühere Belege zu ermitteln sind.

[10] Zitiert wird im folgenden mit leichter orthographischer Modernisierung nach dem Erstdruck von A. Chr. Vostokov: "Rassuždenie o Slavjanskom jazyke, služaščee vvedeniem k Grammatike sego jazyka, sostavljaemoj po drevnejšim onogo pis'mennym pamjatnikam", Trudy Obščestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti 17. 1820. S. 5–61. In Klammern ergänzt wird die Seitenzahl nach den heute leichter zugänglichen Ausgaben im Rahmen der "Učenye zapiski 2-go Otdelenija Akademii nauk" (1856, II:I:S. 1–27) bzw. der "Filologičeskie nabljudenija A. Chr. Vostokova" (SPb. 1865).

[11] Das bekannteste Werk mit dieser Bezeichnung der Sprache ist V. Klassovskij: Kratkaja grammatika slavjanocerkovnago jazyka perioda pečatnych (v Rossii) knig. Spb. 1857 und öfter; die Bildung ist aber auch schon bei I. Peninskij: Grammatika slavjanskaja. Izdanie tretie. Spb. 1827. S. IX, X, 124, 173 (neben церковнославянский, S. 133) zu finden und wahrscheinlich gleichfalls noch älter. Zu dem älteren und als Muster zu bedenkenden Ausdruck славяноросс(ийс)кий vgl. B. A. Uspenskij: Iz istorii russkogo literaturnogo jazyka XVIII-načala XIX veka. Jazykovaja programma Karamzina i ee istoričeskie korni. M. 1985. S. 175ff.

[12] Славянский ist dort nur als Beziehungsadjektiv zu славяне registriert. Wahrscheinlich ist das ein Versehen, denn für die zweite Bedeutung unter славянизм

wird wie selbstverständlich die Existenz der Bedeutung "церковнославянский" vorausgesetzt.

[13] Ierom. Alipij (Gamanovič): Grammatika cerkovno-slavjanskago jazyka. Jordanville 1964 (Nachdruck Moskva 1991). S. 3.

[14] Vgl. die ganz ähnliche Semantisierung des Ausdrucks jetzt bei N.I. Tolstoj: "K vychodu v svet novych urokov po cerkovnoslavjanskomu jazyku", Slavjanovedenie 1992, 3. S. 72: "*Церковнославянский* язык, который мы можем услышать в *русских* православных *церквах* нашей страны и "великого русского зарубежного рассеяния", в *сербских, болгарских и македонских церквах* — язык с тысячелетней судьбой и богатой традицией". (Hervorhebende Kursivierung von mir, H.K.) und vielleicht noch stärker 1927 (!) in dem vor kurzem wieder veröffentlichten Aufsatz von N. S. Trubeckoj: "Obščeslavjanskij element v russkoj kul'ture", Voprosy jazykoznanija 1990, 3. S. 132–134: "Церковнославянская литературно-языковая традиция утвердилась и развилась в России не столько потому, что была *славянской*, сколько потому, что была *церковной*".

[15] Trudy Obščestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti 12.1818. S. 72–73, bequemer zugänglich in I. Sreznevskij: Perepiska A. Chr. Vostokova s obъjasnitel'nymi primečanijami. Spb. 1873. S. XXIX–XXX. Zur Schlözer-Rezeption im "Rassuždenie" vgl. H. Keipert: "A. Chr. Vostokov, die deutsche Slavenkunde und das Altbulgarische", Palaeobulgarica [im Druck].

[16] So hat Kalajdovič schon 1819 vom Druck "kirchenslavischer Bücher" (книг Церковно-Славянских) in Krakau gesprochen!

[17] B.Kopitar: Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Laibach 1808 (Neudruck München 1970). S. 314 Fußnote ("im Kirchen-Slavischen"), ferner: B. Kopitars kleinere Schriften sprachwissenschaftlichen, ethnographischen und rechtshistorischen Inhalts. Wien 1857. S. 27 [1870]; 68; 115; 152 [1813]; 195 [1812]; 286 [1814]; 338 [1819?] u.ä.

[18] V.Jagič: Pis'ma Dobrovskogo i Kopitara v povremennom porjadke. Spb. 1885. S. 34, 52.

[19] S.B.Linde: Słownik języka polskiego. Warszawa 1807–1815.

З.Кёстер-Тома
(Берлин)

ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(на славянском фоне)

К одной из наиболее активных лексических и фразеологических сфер русского языка несомненно относятся наименования денежных единиц (Земская 1987, 33–34). В настоящее время эти наименования претерпели во всех славянских языках "шоковые изменения" в связи с политико-экономическими реформами, а также денежной девальвацией. Динамику лексических единиц этого рода регулярно "отслеживает" Э.Тиммлер (Timmler 1994, 1994а и др.). Ею убедительно показано, как экстралингвистические обстоятельства повлияли на полную "смену вех" в этой области. Разделение "рублёвого пространства" в странах СНГ произошло по сути с 1 июля 1992 года, после перевода всех республик бывшего Советского Союза на так называемые корреспондентские отношения. Благодаря этому деньги перестали свободно перетекать из одной страны в другую, национальные банки бывших республик перешли на совершенно самостоятельную и несогласованную эмиссионную и ценовую политику, курсы рубля стали подвергаться резким колебаниям.

Для русского языка такие изменения означали значительное пополнение "денежного" словарного запаса за счёт новых наименований. Более того, параллельно с официальными денежными обозначениями на русский язык были скалькированы и их шутливо-иронические эквиваленты, хорошо понятные каждому русскому. Так, латвийский rublis (введенный в Латвии в мае 1992 г.) стал называться *фантики, лотерейные билеты, репшики* (по фамилии президента Эйнарса Репше (Ejnars Repsche), *репчики* с аллюзией на прост. *рябчик, ребчик* — 'рубль'; литовский talonas (введенный летом 1992 в Литве) и litas (введенный там же 20 июля 1993) — *зверюшки, билеты в зоопарк, фальшивый медведь (мишка), вагнорки* (по имени премьер-министра Вагнорюса — Wagnorjus); белорусский рубль в народе называют *зверинец, белорусский зайчик, зайчишка, заяц,* белорусскую 50-копеечную купюру — *белочка*; деньги Приднестровья в народе называют *суворовки, суворики, приднестрофики,* а украинские деньги — *фантики, хохломарка* (употр. в Крыму) и т.п.

Современные восточнославянские языки реагировали на резкое снижение основной денежной единицы России — рубля — рождением новой идиомы, которая относится к языковому нонстандарту (Кёстер-Тома, 1993): *деревянный рубль, деревянный,* а прилагательное *деревянные* стало субстантивированным и обозначает в разговорном языке 'деньги вообще', ср.: "В знач. сущ., только мн., -ые, -ых. Советские деньги, рубли" (Елистратов, 1994, 109).

Хотя оборот *деревянный рубль* воспринимается русскими, украинцами и белорусами как шутливо-иронический неологизм, он имеет свою предысторию. Его источником является жаргон 20-х годов, когда в Советском Союзе была проведена денежная реформа (1922–1924), стабилизировавшая советскую валюту. В обращение был пущен золотой рубль (с января 1961 г. его золотое содержание составляло 0,987412 г.) и фальшивомонетчики это использовали для выпуска фальшивых денег. Они изготовлялись из дерева (в основном — *липы*; ср. известное разговорное сущ. *липа* 'нечто поддельное, ненастоящее' и *липовый* 'ненастоящий, поддельный'). Отсюда и пейоративное значение оборота *деревянный рубль*. Существует и народное объяснение тому, почему *рубль* стал называться *деревянным*: он "одеревенел", то есть обесценился и стал ограничен в употреблении из-за нехватки наличных денег. Рабочим вместо денег стали выдавать зарплату товаром и была введена в обращение "валюта внутреннего употребления" ("Московские новости", 1993, № 24, 4). Употребление слов *деревянный и деревянные* в "денежном" значении особенно распространилось в русском языке с времён "перестройки": "*Деревянные рубли,* обычно мн. (ед. *деревянный рубль*), ирон. Советские неконвертируемые деньги, быстро обесценивающиеся вследствие инфляции; против. конвертируемый рубль" (Максимов, 1992, 63).

В денежном обращении *рубли* впервые появились в Новгороде в XIII-ом веке, само слово "рубль" впервые упоминается в новгородской берестяной грамоте (1281–1299). *Рубль* сменил с 1316 года прежне название новгородского слитка — *гривны серебра*. Первоначально *рубль* представлял собой также слиток серебра и был частью большей по весу и размеру денежной единицы — *гривенника* (ср. в старом просторечии *гривны, гривы,* от др.—русск. *гривьна* 'монета', производное от *грива*, см. Фасмер, 1986, 1, 458). *Гривну* — как собственную валюту, по сообщениям прессы, намерена ввести Украина: предусмотрены гривенные купюры 1, 2, 5, 10, 20, 50 и 100 ("Московские новости", 1992, № 47, 3). Этимологически *рубль* — "обрубок, отрубленный кусок" (ср. др.—русск. *рубити*) серебряной гривны. С середины XV века *рубль* был принят в московской денежной системе. Первый *серебряный рубль* был отчеканен в 1654 г. на Московском денежном дворе во время царствования Алексея Михайловича, отца Петра Первого. На лицевой стороне монеты изображен скачущий на коне царь в накинутой на плечи шубе. На

оборотной стороне — двуглавый орёл, увенчанный короной (см. "По свету", 1995, № 4, 10). В 1704 году в Москве были отчеканены первые рублёвые монеты, выпуск которых завершил денежную реформу Петра Первого. На Украине и в Белоруси рубль стали называть *карбованец* от польского *kabowaniec* из *kabowane pienadz* 'монета с насечкой по краям' (ср. нем. kerben). После реформы Петра Первого появился *червонец,* заимствованный из польского *czerwony* 'красный, золотой'. В Советском Союзе *червонец* обозначал денежный кредитный билет в десять рублей, находившийся в обращении с 1922 года по 1947 год. В начале 70-х годов выпускались также золотые юбилейные *червонцы* достоинством 10 рублей (Сальников, 1981, 148).

Любопытный лингвострановедческий факт для экономистов: именно на основе рубля была создана первая в мире деятичная монетная система. Так называемый *золотой рубль* стал в России денежной единицей в 1897 г., когда его золотое содержание составляло 0,774235 г. золота. У рубля было несколько разговорных неофициальных названий: *целковый, целковник* (ср. целый) 'рубль одной монетой', *крестовик* (из-за расположения на нём крестом четырёх букв "П" — Пётр) 'рубль времён Петра I', *червонец* '10 рублей', *империал, лобанчик, арабчик* '10 рублей, после 1897 года 15 рублей', *монет* м.р., *монета* 'серебряный рубль'. С 1 февраля 1993 года в России начали выпускаться новые купюры достоинством в 100, 200, 500, 1000 и 5000 рублей, которые в разговорном языке профессионалов получили название "серия Кремля", так как портреты Ленина были заменены видом Кремля.

Поскольку рубль продолжает быть основной денежной единицей на территории России и имеет широкое хождение во многих странах СНГ, то весьма актуальны многие русские фразеологизмы, включающие это наименование: *не считать рублей, гоняться за длинным рублём, длинный рубль, быть рублём, неразменный рубль* и т.п. Важно также, что такого рода единицы несут в себе высокий лингвострановедческий потенциал. Так, выражение *гоняться за длинным рублём и длинный рубль* (известные и украинскому, и белорусскому языкам, ср. укр.— *довгий карбованець* и бел.— *доўгі, даўгі рубель)* тесно связаны с историей самого русского рубля как денежной единицы (Мокиенко 1990, 77; ФМ, 119).

Немалый интерес представляет и обозначение наименьшей денежной единицы России — *копейки*, всегда равнявшейся одной сотой рубля. Хотя, как верно подчёркивает в своей заметке "Исчезла копейка" Тиммлер (1994), сейчас эта единица полностью изъята из оборота вследствие девальвации, но она активно употребляется в массе русских фразеологизмов и, как показывает история, вполне еще может возродиться. Вот лишь несколько актуальных выражений с этим словом, которые активно употребляются в русском языке: *до последней копейки, влететь в копеечку, как одну копейку,*

двадцать копеек с меня, как одна копейка, копейка в копейку, с копейками, без копейки, до (последней) копейки, копейки за душой нет, ни копейки (за душой) нет, дрожать над (каждой) копейкой, уступить за копейку, (дела) на копейку, ни за копейку, ни на копейку и др.

Копейка, как сообщают летописи, впервые появилась на Руси в 1535 г. при малолетнем царе Иване IV. Эти новые деньги представляли собой серебряные монеты с изображением "князь великий на коне, а имел копьё в руке". Именно по этому "копьеносному" изображению монету и стали называть *копейкой* (другие объяснения происхождения этого слова см. Фасмер, 1986, 2, 317–318). В России *копейку* чеканили с 1535 по 1718 г. из серебра, с 1704 г.— из меди, а с 1928 г.— из медно-цинкового сплава; она стабильно оставалась важнейшей денежной единицей России. Отсюда и ее активность в русском языке. Вместе с тем для истории финансово-экономических отношений России с другими государствами небезынтересно, что эта денежная единица достаточно свободно "конвертировалась" (resp. заменялась в различные периоды) другими деньгами. Так, в обращении раньше были *семитка, семишник, семак* 'две копейки', *полушка* '0,4 копейки', *деньга, денежка* '0,2 копейки', *пятиалтынный* '15 копеек', *двугривенный* 20 копеек', *восьмигривенный* 80 копеек'. С февраля 1992 года перестали чеканить мелочь образца 1961 года, а с 1991 года выпускается новая, достоинством в 1,5 и 10 рублей.

Весьма показательно, что слово *грош,* вошедшее в русский язык через польское *grosz* из стар. нем. *Grosch, Groschen* (Фасмер, 1986, 1, 462) до 1939 года обозначало медную монету достоинством в две копейки, потом полкопейки; она чеканилась с XII-го века в Италии и имела широкое хождение в Европе (в том числе и в России XVII-XVIII вв.), а сейчас сохранилась в Польше и Австрии. Это слово оставило даже более активный след в русском языке, чем "чисто" русские *копейка* или *рубль.* Чаще всего *грош* — метафора, ср.: *ни в медный грош не ставить* 'не уважать, не считаться с кем-либо'. Вспомним также другие русские идиомы, которые постоянно употребляются в русской литературе и публицистике: *(ни) в (медный) грош не ставить, за (медный) грош, (медный, ломаный) грош цена (в базарный день), на грош, на грош пара, ни за грош (ни за денежку, ни за копейку), ни на грош (копейку, полушку), без гроша (денег), гроша медного (ни гроша) не дать, (ни) гроша (медного, ломаного, вытертого) не стоит, ни гроша (ни алтына, ни копейки, ни копья, ни обола, ни полушки) (за душой) нет, перебиваться с гроша на копейку, за гроши, на медные гроши* и др.

Для лингвистического комментария этого русского фразеологического материала важны варианты, актуальные для некоторых из приведённых выражений типа *ни гроша, ни алтына, ни копейки, ни копья, ни обола, ни полушки.* Они отражают историческую "конку-

ренцию" различных денежных единиц на территории Российской империи и дают информацию о многообразных её связях с другими государствами. Так, например, *алтын* происходит от татарского *алты* 'шесть' — шесть денежек как раз и составляли три копейки, то есть *алтын*. При Петре Первом недолгое время чеканили *серебряный алтын,* но затем запретили считать на *алтыны*. Трёхкопеечная монета называлась тогда *трынкой* и *трёшником.*

Характерно, что в употреблении классиков и современных писателей "монетаристские" различия между этими оборотами стираются, а возникают новые, стилистические различия. Вот лишь несколько таких употреблений:

И не задерживай ты меня, говорю: выкупа за меня не жди: *гроша у меня за душой нет* — и родных не имеется. (Тургенев, Отчаянный.)

— Катерина Архиповна... прямо мне сказала: "Что ты, говорит, к нему ходишь, *у него полушки за душой нет*". (Писемский. С.П.Хозаров и Мари Ступицына).

Как работник этот молодой и сильный человек *не стоил и гроша медного.* Рядом с силой в его крепких, как верёвка, мышцах разливалась тяжёлая, непобедимая лень. (Чехов. Агафья).

— Наука — это труд, напряжённый труд. Кто не может или не хочет понять это — *грош тому цена,* он никогда ничего не добьётся. (Трифонов. Студенты).

Еще более рельефная картина таких отношений вырисовывается при подключении к подобным комментариям западнославянского материала. Так, в чешском и польском языках лексема *грош* имеет даже бóльшую активность, чем в русском. Сопоставляя чешский и польский материал этого рода, можно создать зеркальное представление об общих и дифференциальных (resp. национально маркированных) фразеологизмах. Вот лишь некоторые полностью адекватные фразеологизмы с чеш. *groš* и польск. *grosz*, почерпнутые из современных чешских и польских фразеологических словарей:

чеш.	польск.
bét bez groše	być bez grosza
nemít ani groše	nie mieć ani grosza
škrtit groš	dusić grosz
za groš	za grosz
jidášský groš	judaszowski grosz
vdoví groš	wdowi grosz

Они, как видим, вполне адекватны и некоторым из вышеприведённых русских оборотов. Другая группа идиом, в состав которых входит слово *грош*, может в сопоставляемых западнославянских языках достаточно сильно различаться:

чеш.	польск.
známý jako falešný groš	znać kogoś jak zły (stary) grosz
žít na čí groš	żyć na czyj rachunek
dát si pro groš koleno vrtat	za gosz dać sobie rękę (nogę) uciąć
obracet každý groš na dlani	liczyć się z każdym groszem
nehledět na groš	mieć hojną rękę
и т.п.	

И в этой группе генетически однородных фразеологизмов — причём фразеологизмов близкородственных языков — можно встретить так называемые "ложные друзья переводчика". Так, в недавно вышедшем "Фразеологическом чешско-польском словаре" Хлины Петрак-Мейзер (Pietrak-Meiser 1993, 72) совершенно верно указывается на контрастное, диаметрально противоположное значение чеш. *smrdět grošem* 'быть очень жадным, не давать никому ни копейки', которому соответствует польск. *nie śmierdzieć groszem* — с отрицательной частицей *nie*. Такие случаи при обучении славянским языкам требуют особого внимания для предотвращения межъязыковой интерференции. И здесь "монетарная" фразеология предоставляет достаточно большой материал. Ср. также ряды чешских и польских выражений с такими стержневыми словами, как *peníz — pieniądze, koruna — forsa, grešle — szeląg* и т.д. Довольно часто здесь диапазон эквивалентности имеет разную широту уже потому, что в состав фразеологических эквивалентов входят стилистически и хронологически различные лексемы — наименования денежных единиц. Так, например, устаревшее чешское слово *vindra* в значении 'наименование мелкой монеты в прошлом' вне фразеологизмов не употребляется, в то время как польск. *grosz* такую самостоятельность имеет. Однако при передаче многих фразеологизмов со словом *vindra* в двуязычных чешско-польских словарях последовательно употребляется именно слово *grosz*, известное, как мы видели, и чешской фразеологической системе:

чеш.	польск.
nemít ani vindry	nie mieć ani grosza
nestát za vindru	nie być wartym grosza
dát všechno do poslední vindry	wydać wszystko do grosza
nedát za co ani zlámanou vindru	nie dać za co złamanego grosza
т.п.	

За каждым из таких сходств и расхождений стоит конкретная история, вписывающаяся в более общую культурно-историческую

и экономическую панораму развития той или иной славянской страны. Современная история, как мы уже говорили, тоже успела внести свою лепту в лексику и фразеологию интересующей нас группы. Даже беглый просмотр вышедших за последние годы жаргонных словарей русского языка (Балдаев, Белко, Исупов 1992; Быков 1994; Елистратов 1994; Юганов, Юганова 1994) показывают, сколь активны в жаргоне и просторечии наименования денежных единиц. Вот лишь небольшая алфавитная подборка таких наименований, приобретших особую актуальность:

Ба́бки — деньги: *зашибать бабки, заколачивать бабки.*

Вар.: *бабу́ли, бабу́льки, ба́бочки, бобу́ли, бабу́рики, бабулу́нции* и др.

Ба́ки, ба́ксы — доллары, валюта, любые деньги.

Ба́шли, ба́шельки, ба́рди, бобы́ — деньги.

Ван, вано́к — один рубль.

Во́здух — деньги.

Ворбышки — деньги.

Вши́вый — один рубль. *Два вшивых сдачи.*

Гри́венник — 1). 10 коп. 2). 10 руб. 3). 10 000 руб.

Грин, грины́, грюник — доллары США.

Гри́ша, гри́шка — гривенник.

Гробовы́е — деньги, выплачиваемые за участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Двугри́венный — 1). 20 коп. 2). 20 руб. 3). 20 000 руб.

Дву́ха, дву́шка, двухарь, дву́шник, дву́шничек — 1). 2 коп. 2). 2 руб. 3). 20 руб.

Долла́рь — доллар. *Трудно жить без долларе́й.*

До́льчики — доллары.

Дра́йка — три рубля (от нем. drei).

Дуб — рубль.

Ело́вые — рубли, советские деньги. Ср. *деревя́нные.*

Зелёная, зелёненькая — 1). трёхрублёвая купюра. 2). 50 рублей Ср. загадку: *Зелёный, хрустит, а не деньги (*3 рубля).

Зелёненький — доллар.

Зеленый червонец — 10 долларов.

Зеленая двадцатка — 20 долларов.

Зелёнка, зе́лень, зелёный — валюта, доллары. *Зелёная капуста* — доллары.

Капу́ста — деньги (рубли или валюта): *капу́сту рубить (косить, опать)* — зарабатывать валюту.

Кара́сь — 10 руб.

Катюша, ка́тька — 100 руб.

Кварт, ква́рта — 25 руб.

Кни́га, кни́жка — тысяча рублей (о взятке): *книга в хорошем переплёте* — взятка с приглашением в ресторан. Ср. *барашек в бумажке.*

Коса́я, коса́, ко́ся, коса́к, косу́ля, косу́ха, коса́рь, коса́ч — 1 000 рублей.

Котле́та — пачка денег.

Кусо́к — 1 000 рублей.

Лимо́н — 1 000 000 руб.

Междунаро́дная — 3 рубля (возможно, по цвету купюры). Ср. школьн. *междунаро́дная* — "тройка" (оценка).

Не́мка, не́мочка — немецкая марка (DM).

Пе́рвые — доллары, валюта.

Пол-куска́ — 500 руб.

Пол-лимона — 500 000 руб.

Полти́нник — 1). 50 коп. 2). 50 руб. 3). 50 000 руб.

Прайс — деньги.

Президе́нт — доллар.

Пятна́шка — 1). 15 коп. 2). 15 руб.

Тэн, тэно́к — 10 руб.

Фе́нька — мелкая разменная монета.

Фи́нка, фи́ночка — финская марка.

Четверта́к — 1). 25 оп. 2). 25 руб.

Черво́нец — 10 руб.

Шту́ка — 1 000 руб.

Юкс, юксы́ (мн.), *юксо́вый* — 1 рубль (из финск. *uksi* — 'один').

Каждая из этих лексем может быть предметом специального лингвистического анализа. В названной группе есть и совершенно новые, заимствованные наименования типа обозначений доллара — *баксы, президент, зелёные.* Есть и старые русские слова, изменившие *своё* значение и образовавшие серию фразелогизмов — типа оборотов *бабки сшибать* или *подбивать бабки* (Мокиенко 1991, 33; Мокиенко 1993, 348). Независимо от их "стажа" и источника они, однако, уже образуют особую семантическую систему. Систему исключительно динамичную и относительно замкнутую, несмотря на свою разнородность.

ЛИТЕРАТУРА

Балдаев, Белко, Исупов 1992: *Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М.* Словарь лагерно-тюремно-блатного жаргона. Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М.: "Края Москвы", 1992, С. 526.

Быков 1994: *Быков В.* Русская феня. Смоленск: "Траст-имаков", 1994, С. 221.

Елистратов 1994: *Елистратов В.С.* Словарь московского арго (Материалы 1980–1994 гг.). М.: "Русские словари" 1994, С. 699.

Земская 1987: *Земская Е.А.* Русская разг7оворная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: "Русский язык", 1987, С. 237.

Кёстер-Тома 1993: *Кёстер-Тома З.* Стандарт, субстандарт, нонстандарт // Russistik, 1993, № 2. S. 15–31.

Максимов 1992: *Максимов В.И. и др.* Словарь перестройки. М.: "Златоуст", 1992. С. 253.

Мокиенко 1990: *Мокиенко В.М.* Почему рубль длинный? // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. 1990. № 4. С. 77.

Мокиенко 1991: Мокиенко В.М. Из истории русской жаргонной лексики и фразеологии // Russistik, 1991. № 1. S. 30–41.

Мокиенко 1993: *Мокиенко В.М.* Принципы этимологического анализа фразеологии. // Philologia slavica. К 70-летию академика Н.И.Толстого.— М.: "Наука", 1993. С. 346–353.

Сальников 1981: *Сальников Н.М.* Значение и возникновение слова рубль. // Zielsprache Russisch, 1981, № 4. С. 147–148.

Юганов, Юганова 1994: *Юганов И., Юганова Ф.* Русский жаргон 60–90-х годов. Опыт словаря. Под ред. А.Н.Баранова. М.: "Помовский и партнеры", 1994. С. 317.

Фасмер 1986: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского язы. Т. 1, 2. М.: "Прогресс" 1986.

ФМ: *Фелицина В.П., Мокиенко В.М.* Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. Под ред. Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова. М.: "Русский язык", 1992. С. 222.

Pietrak-Meiser 1993: *Pietrak-Meiser H.* Slownik frazeologiczny czeskopolski. Lublin 1993. С. 380.

Timmler 1994: *Timmler E.* Исчезла копейка. // Fremdsprachenunterricht. Berlin — 1994. № 6. S. 456–458.

Timmler 1994a: *Timmler E.* Die Währungen in e Nachfolgestaaten der Sowjetunion // Osteuropawirtschaft.— 1994. № 1. S. 10–16.

Timmler 1994b: *Timmler E.* Платёжные средства бывших республик Советского Союза // Fremdsprachenunterricht. Berlin — 1994. № 1. S. 51–52.

Н.А.Кожевникова
(Москва)

ЯЗЫК СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ИЗОБРАЖЕНИИ М.А.БУЛГАКОВА

Уже в самых ранних произведениях Булгакова важным предметом изображения становится язык нового общества, факты, связанные с разрушением старого мира. Это разного рода переименования, ведущие к разрыву с традицией.

Одна из глав повести "Роковые яйца" начинается с указания на переименование города и улицы: "В уездном заштатном городке, бывшем Троицке, ныне Стекловске, Костромской губернии, Стекловского уезда, на крылечко домика на бывшей Соборной, а ныне Персональной улице вышла повязанная платочком женщина в сером платье с ситцевыми букетами и зарыдала".

Булгаков упоминает переименованные улицы Москвы и Киева: "...20-й год вышел еще хуже 19-го. Произошли события и притом одно за другим. Большую Никитскую переименовали в улицу Герцена" ("Роковые яйца"), "Иван увидел серый берет в гуще в начале Большой Никитской, или Герцена", "Пассажир этот был не кто иной, как дядя покойного Берлиоза, Максимилиан Андреевич Поплавский, экономист-плановик, проживающий в Киеве на бывшей Институтской улице" ("Мастер и Маргарита").

Смена "опасных" фамилий, фамилий, делающих человека двойником исторического лица,— тема рассказа "Игра природы" (железнодорожник Врангель меняет фамилию на Иванов) и одна из тем "Дьяволиады", где Ян Собесский ("...вы не подумайте, товарищ, что я имею что-либо общее с этим бандитом. О нет. Горькое совпадение, больше ничего") меняет фамилию на Соцвосский. "Это гораздо красивее и не так опасно". Сопоставление этих двух фамилий по-новому мотивирует фамилию Собесский — от *собес*. Смена некрасивых имен и фамилий отражена в пьесе "Адам и Ева", где Захар Маркизов меняет имя на Генрих.

Появление новых имен — тема рассказа "Самоцветный быт, Ванькин — дурак": "...счастливым матерям предложил имена для их крошек: Баррикада и Бебелина, так что первая выходила Баррикада Анемподистовна, а вторая просто Бебелина Иванна, от чего

обе матери отказались с плачем <...> тогда Ванькин обменял на два других имени: Мессалина и Пестелина, и только председатель завкома его осадил, объяснив, что Мессалина — такого имени нет, а это картина в кинематографе". Результат такого же произвола — имя Полиграф Полиграфович в "Собачьем сердце".

Как противостояние традиции возникают не только новые слова, но и переосмысливаются и приспосабливаются к новым потребностям старые слова. Слово молитвы *Аллилуйя* превращается в название танца, название римского цирка — в название кинотеатра "Колизей".

В произведения Булгакова в изобилии входят аббревиатуры, составные наименования: ГПУ, МСПО, ГУМ, Совнарком, Госспирт, Жиркость, Совпроф, главрыба, Губвинсклад, Центроснаб, Губотдел, Мосздравотдел, культотдел, Моссельпром, реввоенсовет, рабклуб, страхкасса, Цекубу: "Вывеска на вывеске... И чего, чего на них нет. Все есть, кроме твердых знаков и ятей. Цупвоз. Цустран. Моссельпром. Отгадывание мыслей. Мосдревотдел. Виноторг. Старо-Рыковский трактир. Воскрес трактир, но твердый знак потерял. Трактир "Спорт". Театр трудящихся. Правильно. Кто трудится, тому надо отдохнуть в театре. Производитель "сандаль". Вероятно, сандалий. Обувь женская, детская и "мальчиковая". Врывсельпромгвну. Униторг. Мосторг и Главлесторг. Центробумтрест" ("Москва краснокаменная"); "Дух императора,— прерывисто и взволнованно спросила Леночка,— скажи, стоит ли мне переходить из Главхима в Железком?" ("Спиритический сеанс"), "Товарищ Коротков прочно служил в Главцентрбазспимате" (Главная Центральная База Спичечных Материалов) ("Дьяволиада"). В "Роковых яйцах" по образцу "Доброхима" образован "Доброкур": "Был основан "Доброкур", почетными товарищами председателя, в который вошли Персиков и Португалов". В "Мастере и Маргарите" важная роль принадлежит аббревиатурам Массолит и Драмлит.

В особенности разнообразны комиссии, которые упоминаются в разных произведениях писателя: "Зазвенели телефоны, начались совещания... Комиссия построения — в комиссию наблюдения, комиссия наблюдения — в жилотдел, жилотдел — в Наркомздрав, Наркомздрав — в Главкустпром, Главкустпром — в Наркомпрос, Наркомпрос — в Пролеткульт и т.д." ("Похождения Чичикова"), "Образована чрезвычайная комиссия по борьбе с куриною чумой в составе наркомздрава, наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи-Поросюка, профессоров Персикова и Португалова... и товарища Рабиновича!..", "Чрезвычайная комиссия по борьбе с куриною чумой переименовалась в чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике, пополнившись новой чрезвычайной тройкой в составе шестнадцати товарищей". В "Мастере и Маргарите" фигурирует "Комиссия зрелищ и увеселений облегченного типа" ("Зрелищная комиссия"), "комис-

сия изящной словесности". Также многочисленны обозначения новых должностей: военком, предместком, завком, финдиректор, новых реалий: рабклуб, кооплавка, страхкасса, прозодежда, колдоговор, дезнаки; неологизмы: октябрины, прооктябрить.

Государство, которое наступает на человека, воплощено во множестве названий учреждений. Названия государственных учреждений имеют в передаче Булгакова и полный вид: "Повар столовой Нормального питания служащих Центрального Совета Народного Хозяйства" ("Собачье сердце"), и разные варианты: ГПУ, Гепеу, Государственное политическое управление. Кроме того, использовано и слово Гепеур ("Роковые яйца").

Как отмечали исследователи, один из сквозных мотивов творчества Булгакова — мотив дома. В новых условиях отношения человека с домом обусловлены квартирным кризисом и превращаются в "квартирный вопрос". Место, которое занимает в изображаемом мире квартирный вопрос, определяет и важную роль, которая принадлежит в творчестве писателя соответствующей лексике: квартирный вопрос, квартирный кризис, жилплощадь, площадь ("Площадь на колесах" — название фельетона), жилтоварищество, жилтоварищи, жакт, домком, домоуправление, прописать, прописаться, выписать, уплотнить, самоуплотниться, обмен, квартхоз, секретарь домкома десятого жакта в Банном переулке; домоуправ, застройщик.

Уплотнение — тема фельетона "Площадь на колесах". Она развивается в "Собачьем сердце": "— Мы — управление дома,— с ненавистью заговорил Швондер,— пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома.

— Кто на ком стоял? — крикнул Филипп Филиппович,— потрудитесь излагать ваши мысли яснее.

— Вопрос стоял об уплотнении.

— Довольно! Я понял! Вам известно, что постановлением от двенадцатого августа моя квартира освобождена от каких бы то ни были уплотнений и переселений?".

Уплотнение — один из мотивов "Зойкиной квартиры": "Зоя.— Коротко. Зачем я вам понадобилась? Опять уплотнение? Портупея. Постановили вас уплотнить, а половина орет, чтоб вовсе вас выселить! Зоя. На одного человека самоуплотнюсь. Портупея. Только вы уж сегодня решите, кем самоуплотнитесь, я зайду попозже".

Булгаков отмечает особую роль документа в советской жизни: "Документ — самая важная вещь на свете" ("Собачье сердце") и создает пародию на него: "— Я очень прошу выдать мне удостоверение,— заговорил, дико оглядываясь, Николай Иванович, но с большим упорством,— о том, где я провел предыдущую ночь.

— На какой предмет? — сурово спросил кот.

— На предмет представления милиции и супруге,— твердо сказал Николай Иванович. <...> И не успел Николай Иванович опомниться, как голая Гелла уже сидела за машинкой, а кот диктовал ей:

— Сим удостоверяю, что предъявитель сего Николай Иванович провел упомянутую ночь на балу у сатаны, будучи привлечен туда в качестве перевозочного средства... поставь, Гелла, скобку! В скобке пиши "боров". Подпись — Бегемот" ("Мастер и Маргарита").

Для Булгакова характерен интерес к самым разным речевым жанрам. В его произведения включены анкета ("Похождения Чичикова"), приказ, лозунг, вывеска, заявление, расписка, объявление, доклад, критическая статья, донос. Булгаков воспроизводит особенности некоторых речевых жанров и ситуаций, например, ритуальное пристрастие к речам о международном положении: "Оттуда обещали Александру Семеновичу прислать дня через два оратора на две темы — международное положение и вопрос о Доброкурс" ("Роковые яйца"), к однотипным речевым средствам. Эпитет *красный*, имеющий универсальный характер, отражен в названиях газет "Красный Боец", "Красная Вечерняя Москва" и журналов: "Красный Огонек", "Красный Перец", "Красный журнал", "Красный прожектор" и "Красный Ворон", издания ГПУ в "Роковых яйцах".

В "Мастере и Маргарите" роль канцеляризмов и газетной фразеологии необычайно велика[1]. В романе отражена фразеология газетных статей, определивших судьбу Мастера: "...в другой газете появилась статья критика Аримана, которая называлась "Враг под крылом редактора", в которой говорилось, что Иванов гость, пользуясь беспечностью и невежеством редактора, сделал попытку протащить в печать апологию Иисуса Христа... Через день в другой газете за подписью Мстислава Лавровича обнаружилась другая статья, где автор ее предлагал ударить, и крепко ударить, по пилатчине и тому богомазу, который вздумал протащить (опять это проклятое слово!) ее в печать", "...произведения Аримана и Лавровича могли считаться шуткою по сравнению с написанным Латунским. Достаточно вам сказать, что называлась статья Латунского "Воинствующий старообрядец". Деятельность комиссий передается при помощи канцеляризмов: "Комиссия объявила Никанору Ивановичу, что рукописи покойного ею будут изъяты для разборки, что жилплощадь покойного, то есть три комнаты (бывшие ювелиршины кабинет, гостиная и столовая), переходит в распоряжение жилтоварищества, а вещи покойного подлежат хранению на указанной жилплощади, впредь до объявления наследников". Действия официальных лиц в "Мастере и Маргарите" изображают канцеляризмы в самом повествовании: "Машина <...> отвезла его <...> на квартиру убитого, где было произведено опечатание его

бумаг, а затем уж все поехали в морг". При помощи канцеляризмов изображена и работа следствия в конце романа.

Стилистика канцелярских документов наложила печать и на некоторые фрагменты ершалаимских глав. Размышляя о судьбе Иешуа, Пилат пользуется канцеляризмами: "В течение ее полета в светлой теперь и легкой голове прокуратора сложилась формула. Она была такова: игемон разобрал дело бродячего философа Иешуа, по кличке Га-Ноцри, и состава преступления в нем не нашел. В частности, не нашел ни малейшей связи между действиями Иешуа и беспорядками, происшедшими в Ершалаиме недавно. Бродячий философ оказался душевнобольным. Вследствие этого смертный приговор Га-Ноцри, вынесеный Малым Синедрионом, прокуратор не утверждает. Но ввиду того, что безумные, утопические речи Га-Ноцри могут быть причиною волнений в Ершалаиме, прокуратор удаляет Иешуа из Ершалаима и подвергает его заключению в Кесарии Стратоновой на Средиземном море, то есть именно там, где резиденция прокуратора".

Новый советский язык оценивается как язык непонятный. Круг непонятных слов, которые попадают в поле зрения писателя, достаточно широк. Это аббревиатуры: "Серый забор. На нем афиша. Огромные яркие буквы. Слово. Батюшки! Что ж за слово-то? *Дювлам*. Что ж значит-то? Значит-то что ж? Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского. <...> как зачарованный уставился на слово. Ах, слово хорошо. А я, жалкий провинциал, хихикал в горах над *завподиска*! Куда ж, к черту ("Записки на манжетах"), нагромождение иноязычных слов: "Транспортная кооперация путем нормализации, стандартизации и инвентаризации спасет мелиорацию, электрификацию и механизацию. Этот лозунг больше всего понравился стрелочникам.

— Понять ни черта нельзя,— говорил рыжебородый Гусев, но видно, что умная штука" ("Торговый дом на колесах"), "Получил он от нас прозвище "поп" за свои нестерпимые речи и разные непонятные слова вроде "траектория", "капитализ", "резюми" и тому подобные, благодаря чему как будто он обедню служит на каждом пролетарском празднике" ("Самоцветный быт").

В пьесе "Блаженство" как непонятная оценивается общественно-политическая и канцелярская фразеология в устах Бунши:

"Бунша. Позвольте, товарищ, навести у вас справочку. Вы в каком профсоюзе состоите?

Анна. Простите, я не понимаю.

Бунша. То есть, чтобы иначе выразиться, вы куда взносы делаете?

Анна. Тоже не понимаю <...>

Милославский. Ты меня срамишь. Ты бы еще про милицию спросил. Ничего у них этого нет.

Бунша. Милиции нет? Ну, это ты выдумал. А где же нас пропишут?

Анна. Простите, что я улыбаюсь, но я ни одного слова не понимаю из того, что вы говорите. Вы кем были в прошлой жизни?

Бунша. Я секретарь домоуправления в нашем жакте.

Анна. А-а, вы что делали в этой должности?

Бунша. Я карточками занимался, товарищ.

Анна. А-а. Интересная работа? Как вы проводили ваш день?

Бунша. Очень интересно. Утром встанешь, чаю напьешься. Жена в кооператив, а я сажусь карточки писать. Первым долгом смотрю, не умер ли кто в доме. Умер — значит, я немедленно его карточки лишаю.

Анна (хохочет). Ничего не понимаю.

Бунша <...> Товарищ Радаманов, я вам хотел свои документы сдать.

Радаманов. Какие документы?

Бунша. Для прописки, а то ведь мы на балу веселимся непрописанными. Считаю долгом предупредить.

Радаманов. Простите, дорогой, не понимаю..."

Новое слово ставится в один ряд с общеупотребительными подобиями или звуковыми соответствиями и благодаря этому утрачивает какой бы то ни было смысл: "Слезкин усмехнулся одной правой щекой. Подумал. Вспыхнуло вдохновение.

— Подотдел искусств откроем!

— Это... что такое?

— Что?

— Да вот... подудел?

— Ах, нет. Под-от-дел!

— Под?

— Угу!

— Почему под?

— А это... Видишь ли,— он шевельнулся,— есть отнаробраз или обнаробраз. От. Понимаешь? А у него подотдел. Под. Понимаешь?

— Наро-браз. Дико-браз. Барбюс. Барбос".

Новообразования приобретают и ряд звуковых соответствий: "Угу. Все будет. Изо. Лито. Фото. Тео.— Строит Слезкин там. Наворачивает. Фото. Изо. Лито. Тео. Тео. Изо. Лизо. Тизо. Громоздит фотографические ящики. Зачем? Лито — литераторы. Несчастные мы! Изо. Физо. <...> Вот тебе и изо, мизо" ("Записки на манжетах").

Через непонятность слова раскрывается абсурдность новых установлений.

Газетная и канцелярская фразеология характеризует персонажей Булгакова по-разному. В речи одних она совершенно серьезна, например, в речи Бунши ("Блаженство", "Иван Васильевич"). Другие персонажи пользуются газетными формулами и лозунгами

как средством социальной мимикрии и одновременно иронизируют над ними. Такова речь Аметистова в "Зойкиной квартире": "А мне что терять, кроме цепей? ...Уклонились мы — раз! Утратили чистоту линии — два! Растеряли заветы!".

Булгаков изобразил характерное для советского времени мышление социально-политическими ярлыками. Речь некоторых персонажей содержит слова, характеризующие партийную принадлежность другого персонажа или самого говорящего: "Влип в дело Ноздрев, оказались замешанными и сочувствующий ротозей Емельян и беспартийный Вор Антошка" ("Похождения Чичикова"), "Ах, завидно на вас смотреть, Ева Артемьевна! И красивый, и инженер, и коммунист" ("Адам и Ева"), "Знаю только, что он в серой шляпе и беспартийный" ("Блаженство"), "Аметистов. Вы партийный, товарищ? Портупея. Сочувствующий я" ("Зойкина квартира"), "Бунша... Меня милиция сейчас разыскивает на всех парусах. Ведь я без разрешения отлучился. Я — эмигрант! Увезите меня обратно!" ("Блаженство").

Слова *меньшевик, контрреволюционер, эмигрант, вредитель* переносятся в бытовые контексты. Часть таких ярлыков использует Шариков в "Собачьем сердце", когда пишет донос на профессора Преображенского: "И произносит контрреволюционные речи, и даже Энгельса приказал своей социал-прислужнице Зинаиде Прокофьевне Буниной спалить в печке, как явный меньшевик со своим ассистентом Борменталем Иваном Арнольдовичем, который тайно, не прописанный, проживает в его квартире", Михельсон в "Блаженстве": "Весь дом — воры, мошенники и контрреволюционеры", Аметистов в "Зойкиной квартире": "Граф?... Судя по физиономии, контрреволюционер...".

В романе "Мастер и Маргарита" классовые ярлыки чаще всего использует Иван Бездомный. Так он характеризует Воланда: "...он никакой не интурист, а шпион. Это русский эмигрант, перебравшийся к нам", "Вы немец и не профессор. Вы — убийца и шпион! Документы!", врача: "Здорово, вредитель", поэта Рюхина: "Типичный кулачок по своей психологии,— заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина,— и притом кулачок тщательно маскирующийся под пролетария". Подобные ярлыки есть и в речи Берлиоза:

"— Вам отрежут голову!

<...> Берлиоз спросил, криво усмехнувшись:

— А кто именно? Враги? Интервенты?

— Нет,— ответил собеседник,— русская женщина, комсомолка", Рюхина: "...стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие".

Речь Воланда, который говорит на множестве разных языков, вмещает в себя разные стилистические средства, которые меняются в зависимости от того, с кем и о ком он говорит, и включает

даже цитату из Сталина: "Это — факт. А факт — самая упрямая в мире вещь". Характеризуя Хустова в разговоре со Степой Лиходеевым, Воланд воспроизводит строй мыслей Степы:

"— А вы разве знаете Хустова?

— Вчера в кабинете у вас видел этого индивидуума мельком, но достаточно одного беглого взгляда на его лицо, чтобы понять, что он — сволочь, склочник, приспособленец и подхалим.

"Совершенно верно!" — подумал Степа, пораженный таким верным, точным и кратким определением Хустова".

При изображении разных персонажей сталкивается разное отношение к одним и тем же словам. Так в "Собачьем сердце" не находят общего языка Шариков и профессор Преображенский:

"— В театр я не пойду...

— Вы меня извините... Почему, собственно, вам не нравится театр?

Шариков посмотрел в пустую рюмку, как в бинокль, подумал и оттопырил губы:

— Да дурака валяние... Разговаривают, разговаривают... Контрреволюция одна".

Профессор Преображенский рассматривает слово как семантически опустошенное: "Никакой контрреволюции. Кстати, вот еще одно слово, которое я совершенно не выношу. Абсолютно неизвестно — что под ним скрывается?".

В прозе и драматургии Булгакова отразилась и такая особенность языка эпохи, как широкое распространение сниженной лексики. Это прежде всего нецензурные слова. Слова эти не воспроизводятся, но их употребление не только фиксируется, но и подчеркивается. В "Мастере и Маргарите" они характеризуют речь шофера, раздраженного изобилием фальшивых денег: "Тут шофер произнес несколько непечатных слов <...> Ах ты...! — шофер опять вклеил непечатные слова,— а червонца нету. Вчера в этом Варьете (непечатные слова) какая-то гадюка-фокусник сеанс с червонцами сделал (непечатные слова)". К ним прибегает Маргарита, превратившаяся в ведьму: "Пошел ты к чертовой матери. Какая я тебе Клодина? Ты смотри, с кем разговариваешь,— и, подумав мгновение, она прибавила к своей речи длинное непечатное ругательство".

Исследователи отмечали, что разные персонажи романа — и московские жители и свита Воланда — постоянно упоминают нечистую силу. Фразеология типа *пошел к черту, черт подери, черт возьми, черт его знает* имеет в романе магическую силу и вызывает черта: "Я всегда, всегда останавливала его, когда он чертыхался! Вот и дочертыхался <...> Он вскричал: "Да что ж это такое? Вывести его вон, черти б меня взяли!" А тот, вообразите, улыбнулся и говорит: "Черти чтоб взяли? А что ж, можно!" И, трах, я не

успела вскрикнуть, смотрю: нет этого с кошачьей мордой и си... сидит... костюм...".

Для характеристики разных персонажей широко используется пара *извините — извиняюсь*. Профессор Персиков, профессор Преображенский, Берлиоз, Мастер, Воланд говорят *извините*, Рокк, Швондер, Милославский, Коровьев, Бегемот, Бездомный, Босой, буфетчик Соков говорят *я извиняюсь*. Так противопоставляются персонажи:

"Тут незнакомец повернулся крайне обиженно на табурете.—

Извиняюсь,— начал он,— я завед...

Но Персиков махнул на него крючочком и продолжал:

— Извините, я не могу понять...";

"— Ах, черт! — пискнул Персиков,— извините.

— Извиняюсь,— ответил встречный неприятным голосом..." ("Роковые яйца").

В диалоге буфетчика и Воланда опустошенной формуле возвращается первоначальный смысл:

"Я извиняюсь,— заговорил ошеломленный этим внезапным нападением Андрей Фокич.

— Я извиняюсь...— начал было опять буфетчик, не зная, как отделаться от придирающегося к нему артиста.

— Извинить не могу,— твердо сказал тот".

Персонажи из свиты Воланда говорят так же, как их земные собеседники, с той разницей, что для нечистой силы их деятельность — шутовство, балаган, просторечие в их устах звучит иронически. Совпадает не только общая стилистическая окраска, но и отдельные слова: "Дай сюда портфель, *гад*! — тем самым гнусавым голосом, что был слышен в телефоне, крикнул второй и выдрал портфель из трясущихся рук Варенухи", "— Вот контракт... переводчик-*гад* подбросил... Коровьев... в пенсне!".

Канцелярское слово из речи одного из земных персонажей становится иронической цитатой в устах представителя нечистой силы. Так строится разговор Босого с Коровьевым: "...деловой и осторожный Никанор Иванович заявил, что ему прежде всего придется *увязать* этот вопрос с интуристским бюро.

— Я понимаю,— вскричал Коровьев,— как же без *увязки*, обязательно. Вот вам телефон, Никанор Иванович, и немедленно *увязывайте*".

Использование сниженной лексики устанавливает многочисленные точки соприкосновения между разными персонажами. Речь повествователя также строится с оглядкой на словоупотребление изображаемого персонажа. В самом простом случае речь персонажа и повествователя связаны лексическим повтором: "А тут еще кот выскочил в рампе и вдруг рявкнул на весь театр человеческим голосом:

— Сеанс окончен! Маэстро! *Урежьте марш*!!!

Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, *урезал* какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш".

Не только как обращение, но и как способ называния персонажа в повествовании используются слова *гражданин, гражданка.*

Разные персонажи употребляют одни и те же слова, которые входят и в речь повествователя — *трепаться*: "— Кирюшка! Бросьте трепаться! Что вы, с ума сошли?".

"А чтоб вам провалиться! <...> Насчет квартиры скажи, чтобы перестали трепаться", "Наконец Маргарите Николаевне надоело слушать эту таинственную трепотню про украденную из гроба голову...", *молоть чепуху*: "Ты будешь в дальнейшем молоть всякую чушь? — грозно спросил Фагот у плачущей головы," "— Простите,— после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца", "С этого прямо и нужно было начинать,— заговорила она,— а не молоть черт знает что про отрезанную голову", *нести околесицу*: [Никанор Иванович] "запел какую-то молитву и, наконец, понес полную околесицу", "Могарыч <...> в ужасе понес какую-то околесицу".

Просторечие содержится и в несобственно-прямой речи персонажа, и в повествовании о нем: "Началась какая-то *канитель*: кто умер, когда да отчего...", "...добился только того, чтобы рассказывать всякую *чушь* про дядю Федора, пившего в Вологде запоем", "— Нету никакого дьявола! — растерявшись от всей этой *муры*, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно,— вот наказание! Перестаньте вы психовать", "А вместо того, чтобы поднимать глупейшую *бузу* на Патриарших, не умнее ли было бы вежливо расспросить о том, что было далее с Пилатом и этим арестованным Га-Ноцри?".

Не менее существенно и противопоставление персонажей, которое создает не только использование разных речевых средств — книжных и просторечных, но и использование стилистических синонимов: "— Так, так, так,— сказал доктор и, повернувшись к Ивану, добавил:

— Здравствуйте!

— Здорово, вредитель! — злобно и громко ответил Иван".

Основное противопоставление "Мастера и Маргариты" — ершалаимские — московские главы. Московские главы в свою очередь содержат разные языковые противопоставления: Иван — Берлиоз, Иван — Стравинский, Иван — Мастер. Речь некоторых персонажей двойственна. Образованный Берлиоз начинает говорить, как Иван Бездомный: "За завтраком... Канту?.. Что это он *плетет*?", "А ну как документы эти *липовые*? — ...вы посидите мину-

точку здесь с товарищем Бездомным, а я только сбегаю на угол, *звякну* по телефону, а потом мы вас и проводим, куда вы хотите".

Двойственна и речь Маргариты: с одной стороны, книжные слова и конструкции: "Моя драма состоит в том, что я живу с тем, кого я не люблю, но портить ему жизнь считаю делом недостойным", "...я верую! Что-то произойдет! Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука?..", с другой стороны, просторечие: "Маргарита, не переставая улыбаться и качать правой рукой, острые ногти свои запустила в Бегемотово ухо и зашептала ему:

— Если ты, сволочь, еще раз позволишь себе впутаться в разговор...".

В "Мастере и Маргарите" одни и те же события освещаются несколько раз с точки зрения разных персонажей. Сцена избиения Варенухи в речи повествователя выглядит так: "Этот второй, будучи, очевидно, левшой, *съездил* администратора по другому уху". Азазелло в разговоре с Маргаритой передает ее так: "Надавать администратору по морде". Поведение Ивана после встречи с Воландом изображено с точки зрения повествователя, самого Ивана, с точки зрения Рюхина, Стравинского. В речи этих персонажей одни и те же реалии и действия называются по-разному. Поведение Ивана изображает повествователь: "Он быстро переложил свечу из правой руки в левую, широко размахнулся и *ударил* участливое лицо по уху". Рюхин рассказывает об Иване: "Он с забора упал, а потом в ресторане *ударил* одного... и еще кое-кого...". Эти же события в изложении Стравинского: "Сорвались с забора, повредили лицо. Так? Явились в ресторан с зажженной свечой в руке, в одном белье и в ресторане *побили* кого-то". По-иному рассказывает об этом Мастеру Иван:

"— <...> Успокойте меня, скажите, вы не буйный?

— Вчера в ресторане я одному типу по морде *засветил*,— мужественно признался преображенный поэт.

— Основание? — Да, признаться, без основания,— сконфузившись, ответил Иван.

— Безобразие,— осудил гость Ивана и добавил: — А кроме того, что это вы так выражаетесь: по морде засветил? Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или лицо. И, пожалуй, ведь все-таки лицо, так что, знаете ли, кулаками... Нет, уж это вы оставьте, и навсегда".

Некоторые персонажи Булгакова остро и болезненно реагируют на изменения, происходящие в языке, на особенности нового словоупотребления. "И вот мне непонятно,— говорит профессор Персиков журналисту Бронскому,— как вы можете писать, если вы не умеет даже говорить по-русски. Что это за "пара минуточек" и "за кур"? Вы, вероятно, хотели спросить "насчет кур?", "— Пока,— цокнула трубка и стихла.— "Пока",— с ненавистью повторил Пер-

сиков приват-доценту Иванову,— как вам нравится этот тип?" ("Роковые яйца").

Булгаков полно отразил процессы, которые характеризовали язык революционной эпохи[2]. Он не принял язык нового общества и ту систему ценностей, которую он выразил, но осознал и использовал этот язык как важное характерологическое средство.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Романенко А.П.* Роль канцелярской стилистики в построении романа М.Булгакова "Мастер и Маргарита" // Теория текста: лингвистический и стилистический аспекты. Тезисы. Екатеринбург, 1992, с. 52.

[2] *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. М., 1928.

Г.Е.Крейдлин
(Москва)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЖЕСТОВ*

Проблема семантической классификации жестов возникла в процессе работы над "Экспериментальным словарём русских жестов, мимики и поз". Концепция словаря и структура словарной статьи описаны в работах [6, 7]. В настоящей статье речь пойдет о некоторых обобщениях, возникших в результате анализа накопленного материала.

Первый шаг, который необходимо было сделать — найти способ отделения жестов от движений, жестами не являющихся. Основной критерий такого разделения — это *знаковый характер* жеста. Жест, как и всякий знак вообще, имеет означающее и означаемое, связь между которыми носит конвенциональный характер. Именно это обстоятельство позволяет отличать жесты от движений: последние по своей природе физиологичны или утилитарны. Так, например, движениями, а не жестами, будут почесывание (когда чешется), подергивание, вызванное непроизвольным сокращением мышц, движения человека, отгоняющего комаров, гримасы боли, различные повороты головы, горизонтальное положение спящего, смахивание крошек со стола. Все эти жестовые движения следует отличать от настоящих жестов, имеющих ту же физическую природу, но при этом служащих для выражения некоторого нетривиального смысла. Почесывание в затылке может быть знаком недоумения, пожатие плечами может указывать на незнание, головой можно утвердительно кивнуть или отрицательно помотать. Вообще говоря, для значительной части жестов характерна омонимия с жестовыми движениями.

Конкретная интерпретация того или иного движения как жеста или физиологической реакции входит в функцию адресата актуальной ситуации жестового общения. Эта интерпретация может быть правильной или неправильной; в последнем случае возможен коммуникативный провал. Представим себе, что при разговоре один из собеседников зевнул. Другой может истолковать зевок двояким образом: либо как физиологическую реакцию, вызванную хрони-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Института "Открытое общество" [RSS of the OSI/HESP, grant № 177/1996].

ческим недосыпанием, либо как знак того, что зевнувшему разговор неинтересен или попросту скучен.

Многие движения могут сознательно использоваться в коммуникации как жесты. Например, желая обратить внимание собеседника на то, что у него болит зуб, говорящий может приложить руку в щеке; в этом случае данное движение становится жестом. В нашем словаре употребления такого рода не рассматриваются. В словарь включаются только жесты устоявшиеся и прагматически освоенные. Важным (хотя и не единственным) критерием отнесения жеста к классу прагматически освоенных является наличие стандартного языкового выражения для обозначения данного жеста (*номинации*). Например, наклон головы вперед, означающий согласие или одобрение, называется *кивок*, а если подобное движение выражает скорбь, то обычно используется выражение *склонить голову*. При наклоне головы вперед с целью рассмотреть какой-нибудь предмет на земле (т.е. для движения, а не жеста) эти выражения не используются (ср. **кивнул, чтобы рассмотреть, ??склонил голову, чтобы рассмотреть*).

Еще одним отличием жестов от жестовых движений является способность жестов менять свое значение во времени. Жестовые движения, в силу неконвенционального характера связи между означающим и означаемым, такой способностью не обладают. Примером жеста, изменившего свое значение, может служить поднятый вверх большой палец.

Выделив жесты, составляющие предмет нашего описания, рассмотрим теперь их основные семантические типы. Выделяется два основных типа жестов:

1. Коммуникативные жесты

К ним относятся жесты, несущие информацию, которую жестикулирующий намеренно передает адресату. Тем самым, по своей природе это чисто диалогические жесты. Некоторые из них соответствуют первичным речевым актам, а некоторые — ответным репликам-реакциям. К коммуникативным жестам принадлежат такие жесты, как ***подмигнуть, провести рукой по горлу, протянуть руку*** (в разных значениях), ***похлопать рукой по животу*** и др. Среди них есть как жесты-стимулы — ***протянуть руку, подмигнуть*** — так и жесты-реакции.

Многие коммуникативные жесты содержат в своей семантике указание на участников коммуникативной ситуации или на некоторое место, релевантное для данной ситуации. Такие жесты можно было бы назвать *дейктическими*. Этот подкласс является самым древним в жестовой системе. Не случайно в этой точке жесты разных народов обнаруживают больше всего общих черт. Классическим примером дейктического жеста является жест ***поманить пальцем.***

часть тела: РУКА
активный орган: УКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПАЛЕЦ

ПОМАНИТЬ ПАЛЬЦЕМ

физическое описание

Все пальцы, кроме указательного, согнуты и свободно прилегают к ладони. Указательный палец сгибается и разгибается в фалангах. Кисть обращена ладонью вверх или к говорящему. Взгляд жестикулирующего направлен на адресата. Факультативно рука может одновременно сгибаться в локте. Движения руки и пальца осуществляются в сторону жестикулирующего.

ПОМАНИТЬ ПАЛЬЦЕМ 1

толкование

X манит Y-а пальцем 1 = 'Жестикулирующий [X] подзывает к себе адресата [Y]' [Немотивированное использование этого жеста в ситуации, где можно обойтись одними словами, носит оскорбительный оттенок, показывая, что адресат находится во власти жестикулирующего'.

условия употребления

Жест ***поманить пальцем 1*** допустим только между людьми, находящимися в достаточно близких отношениях. В силу этого данный жест почти всегда употребляется по отношению к людям, с которыми жестикулирующий "на ты".

звуковое сопровождение

В отличие от жеста ***поманить пальцем 2***, описываемый жест обязательно должен сопровождаться речевым высказыванием. При употреблении этого жеста характерны а) конструкции с повторами; б) употребление частицы *-ка: Пойди-ка ко мне. Иди, иди сюда.*

иллюстрации

— Никанор Иванович Босой, председатель домового комитета и заведующий диетической столовкой. Попросим Никанора Ивановича!

Дружный аплодисмент был ответом артисту. Удивленный Никанор Иванович вытаращил глаза, а конферансье, закрывшись рукою от

света рампы, нашел его взором среди сидящих и ласково поманил его пальцем на сцену (М.Булгаков, Мастер и Маргарита).

— Тебя зарезать мне не удастся,— ответил Левий, оскалившись и улыбаясь, я не такой глупый человек, чтобы на это рассчитывать, но я зарежу Иуду из Кариафа, я этому посвящу остаток жизни.

Тут наслаждение выразилось в глазах прокуратора, и он, ***поманив к себе пальцем*** *поближе Левия Матвея, сказал:*

— Это тебе сделать не удастся, ты себя не беспокой. Иуду этой ночью уже зарезали (М.Булгаков, Мастер и Маргарита).

ПОМАНИТЬ ПАЛЬЦЕМ 2

толкование

X манит Y-а пальцем 2 = 'Видя, что адресат [Y] находится в том месте, где есть и другие люди и желая вступить с Y-ом в такое взаимодействие, чтобы сам факт его или информация, передаваемая в процессе этого взаимодействия Y-у, не стали объектом внимания других людей, жестикулирующий [X] подзывает Y-а'.

условия употребления

При отсутствии веских причин, требующих строго соблюдения конфиденциальности общения, этот жест не употребляется по отношению к адресату с более высоким социальным статусом.

звуковое сопровождение

Звуковое сопровождение при этом жесте невозможно.

* * *

Будучи диалогическими по своей природе, коммуникативные жесты имеют словарно закрепленные за ними условия нормального, стандартного употребления. Эти условия в отдельных ситуациях могут видоизменяться или нарушаться. Типичным примером нарушения таких условий являются игровые ситуации. В них обычно не выполняется условие искренности жестикулирующего, ср. шутливое употребление жеста ***погрозить пальцем***, не выражающее идеи настоящей угрозы. Еще одним характерным признаком коммуникативных жестов является их привязанность к конкретным актуальным ситуациям, ср. жест ***похлопать рукой по животу***, который передает ощущение сытости и, возможно, полученного от еды

удовольствия, но не используется, например, в ситуации "боль в животе".

Еще один подкласс коммуникативных жестов составляют *этикетные*. Этикетные жесты исполняются в конкретных, строго определенных ситуациях в качестве элемента, передающего информацию о структуре коллектива, в который включен жестикулирующий, или информацию о типе разворачивающейся ситуации. Каждый этикетный жест является паралингвистическим коррелятом конкретного речевого акта. Более того, в описание этикетного речевого акта часто включается информация о возможных неязыковых способах его реализации. К этикетным жестам относятся жесты вежливости, исполняемые в ситуации приветствия и прощания, такие, как ***рукопожатие, поклон, реверанс, вставание,*** жест ***махать рукой*** (при прощании), различные жесты одобрения — ***похлопать рукой по плечу, погладить по голове,*** застольные этикетные жесты и др.

Существуют социально маркированные ситуации, требующие исполнения определенных этикетных жестов. Это ситуация военной команды (***вытянуться по струнке***), ролевая ситуация поведения в суде (при словах: "*Встать, суд идет*!" — необходимо встать) и пр. Кроме того, определенными жестами и позами отмечены стереотипные бытовые ситуации. Например, официант в ресторане не может принимать заказ сидя, в скорбных ситуациях обычно склоняют голову и т.п. Этикетные позы и жесты не просто дублируют содержание соответствующих действий и произносимых при этом слов, они могут выражать дополнительные смыслы уважения, вежливости, субординации (подчиненности/доминантности) или интимности.

Примером этикетного жеста может служить жест ***пожимать руку.***

часть тела: РУКА активный орган: РУКА

ПОЖИМАТЬ РУКУ

физическое описание

Жест выполняется двумя людьми. Жестикулирующие протягивают друг другу распрямленную ладонь с сомкнутыми пальцами, большие пальцы отогнуты и направлены вверх. Ладони жестикулирующих приходят в контакт, пальцы сгибаются и охватывают ладонь партнера по жесту. Обычно после этого руки сразу расцепляются. Имеются варианты исполнения жеста, при которых один из жестикулирующих может задержать руку другого в своей и даже

трясти ее. В этих случаях жест приобретает дополнительный смысл; см. комментарий к зоне толкования.

сопутствующая мимика

При данном жесте лицо выражает дружелюбие.

энциклопедические сведения

По свидетельству Эразма Роттердамского, рукопожатие ввели квакеры в конце XVII века, не желая кланяться или снимать шляпу перед другим человеком.

ПОЖИМАТЬ РУКУ 1

толкование

X и Y пожимают друг другу руки = 'Жестикулирующие [X и Y] выражают свою готовность быть в одном сообществе'.

[1. Жест симметричен: если X пожал руку Y, то и Y пожал руку X (см. зону физической реализации)].

2. Этот жест используется в ситуациях приветствия, примирения, заключения различного рода союзов и договоров. Все эти ситуации объединяет желание и готовность X и Y взаимодействовать или общаться.

В ряде ситуаций жест носит ритуальный характер. Он скрепляет или подтверждает ранее достигнутую договорность между X-ом и Y-ом, используется при представлении или знакомстве.

3. Отказ от от исполнения данного жеста этикетно значим. Толкование такого отказа очевидным образом выводится из толкования самого жеста: *X не подал руки Y*='X сообщает Y, что не желает быть с ним в одном сообществе'].

условия употребления

Возможность употребления жеста определяется следующими факторами: 1) степенью знакомства и частотой общения жестикулирующих; 2) соотношением их возрастов и социальных статусов; 3) половыми различиями. Общие закономерности здесь таковы:

1) Часто общающиеся между собой люди реже пожимают друг другу руки. Обычно близкие родственники не здороваются за руку. Не протягивают руки для приветствия малознакомым людям. Наоборот, люди близко знакомые, но нерегулярно встречающиеся обычно делают это при каждой встрече.

2) Если встречаются два человека разного возраста, то обычно первым протягивает руку старший, за исключением тех случаев, когда младший значительно выше старшего в некоторой социальной иерархии.

3) Этот жест по преимуществу мужской, и многие женщины вообще не употребляют его в неофициальных ситуациях. Во всяком случае, мужчина не должен первым протягивать руку женщине.

В официальных приветствиях определяющую роль играют социальные статусы жестикулирующего и адресата. Остальные факторы становятся менее существенными. В частности, начальник-мужчина может первым протягивать руку для приветствия своим подчиненным, в том числе женщинам.

однословная характеристика

ПРИВЕТСТВИЕ

речевые аналоги

Привет!, Здравствуй(те)! [для приветствия], *По рукам!* [для выражения согласия], *Мир!* [для примирения]

другие номинации

рукопожатие; подать руку 1; протянуть руку (может обозначать также движение руки, приглашающее к рукопожатию); *пренебр.* ***сунуть руку*** (обозначает только приглашение к рукопожатию); ***здороваться за руку*** (для приветствия);

Существует также номинация для отказа от исполнения жеста: ***не подать руки.***

ПОЖИМАТЬ РУКУ 2

толкование

X пожимает руку Y-у = 'Жестикулирующий [X] поздравляет или благодарит адресата [Y]'.

условия употребления

В неофициальных ситуациях этот жест встречается редко. В тех случаях, когда он используется, его употребление носит торжественный или игровой характер.

В официальной обстановке этот жест употребляют для поздравления или выражения благодарности за совершенный социально значимый поступок (при награждении, вручении диплома и т.п.). Жест подчеркивает именно социальную значимость поступка и поэтому не употребляется для того, чтобы поблагодарить, например, за подарок или выполнение личной просьбы. Благодарность или поздравление выражается как бы от лица социального института (родины, правительства, организации и т.п.), представителем которого выступает жестикулирующий.

однословная характеристика

ПОЗДРАВЛЕНИЕ/БЛАГОДАРНОСТЬ

* * *

2. Симптоматические жесты

Жесты этой группы свидетельствуют об *эмоциональном состоянии говорящего.* Примерами симптоматических жестов являются: ***прикрыть рот рукой*** (от изумления), ***кусать губы, барабанить пальцами по столу.***

Симптоматические жесты в известной степени занимают промежуточное положение между жестовыми движениями и коммуникативными жестами. С жестовыми движениями их сближает то, что основу всякой эмоции составляют физиологические реакции, и потому проявление любой эмоции в основе своей физиологично. Тем не менее связь между означаемым и означающим у симптоматических жестов остается конвенциональной: означаемым любого симптоматического жеста является сама эмоция, а не ее физиологическое проявление. Вхождение этих жестов в жестовую систему языка (и тем самым включение в словарь) объясняется тем, что жестикулирующий может воспроизводить их намеренно для обозначения соответствующей эмоции. При этом жестикулирующий может либо вовсе не испытывать этой эмоции, либо испытывать ее в гораздо меньшей степени, чем та, о которой свидетельствует жест. Фактически речь идет о возможности регулярного перехода жестов из разряда симптоматических в разряд коммуникативных. Именно поэтому покраснение щек как проявление стыда не является жестом: ведь невозможно вызвать покраснение щек усилием собственной воли. Та же эмоция может быть выражена симптоматическим жестом ***закрыть лицо руками*** (от стыда). Существенно, что даже не испытывая чувства стыда, жестикулирующий может закрыть лицо руками, имитируя стыд. В этом случае мы имеем дело с коммуникативным употреблением симптоматического жеста.

Таким образом, для симптоматических жестов различаются два вида употребления: симптоматические жесты в симптоматическом (исходном) и в коммуникативном (переносном) употреблении. Для коммуникативных жестов это различие нерелевантно.

В силу регулярности перехода от одного типа употреблений к другому нет смысла вводить для симптоматических жестов две единицы описания. Поэтому симптоматические жесты помещаются в словарь только в своем исходном варианте.

Симптоматические жесты могут классифицироваться по характеру передаваемых эмоций, и мы получаем возможность говорить о жестах, выражающих ужас, отчаяние, удивление и т.п. В качестве примера симптоматического жеста приведем жест ***схватиться за голову***, выражающий отчаяние.

часть тела: РУКА
активный орган: КИСТЬ
пассивный орган: ГОЛОВА

СХВАТИТЬСЯ ЗА ГОЛОВУ

физическое описание

Жестикулирующий берется обеими руками за голову, обычно за затылочную или боковую ее части, так, чтобы вся поверхность его ладоней обхватывала голову.

сопутствующие жесты

Если жестикулирующий испытывает сильную отрицательную эмоцию (ужас или отчаяние), то жест может сопровождаться покачиванием головы или всего корпуса. В ситуации замешательства (растерянности) возможно только покачивание головой.

толкование

X схватился за голову [от Y-а] = 'Узнав неожиданную для него информацию об имеющей к нему отношение ситуации Y, X расценивает ситуацию Y как плохую и испытывает сильную отрицательную эмоцию в силу того, что в принципе не может или в данный момент не знает, как поправить сложившееся положение вещей. Сообщенная информация как бы причиняет X-у головную боль, которую он пытается облегчить руками'. [Семантический компо-

нент ‘как бы причиняет Х-у головную боль’ мотивирован жестовым движением ***схватиться за голову***, обозначающим реакцию на головную боль].

однословная характеристика

УЖАС / ОТЧАЯНИЕ / РАСТЕРЯННОСТЬ

условия употребления

Жест свойствен преимущественно взрослым.

другие номинации

браться за голову, сжать <стиснуть, обхватить> голову руками.

иллюстрации

Сдуру ли или спьяну, он в тот же конверт вложил и мои индивидуальные графики. Я, как только заметил пропажу, выпил и ***схватился за голову****. А там, в управлении, тоже — получили пакет,* ***схватились за голову****, выпили и в тот же день въехали на “Москвиче” в расположение нашего участка* (Вен.Ерофеев, Москва — Петушки).

* * *

Вышеописанная семантическая классификация непосредственно отражается в структуре толкования значения жеста. Особенностью толкований жестов в “Экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз” является наличие *фиксированных вершинных элементов* — семантических примитивов жестового языка. Для коммуникативных жестов это элемент ‘показывает’ (для дейктических ‘указывает’), а для симптоматических — ‘выражает’. Впрочем, в реальных дефинициях эти примитивы, как и другие репрезентативные элементы лексикографического типа жестов, могут отсутствовать, но легко эксплицируются при помощи достаточно простых операций над толкованием. Тем самым по толкованию жеста легко определить его семантический тип.

ЛИТЕРАТУРА

1. *А.А.Акишина, Х.Кано, Т.Е.Акишина.* Жесты и мимика в русской речи. М., 1991.
2. *А.А.Акишина, Х.Кано.* Словарь русских жестов и мимики. Токио, 1992.

3. *Ю.Д.Апресян.* Интегральное описание языка и толковый словарь. // Вопросы языкознания, № 2, 1986.
4. *Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров.* О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка). // Вопросы языкознания, № 1, 1981.
5. *Т.М.Николаева, Б.А.Успенский.* Языкознание и паралингвистика. // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966.
6. *Г.Е.Крейдлин, С.А.Григорьева, Н.В.Григорьев.* Словарная статья в экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз. Московский лингвистический журнал, № 2, 1996. Изд-во РГГУ.
7. *Г.Е.Крейдлин, С.А.Григорьева, Н.В.Григорьев.* О новом экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз. // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Лингвистика. М., 1996.

М.А.Кронгауз
(Москва)

РЕЧЕВЫЕ КЛИШЕ: ЭНЕРГИЯ РАЗРЫВА

В основе этой статьи лежит доклад, сделанный автором на конференции "Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии" в ноябре 1995 года в Институте славяноведения и балканистики РАН (Москва).

1. Энергия клише и его разрушение

Речевые клише давно интересуют лингвистов. Еще в начале двадцатого века к этой теме обращались Ш.Балли, Г.О.Винокур, К.Фосслер и многие другие (см., например, Винокур 1929; Bally 1921, 1926; Vossler 1923). Несмотря на различие подходов, все исследователи отмечали особый психолингвистический и социальный статус клишированных форм. Связь речевых клише с социальными и ментальными стереотипами оказалась в фокусе внимания и самых последних исследований в этой области (см. Николаева, Седакова 1994, Речевые и ментальные стереотипы... 1995, Земская 1996а, 1996б).

Объем понятия "речевое клише" не вполне определен. Под ним подразумевают и фразеологизмы, и просто частотные сочетания, а также более сложные семантические единства: стандартные реплики, лозунги, популярные цитаты и многое другое. Различные определения клише (а также близких терминов "штамп", "шаблон", "стереотип") позволяют использовать этот термин достаточно широко и распространять его на разные явления. (См., например, энциклопедическую дефиницию "штампа"): "Стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, "готовый к употреблению" и потому наиболее удобный знак для выражения определенного языкового содержания, имеющго экпрессивную и образную нагрузку", Винокур 1990). Очевидна родственность этого понятия понятию паремии (см. Пермяков 1970, 1988), а также понятию цитации. По крайней мере, клише — это всегда цитация, отсылка к чему-то общеизвестному и общезначимому и, соответственно, экономия слов, мыслей и чувств.

Хотя для дальнейших рассуждений нет необходимости давать новое определение клише, следуст выделить и подчеркнуть его основные свойства. Клише всегда осознается, с одной стороны, как нечто нестандартное, с другой стороны,— как регулярная цитация. Фактически, клише — это нарушение, ставшее правилом. Можно даже казать, что клише это то, что в принципе может быть заключено в кавычки ("..."), имеющие двойное значение: подчеркивание "непрямого прочтения" данного выражения и выделение его как цитаты. Таким образом, значение клише складывается из двух компонентов: его значения в первоначальном нестандартном употреблении и знания условий правильного употребления, т.е. стандартного "контекста" цитации, или сферы употребления клише.

Так, например, к речевым клише относятся такие классические стихотворные цитаты (осознаваемые как таковые) *Влюбленные часов не наблюдают* или *Умом Россию не понять*. Речевыми клише являются и более поздние советские стихотворные или песенные цитаты типа *Я себя под Лениным чищу* или *Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек*. В качестве клише существуют в языке и такие лозунги официального советского дискурса, как *Рабочему нечего терять, кроме своих цепей! Религия — опиум для народа! Пролетарии всех стран соединяйтесь! Дело Ленина живет и побеждает*. По-видимому, все новые типы паремий, выделенные В.И.Беликовым (Беликов 1994), также представляют собой клишированные формы. Это и киноцитаты (*Ловкость рук и никакого мошенства..., А по бокам мертвые с косами стоят...* и др.), и устойчивые искажения — "пиджинизмы" (*Секир башка, Моя твоя не понимай* и т.п.), и картежные присказки (*Кто играет семь бубен...* или *Хода нет — ходи с бубей*), и спортивные лозунги-скандирования (*Шайбу! Шайбу! Спартак — чемпион!*), и многое другое. Владение этими клише подразумевает не только понимание их значения, но и знание условий их употребления (тип дискурса, ситуации и т.д.).

Постоянно происходит изменение "фонда" клишированных форм: появляются новые клише, исчезают некоторые старые. В наше время их наиболее активными создателями оказываются сатирики (например, М.Жванецкий с его *Отлично, Константин!* и другими клише) и политические деятели (достаточно вспомнить горбачевские *Процесс пошел* и *начать* с ударением на первом слоге или черномырдинское *Хотели, как лучше, а получилось, как всегда* и т.д.), а также авторы рекламы.

Несмотря на то, что клише — это цитация, известность его автора необязательна. Иногда авторство забывается, иногда оно изначально неизвестно. Это, однако, не мешает соответствующим единицам осознаваться как цитация, т.е. воспроизведение известного речевого отрезка и — вместе с ним — известных обстоя-

тельств. Неизвестность автора не мешает функционированию клише.

В научном обиходе отношение к речевым клише всегда было двойственным. Эта двойственность проявлялась и в дефинициях, и в оценочных характеристиках клише: клише — одновременно и хорошо и плохо, и нужно и вредно, и экспрессивно и лишено экпрессии. В этой двойственности, однако, нет противоречия. Уместность и даже необходимость клише ограничены отдельными речевыми стилями и жанрами. Относительно же последней характеристики Ш.Балли, в частности, замечал, что клише, экспрессивный знак, часто употребляемый именно ради своей экспресивности, в конце концов в силу повторяемости эту экспрессивность утрачивает. Клише, по мнению Ш.Балли, постепенно теряет свою энергию (Bally 1926, 179).

Образ клише как носителя некоей ЭНЕРГИИ кажется весьма привлекательным и несколько загадочным. Что это за энергия? Исчезает ли она безвозвратно или все же как-то сохраняется в языковом знаке? Может быть, наиболее ярко присутствие этой энергии ощущается не в канонических случаях употребления клише, а при его разрушении.

Речь идет о разрушении клише не в смысле его исчезновения из речи, а в смысле его искажения, или разрыва, что в действительности означает своего рода актуализацию, и тем самым как раз возвращение его энергии или, может быть, говоря точнее — ее освобождение. В этом понимании разрушение клише оказывается вполне содержательным прагматическим актом. В каждом таком акте фактически сосуществуют два языковых знака. Некое клише (естественно, вместе с полным набором семантических компонентов, включая стандартные условия употребления) присутствует имплицитно, т.е. подразумевается. Эксплицитно же присутствует его искажение: некая новая форма или же старая форма с новым содержанием.

Предметом настоящего исследования являются само разрушение как прагматический акт и семантико-прагматические механизмы освобождения энергии клише.

2. Прагматика разрушения и его типы

Разрушение клише (впрочем так же, как и нормальное его употребление) следует считать прагматическим актом, потому что оно подразумевает апелляцию к адресату. Этот акт можно представить в виде следующего толкования (в духе А.Вежбицкой — см., например, Wierzbicka 1992,— хотя и без претензии на то, что используются только семантические примитивы):

‘Я говорю нечто (Н)
Я знаю, что ты много раз слышал “...” (К) в определенных условиях и знаешь, что с этим связано

Я тоже это слышал и тоже это знаю
То, как я говорю, похоже на то, как говорят "..." (К)
То, как я говорю, не совпадает с тем, как говорят "..." (К)
Я делаю это нарочно
Я думаю, что ты поймешь, зачем я это делаю'.

(Буквами К и Н в скобках помечены, соответственно, само клише и его искажение — новая языковая единица).

В этом толковании выделяются два важных с прагматической точки зрения фрагмента. Это, во-первых, строки:

'Я знаю, что ты много раз слышал "..." (К) в определенных условиях и знаешь, что с этим связано
Я тоже это слышал и тоже это знаю'.

В этом фрагменте фиксируется наличие общей части знаний говорящего и адресата. Таким образом устанавливается определенное отношение между говорящим и адресатом, а именно принадлежность их к одной группе носителей языка. Правда, в общем случае эта группа выделена по довольно слабому критерию — знанию одного и того же клише. Но такое совпадение часто подразумевает и значительно большую общность (если учесть, что не все клише являются общезначимыми), связанную со знанием экстралингвистического контекста, встроенности в определенный дискурс и т.д., так что для обозначения этого прагматического компонента вполне подходит семантический ярлык "СВОИ!" Очевидно, что данный компонент характеризует не только разрушение клише, но и обычное его употребление.

Во-вторых, прагматическую значимость имеют строки:

'Я делаю это нарочно
Я думаю, что ты поймешь, зачем я это делаю'.

Этот прагматический компонент ("ВНИМАНИЕ!") отражает стремление говорящего привлечь с помощью разрушения клише внимание адресата и заставить задуматься о цели этого действия. Последнее впрочем, по-видимому, факультативно, так что иногда привлечением внимания исчерпываются задачи говорящего — разрушителя клише.

Разрушение клише может происходить двумя способами: говорящий изменяет его форму или же, сохраняя форму, изменяет стандартный контекст, т.е. сферу употребления. Граница между ними не всегда безусловна, что связано с различной интерпретацией понятия "форма клише". Например, двояко можно оценивать особое интонирование клише или его усечение (в том случае, если усеченная форма достаточно обычна). Несмотря на то, что при обоих типах разрушения действуют сходные механизмы, удобнее

рассмотреть их отдельно. Из-за частотности и большей эксплицитности разрушения важнее оказывается первый тип — изменение формы. Поэтому для простоты вначале и без подробного анализа будет рассмотрен тип разрушения, связанный с изменением сферы употребления.

2.1. Изменение сферы употребления

Этот тип разрушения подразумевает точное воспроизведение речевого клише, но в необычных условиях. Необычность условий может заключаться в нестандартности контекста или нестандартности речевой ситуации, каких-то экстралингвистических обстоятельств, т.е. контекста в широком смысле слова.

По-видимому, в этом случае действуют достаточно общие семантико-прагматические механизмы, связанные не с собственно клишированностью, а с цитацией вообще. Цитата вступает во взаимодействие (иногда в прямое противоречие) с непривычным для нее контекстом. Подробное употребление цитаты вызывает разнообразные эффекты, часть из которых может объясняться с помощью прагматических постулатов Грайса (Грайс 1985). Так, чрезмерное и неуместное цитирование (т.е. нарушение постулатов количества и способа) создает эффект отстранения говорящего от цитаты и выражает таким образом его отношение к ней (иронию, несогласие и т.д.). Клише разрушается именно как единица дискурса.

На этом же построено издевательское цитирование. Своего рода "бережное отношение" к цитате заключается в том, что цитата сохраняется полностью, но цитируется в необычных условиях, например, абсолютно не к месту. Контекст или сама ситуация цитирования, как правило "снижают" пафос. Таковы уголовные наколки иногда совпадающие с лозунгами, или цитирование политических лозунгов на стенах общественного туалета. Очевидно, что туалетные граффити были на самом деле разрушением текстуально совпадающих с ними лозунгов и поэтому издевательством над ними.

Аналогичный эффект в советское время имело, например, застольное обращение *Дорогие товарищи,* произнесенное с брежневскими интонациями. Неуместность советского официоза в домашней обстановке способствовала разрушению клише.

Разрушение клише в непривычном контексте можно продемонстрировать на примере многократно обыгрываемой в русской культуре тютчевской строки *Умом Россию не понять:*

"Умом Россию не понять, / а чем понять — опять не ясно"
(И.Губерман),

или

"Умом Россию не понять, а другим местом больно".

Часто изменение сферы употребления сопровождается некоторыми дополнительными изменениями — и прежде всего это касается интонации. Так, особым образом произнесенное клише *Я другой такой страны не знаю...* выражало противоположное песенному отношение к стране. Тост *За нашу победу* (пример из Беликов 1994) с интонационным выделением слова *нашу* также означает нечто противоположное клишированному советскому тосту. В постсоветскую эпоху на смену "неуместному" цитированию советских клише пришло аналогичное цитирование клише рекламных (например, *Райское наслаждение!* или *Просто добавь воды*).

Как сказано выше, случаи особого интонирования занимают промежуточное место между двумя типами разрушения клише. Ведь если интонацию считать равноправной характеристикой формы, все эти примеры следует отнести к основному типу разрушения клише — разрушению формы.

Более того, когда какой-либо поверхностный маркер разрушения отсутствует, возникает естественная неопределенность. В этой ситуации в принципе могут иметь место как собственно употребление клише (возможно, с некоторым расширением его сферы), так и его разрушение путем изменения сферы употребления. В этом случае все определяет интенция говорящего, а разрешение неопределенности для адресата зависит от того, насколько он может уловить эту интенцию.

В заключение в качестве яркого примера разных подходов к цитированию я приведу два стихотворения. В стихотворении Д.Самойлова "Пушкин по радио" строки Пушкина и Самойлова сосуществуют и взаимодействуют. И хотя контекст у пушкинских строк непривычный (имеет место перенос во времени и определенное "снижение"), едва ли стоит говорить о каком-либо прагматическом разрушении:

Возле разбитого вокзала
Нещадно радио орало
Вороньим голосом. Но вдруг,
К нему прислушавшись я понял,
Что все его слова я помнил.
Читали Пушкина...
...
С двумя девчонками шальными
Я познакомился. И с ними
Готов был завести роман.
Смеялись юные шалавы...
"Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман"...

В стихотворении же Н.Глазкова "Ворон" (оно приводится целиком) в последней строфе происходит очевидное разрушение кли-

ширированной формы *никогда*, восходящей к мистическому стихотворению Э.А.По (в различных русских переводах встречается как "никогда", так и "nevermore"). Это разрушение подчеркивается абсолютной неправильностью последней вопросно-ответной пары:

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась,
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, черный час.
Я спросил его: — Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда.
Все же буду я любимым? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — Пусть в личной жизни
Неудачник я всегда.
Но народы в коммунизме
Сыщут счастье? — Никогда!

И на все мои вопросы,
Где возможны нет и да,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным: — Никогда!

Я спросил: — Какие в Чили
Существуют города? —
Он ответил: — Никогда! —
И его разоблачили.

2.2. Изменение формы

Возможны разные формальные способы разрушения клише. Наиболее частым и простым является замещение части клише на какую-то другую языковую единицу. Разрушение самой языковой формы клише, и, в частности, замещение его фрагмента, имеет особые прагматические следствия. В этом случае становится возможной многомерность текста: новые элементы вступают в семантические отношения не только с контекстом, но и с непосредственно отсутствующим замещенным текстом. Однако такая многомерность возникает не всегда.

Иногда все прагматическое значение разрушения клише сводится к компоненту "ВНИМАНИЕ!". Ни значение разрушенного клише, ни семантика возникшего нового текста никакой или почти

никакой роли не играют. Такого рода прием часто используется в газетных заголовках и служит только для выделения темы газетной статьи, которая задается новой вставкой (подробно разрушение клише в газетных заголовках проанализировано в Земская 1996а). Подобные заголовки характерны, например, для газеты "Московский комсомолец" (в некоторых номерах таких заголовков больше половины).

Так, заголовок *Все котлованы ведут в Храм,* основанный на разрушении фразы из фильма "Покаяние" *Все дороги ведут в Храм,* означает, что в статье речь идет о котлованах, а точнее, о строительстве. Заголовок *Дело Мумми-Тролля живет и побеждает,* где *Мумми-Тролль* замещает слово *Ленин,* означает, что речь пойдет о Мумми-Тролле, а именно — о детской литературе. Очень часто так выделяются имена политических деятелей. В статье "*Полонез Явлинского*" (пример Т.М.Николаевой) речь идет о Явлинском, а не о полонезе. Аналогичным образом названы статьи "*Защита Зюганова*" или "*Руцкой с Зюгановым в одном флаконе*". Семантическое взаимодействие нового фрагмента со старым отсутствует или минимально. Например, в последнем примере, где имеет место разрушение рекламного клише с политическими целями, существенно, что речь идет о взаимодействии Руцкого и Зюганова, но не более того. Таким образом, разрушенное клише представляет собой контекст для некоей ТЕМЫ, и единственной его функцией является привлечение к ней внимания адресата.

Иногда, впрочем, новый фрагмент взаимодействует со старым (т.е. сохраненным остатком разрушенного клише) достаточно активно. И в этом случае в результате разрушения клише возникает новая более или менее осмысленная фраза. Иначе говоря, к компоненту "ВНИМАНИЕ!" добавляется смысл новой языковой единицы — 'Н'. Примеры такого механизма разнообразны (от заголовков до лозунгов и поговорок): *Кошмар на улице Язов* (лозунг против ГКЧП в августе 1991 года), *Береги честь смолоду, коли рожа крива* (пример из Беликов 1994) и т.д.

Многомерный же смысл возникает только тогда, когда во взаимодействие вступают не только старый и новый фрагменты, но и целиком вся новая языковая единица — с ее имплицитным фоном — существующим в языке клише, а также, возможно, непосредственно новый фрагмент с тем, что он замещает.

Так, известная фраза *Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью* не только осмысленна сама по себе, но и противопоставлена советскому песенному клише *Мы рождены, чтоб сказку сделать былью.* Таким образом, возникает разрушение не только непосредственного смысла, но и всех сопутствующих условий употребления, в том числе советского дискурса и советского жизнерадостного пафоса. Причем это разрушение особенно сильно, поскольку в данном контексте *сказку* и *Кафку* можно считать своего рода антонимами.

Юмористический эффект усиливается сходством их звучания и сохранением стихотворного размера. В целом, эта фраза является одним из самых ярких примеров антисоветского юмора, построенного на разрушении советских клише.

Я приведу еще несколько примеров подобного рода. Фраза из телевизионной передачи КВН *Бразильский бы выучил только за то, что надо ж куда-нибудь ехать* основывается на знаменитой цитате из В.Маяковского *Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин*. Опять же юмористический антисоветский эффект усиливается тем, что вместо патриотических слов *на нем разговаривал Ленин* и *русский* подставляются бытовое и сниженное *надо ж куда-нибудь ехать* (не важно куда, лишь бы из СССР) и не только не патриотический, но и вообще не существующий *бразильский язык*.

Аналогичный эффект наблюдается и в перестроечном лозунге *Партия есть наш ум и совесть* с перечеркнутым мягким знаком в слове *есть*. В этом случае многомерность наглядна и отражена в нелинейной подаче лозунга.

Последний пример на эту тему взят из творчества И.Губермана, для которого вообще характерно разрушение клише:

> Я Россию часто вспоминаю,
> думая о давнем дорогом,
> я другой такой страны не знаю,
> где так вольно, смирно и кругом.

Две клишированных формы советского дискурса взаимодействуют друг с другом, создавая двухуровневое советское пространство. Реальное *вольно, смирно и кругом* хотя и вытесняет мифологическое *вольно дышит человек*, но семантически и экспрессивно реализуется именно благодаря энергии, содержащейся в последнем. (Ср. также сходные разрывы клише у И.Губермана: "*Счастливые всегда потом рыдают, / что вовремя часов не наблюдают*"; "*Не стесняйся, пьяница, носа своего, / он ведь с нашим знаменем цвета одного*"; "*Давно пора, ... мать, / умом Россию понимать*" и многие другие).

3. Разрушение клише как литературный прием

В целом клишированность свойственна определенным типам дискурса, определенным стилям и жанрам. И точно так же для некоторых типов дискурса свойственно частое разрушение клише. Отношение к клише и к его разрушению характеризует как социальные, так и индивидуальные стили: целые культуры и отдельных личностей.

В частности, очевидно, что советский официальный дискурс содержал много клише. В противоположность этому антисоветский

дискурс (прежде всего — антисоветский юмор), как уже было фрагментарно показано выше, часто строился на разрушении советских клише (и одновременного разрушения советского дискурса). Можно даже сказать, что одним из наиболее частых эффектов разрушения клише является юмористический.

Интересно, что среди конкретных авторов — "разрушителей" советских клише довольно четко различаются разрушители формы и сферы. Это связано, по-видимому, с различной эстетикой двух типов разрушения. В разрушении формы больше конкретной языковой игры, оно нагляднее и зачастую грубее.

Так, на приеме разрушения сферы построены многие произведения А.Галича, С.Довлатова, Вен. Ерофеева, Е.Попова и других авторов. В свою очередь, прием разрыва формы часто используется в современной русской поэзии, причем такими разными авторами, как И.Губерман, А.Еременко, И.Иртеньев, Д.Пригов, Л.Рубинштейн и др.

В заключение нужно сказать, что разрушение клише и связанное с этим освобождение его энергии выходят за рамки языка и речи. Многие направления в искусстве и даже целые виды искусства основываются на клише: средневековая поэзия, восточная поэзия, соцреализм, театр Но, театр вообще, балет и т.д. Но также и многие направления в искусстве освобождают и используют энергию, полученную в результате разрушения стереотипов, например, соцарт, постмодернизм, концептуализм и т.д.

Некоторые из описанных механизмов, по всей видимости, не являются специфически языковыми. В настоящей статье, однако, ставилась вполне конкретная задача: показать специфику разрушения именно речевых клише и его семантико-прагматические механизмы. Сравнение же речевых и неречевых типов разрушения клише должно быть темой отдельного междисциплинарного исследования.

* * *

Работа выполнена при поддержке Research Support Scheme of the Open Society Institute (grant 1084/94).

ЛИТЕРАТУРА

Беликов В.И. Паремиологические заметки // Знак. М., 1994. С. 252–261.

Винокур Г. Культура языка. М., 1929. 2-е изд.

Винокур Т.Г. Штамп // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 588–589.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 217–237.

Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996а. С. 157–168.

Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания, 1996б, № 3.

Николаева Т.М., Седакова И.А. Ценностная ориентация клише и штампов в современной русской речи // Revue des études slaves, 1994, LXVI (3), p. 607–625.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише. М., 1970.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988.

Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. М., 1995.

Bally Ch. Traite de stylistique francaise. 2-e ed., Paris, 1921.

Bally Ch. Le language et la vie. Paris, 1926.

Vossler K. Gesammelte Aussatze zur Sprachphilosophie. Munchen, 1923.

Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. New York, 1992.

Л.П.Крысин
(Москва)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИЛИ ЗАИМСТВОВАНИЕ?

> Очевидно, что разная трактовка одних и тех же фактов в ряде случаев объясняется вполне допустимой в науке принципиальной возможностью неединственной интерпретации того или иного явления.
>
> Е.А.Земская

Процессы интернационализации лексики различных языков достигли сейчас такого уровня, при котором многие слова, а также корневые и аффиксальные морфемы оказываются общими для разных национальных языков. По происхождению они либо восходят к греческому и латинскому источникам (ср. *анти-, аудио-, -ация, видео-, космо-, -метр, супер-* и мн. др.), либо являются заимствованиями из каких-либо современных живых языков (преимущественно из английского: ср. *тайм-, шоу-, -инг, -мен, -гейт* и др.).

Интернационализуется не только словарный состав, но и способы объединения морфем в цельнооформленное слово: ср., например, вполне сопоставимую активность именных суффиксов *-or/-er* в английском и *-(т)ер/-(т)ор* в русском, глагольных *-ieren, -isieren* в немецком и *-ировать, -изировать* в русском, суффиксов прилагательных *-able* в английском и французском и *-абельн(ый)* в русском (ср. слова типа *читабельный*) и т.д.

В связи с этим исследователи русской лексики довольно часто сталкиваются с необходимостью квалифицировать то или иное слово либо как заимствование, либо как словообразовательное производное.

Например, **кандидатура** — это **кандидат** + суфф. *-ур(а)* или результат заимствования французского (а в истоке — латинского) слова *candidature?* **Дестабилизация** — это образованный присоединением префикса *де-* антоним слова **стабилизация** или это слово целиком заимствовано из английского (*destabilisation*) или французского (*déstabilisation*)? **Атомáрный** — это результат заимствования и

оформления с помощью суффикса *-н(ый)* немецкого прилагательного *atomar* или производное, полученное присоединением к основе *атом-* суффикса *-арный?* **Визировать** — транспозиция существительного **виза** с помощью суффикса *-ировать* в разряд глаголов или адаптация на русской языковой почве немецкого *visieren* или французского *viser?*

Примеры подобного рода весьма многочисленны.

Многие из этих альтернатив не имеют однозначного решения, и у признания того или иного слова заимствованием столько же оснований, сколько у квалификации его как словообразовательного производного. "Отличить свое от чужого,— пишет в связи с этим В.Г.Гак,— в наши дни подчас очень трудно, так как латинские и греческие корни и морфемы стали источниками формирования терминологии для всех европейских языков. По внешней форме не всегда возможно определить, был ли данный термин заимствован или самостоятельно создан из греко-латинских элементов в данной стране. Для этого надо знать историю вещей" (Гак 1977, 53–54). И это касается не только терминов в строгом смысле слова, но и более широкого круга иноязычных по внешнему облику лексем.

И все же, как кажется, при рассмотрении некоторых фактов мы можем склониться к одному из двух возможных решений, опираясь на комплекс собственно языковых и внеязыковых аргументов.

1. Начнем с самых легких случаев.

Существуют так называемые "авторские" слова и термины, создание которых приписывается известным ученым, изобретателям, литераторам и др. Очевидно, что хотя подобные термины в большинстве своем состоят из греческих или латинских по происхождению морфем, в качестве непосредственного языка-источника, откуда тот или иной термин начал распространяться в другие языки, должен быть назван язык создателя термина.

Например, "авторским" является медицинский термин **гомеопатия**: он введен в употребление в начале XIX века немецким врачом, основателем этой отрасли медицины С.Ганеманом, и, следовательно, в качестве ближайшего языка-источника должен фигурировать немецкий язык, в котором термин был впервые употреблен (ср. нем. *Homöopathie*), а в качестве корней-этимонов — греческие *homoios* 'однородный' и *pathos* 'болезнь'[1]. Для того, чтобы разграничить гомеопатию и все другие методы лечения, С.Ганеман придумал термин **аллопатия** (нем. *Allopathie*, восходящее к греч. *allos* 'другой, иной' и *pathos* 'болезнь').

Активно употребляемый в наши дни термин **экология** был предложен в 1866 году немецким биологом Э.Геккелем. Немецкое слово *Ökologie*, "сложенное" из греческих *oikos* 'дом' и *logos* 'учение', явилось непосредственным прототипом русского **экология.**

Термин **аммиак** был предложен в 1801 году русским химиком Я.Д.Захаровым вместо существовавшего до этого времени термина **аммониак**, по-видимому, заимствованного из французского языка (ср. франц. *ammoniaque* 'нашатырный спирт', восходящее к греч. *hals ammoniakos* — название нашатыря, который получали в оазисе Аммониум Ливийской пустыни)[2].

Разумеется, при отсутствии подобных энциклопедических сведений сходные по структуре термины могут рассматриваться лишь как состоящие из греческих или латинских по происхождению морфем, без отнесения таких терминов к какому-либо из живых языков как непосредственному источнику их распространения.

2. Помимо "авторских", существуют термины, однозначно "привязанные" к стране, где они возникли вместе с соответствующим понятием. Несмотря на то, что в них явственно выделяются греческие и латинские морфемы, такие термины должны квалифицироваться как заимствования из соответствующего языка, а не как образованные из греко-латинских элементов в русском языке (с соответствующим морфологическим оформлением).

Так, прилагательное **радиоактивный**, по-видимому, должно интерпретироваться как заимствованное из французского языка (ср. франц. *radioactif*), поскольку само явление радиоактивности было открыто носителем французского языка Пьером Кюри. Соответствующие термины, связанные с этим явлением, впервые зазвучали по-французски и лишь затем были перенесены в другие языки.

Языковедческий термин **социолингвистика** — не сложение корневой морфемы **социо-** с существительным **лингвистика**, а освоенный на русской почве английский термин, поскольку впервые этот термин был употреблен в американской социологической, а затем и в лингвистической литературе в начале 50-х годов XX века[3] (в отечественном языкознании традиционно использовался составной термин **социальная лингвистика**).

Непосредственными прототипами терминов **рентгенология, рентгенография, рентгеноскопия** следует считать немецкие *Röntgenologie, Röntgenographie, Röntgenoskopie*, поскольку и соответствующие методы диагностики, называемые этими терминами, впервые были применены немецкими учеными и медиками. Интерпретация этих слов как образованных от основы **рентген-** с помощью морфем **-логия, -графия, -скопия** (см. "Современный словарь иностранных слов") не отражает действительной истории их возникновения.

Примеры такого рода можно умножить.

Как видим, квалификация тех или иных лексических единиц, состоящих из иноязычных морфем, как заимствованных из того или иного живого языка возможна при наличии сведений энциклопедического характера. А если таких сведений нет или они недо-

стоверны? В этом случае приходится оперировать только лингвистическими соображениями.

3. Эти соображения могут касаться как морфемной или морфонологической структуры слова в целом или каких-либо составляющих его морфем, так и особенностей их семантики.

Если, например, структура слова не типична для строения слов (данного класса) в том или ином языке, то возникают сомнения в исконности слова и предположение о его иноязычном происхождении.

Сравним прилагательные **атомный** и **атомарный**. Первое образовано от иноязычного **атом** с помощью суффикса *-н-*, а второе содержит иноязычный по происхождению суффикс *-ар(н)-*. Сопоставление слова **атомарный** с франц. atomaire, нем. atomar позволяет сделать предположение, что **атомарный** (в отличие от прилагательного **атомный**) — заимствование, а не результат словообразования в русском языке. На чем основано это предположение? На том факте, что комплекс **-арн(ый)** встречается только в составе заимствованных слов типа *авторитарный* (ср. франц. autoritaire), *солидарный* (франц. solidaire), *стационарный* (франц. stationnaire) и под. Наличие его в прилагательном **одинарный**, которое исторически возникло как искажение слова **ординарный** (ср. франц. ordinaire) вследствие ложно-этимологического сближения его с числительным *один*,— не дает нам достаточных аргументов в пользу того, что этот комплекс превратился (или превращается) в словообразовательную морфему, дающую на русской почве новообразования[4].

На тех же основаниях прилагательное **молекулярный** должно быть интерпретировано как заимствование из французского языка (ср. франц. moléculaire), а не как образование от существительного молекула, так как вычленяемый в этом прилагательном комплекс **-ярн(ый)** не может рассматриваться в качестве словообразующего аффикса (все зафиксированные в словаре А.А.Зализняка (см. Зализняк 1977) прилагательные, содержащие этот комплекс,— типа **популярный, регулярный** — представляют собой заимствования).

Прилагательные типа **астматический**, мотивированные именами существительными, в основе которых отсутствует формант *-т* (**астм-а**; ср. также **догма — догматический, парадигма — парадигматический, синтагма — синтагматический, травма — травматический, магма — магматический, проблема — проблематический, система — систематический, плазма — плазматический** и нек. др.), должны интерпретироваться скорее всего как заимствования, которые вошли в русский язык параллельно с соответствующими существительными. В случае их интерпретации как образованных в русском языке от слов **астм-, догм-** и т.д. вызывает затруднение квалификация комплекса **-ат-**, предшествующего суффиксу **-ический** и не характерного для структуры отсубстантивных прилагательных, образованных в русском языке; ср., с другой стороны, несомненно

исконные образования типа **проблем-н-ый, систем-н-ый, плазменн-ый**, а также произведенные от существительных с основой на *-т* прилагательные типа **демократ-ическ-ий, телепат-ическ-ий** и под.

Существующие в русском языке близкие по структуре и смежные по значению слова **агрокультура** 'совокупность приемов по повышению культуры земледелия' и **агрикультура** — устарелое название земледелия — очевидным образом должны интерпретироваться по-разному: первое образовано в русском языке путем присоединения элемента **агро-** (ср. **агрокомплекс, агромероприятия** и т.п.) к существительному **культура** 'разведение, выращивание какого-н. растения', а второе заимствовано, по-видимому, через посредство французского — ср. франц. agriculture 'земледелие, растениеводство' — из латинского языка: ср. лат. agricultūra 'земледелие, сельское хозяйство'. Квалифицировать слово **агрикультура** именно как заимствование, а не как продукт словообразования нас заставляет фонетическая близость комплекса **агри** к французскому и латинскому источникам и расхождение его с фонетическим обликом сформировавшейся в русском языке морфемы **агро-**.

Особенности семантики слова также могут пролить свет на историю его возникновения. Так, упомянутое в начале статьи существительное **кандидатура** отчетливо членится на именную основу **кандидат-** и суффиксальный элемент **-ур(а)**. Однако морфемная членимость слова далеко не всегда свидетельствует о том, что оно образовано в данном языке[5]. И в случае со словом **кандидатура** мы лишний раз убеждаемся в справедливости этого. Суффикс **-у́р(а)**, выделяемый в этом существительном, имеет значение лица, что совершенно не характерно для словообразовательного суффикса **-ур(а)**, с помощью которого образованы слова разной семантики типа **адвокатура, аппаратура, рецептура, редактура, докторантура** и т.п.: среди этих слов нет ни одного со значением лица![6]

В заключение заметим, что во многих случаях, решая вопрос о том, каков статус того или иного слова: является ли оно результатом словообразовательных процессов в русском языке или же целиком заимствовано из какого-либо другого языка,— мы можем делать лишь вероятностные, а не категорические утверждения. Иначе говоря, мы можем считать, на основании совокупности языковых и экстралингвистических данных, что то или иное слово скорее всего является заимствованием (или, напротив, скорее всего образовано в русском языке). Наряду с этим имеют место и такие факты, относительно которых равновероятны оба типа интерпретации. Например, глагол **визировать** в значении 'ставить визу' (*визировать документ*) можно толковать и как заимствованный, с соответствующим морфологическим оформлением, из немецкого visieren или французского viser, и как образованный от существительного **виза** с помощью продуктивного (иноязычного по

своему происхождению) суффикса **-ировать**. Существительное **дестабилизация**, так же, как и многие другие термины с префиксами **де(з)-, ре-** и нек. др.— типа **дезинтеграция, ревакцинация, рекомбинация** и под.— при одной интерпретации может быть определено как образованное от существительного **стабилизация** при помощи префикса **де-** (или же как отыменное образование от глагола **дестабилизировать(ся)**), при другой — как заимствование из французского языка (ср. франц. déstabilisation).

Такая двойственность и даже множественность в квалификации одних и тех же фактов языка не является дефектом лингвистического анализа, а отражает объективные свойства языковых единиц, при интерпретации которых вполне допустим так наз. принцип неединственности решений (см. Мельчук 1971).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср. этимологизацию этого термина в "Современном словаре иностранных слов" (М. 1992), где указан только греческий источник.

[2] Авторы "Современного словаря иностранных слов" возводят **аммиак** непосредственно к древнегреческому источнику, не упоминая авторства Я.Д.Захарова, формы **аммониак** и французского языкового посредства.

[3] Первым употребил термин "socio-linguistics" (именно в таком, дефисном написании) в 1952 году американский социолог Герман Карри; см.: Currie H.C. A projection of socio-linguistics: the relationship of speech and social status // "Southern Speech Journal", 1952, vol. 18.

[4] *Зализняк А.А.* (см. Зализняк 1977, 391) зафиксировал прилагательное **гвоздарный**, имеющее несомненно исконнорусскую основу. Однако комплекс **-арн(ый)** здесь явно иного характера, чем в перечисленных словах французского происхождения: он не имеет значения качественности и должен рассматриваться как состоящий из двух компонентов — субстантивного суффикса **-ар** (из **-ар(ь)**, ср. **гвоздарь** 'тот, кто делает, изготавливает гвозди'), и атрибутивного суффикса **-н(ый)** (таким образом, например, сочетание **гвоздарный цех** означает 'цех, где работают гвоздари').

[5] В связи с соотношением понятий "морфемная членимость" и "словообразовательная производность" см.: Лопатин 1972, Крысин 1975.

[6] Слово **креатура**, имеющее личное значение (ср.: **Этот сотрудник — креатура директора**), разумеется, не может рассматриваться в этом ряду, так как в русском языке оно морфологически не членимо (ср. франц. créature, послужившее прототипом этого существительного).

ЛИТЕРАТУРА

Гак 1977 — Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М. 1977.

Зализняк 1977 — Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М. 1977.

Земская 1975 — Земская Е.А. К проблеме множественности морфологических интерпретаций // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М. 1975.

Крысин 1975 — Крысин Л.П. Ступени морфемной членимости иноязычных слов // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М. 1975.

Лопатин 1972 — Лопатин В.В. К соотношению морфемного и словообразовательного анализа // Актуальные проблемы русского словообразования. Т. I. Самарканд. 1972.

Мельчук 1971 — Мельчук И.А. К проблеме выбора описания при неединственности морфологических решений // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А.Реформатского. М. 1971.

С.М.Кузьмина
(Москва)

К ПРОБЛЕМЕ КОДИФИКАЦИИ СЛИТНЫХ-ДЕФИСНЫХ НАПИСАНИЙ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ*

1. Наблюдая за орфографической практикой нашего времени, мы, к сожалению, не можем воскликнуть, вслед за Е.А.Земской: "Мы не нормализаторы" [Русский язык конца XX столетия 1996]. И хотя, по выражению В.Г.Костомарова, "нормализаторы сегодня не в моде", орфографистам не дано ограничиться описательно-констатирующим подходом к материалу — они обязаны давать рекомендации.

2. Общая раскованность языка нашего времени, отмечаемая исследователями, сказывается даже на такой жестко регламентированной области, как орфография, и проявляется в вольном обращении с правилами и нередко в их откровенном нарушении.

Однако не всегда несоблюдение орфографического правила — ошибка. Иногда регулярное игнорирование правила — вернейший сигнал его бездействия и, следовательно, неблагополучия. Именно такая ситуация — систематическое расхождение между рекомендациями правил и орфографической практикой сложилась в области слитного-дефисного написания сложных прилагательных. Поэтому соответствующий раздел правил в наибольшей степени нуждается как в теоретической разработке, так и в упорядочении самих рекомендаций. Заметная активизация сложных прилагательных в современной языковой практике делает это особенно актуальным.

3. Известно, что изменения в письме определяются двумя параллельно идущими процессами: стихийным развитием и сознательным орфографическим строительством. Однако взаимодействие стихии и порядка в письме может быть очень сложным и даже драматичным. И это особенно выразительно проявляется в слитных-дефисных написаниях сложных прилагательных.

Впервые эта область орфографии подверглась кодификации лишь в середине XX века в первом своде "Правил русской орфо-

* Работа выполнена в рамках проекта № 95-06-17080 "Лингвистические основы русского правописания", поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

графии и пунктуации", вышедшем в 1956 году. На основании наблюдений над орфографической практикой были установлены правила. В их основу был положен так называемый семантико-синтаксический принцип, заключающийся в том, что написание сложных прилагательных определяется характером отношений компонентов, входящих в их состав*. При сочинительной связи и равноправии компонентов прилагательное пишется через дефис, например: *рабоче-крестьянский, беспроцентно-выигрышный, звуко-буквенный, выпукло-вогнутый, садово-огородный, мясо-молочный, англо-японский*; при подчинительной связи и неравноправии компонентов — слитно, например: *железнодорожный, народнохозяйственный, естественнонаучный, рельсопрокатный, металлорежущий.*

4. Однако стихия сразу же начинает сбрасывать эту узду, наложенную на нее кодификаторами. Уже в момент выработки и принятия свода 1956 года правила слитного-дефисного написания прилагательных стали нарушаться. В Орфографическом словаре, изданном в том же 1956 году и призванном иллюстрировать новый свод, те же авторы, что участвовали в разработке свода, дают написания, нарушающие правила, напр.: *жилищно-кооперативный* (при: *жилищный кооператив), народно-поэтический, парашютно-десантный* (при: *парашютный десант*), *сравнительно-исторический* (при: *сравнительная история), уголовно-процессуальный* (при: *уголовный процесс), кислородно-сварочный, удельно-вечевой* и др.

Авторов пытались "образумить": справочники восстанавливали справедливость, давая эти строптивые слова в слитном написании. Второе издание орфографического словаря (1963 г.) вышло с исправленными написаниями, соответствовавшими правилам. И все-таки победила стихия — в этих и многих других словах вопреки правилу закрепилось дефисное написание.

5. Начинаются поиски причин столь упорного несоблюдения правил. Многолетние наблюдения над орфографической практикой периодической печати, словарей, энциклопедий, специальной литературы позволили выявить тенденцию: к дефисному написанию тяготеют сложные прилагательные, первая часть которых "оснащена" суффиксом (даже при подчинительных отношениях частей), например: *гнойно-воспалительный, авторско-правовой, гражданско-правовой, китобойно-промысловый, электронно-лучевой, ядерно-энергетический, воздушно-десантный.* И, напротив, слова, не имеющие в первой части суффикса, проявляют тенденцию к слитному написанию, например, *буровзрывной, рельсоблочный, торфоперегнойный, нефтегазовый.* Открывшие эту тенденцию Б.З.Букчина и

* Точнее говорить не об отношении компонентов внутри сложного слова, а об отношении слов в словосочетании, соотносимом с данным сложным прилагательным, мотивирующем его. Именно это мы и будем иметь в виду, говоря об отношении компонентов сложных прилагательных.

Л.П.Калакуцкая усматривают в ее проявлении действие нового — словообразовательного, или формально-грамматического принципа, определяющего слитное-дефисное написание сложных прилагательных [Букчина, Калакуцкая 1974, Букчина, Калакуцкая 1989].

6. Такая тенденция проявлялась и раньше: в пособиях по правописанию перечислялись входящие в первую часть сложных прилагательных суффиксы, при наличии которых всегда следовало писать дефис, перечислялись также первые части сложных прилагательных, содержащие суффикс (напр.: *военно-, спортивно-, авиационно-)*, которые требовали после себя дефиса. Итак, тенденция действовала, но подспудно, формально-грамматический принцип был второстепенным. Именно его противодействием и объясняются отступления от правил, допущенные в первом издании орфографического словаря (см. выше).

7. Со временем тенденция набирает силу, все больше расшатывая семантико-синтаксический принцип. Сосуществование двух принципов: старого, теряющего силу, но соответствующего правилу, и нового, набирающего силу, но вступающего подчас в противоречие с правилом — обусловливает напряжение в системе слитных-дефисных написаний и создает сложную орфографическую ситуацию: два основных авторитетных словаря — Орфографический (ОС) и словарь-справочник "Слитно или раздельно" (С-Р) дают в некоторых случаях разные рекомендации. При этом ОС дает (хотя и непоследовательно) вариант, соответствующий правилам 1956 года, а С-Р, ориентируясь на формально-грамматический принцип, рекомендует, впрочем, также не вполне последовательно, вариант, наиболее соответствующий орфографической практике, например: *водноэнергетический, горноартиллерийский* (ОС), *водно-энергетический, горно-артиллерийский* (С-Р).

Такая ситуация не удовлетворяет пишущих, которые хотят иметь твердые, не колеблющиеся написания.

8. Каков выход из этой ситуации? Очень заманчивым кажется предложение авторов словаря-справочника "Слитно или раздельно?" (частично воплощенное в самом справочнике) провести новый принцип более последовательно. Сейчас Орфографический словарь предлагает писать *зенитно-артиллерийский,* но *конноартиллерийский; авиационно-спортивный,* но *водноспортивный* и *конноспортивный; военно-транспортный,* но *горнотранспортный* и т.п. При более последовательном проведении формально-граматического принципа во всех этих словах стал бы писаться дефис. По отношению к таким словам предложение авторов С-Р кажется вполне приемлемым.

Меньше энтузиазма вызывает, однако, предложение авторов С-Р писать через дефис такие слова, как *водно-лыжный, горно-лыжный, костно-мозговой, брюшно-тифозный, западно-европейский* (по правилам пишущиеся слитно), хотя очевидно, что разное написа-

нис слов с одной и той же первой частью *(костномозговой,* но *костно-суставный, костнотуберкулезный,* но *костно-хрящевой*) создает дополнительную трудность при выборе написания.

Еще большее внутреннее сопротивление встречает предложение писать слитно (ввиду отсутствия суффикса в первой части) такие слова, как *мясорыбный, приходорасходный, приливоотливный, спуско-подъемный, фарфорофаянсовый, звукобуквенный, мясомолочный,* по правилам пишущиеся через дефис.

И уже совсем трудно согласиться писать *железно-дорожный, сельско-хозяйственный, каменно-угольный.* Впрочем, авторы С-Р и не предлагают этого, они предусмотрели некоторые исключения из правил. Не предлагают они также менять написание пишущихся слитно слов с первой "наречной" (по их формулировке) частью, независимо от того, имеется ли в этой части суффикс: *крупномасштабный, широкоформатный, глубоководный* и т.п.

9. Рассмотрим типы взаимодействия двух конкурирующих принципов слитного-дефисного написаний — старого и нового — и отражение их взаимодействия в орфографической тенденции. Это поможет выяснить причину разного интуитивного отношения пишущих к более последовательному проведению формально-грамматического принципа для разных категорий сложных прилагательных, а также причину "несимметричности" его действия, проявляющейся в более охотном приятии дефисного написания при наличии суффикса, чем слитного при отсутствии суффикса.

Можно выделить три случая: I. Оба фактора (характер отношения между компонентами сложного слова и наличие-отсутствие суффикса) — действуют в одном направлении, поддерживая друг друга; II. Два этих фактора действуют в разных направлениях, противореча друг другу; III. Характер отношения между компонентами сложного слова неясен, может быть истолкован по-разному, допускает двоякую соотнесенность, двоякую мотивацию.

I.1. Отношения между компонентами подчинительные. В 1-й части отсутствует суффикс. Такое сочетание факторов устойчиво обусловливает слитное написание, которое согласуется как с семантико-синтаксическим, так и с формально-грамматическим принципом; колебания практически отсутствуют. Примеры: *новозеландский, красноармейский, яснополянский; автомобилестроительный; бумагорезальный, водоотталкивающий, газораспределительный, звуконепроницаемый, зуболечебный, кукурузоуборочный, рабовладельческий, светочувствительный; быстрорастворимый, высококультурный, свежеокрашенный.*

Окказионализмы даются также в слитном написании, напр., *малотеатральная публика, словосмесительная связь,* хотя дефис может служить графической приметой новообразования, окказионализма, подчеркивающей неосвоенность, экзотичность слова, напр.,

человеко-ориентированное знание. Окказионализмы, по нашему мнению, должны иметь право оформляться свободно.

I.2. Отношения между компонентами сочинительные, в 1-й части имеется суффикс. Среди слов этой группы — разные типы соотнесенности с сочинительными конструкциями: сочинение двух однородных признаков (*беломорско-балтийский — беломорский и балтийский*), неоднородных признаков (*конкретно-исторический — конкретный исторический*), двух существительных (*причинно-следственный — причина и следствие*). В последнем случае, впрочем, можно говорить о двойной соотнесенности — и с существительными, и с прилагательными (*причинный и следственный*).

И в этом случае — при действии однонаправленных факторов колебаний в написании практически нет — устойчиво пишется дефис. Примеры: *малайско-полинезийский, бригадно-звеньевой, брусничко-черничный, декоративно-прикладной, детско-юношеский, озерно-болотный, отчетно-выборный, парфюмерно-косметический, подъемно-пусковой, культурно-нормативный, информационно-аналитический, самолетно-ракетный, восточно-православная (церковь), опорно-транзитный.*

Так же оформляются многочисленные окказионализмы, встречающиеся во всех сферах речи — научной, публицистической, художественной. Среди них большое место занимают прилагательные, передающие оттенки признаков: *административно-командный, парламентско-президентский, субботне-воскресные издания, отцовско-материнские чувства, западно-восточные размышления, дворянско-офицерские идеалы, выразительно-артистический, маслянисто-стальная громада паровоза* (И.Бунин), *меркантильно-эгоистический, банально-поднадоевший, рекламно-обтекаемая (информация), диетическо-натуральные качества, субъективно-вкусовой, разговорно-доверительный, рельефно-выразительный, жанрово-стилевой.*

Недостаточно устойчиво дефисное написание в этой категории слов только у отдельных терминов, здесь идет борьба между новым и традиционным написаниями, ср., напр., *церковнославянский и церковно-славянский.*

II.1. Отношения между компонентами подчинительные, в 1-й части есть суффикс (иногда так наз. суффиксоид) прилагательного. Действуют разнонаправленные, противонаправленные факторы, поэтому в орфографической практике имеет место вариативность — колебание между слитным и дефисным написаниями. При этом общеупотребительные, освоенные слова устойчиво пишутся в соответствии с правилом слитно: *железнодорожный, сельскохозяйственный, каменноугольный, среднеазиатский, круглогодичный,* тогда как другие слова встречаются в разном оформлении — дефисном и слитном. Так, слова *восточнославянский, западноевропейский* и др. в соответствии с правилом пишутся слитно, однако нередко встречаются и в дефисном написании. Большинство же слов пишется

только через дефис, например: *воздушно-десантный, гражданско-правовой, естественно-научный, жилищно-строительный, китобойно-промысловый, научно-материалистический, формально-логический, ядерно-энергетический.*

В этом разряде прилагательных наблюдается тенденция к расширению сферы дефисных написаний: они преобладают в огромном числе ежедневно появляющихся слов: *авторско-правовой, генно-инженерный, государственно-монополистический, комплексно-механизированный, партийно-номенклатурный, советско-немецкие фашисты* (от: *советские немцы*), *ядерно-державный Советский Союз.* В большинстве прилагательных этого разряда возможна двойная соотнесенность — не только с подчинительной конструкцией, но и с сочинением двух прилагательных (*государственно-монополистический — государственная монополия и государственный монополистический, народно-языковой — народный язык и народный языковой*), и это также располагает к дефисному написанию. Соблюдение в окказионализмах действующего правила (слитное написание) крайне редко, ср.: *в пурпурнокресельном зале* (А.Вознесенский).

До сих пор все примеры приводились на один тип подчинительной связи — согласование (A+N). Влияет ли характер подчинительной связи компонентов на проявление указанной тенденции? Судя по многочисленным примерам в работах Б.З.Букчиной и Л.П.Калакуцкой, они сделали вывод о тенденции к дефисному написанию прилагательных, имеющих суффикс в первой части, на материале сложных прилагательных с одним типом подчинительной связи — A+N, а затем распространили его на другие типы подчинительной связи.

Действительно, семантико-синтаксические отношения с легкостью приносятся в жертву формально-грамматическим именно при согласовании компонентов. При соотнесенности же сложного прилагательного со словосочетанием, компоненты которого связаны отношениями управления или примыкания, нельзя с такой же уверенностью говорить о тенденции к дефисному написанию — здесь последовательнее выдерживается слитное написание. Об этом говорит и то, что сами авторы словаря-справочника "Слитно или раздельно", реализуя в нем формально-грамматический принцип, все же не решились провести его последовательно, ср.: *горно-добывающий, горно-проходческий,* но *пахотнопригодный, цельноформленный, холодноштамповочный, холоднопрессованный, холоднопрокатный.* Подчинительный характер отношений компонентов не перестал быть фактором, способствующим слитному написанию, а это значит, что формулировка Б.З.Букчиной и Л.П.Калакуцкой требует уточнения.

II.2. Отношения между компонентами сочинительные, в 1-й части отсутствует суффикс прилагательного. Действуют разнона-

правленные факторы, потому в орфографической практике имеются колебания.

Тенденция к слитному написанию прослеживается, ср.: *мифопоэтический, лироэпический.* Постепенно все большее число слов втягивается в сферу действия этой тенденции (*асбестографитовый, железоуглеродистый, нефтегазовый, хлебобулочный, газоэлектрический*). Этому способствует и то, что в орфографический словарь, начиная с 29-го издания, вводятся слова с первой бессуфиксальной частью в слитном написании.

Следует отметить, что тенденция к слитному написанию действует более робко, чем тенденция к дефисному написанию независимо от характера отношения компонентов при наличии в первой части суффикса. Довольно устойчиво держится (в соответствии с правилами) дефисное написание: *звуко-буквенный, мясо-молочный, рабоче-крестьянский, приливо-отливный, приходо-расходный, иудео-христианский, мясо-кофейный, вопросо-ответная теория* (хотя ОС дает это слово в слитном написании), *металло-пластмассовый.*

Это значит, что сочинительная связь соотносимых со сложным прилагательным компонентов остается довольно сильным фактором, поддерживающим в орфографической практике дефисное написание. Этот фактор преодолевает даже очень сильную тенденцию к слитному написанию усеченной части первого компонента, ср.: *силлабо-тонический* (так дается даже в С-Р), *денто-лобиальный, лабио-дентальный, лингво-методический.*

И по-прежнему устойчиво сохраняют дефисное написание, в соответствии с правилами, прилагательные, обозначающие, во-первых, оттенки цветов, например: *бледно-голубой, сине-зеленый, желто-розовый,* (ср. *белоатласный,* но *бело-розовый, красноармейский, но красно-бурый)* и, во-вторых, передающие двусторонние отношения (*татаро-монгольский, тунгусо-маньчжурский, греко-римская метрика, волго-балтийский, волго-донской* (С-Р); этот семантический фактор также оказывается более сильным, чем усеченность первой основы, ср.: *англо-американский, ассиро-вавилонский, урало-алтайские языки.*

III. В случае неясных, допускающих неоднозначное толкование отношений между компонентами сложного прилагательного при наличии суффикса несомненное предпочтение отдается дефису: *опорно-показательный, дискретно-цифровой, экранно-вакуумный* и др. Именно этот разряд слов, наряду со словами разряда II.1, представляет собой опытное поле для проявления тенденции и для наблюдения над ее действием: *военно-спортивный (военный спорт* или *военный спортивный*?), *восточно-католический, восточно-славянский, гнойно-воспалительный, дорожно-транспортный, физкультурно-массовый,* все прилагательные с первой частью *финансово-, авиационно-, радиально-, радикально-* и др. Среди этих слов много терминов и окказионализмов: *системно-техническое направление,*

литературно-бытовой строй, в протокольно-официальной обстановке, авторитарно-хамское чиновничество, в оперно-народных костюмах (И.Бунин).

При отсутствии суффикса дефис может использоваться как средство подчеркивания сочинения двух прилагательных: *из древне-дворянской семьи* (Солженицын явно подчеркивает: *древний дворянский), столько настоящего руссого, древне-былинного* (Ю.Казаков, то же).

При отсутствии суффикса наблюдается поощряемая последними изданиями ОС тенденция, но опять-таки не такая сильная, к слитному написанию (*буровзрывной, рельсоблочный, торфоперегнойный, рассадопосадочный, пылевоздушный.*

10. Проведенный анализ подтвердил соперничество двух принципов слитного-дефисного написания сложных прилагательных — семантико-синтаксического и формально-грамматического. Тенденция к дефисному написанию прилагательных, имеющих в первой части суффикс, в самом деле, постепенно расшатывает семантико-синтаксический принцип слитного-дефисного написания сложных прилагательных.

Однако семантико-синтаксический принцип, уходя в тень, продолжает действовать. Он ограничивает тенденцию к дефисному написанию для многих общеупотребительных, освоенных, частотных слов, в которых четко прослеживаются подчинительные отношения компонентов, например, *железнодорожный, сельскохозяйственный, каменноугольный, среднеазиатский* и др. Он действует, определяя слитное написание, и для основ, связанных подчинительной связью управления.

В то же время прилагательные с четко ощутимыми сочинительными отношениями компонентов подвержены действию формально-грамматического принципа в гораздо меньшей степени; они расположены к сохранению дефисного написания даже при отсутствии суффикса в первой части (*звуко-буквенный, приходо-расходный*).

В целом тенденция к дефисному написанию проявляется сильнее, чем к слитному: пишущие скорее склонны нарушить правило в пользу дефиса, чем в пользу слитного написания; охотнее пренебрегут подчинительным характером отношений компонентов в пользу дефиса (если есть суффикс), чем сочинительным характером отношений в пользу слитного написания (при отсутствии суффикса). Другими словами, наличие суффикса преодолевает слитное написание подчинительных отношений (но преимущественно при отношениях компонентов типа A+N), однако отсутствие суффикса не преодолевает или неохотно преодолевает (при поощрении ОС) дефисное написание сочинительных отношений.

Вот почему легче перейти на *западно-европейский, брюшно-тифозный, конно-спортивный* и даже на *горно-лыжный* (вопреки произ-

ношению с одним ударением), чем на *видовременной, родовидовой, вопросоответный, звукобуквенный, приходорасходный, выпукловогнутый*. Здесь играет роль и соотнесенность с парными номинациями, с сочетанием двух антонимических слов: *буквы — звуки, мясо — молоко, фарфор — фаянс, род — вид, вопрос — ответ, приход — расход, прилив — отлив, выпуклый — вогнутый.*

Итак, сопротивление последовательному проведению формально-грамматического принципа, обнаруживаемое в орфографической практике, объясняется именно противодействием семантико-синтаксического принципа. Поэтому говорить о смене принципов, о том, что прежний принцип больше не работает, что слитное-дефисное написание сложных прилагательных определяется новым, формально-грамматическим принципом [Букчина, Калакуцкая 1989], [Касаткин 1995], по нашему мнению, явно преждевременно, правильнее говорить об их сосуществовании, взаимодействии, борьбе.

Какова же роль кодификаторов в этой ситуации? Какой должна быть языковая политика? Очень важно не навредить, не переусердствовать: при формулировании новых правил нельзя опережать события и полностью выводить за скобки характер отношения компонентов сложного прилагательного.

В этой статье было рассмотрено взаимоотношение только двух факторов, определяющих слитное-дефисное написание прилагательных, тогда как в действительности выбор написания в орфографической практике определяется одновременным действием многих других факторов — таких, например, как длина суффикса в первой части прилагательного, наличие обязательного дополнительного ударения, устойчивость сочетаний, с которыми соотносится сложно слово и других.

ЛИТЕРАТУРА

Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Сложные слова. М., 1974.

Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника). Изд. 7-е, М., 1989.

Касаткин Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Панов М.В. О дефисных написаниях // О современной русской орфографии. М., 1964.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Н.А.Купина
(Екатеринбург)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ РУССКОЙ РИТОРИКИ

Современное состояние русского языка (Караулов, 1991; 1995; Костомаров, 1994, 224–225) характеризуется идеологической неупорядоченностью. Мы переживаем опасный период ломки тоталитарных стереотипов при отсутствии влиятельных идеологических концепций и сохранившейся возможности возрождения этих стереотипов. Обвальная деидеологизация языка соседствует с неупорядоченной идеологизацией.

Эти процессы имеют непосредственное отношение к риторической практике, риторической деятельности вообще и риторическому поведению отдельной личности в частности. Отметим, что риторически организованная письменная и устная речь — это речь убеждающая, воздействующая, влиятельная. Чтобы охарактеризовать современное риторическое состояние, необходимо осмыслить живые идеологические процессы. Для новой русской риторики особо значимы крушение системы идеологем тоталитарного языка и разрушение категорий тоталитарного мышления. Очевидные риторические следствия крушения системы идеологем — идеологическая неопределенность, переосмысление каждой идеологемы, разработка контридеологем и новых идеологем.

Тоталитарный строй контролирует все духовные сферы жизнедеятельности общества, находящегося в тисках официальной идеологии. Сила тоталитарной идеологии в ее простоте (примитивности), упорядоченности, цельности. Система идеологем и мифологем, отражающих философские, политические, правовые, эстетические, нравственные взгляды партии, государства, народа, выступает как ментальный фундамент общественного тоталитарного мышления.

Операционная единица тоталитарного мышления — **идеологема** или выраженное средствами языка определенное, предписанное утверждение, отражающее установку официальной идеологии. Планомерно осуществляемый с помощью языковой политики процесс идеологизации языка (Klemperer, 1975; Купина, 1995) способ-

ствует формированию системы идеологем, объединенных культурно-речевой доминантой (З.К.Тарланов) противостояния.

Тоталитарный язык располагает инвентарем средств, обслуживающих идеологию. Идеологический словарь включает единицы разной степени идеологизированности. Идеологическое содержание лексики фиксируется толковыми словарями. В состав идеологического словаря входят **слова-идеологемы**, семантика которых покрывает собственно идеологические денотаты. Это слова типа *раскулачить, буржуазия, левацкий, диктатура.* Сопоставим, например, толкование слова-идеологемы *большевизм* в "Толковом словаре русского языка" под редакцией Д.Н.Ушакова (1935) и в "Словаре современного русского литературного языка" (1991):

Большевизм, а, мн. нет, м. (полит.). То же, что ленинизм, т.е. марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности.

Большевизм, а, м. Революционное последовательно марксистское течение политической мысли в международном рабочем движении, возникшее в начале XX в. в России и получившее свое воплощение в пролетарской партии нового типа, в партии большевиков, созданной В.И.Лениным.

Помета *полит.*, отсутствующая в новейшем толковом словаре, не влияет на осознание толкуемого понятия как собственно идеологического, принадлежащего к политической сфере лексической семантики. Содержательная часть толкования, несмотря на формальные различия и семантические нюансы, остается собственно идеологической. Процесс деидеологизации затрагивает в данном случае оценочную сторону идеологемы. Скорее всего оценка не установилась: в речах и письменных текстах прослеживаются полярные оценки большевизма с тенденцией к установлению отрицательной характеризации.

Процесс деидеологизации охватывает и содержательные компоненты идеологической лексики, о чем свидетельствуют материалы новейших словарей. Вот как толкуется значение слова *перестройка* в "Словаре перестройки" (1992, 157):

Перестройка нов. Декларированный ЦК КПСС, поддержанный народом процесс коренного изменения норм и принципов руководства, экономики, общественного сознания с целью совершенствования и ускоренного развития народного хозяйства на основе обновления технической и технологической базы производства, самофинансирования и хозяйственного расчета, а также с целью развития демократии, гласности, личной трудовой инициативы, ускорения социального прогресса (1985–1991).

Толкование напоминает скорее извлечение из постановления ЦК КПСС, нежели словарную статью, но оно дает возможность выявить идеологически важные в момент перестройки признаки,

из которых формировался идеологический денотат. Освобождение толкования от ряда этих признаков в более поздних словарях свидетельствует о перемещении понятия и соответствующего слова на периферию идеологического денотативного пространства, но семантика слова все же остается собственно идеологической:

Перестройка. Название периода в истории советского общества (2-я пол. 80-х гг.), ознаменовавшего начало кардинальных реформ (Краткий словарь современных понятий и терминов, 1995, 313).

В подобных случаях риторическая практика получает возможность свободной, личностной идеологической интерпретации объекта.

В идеологический словарь тоталитарного языка входят **устойчивые сочетания-идеологемы** типа *социалистический выбор, чистка партии, трудовой рекорд, вождь и учитель.* К ним примыкают прецедентные тексты, воспроизводимые в общественном сознании как готовые речевые единицы: *Наша цель — коммунизм; Союз нерушимый республик свободных; Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны* и подобные.

От собственно идеологического содержания следует отличать **идеологическую добавку**, которая всегда искусственно накладывается на лексическую семантику. Например:

Адюльтер. В буржуазном обществе — любовная связь вне своей семьи, супружеская неверность (Толковый словарь русского языка. Т. 1, 18);

Символизм 2. Направление в искусстве конца 19 и начала 20 вв., выражавшее упаднические и реакционные настроения буржуазии, в художественных образах создававшее символы мистических переживаний и представлений (лит., искус.). (Там же. Т. 4, 181).

Очевидно, нелепые добавки, подобные приведенным, исчезают из более поздних словарей советского периода (см., например, Словарь русского языка: В 4 т., 1981—1984), но в большинстве случаев они остаются — не только в словарях, но и в общественном сознании.

Деидеологизация сопровождается аксиологическими изменениями: нейтрализацией оценки, поляризацией оценки, размыванием оценки. Например, слова *формализм, символизм, акмеизм, декадентство* утратили отрицательную оценку и стали нейтральными. Семантика слов *хозяин, разбогатеть* оценивается скорее положительно, а идеологическая семантика прилагательных *левый, правый* не имеет четкой оценочной закрепленности.

Идеологические, в том числе аксиологические, добавки, как правило, носят догматический характер. С их помощью огромное количество культурных, духовных объектов вытесняется из идеологического денотативного пространства, что способствует искажению объективной картины мира, деформации категорий мышления.

Тоталитарный язык внедряет идеологические добавки для реализации свойственной ему функции предписания. Идеологические добавки входят в арсенал средств тоталитарной риторики — демагогической по своей природе. Не случайно для пропаганды официальной идеологии тоталитарная риторика использует демагогические тексты.

Вместе с тем не все идеологемы замешаны на лжи, "основаны на искаженных знаниях и истинах" (Скляревская, 1995, 68). Так, словарь идеологем тоталитарного языка располагает **идеологемами-святынями.** В их числе *братство, равенство, справедливость, дружба народов, знамя.* Разумеется, каждая подобная идеологема неоднократно употреблялась в неистинных суждениях. Следствие последнего — дискредитация идеологически направленных языковых средств — независимо от фактора истинности. Носители языка отмечают это, говоря о риторически нецелесообразном отборе языковых средств с идеологизированной семантикой; ср.:

"Самое главное для всех нас уяснить, наконец, себе, что словосочетания и слова-иероглифы типа "социализм", "коммунизм", "соцвыбор", "комперспектива" — очень важные и сложные в истории мировой общественной мысли — в нашей реальной действительности являются всего лишь лживой дымовой завесой для всевластия и хищничества новой Золотой орды, именуемой партгосноменклатурой".

В высказывании эпохи перестройки наблюдаем тенденцию к вытеснению из арсенала воздействующих средств ядерных слов — идеологем-святынь тоталитарного сознания. Приведем два высказывания: "Слово *товарищ* уже опозорено всем тем, что произошло в стране" (Н.Михалков); "Слово *победа* скомпрометировано, как и слово *товарищ.* Давайте поздравим друг друга с цивилизованностью" (Р.Габриадзе, 21 августа 1991 г.).

Идеологема-святыня содержит в себе "ментальный концепт, на феноменальном уровне эксплицированный как образ, понятие или символ" (Колесов, 1995, 135). Освобождение идеологем-святынь от традиционных языковых форм риторически не всегда эффективно. Совершенно очевидно, что замена *победа — цивилизованность* не может быть признана риторически удачной: слово *цивилизованность* не синонимично замененному, оно не обладает коннотативным содержанием и национально-культурной памятью, не обозначает ментально ценностное понятие, а также отличается громоздкой фонетической структурой и неблагозвучием.

Смена идеологической парадигмы осуществляется как "смена пиджака, переодевание и перегруппировка" (Аннинский, 1994, 106). Так, одна из ядерных идеологем тоталитарного языка идеологема классовости развивается в современной риторике, но не на базе идеи сословного противостояния. Все реже используется привычный ряд *рабочий класс — буржуазия.* На смену ему приходят

противопоставления по признаку материального достатка: *новые русские — старые русские, новые бедные; богатые, крутые — бедные, нищие, находящиеся за чертой бедности.*

Например, в период кампании по выборам в Госдуму 1995 г. "Аргументы и факты" опубликовали статью "Добровольная нищета". Ей предшествовал следующий комментарий: "*Однородное советское общество* после гайдаровской реформы разделилось на *несколько слоев*, из которых самый толстый оказался самым *бедным*. А в нем, словно в наказание,— все сторонники социализма, который привил им убеждение: проси — и тебе воздастся. А не воздастся, так требуй. Дадут. Обязаны".

Обновленные "лексические одежды" идеологемы классовости (по материалам упомянутой статьи): *богатые, не самые нуждающиеся — нищие по материальному положению, бедствующие, просители подаяния, армия тунеядцев; богатые семьи — семьи со скромнейшим бюджетом.*

Подобное речевое и содержательное обновление идеологемы классовости вряд ли будет сопровождаться риторическим успехом: по той простой причине, что деньги и материальный достаток не являются традиционными русскими риторическими объектами. Кроме того, слово *богатый* утратило негативный оценочный смысл и не может быть использовано как безусловное средство однонаправленного воздействия.

В ряде случаев риторически беспомощным оказывается развитие традиционных (с точки зрения национального менталитета) идеологем на базе привычной лексики. Это относится, например, к активно функционирующей идеологеме единения, развивающейся на основе двух идей: группового сплочения и всенародного сплочения.

Вот заголовки некоторых газетных публикаций: "*Интеллигенция* призывает объединиться"; "*Отроки России* объединятся"; "Вчерашние *соперники* могли бы объединиться"; "*Демократам* пора объединяться"; "Смогут ли *демократы* объединиться?"... Противоположной в данном случае является идеологема раскола: «Я бы посоветовал коллегам сегодня,— говорит Егор Гайдар,— еще раз прочитать статью Г.Явлинского "В *расколе* демократов трагедии нет "...» Лишенная масштабности, многократно эксплуатируемая с разных социальных позиций, идеологема единения ассоциируется с *групповщиной* (ср.: *оппозиция, радикальная оппозиция, фракция, группировка*), утрачивает возвышенный орнамент и постепенно выхолащивает свой риторический потенциал.

Идеологема единения, как было отмечено, используется и в ином контексте. Обратимся к выдержке из агитационного обращения Конгресса русских общин: "Уважаемые *соотечественники!* <...> Российское государство должно быть *основано на исторических традициях* нашего *народа* и трезвой неидеологизированной

оценке существующего положения. Российское государство немыслимо без *возрождения русского народа* — основы нашего общества. Наш лозунг — "**Без единства русского народа не может быть союза народов России**! Без союза народов России не может быть сильной и процветающей Родины!"

В данном случае риторический пафос как будто отвечает ментальным традициям: присутствует форма коллективного обращения; устанавливается коллективная позиция, единая точка зрения на ситуацию; используется миф о единстве народа и государства и трансформированный миф счастливого будущего; наличествует вербальное отмежевание от тоталитарной идеологии и утверждение исторически ценностных традиций, многократно используется смысл "объединение государства и народа" (*соотечественники, российское государство* /2 раза/, *народ* /3 раза/; *народы* /2 раза/; *союз*). Вместе с тем при чтении возникает ассоциация с *Союзом русского народа*. Идея всенародного сплочения сталкивается с идеей группы, что и обусловливает риторический сбой.

Таким образом, ни полное лексическое обновление идеологических суждений и понятий, ни сохранение ядерной идеологической лексики не приводят к безусловной риторической победе.

Переосмысление отдельных идеологем нередко сопровождается риторическим цинизмом, особенно болезненно ощущаемым при реализации идеологем-святынь. Например, "Литературная газета" сообщает, что главный режиссер "Театра наций" Михаил Чигирь хотел бы вернуть театру прежнее название — "Дружба народов" — неясно, правда, "в какой редакции: "памяти дружбы народов" или "имени будущей дружбы народов". Одно из проявлений цинизма — "такназовизм". Широкое распространение получили уничижительные сочетания типа *так называемые демократы, так называемые реформы, так называемая приватизация*... Нельзя не сказать и об идеологической подозрительности, которая тормозит риторическую воздейственность. Например, известный театральный режиссер Лев Додин так комментирует содержание слова *накопитель*; "Мы попали в *накопитель (гулаговское* слово, я думаю)... если ты стоишь и молчишь в этом *накопителе*, ты уже зэк!" Конечно, данное слово не отвечает критерию эстетичности, однако вряд ли оно содержит скрытое суждение, эксплицированное автором высказывания.

Заметное влияние на риторическую практику оказывает формирование контридеологем, сопровождающееся зачастую риторической наивностью, которая проявляется, например, в активности приставочной антонимии:

коммунистический оскал — антикоммунистический оскал, общество социальной справедливости — общество социальной несправедливости. Для конструирования контридеологем используются механизмы метафоризации: *диктатура совести, диктатура закона,*

диктатура чести, диктатура справедливости. Метафора переводит идеологему из семантической сферы политического в семантическую сферу этического и способствует выработке нового риторического стереотипа, реализующегося, например, в следующем случае:

— Говорят, что Россия жаждет диктатуры. Почему?

Зюганов: У нас уже есть диктатор, который получил прав больше, чем царь и генсек. Царит диктатура самовластия, чиновничества, мафии и беззакония вместо диктатуры закона. России надо бы не диктатора, а умного политика, ясную программу и технологию ее осуществления. (фрагмент из диалога Г.Зюганова и Г.Явлинского накануне выборов в Госдуму 1995 г.).

Наблюдения показывают, что яркая примета новой русской риторики — деформация идеологических речевых стереотипов. Идеологические догмы в этом случае становятся объектом открытой насмешки: *Оппозиционеры! Все на очередной путч!; Бюрократы! Решения правительства ни в жисть!; Черномырдин может потеснить коммунистов в колыбели их революции; Отдать все силы священному делу укрепления личного благосостояния!..*

Деформация идеологических стереотипов сочетается с детабуированием, требующим от автора речи определенной риторической смелости. Так, безусловно, снято табу со слова-идеологемы *партия*, о чем свидетельствует высокая частотность сочетаний типа *партия власти, партия войны, партия халявы, партия дураков.* Детабуированные высказывания, включенные в несобственно авторскую речь, часто становятся средством вторичного риторического воздействия с противоположным оценочным знаком. Особенно часто используются для создания антиэффектов соответствующие высказывания В.Жириновского. Приведем фрагмент из "Литературной газеты":

"Владимир Жириновский, лидер ЛДПР, с каждым днем продолжает расширять свой предвыборный пропагандистский арсенал. Он уже успел поведать телезрителям немало интересного о потенциальных соперниках на выборах. Например, демократы, по Жириновскому, это люди в основном "голубые". Далее Владимир Вольфович пустился в размышления об интимном. Лидер ЛДПР заявил, что человек, не удовлетворенный своей сексуальной жизнью, имеет все шансы попасть в знаменитые политики или художники. А тот, у кого нормальная жена, обречен на безвестность. Поэтому Гитлер, Сталин и другие пробились в великие, а ему, Жириновскому, долголетний и устойчивый брак помешал стать вождем нации.

Услышав такое, Россия должна жене г-на Жириновского в ноженьки поклониться..."

Невозможное для советской риторики сочетание идеологически направленной лексики и лексики, обозначающей сексуальные по-

нятия, создает эффект неожиданности и формирует оценку истинного объекта насмешки (лидер ЛДПР).

Процесс детабуирования поддерживается жанром частушки, который использовался с агитационной целью в период выборов в Госдуму 1995 г. В частушках особенно ярко ощущается мера идеологической дозволенности:

ВСЕ НА ВЫБОРЫ! Возвращение к Агитпропу

Ух ты, ах ты! Все мы КАНДИДА-АХ-ТЫ!!!
(Предвыборные страдания)

Говорила кума куму:
"Нам на выборы пора!
Не хочу, чтоб в нашу Думу
Проходили киллера!"

Мой миленок, как ребенок,
Все на митингах орет,
Будто партия зеленых
Людям "баксы" раздает.

Говорила мужу в среду:
"Одержал бы ты победу.
Если ты уступишь Феде,
Дура станет первой леди!"

(ЛГ, 1995, 13 декабря).

В текстах частушек на уровне конструктивного приема используется идеологический (и соответственно — лексический и стилистический) эклектизм: *выборы, Дума+киллера; митинг, партия зеленых+орет, баксы; одержать победу, первая леди+Федя, дура.* Параллельно заметим, что идеологический и лексический эклектизм — примета современного языкового состояния. Ср.: "Главой городской администрации в *Новгороде*, как и сотни лет назад, станет *посадник*. Так решил *горсовет*" (Известия. 14.09.91). В анализируемых частушках эклектизм стратегически задан. Скорее всего, "модус раскрепощенности", по мнению авторов, должен убедить воспринимающего в возможности полной свободы политического выбора (см. Земская, 1997).

Отсутствие официальных идеологических запретов снижает меру риторического удовольствия. Кроме того, приемы деформаций и детабуирования широко использовались в период господства тоталитарного языка и в фольклоре, и в литературе протеста, и в диссидентской публицистике. Все это сказывается на риторических реакциях: претендующие на сатирический эффект тексты часто вызывают не смех, а равнодушие (ср.: Маркштайн, 1995, 109).

Говоря о равнодушии, отметим еще одно следствие крушения системы идеологем тоталитарного языка — эмоциональный спад. Советская риторика эксплуатировала модус оптимизма: активно разрабатывались эмоциональные идеологические конструкты, например, *гордости, стойкости, героизма, прославления, победоносности* (Ромашов, 1995, 15–19).

Утрата эмоциональных опор приводит к идеологическому дискомфорту, стимулирует развитие идеологического цинизма и создает благодатную почву для ксенофобической фашистской риторики, основанной на эксплуатации групп тоталитарных идеологем. В органическую связь вступают демагогия и насилие (Гусейнов, 1995, 5), о чем свидетельствуют все без исключения тексты новофашистских изданий. В Екатеринбурге недлительное время издавалась газета "Новое русское слово". Вот выдержки из статьи "Поход на Москву": "Все хотят войны, хотят крови, хотят выпустить кровь своего врага <...> Мать, ей 80 лет, она сказала: "Крови!" Святой отец обронил: "Крови!" Развивая идеологемы врага и чистки на базе концепта противостояния, новоявленный вождь (некто Воробьев) призывает русский народ к войне "против жидов и полужидов", "гомиков и педерастов", "демократов и демократии", "иудаизма и католицизма", "против всех конфессий, дерзнувших притеснить Православную веру" и т.д. Нельзя игнорировать влиятельность фашистской риторики, наносящей людям огромный моральный и психологический ущерб.

Отсутствие цельной идеологической системы обусловливает поиск идеологем, обладающих суггестивной силой. В их числе, например, идеологемы рыночности, реформ, цивилизованности, национальной исключительности.

Риторика находится на пути поиска адекватного речевого оформления новых идеологических ценностей. Нельзя сказать, что риторические поиски сопровождаются неизменными успехами. Влияние негативное подавляет влияние позитивное. В этой связи можно охарактеризовать активно функционирующую идеологему национального унижения и маргинальности. Идеологическая категория маргинальности не зафиксирована Малым академическим словарем. В "Словообразовательном словаре русского языка" (1985) отмечены лишь элементы *маргиналия, маргинальный* в неидеологизированных значениях. В "Кратком словаре современных понятий и терминов" толкуется существительное *маргинал* — "человек, находящийся в промежуточном, пограничном положении между какими-либо социальными группами, утративший прежние социальные связи и не приспособившийся к новым условиям жизни (чаще из мигрантов, этнических меньшинств)". Приведено также однокоренное прилагательное. В тексте опубликованной в газете "Известия" 6 января 1996 года статьи Т.Мамаладзе «Откуда взялись эти "маргиналы"» развивается идеологема маргинальнос-

ти, которую поддерживает пятичленный ряд однокоренных образований: *маргинал, маргинальный, маргинализированный, маргинализация, маргинальность.* Отдельные члены этого ряда пересекаются с внутритекстовыми парадигмами: *маргиналы*, страна *рабов, люмпенов; выбитые из колеи граждане; лимита, стройбатовцы, "химики", "зэки", выпускники ПТУ. Маргинальность* — чувство *потерянности, претенционизм, цинизм, отчаяние.* Идеологические переклички подобного типа носят интертекстовой характер, о чем свидетельствуют заголовки газетных статей типа "Могут ли *рабы* выбирать"; "Десять дней боли, *бессилия* и *позора* России", "*Национальный позор* России", "Верхняя Вольта с ракетами", "А вышло как всегда..." Гиперболизация идеи маргинальности, с одной стороны, способствует углублению эмоциональной депрессии, с другой стороны,— вызывает ожесточение.

Кризис официальной тоталитарной идеологии сопровождается разрушением категорий тоталитарного мышления. Одной из фундаментальных является категория точки зрения. Коллективная точка зрения (*вождь — партия — государство — советский народ — советский человек, мы*) вытесняется из идеологического пространства и — соответственно — из картины мира. Это привело к тому, что образ ритора и образ риторического партнера в целом не имеют типового "гражданского лица", одноплановой социальной прикрепленности, единого таксономического идентификатора (ср.: Романенко, Саджи-Гаряева, 1993). Утрата коллективной единой точки зрения благотворна для риторики: объективно усиливается личностная точка зрения и, следовательно, важное значение приобретает риторическая индивидуальность, позиция субъекта-лица.

В заключение еще раз хочется подчеркнуть, что новая (постсоветская) русская риторика складывается в условиях идеологической нестабильности. Современное риторическое состояние определяется такими процессами, как деидеологизация языка, мышления, восстановление реального хронотопа, усиление личностного начала речи, утверждение права на свободу риторического творчества.

ЛИТЕРАТУРА

Аннинский Л. Русская душа: лицо и псевдонимы // Время и мы. Российско-американский литературный журнал. Москва — Нью-Йорк. 1994. № 123.

Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5.

Земская Е.А. Лингвистическая мозаика. Особенности функционирования русского языка последних лет XX века // Оценка в современном русском языке. Т. XIV. Хельсинки, 1997.

Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики". М., 1991.

Караулов Ю.Н. О некоторых особенностях состояния современного русского языка и науки о нем // Русистика сегодня. 1995. № 1.

Klemperer V. LTI./ Reclam Verlag Zeipzig, 1975.

Колесов В.В. Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В.В.Виноградова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 3.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, 1995.

Маркштайн Э. Советский язык и русские писатели // Вопросы литературы. 1995. Вып. 3.

Романенко А.П., Саджи-Гаряева З.С. Образ оратора как категория советской риторики // Вопросы стилистики. Вып. 25. Саратов, 1993.

Ромашов Н.Н. Система идеологем русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет. Автореф. канд. дис. Екатеринбург, 1995.

Скляревская Г.Н. Прагматика и лексикография // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995.

www.ruslang.ru

СЛОВАРИ

Краткий словарь современных понятий и терминов / Под ред. В.А.Макаренко. М., 1995.

Словарь перестройки / Сост.: В.И.Максимов и др. СПб., 1992.

Словарь русского языка. В 4 т. М., 1981–1984.

Словарь современного русского литературного языка. В 20 т. М., 1991–1993.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. М., 1985.

Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. проф. Д.Н.Ушакова. М., 1935–1940.

Марья Лейнонен
(Тампере)

ЧУЖАЯ РЕЧЬ В УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Передача прямой и косвенной речи — oratio recta/directa — oratio obliqua/indirecta, direct — indirect/reported speech/quote, чужой речи (также речь самого говорящего, если она сопровождается комментарием, характеризующим говорящего как участника диалога; РГ II:485), а также связанная с ними проблематика de re и de dicto, давно привлекали внимание лингвистов. В большинстве случаев, однако, исследование сосредоточивалось на письменных текстах или на сконструированных предложениях, иллюстрирующих возможности различных референтных прочтений. Установка на устной речи оставалась, в основном, задачей лингвистов, исследующих языки, имеющие недавние традиции письменности или таковых не имеющие. (См., например сборник Direct and indirect speech, 1986).

Несмотря на традицию, в изучении данного явления основой во всех языках следует считать устную речь. В публикациях группы по изучению русской разговорной речи, возглавляемой Еленой Андреевной Земской, устность и диалогичность естественным образом играют важную роль. В этих рамках осуществлена также интересное исследование чужой речи М.Я.Китайгородской (Русский язык в его функционировании 1993, гл. 3), с которым перекликается данная статья. В дальнейшем рассматриваемые явления будут иллюстрироваться примерами из записей-интервью, проведенных среди русских в Финляндии в 1986–1990 гг. Это — представители старшего поколения, свободно владеющие русским языком. Под конец представлены будут результаты исследования чужой речи в финском устном языке.

Характеристика включения речи в речь

"Чужая речь" означает, что в ситуацию говорения вводится говорение в другой, нетождественной с предыдущей, ситуации. Свидетельством косвенной речи являются эксплицитные признаки, как, например, перемещение дейктического центра или указательного поля (Бюлер 1993) и определенные синтаксические явления. Предполагается, что коммуникация первоначальной ситуации

4.1.5. В отношении предшествующего отрезка имеет значение подытоживания; говорящий как бы "обозревает" то, что он сообщил, ставя за этим некую "точку".

(6) *...a tak maminka si tam na něj došla / ... že by potřeboval spíš vidle / a házet hnůj / než učit děti / jo / a / takže pak mi dal pokoj / **no***

(рассказ пожилой женщины)

4.1.6. Имеет значения "заполнителя" в тех местах, где говорящий завершил один отрезок и готовится к следующему. **No** относится одновременно к предшествующему отрезку (с возможным подытоживающим оттенком), так и к отрезку последующему (как выражение подготовительное).

(7) *...nemohli sme ani udržet třeba tu / tužku nebo pero jak nás to pálilo / a / **no** / takže / sem jako nerada tam k němu chodila*

(рассказ пожилой женщины)

4.2. Значения диалогические

4.2.1. Имеет значение согласия с тем, что сказал собеседник, значит то же, что слово ano.

(8) портниха: abyste vy *měla málo práce s tim / aby to bylo za málo peněz / hodně muziky*

заказчица: ***no** / ano / ste mě vystihla*

(диалог у портнихи)

4.2.2. В начале эмоционально- и модально-нейтрального ответа на вопрос не имеет какого-либо определимого значения, употребляется по привычке, автоматически, универсально.

(9) врач: *posad'te se / pane inženýre / co je to v d s?*

пациент: ***no** výpočetně dokumentační služba*

врач: *co počítáte?*

пациент: ***no** máme výpočetní centrum...*

(диалог у врача)

4.2.3. В реакции на вопрос или вообще на предшествующую реплику говорящий сигнализирует словом **no** согласие или же усиленное согласие; неполное согласие, сомнительность, отчужденность; отрицательный ответ, отказ.

(10) портниха: *že by to tady leželo a teprve tady přes to by se to pustilo* (ткань)

заказчица: ***no** dobře / dobře*

(диалог у портнихи)

(11) Резек: *no jak to jinak vobdělat...* (землю)

Гола: *...no to taky je složitý / **no** nic / pane Rezek / tak já vám děkuji za informaci...*

(диалог о реституции земли)

(12) покупательница: *prosim vás soupravu pro chlapce patnáct let mu je*

продавщица: ***no to*** *nemám pani*

(диалог в магазине)

4.2.4. Усиливает негативные и позитивные оттенки в эмоциональных высказываниях.

(13) портниха ***no ty*** *sou*

заказчица: *kolik za ně chce?*

портниха: *pět set padesát / **no** já bych po nich skočila*

заказчица: ***no*** *ale sou krásný*

(разговор у портнихи)

4.2.5. Имеет контактоустанавливающее значение, главным образом в телефонных разговорах.

(14) пожарник *hasiči*

клиент: *haló*

пожарник: ***no*** *prosim*

клиент: *haló*

пожарник: ***no*** *hasiči*

(сообщение о пожаре)[5]

5. Группа слов, которые в некоторых своих аспектах и значениях можно рассматривать как "заполнители", и к которым относится и слово **no**, с того времени, когда в поле зрения лингвистов попали связные устные тексты, привлекла к себе внимание несколько раз, при этом с нескольких точек зрения.

В 60-е гг. на три аспекта этих слов обратил внимание К.Гаусенблас (1962). Первым из них является аспект создания текста, проблемы формулирования; в этом смысле Гаусенблас говорит о выражениях, связанных с техникой говорения. Сейчас в этой связи можно было бы сказать, что слово **no** во многих случаях заполняет паузу раздумья, колебания. Вторым аспектом является невключенность данных выражений в синтаксическую структуру высказывания; они занимают самостоятельную позицию перед или за синтаксической конструкцией или же внутри нее, как бы подключаясь к предложению (предикативной конструкции), располагаясь при ней, отсюда они и получили название припредложенческих выражений. Наряду с этим распространилось и название "добавочные выражения", в котором подавляется момент синтаксической связанности с предложением, границы которого, впрочем, в спонтанном тексте зачастую трудно установить.

В 70-е и 80-е годы, в период развития лингвистики текста, внимание привлекла роль этих слов в конструировании текста, в

связывании единиц текста. О них говорится как об одном из типов **коннекторов** (ср. Байзикова, 1979; Гоффманнова, 1984; Углиржова, 1994). В связи с исследованиями прежде всего устных текстов выявилась роль этих слов при членении текста на разные отрезки и единицы текста, главным образом, с точки зрения адресата, и эта роль дала им еще одно название — сигналы членения (Gliederungssignale, ср. Гюлих, 1970; Гоффманнова, 1985).

В анализе диалога, в котором этим словам также уделяется большое внимание, наиболее важным является аспект взаимодействия и подробная интерпретация всех значений и эмоциональных оттенков, вкладываемых в них говорящим в процессе коммуникации. Чем беднее данные слова с точки зрения лексического значения, тем богаче с точки зрения коммуникативного взаимодействия они могут стать прежде всего в диалоге, разумеется, при содействии звуковых и внеязыковых средств; слово **no** для такого использования идеально и универсально, и поэтому можно сомневаться в том, что оно всегда (или очень часто) употребляется избыточно, как слово-"заполнитель". Это, впрочем, показывает и вышеприведенный обзор его значений в диалогическом и монологическом спонтанном тексте.

6. Причины частотности и популярности употребления слова **no** следует также искать в звуковой стороне чешской устной речи, в частности, в том ее аспекте, который Матезиус (1947) назвал ритмической структурой чешского предложения. Ее характерной чертой является то, что она по преимуществу нисходящая, т.е. начинается ударным слогом первого слова, в то время как структуры восходящие с первым слогом неударным встречаются редко. Одной из таких восходящих структур являются отрезки речи, которые начинаются союзами, наречиями, а также словом **no**. **No** в качестве первого неударного слова отрезка (синтаксической конструкции, предложения), за которым в большинстве случаев следует более выделенное ударением дву- или более сложное слово, соединяет этот отрезок с контекстом или ситуацией и имеет прежде всего коннективную функцию. Именно его коннективность, по мнению Матезиуса, является причиной его частого появления в "обиходной разговорной речи" (наряду с другими словами, главным образом, союзами и наречиями в этой функции), где, являясь для говорящего неким содержательно и грамматически необязательным словом, оно, однако, важно в том смысле, что смягчает начало отрезка, сглаживает ощущение резкости, которое отрезок без такого "зачина" может вызывать.

7. Так называемые слова-"заполнители" связаны с устным текстом, их употребление принадлежит к ярким чертам прежде всего устного текста. Появление некоторых из них в письменных текстах является свидетельством относительности разделения текстов на

устные и письменные. Данные слова функционируют как индикаторы процесса формулирования, способа коммуникации, отношений собеседников, отношения говорящего к теме. Их наличие и место в тексте, без сомнения, связаны и с системными свойствами чешского языка (любого языка). Они составляют однородную группу в том смысле, что в тексте их можно опустить без особого изменения его смысла, однако текст в таком случае оказался бы ущербным в порой значительных аспектах взаимодействия, которые участвуют в создании его смысла. С другой стороны, мы имеем дело с группой слов, достаточно неоднородных, с точки зрения их происхождения, возможного количества оттенков взаимодействия, частотности употребления. Без сомнения, интерес могла бы представлять проблематика сопоставительного изучения слов-"заполнителей" в разных языках, по меньшей мере в родственных славянских языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В чешской лингвистике систематический и подробный анализ различий между письменным и устным языком был сделан Вахеком (1942); из наиболее новых работ ср. сб.: "Writing vs Speaking", Прага, 1994, содержащий доклады конференции, проходившей под тем же названием в Праге в 1992 г.

[2] Монографии и журнальные статьи В.Барнета, Ц.Босака, И.Цамутали, К.Хлупачовой, О.Кафковой, К.Кожевниковой, Л.Рейманковой и др. стали существенным вкладом в изучение лексической, синтаксической и текстовой структуры устного текста; идеи этих авторов можно развивать и в настоящее время, когда в центре внимания все более оказываются вопросы прагматики и интерактивная структура.

[3] Ее характерными чертами являются диалогичность, семейная или дружеская обстановка, личный или близкий контакт коммуникантов, значительная доля невербальных средств, спонтанная, естественная реакция, выравнивание асимметрии социальных ролей, круг обычных, часто повторяющихся тем, подчеркивается неформальность, свобода коммуникации.

[4] Их ответ мог бы даже иметь форму: ***no nevím***, или же ***no nevím no...***

[5] Мы оставляем в стороне слово **no** во фразеологических оборотах или его удвоенное употребление; подробнее об этом см. статью Мюллеровой, в печати. Оставляем в стороне и другие интересные моменты, например, появление слова **no** в текстах художественной литературы или слово **no** в переводах на другие языки.

ЛИТЕРАТУРА

Байзикова: *Bajzíková, E.*: Úvod do textovej syntaxe. Bratislava 1979.

Вахек: *Vachek, J.*: Psaný jazyk a pravopis. In: Čtení o jazyce a poezii. Praha 1942, 231–308.

Writing vs speaking. Language, Text, Discourse, Communication.

Гюлих: *Gülich, E.:* Makrosyntax der Gliederungssignale im gesprochenen Französich. München 1970.

Гаусенблас, 1962: *Hausenblas, K.:* O studiu syntaxe běžně mluvených projevů. In: Otázky slovanské syntaxe I. Praha 1962, 313–323.

Гаусенблас, 1972: Výstavba jazykových projevů a styl. Praha UK 1972.

Гоффманнова, 1984: *Hoffmannová, J.:* Typen der Konnektoren und deren Anteil an der Organisierung des Textes. In: Text and the Pragmatic Aspect of Language, ed. J. Kořenský — J.Hoffmannová, Linguistica X. ÚJČ ČSAV Praha 1984, 101–141.

Гоффманнова, 1985: *Hoffmannová, J.:* "Gliederungssignale" in der Kommunikationsstruktur der Arbeitsberatung. In: Linguistische und sozialpsychologogische Analyse der mündlichen Kommunikation, hrsg. J.Hoffmannová — D.Viehweger. Lingiustica XII. ÚJČ ČSAV Praha 1985, 57–71.

Матезиус: *Mathesius, V.:* K dynamické linii české věty. In: Čeština a obecný jazykozpyt. Praha 1947, 257–276.

Мюллерова: *Müllerová, O.:* Významy českého slova no v mluvených textech. Сборник материалов конференции, состоящейся в Софии в 1994 г., в печати.

Углиржова: *Uhlířová, L.:* K pragmatice dialogu (Na materiále Čapkovy knihy apokryfů a jejího překladu do bulharštiny), Études balkaniques tchéques IX, 1994, 77–85.

S. Čmejrková, F.Daneš, E.Havlová, eds., Tübungen: Gunter Narr Verlag, 1994.

Т.М.Николаева
(Москва)

МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ — НОВЫЙ ПРИЕМ ПОЭТИКИ ТЕКСТА

1. Речевые стереотипы — одна из важнейших социальных скреп социумов. В так называемой "традиционной" культуре эту функцию выполняют пословицы, паремийные речения, "крылатые слова", далее — цитаты из классиков и т.д. Со временем их объединяюще-отъединяющая функция как бы "стирается", и возникают новые стереотипы, новые речевые штампы и т.д.

В совместной статье с И.А.Седаковой (Николаева, Седакова 1994) мы попытались определить функции клишированных речений в высказывании, опираясь на два введенных признака — ЧТО говорится и ДЛЯ КОГО говорится. Таким образом были выявлены и описаны четыре функциональных типа введенных в высказывание стереотипов: ***1) свое для своих; 2) чужое для своих; 3) свое для чужих; 4) чужое для чужих.***

Обеспечивая некий дополнительный смысл речевому фрагменту, стереотипы (понимаемые как осознанные фрагменты "чужой речи" и вводимые в свою речь осознанно) вводятся в текст или в знак согласия, солидарности (**Я — ваш!** или **Я — их**) или как знак не-согласия, протеста, не-приемлемости (**Я над этим издеваюсь, Я это высмеиваю**).

В последнем случае часты модификации распространенного стереотипа — вплоть до почти пародирования. Например (примеры взяты из заголовков московских газет):

Февраль. Достать муки и плакать // Церковный вестник,
Мы — "челноки" и дух наш молод // Бегемот,
Человек с молотком // Бегемот,
Мы будем пить и смеяться, как дети // Бегемот,
Чудеса в бюджетном решете // Российская газета,
Кошелек или лайф? // Аргументы и факты,
Броня слаба, но танки наши быстры // Комсомольская правда,
Побор-машина // Комсомольская правда,
Утомленные славой // Известия,
Мы будем вспоминать? // Комсомольская правда (и т.д.)

О подобных журналистских "играх в заголовки" уже написано в последние годы много.

2. Однако и художественная проза оказывается чуткой к сложному переформированию общества через, в частности, трансформацию речевых стереотипов, то есть — трансформацию **привычного**.

В этом смысле, как кажется, интересно вспыхнувшее "на переломе" эпохи творчество Валерии Нарбиковой (Нарбикова 1994)*.

Фразеологизмы вводятся ею в текст многократно и виртуозно и уловить их смысловое "задание" удается не всегда.

Чаще всего ею применяется способ двойного сказуемого, то есть совмещения предиката, входящего и во фразеологизм, и в "свободную речь", иначе говоря, это известная модель: *Шел дождь и два студента; Пил чай с Машей и вареньем* и т.д.

Например:**

До трех часов ночи Додостоевского не было, а потом уже его не было и в помине (33);

Шишил-мышил взял и вышел, потом вышел Додостоевский, и потом уже вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана (27);

И лучше всего догадка: что человек любит, да, земля круглая и вертится, а ветер что делает? дует (слово такое есть), а он и в ус не дует (156).

Более сложный прием — фразеологизм вставляется внутрь свободного текста и выполняет одновременно и анафорическую, и катафорическую функцию:

Было два короля: один Солнце, другой просто Петр. Оба заложили на болоте. Первый — дворец, второй — тоже красивый. Все, что заложил первый, провалилось в болото вместе с головой его внука (76).

Здесь, по крайней мере, четыре "запрятанных" фразеологизма. См. еще более сложную конструкцию — (о наших сегодняшних аппаратчиках — ТН) *чтобы их там научили как следует пахать, чтобы они не пахали в черной тачке и в кресле, потому что они ничего не умеют делать; кроме того, что они делать не умеют ничего* (208).

Нарбикова умеет применять прием, состоящий в комбинировании средств книжной и разговорной речи, когда в разговорной речи изолированно употребленное местоимение обрастает сразу многоэтажной семантикой типа *А что ты? — А то!*

---

* В дальнейшем тексте статьи будут рассмотрены следующие произведения В.Нарбиковой: *План первого лица. И второго; Равновесие света дневных и ночных звезд; Шепот шума*, вошедшие в издание (Нарбикова 1994).

** Далее в скобках указываются страницы сборника В.Нарбиковой.

См.— *А чтоб проверить, действительно ли на берегу пустынных волн? — Действительно* (52);

В кармане с белым флагом лежал номерок телефона, который он зачем-то начирикал вчера, оказалось, что за тем (186);

Всегда знаешь кто молчит кто (125);

Ей хотелось известно что, известно с кем. Но "известно кто" не звонил, зато звонил неизвестно кто.

На улице было тоже неизвестно что. Вчера обещали, и шло то, что обещали.

Классифицировать подобные приемы у Нарбиковой можно и далее, однако хочется остановиться на особенных фразеологизмах, которыми становятся известные нам факты не русского языка, а его описания, факты лингвистики.

То, что автор — искушенный филолог, видно и по ее собственным "метаотступлениям" в тексте: "Слова очень приблизительно выражают мысли, еще приблизительнее они выражают чувства. Плохие слова представляют собой сгустки энергии, поэтому, когда в хороших словах кончается энергетический запас, плохое слово (о мате — ТН) может обозначать любой предмет или любое действие" (111). Или — "И делаются поспешные выводы, и видимость обрабатываст знание, и это фиксируется в языке, и поэтому каждое утро солнце "встает" и каждый вечер "садится" и каждое утро прощаются погрешности в языке и не прощаются погрешности в жизни" (165).

Какие же металингвистические самообращения наблюдаются в тексте В.Нарбиковой?

1) Обращение к самым общеизвестным "правилам" школьной грамматики:

Трамваи шли друг за другом как исключения: сначала стеклянный, потом оловянный, потом деревянный (12);

Она была искусственной, она была исключением, она была не оловянной, не деревянной, она была именно стеклянной, потому что стекло было тоже творением не его (36).

2) Поиск "правильного" слова в пределах указанной части речи или синонима:

И никак нельзя было подобрать глагола: они на кухне не сидели, а что? (24);

Тогда она не заплакала, а что? Сквозь "не рыдание", а что? она услышала, как он рассказывал о каком-то лабиринте (40).

3) Обращение к "внутренней форме" слова, к этимологии — как истинной, так и "ложной":

А сноха кто такая? Этимология приводит нас к слову "сношаться". Слова одного корня. Со снохой сношается отец сына. Они одного корня (105);

Это было не игольное ушко, через которое сто раз пролезал и верблюд, и ублюдок, благо они одного корня — "блуд" (72).

4) Привлечение свойств паронимической аттракции создавать гиперлексему, переводимую из фонетики в графику:

Но ведь бывает и "щастье", которое бывает только в настоящем времени — "щас", в разговорной речи, когда совпадают транскрипции ***щастья — щас****, и это* ***счастье — счас*** *останавливается перед тобой* (134).

5) Гиперсемантизация форманта, когда он приобретает значение абстракции и новой референтности одновременно:

На автобусной остановке стояли, тояли, ояли, яли, ли и замерзли (18);

Если "человек" "конец" и "венец" — это слова одного и того же порядка, синонимы, и вот этот человек, "ец" творенья (167);

Целофановые упаковки, пластмассовые чехлы, под которыми переодеваются, размножаются,— "тся" (198).

6) Синонимическая тавтология служебных слов:

Пустая фраза. Банальная. Пошлая. Пусть. Пускай. Но ведь надо уметь сказать (211).

7) Мена пресуппозиционного поля ожидания для служебного слова ("но"):

Сана была не просто женщина, ведь она была его женщина. И он ее любил, но у них были очень веселые отношения (217).

8) Игра на валентности в управлении глагола:

Они не были частью природы, потому что вели себя. Они вели себя то прилично, то неприлично. Деревья вели себя прилично, когда распускались (44);

— Я тебя буду будить.

— Ты меня ненавидишь.

— Я тебя все делаю сразу (103).

9) Введение языковой типологии (род существительных) в сферу интимных отношений:

За окном была бесполая луна и кончал бесполый дождь...

Дождь менял свой пол на другой в другом языке*, *и солнце меняло свой пол в другом языке; луна, она же месяц, меняла пол в одном и том же языке. Переход пола. Язык являлся как бы материализацией перехода пола* (90).

10) Введение социологизированных кодификаций в сферу выбора грамматической формы:

Картошка была, чай был, кофе (если с молоком, то было, если без молока, то был), но не было ни того, ни другого (12).

Расшифруем только последний пример. Интеллигенты предпочитают черный кофе (без молока), они же приписывают слову *кофе* мужской род, на "староинтеллигентский лад", middle class же предпочитает кофе с молоком и считает само это слово существитель-

---

* ТН: см., видимо, фр.: La pluie и Le soleil.

ным среднего рода. Кроме того, возможен в этом примере и намек на известный анекдот:

— *Как узнать, это козел или коза? — Выведи в поле и отпусти. Если побежал, то козел, если же побежала, то коза.*

Практически все приведенные выше примеры расшифровываются в виде многомерного "сэндвича" аллюзий.

Трудно сказать, столь активное введение металингвистических единиц в сферу социологизированных клишированных речений — это индивидуальное открытие В.Нарбиковой или некая новая тенденция в художественной прозе конца века. Однако кажется, что для лингвиста такие возможности небезынтересны.*

ЛИТЕРАТУРА

Николаева, Седакова 1994 — *Николаева Т.М., Седакова И.А.* Функции клишированных речений в русской разговорной речи // Revue des études slaves, Paris, 1994.

Нарбикова 1994 — *Валерия Нарбикова.* Избранное или шепот шума. "Третья волна", Париж — Москва — Нью-Йорк, 1994.

* Работа выполнена при поддержке Фонда РФФИ (№ 97-06-80015).

Ингеборг Онхайзер
(Инсбрук)

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ*

"*Слова* или *реченія* суть знаки нашихъ мыслей изустно произносимые".

А.Барсов

Работы Елены Андреевны Земской сопровождали мою учебу, содействовали развитию моих научных интересов. В 1973 г. я впервые слушала лекции Е.А.Земской в Московском университете и тогда же осмелилась попросить ее о консультации. С тех пор и длится наше знакомство, которое оказалось для меня не только научным вдохновением, но и огромным человеческим обогащением. За это я и благодарна Елене Андреевне.

В истории изучения русского словообразования нашего столетия работы Е.А.Земской занимают достойное место. Они, с одной стороны, продолжают русскую научную традицию (Г.О.Винокур, В.В.Виноградов), с другой стороны, они отражают внимание к развитию словообразовательной науки в других странах (ср. интерес Земской к чешским и словацким работам, отражающийся в рецепции М.Докулила при определении словообразовательной категории, Л.Дюровича и К.Бузашиовой при развитии идеи о словообразовательной парадигматике). Елена Андреевна занималась исторической изменчивостью определенных словообразовательных категорий и типов, как, напр., семантическим и функциональным развитием относительных прилагательных. Но она всегда обращала внимание и на происходящие на наших глазах изменения в словарном составе, свидетельствующие о деятельностном характере словообразования: окказионализмы, потенциальные слова, словообразование в тексте. В этих исследованиях, а также при изучении разговорной речи, Елена Андреевна углубляла наши представления о разных функциях словообразования — номинативной, синтакси-

* Работа выполнена при поддержке Фонда РФФИ (№ гранта 97-06/800015, Тема: "Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии")

ческой, экспрессивной — и о его связях с другими явлениями номинации.

История науки о словообразовании ждет еще обстоятельного изучения и описания. Корни ее восходят — еще в ранних русских грамматиках XVIII в., а также в русских универсальных грамматиках начала XIX в.— к интересу о природе "человеческого слова", о его функциях и о тех механизмах, с помощью которых из ограниченного запаса средств и правил создается "богатство языка" (ср. Ohnheiser 1988, 162 сл.).

1. В упомянутых грамматиках устанавливается аналогия между образованием слов и образованием понятий, которое также исходит из инвентаря элементарных понятий и все нового комбинирования последних. Словообразование характеризуется как один из способов удовлетворения номинативных нужд, вытекающих из познавательных процессов языкового общества.

> "... слово человеческое, по мере известных человеку понятий, в начале было тесно ограничено, и одними простыми речениями довольствовалось. Но с приращением понятий и само по малу умножилось, что происходило *Произвождением* и *Сложением*. Произвождение состоит в наращении складов, например: ...; от *рука, рукавица, руковядка, ручка, ручной*. Сложение бывает от совокупления двух или многих речений в сдино: *порука* из имени *рука* и предлога *по*; *рукомойник* от *рука* и *мою*. Сие рассуждай и о глаголах: *распространяю*, состоит из предлогов *раз*, *про*, и имени *страна*" (ЛОМОНОСОВ 1755, 28).

2. Отмечается различная реализация общих принципов словопроизводства в разных языках.

> "... в каждом языке (есть) некоторые коренные слова, от коих множество слов производится и сие словопроизводство следует в каждом языке особенным правилам" (ЯКОБ 1810, с. 76).

Обращается внимание на важность знаний о словообразовании, о морфемном членении для раскрытия значения незнакомых слов, для "разумного метода" овладения языком.

3. Осознается, что словообразование базируется на формально выраженных связях между словами одной и той же или разных частей речи. Отдельным отношениям производности можно приписать характерные семантические/номинативные группы.

> "Все роды главных частей речи могут быть коренными словами, и от каждого из сих можно производить слова выражающие тоже понятие, но другую часть речи. Таким образом от подлежащего могут производиться сказуемые, глаголы, союзы и предлоги... Подобным образом можно образовать слова, принадлежащие к тому же разряду, для выражения иногда другого свойства, или отношения.

Таким образом, н.п. 1. от подлежащего можно производить другие подлежащие; a) для означения малого, или великого, прекрасного или отвратительного, или других побочных определений такового подлежащего, b) для выражения сущности подлежащего в отвлеченном смысле, c) для показания деятеля, или виновника того же подлежащего, d) для показания рода и т.д. ...От подлежащих производятся также глаголы, посредством коих показывается бытие, происхождение, погибель, делание сего подлежащего и т.д." (ЯКОБ 1810, с. 77 сл.).

4. Отчасти уже отмечаются синтаксические функции определенных производных, напр., для сокращения высказывания. Отмечается также функциональный параллелизм между отдельными словообразовательными типами и словосочетаниями или предложно-именными группами (притяжательные прилагательные — родительный падеж, деривативные названия жителей — описательный оборот) — как внутри одного языка (напр., при нормативных или других ограничениях образования производного), так и при наименовании одного и того же денотата в разных языках (ср. ЛОМОНОСОВ и др.).

5. Для описания русского языка в грамматиках конца XVIII, начала XIX вв. характерна все более детальная инвентаризация словообразовательных средств и отношений.

При этом в грамматике ЛОМОНОСОВА еще бросается в глаза как бы противоречие между вполне осознанным разнообразием словообразовательных возможностей, отражающимся в вводной главе "О человеческом слове вообще" (ср. выше 1), и достаточно ограниченным числом словообразовательных типов, подвергающихся подробному описанию. К последним относятся лишь "произвождение притяжательных, отечественных и отеческих имен, и женских от мужеских" (ср. ЛОМОНОСОВ 1755, с. 94) и "имена увеличительные и умалительные" (с. 98). Отмечается, что "неправильнее всех" умалительные имен собственных (*Иван — Ванька, Ивашко* и др.), "которым не по правилам, но по употреблению учиться должно" (ЛОМОНОСОВ, с. 100; ср. у БАРСОВА с. 501: "... многие находятся не столь обще употребительные, как бы для развеселения выдуманные, напр., *Ваненька, Ванюк*".). Особое внимание уделяется, кроме того, глагольной префиксации (см. ниже 7). Таким образом, можно было бы предположить, что сначала в грамматики включаются именно те явления словообразования, которые, подобно морфологическим категориям, отличаются относительно высокой регулярностью и предсказуемостью реализации.

Заметно расширенное представление о словообразовании содержит грамматика А.БАРСОВА, хотя и он во многом, в Ленинградском списке иногда дословно, следует ЛОМОНОСОВУ, а именно при описании префиксальных глаголов — способов действия (ср. ниже 7) — и т.н. движения существительных (с. 496), т.е.

образования женских имен от мужских (ср. термин Motion, употребительный и в немецком словообразовании).

БАРСОВ исходит из "разделения речений" а) по "начертанию" (figura) на простые (simplicia) и сложные (composita) и б) по "виду" на первообразные (primitiva) и производные (derivata) (с. 63, с. 91).

По первому противопоставлению "простыми" словами, наряду с такими, как, *гнев* и *ходить*, могут быть и производные, как *милостивый* в отличие от сложного — в понимании БАРСОВА — слова *премногомилостивый*.

> "1.) Само собою ясно, что всякое сложное речение есть купно и производное, напр., *создаю* сложено из простого речения *даю*...
>
> 2.) На против того не всякое простое слово есть купно и первообразное, напр., *горный, чищу* суть простые слова, но не коренные..." (с. 91).

Описание образования сложных имен учитывает а) при "соединении двух или трех простых слов" частеречную принадлежность компонентов, как, напр., существительного и прилагательного *богомудрый, добродетель*, имени и глагола *миролюбивый, рукоплескание* (тут БАРСОВ исходит из части речи основ!) и др. и б) способ "приложения некоторых складов, точное и определенное знаменование имеющих или заимствующих оное из некоторых известных слов", напр., *Архиепископ, нещастие; человеколюбие, любомудрие* (с. 95).

По "виду" (species) слова делятся на "первообразные (primitiva), от которых есть происходящие другие речения" (*гнев; мил; милость*), на "производные (derivata), которые от первообразных происходят, чрез приложение к ним (на конце) одного или двух слогов впрочем незнаменательных" (напр., *гневный, гневливый; милость; милостивый*) и на "обоюдные, т.е. когда к простому речению и спереди присовокуплено что-нибудь, и на конце" (напр., *всемилостивейший, чужестранный* (с. 63, с. 91, 95).

БАРСОВ указывает на то, что одно и то же слово может быть и производным, и "первообразным": *светлый* является производным по отношению к *свет*, но "первообразным" по отношению к *светлость*. Подобную дифференциацию содержит современный термин "производящая основа". А учет ступеней производности отражается в следующей цитате:

> "Но собственно коренное слово, или главный корень есть такое первообразное, которое само ни от какого другого слова не происходит, а от него другие производятся беспосредственно, или постепенно, и бывает по большей части односложное, как напр., свет, от которого беспосредственно происходит *светлый*, а от сего ... *светлость, пресветлый;* отчего напоследок *пресветлейший, всепресветлейший*" (с. 65).

Далее, Барсов предлагает дифференцировать понятия "корень" как часть "первообразного", содержащегося в производном, и "начало" как — по современной терминологии — формообразующую основу (с. 65).

При рассмотрении "образования имен производных чрез приложение окончательных складов, не имеющих точно определенного знаменования от каковых либо слов заимствованного" (с. 96 сл.) бросается в глаза большее, чем в грамматике ЛОМОНОСОВА количество суффиксов (включая такие, служащие образованию имен деятеля, предметов и отвлеченных слов) *ба, ва, ж, ие, ство, ица, вна, ичь, ин, инка, ец, ище, ик, ок, чек, чик, ешек, щик, ка, нька, ушка, ко, цо, це, чко, ушко, ышко, ышек; ев, ав, ивый, вичь, ин, ын, ский, ск, стый, ственный, ный, шный* и др. Отмечаются случаи словообразовательной синонимии или вариантности (*Москвитин, Москвич; олончанин, олонец; красноселец, красносел*).

Подробное описание сосредотачивается, однако, опять-таки на избранных типах, как и у ЛОМОНОСОВА, но, в отличие от последнего, БАРСОВ уделяет, напр., большое внимание прилагательным на *-ский*, номинативной широте возможных основ, т.е. мотивации, изменениям на стыке морфем и синтаксической функции этих прилагательных (ср. с. 281). Отмечается семантическая дифференциация:

> "Примечания достойно то, что притяжательные усеченные часто относятся к единственным или известным, напр.: *перо Орлово*, т.е. моего, вашего и проч., словом известного орла. Но *перо орлиное* какого-нибудь орла и неизвестного" (там же).

Мотивация и значение производного отчасти включаются и в описание производных глаголов, "которые чрез приложение на конце и с начала разных слогов происходят", напр., от имен: *странствую, белею — страна, белый;* от местоимений: *свою, уничтожаю — свой, ничто*; от наречий: *такаю — так*; от предлогов: *приближаю — близь*, от междометий: *охаю — ох* и др. "Между производными замечательны а) начинательные (inchoativa) и кончатся на *ею: теплею, белею* и проч., б) учащательные кончатся на *аю, яю, бегаю, валяю, алкаю*" (с. 301). Описание сложных глаголов исходит из разных сочетаний глагольной основы с другими частями речи, напр., из имени и глагола: *благодарю*, из местоимения и глагола: *своеволю*, а также из "предлога" (несвязанного — И.О.) и глагола (ср. ниже 7).

6. Все большее внимание уделяется семантической стороне словопроизводства и системным отношениям в словообразовании. Если грамматика БАРСОВА отличается от "Российской грамматики" ЛОМОНОСОВА бóльшим инвентарем словообразовательных типов и более глубоким морфологическим анализом, то в изложениях И.ТИМКОВСКОГО (1811; Гл. II: Окончания производных

слов с их знаменованием) встречается целый ряд методов описания, который обычно связывается с более современными работами. Так, напр.,

а) учитываются — как мы бы сказали, пользуясь сегодняшней терминологией — категориальное значение деривата и категориальное значение производящего, причем бросается в глаза и "современный" метаязык описания, ср., напр.:

> "*ище, лище* ... предмет, в котором содержится, или над которым производится действие, первообразным означаемое" (с. 16).
>
> "*ние, тие* означают производство или бытие действия, или в переносном смысле вещь, содержащую оное действие" (с. 17).
>
> "Окончания имен ж. рода, производных от прилагательных, на *есть, исть, ость, ливость, тельность* и от причастия *мый* на *мость*, означающие пребывающее качество, способность либо производить от себя, либо принимать на себя действие" (с. 16).
>
> "Глаголы на *ичать*, сходно с именами кончающимися на *ик*, означающие пребывание в состоянии, или свойстве, или наклонность к учащению действия" (с. 16).

Кроме того, устанавливаются семантические параллели между суффиксами с различной категориальной принадлежностью, ср.

> "... как в производных прилагательных именах на *ивый* и *ливый* заключается учащение качества; сему подобно входят в глаголы окончания на *ивать... играть — игрывал* (учащение или многократность представляют...)" (с. 19).

Встречаются отдельные наблюдения, касающиеся семантической сочетаемости предлогов с основами, причем обращается внимание и на словообразовательную структуру последних, ср., напр.:

> "Есть глаголы простые, а особливо из средних, которые весьма мало предлогов допускают для произведения с ними других глаголов; к сему принадлежат так же производные на *ничать*, и *ствовать*, и сложные с именами и наречиями. Вообще же глаголы не со всеми предлогами совокупляются, или потому, что при других предлогах не имели бы смысла, или по неупотреблению; так что глаголы, чаще употребляемые в разных оборотах слова, больше изменений по предлогам получили" (с. 24).

б) наблюдается подход, близкий к установлению словообразовательных парадигм или гнезд, (ср. с. 14 сл. "Окончания производных существительных имен, означающих действие, свойство, принадлежность, с производными от них прилагательными, глаголами и наречиями, также с умалительными, увеличительными и к женскому роду от мужеского произведенными"), т.е. учитываются системные семантические связи между однокоренными производными, а также своего рода семантическое согласование между слово-

образовательными значениями производных разных частей речи, ср., напр.:

"Окончание наименований, производных от неопределенного наклонения глагола ... в мужеском роде на *тель*, в женском на *тельница*, с прилагательным *тельный*, и наречием *тельно*" (с. 14).

"Окончания на *авый, ивый, ливый, атый, ватый, оватый, истый* с наречиями на *аво, иво* и проч., кои означают казистое приближение к свойству или учащение и присвоение качества. Сии окончания во многих прилагательных имеют сходство с окончаниями существительных на *ость* и глаголов на *ивать*..." (с. 13).

в) указывается на семантическую дифференциацию одного и того же аффикса в различных производных в зависимости от значения производящего:

"Иногда сии прилагательные (на *тельный* — И.О.) означают свойство своего подлежащего производить действие, напр.: *питательный, убедительный*, как бы убеждающий, способный к тому; иногда свойство предмета принимать производимое над ним действие, напр.: *курительный*" (с. 14 сл.).

г) отмечается роль контекста при неопределенности значения изолированного производного:

"Слова, могущие означать то и другое (ср. в) — И.О.), получают определенное значение от своих существительных, как то *чувствительный* человек, который чувствует, *чувствительная* обида, которую чувствуют; но в случае двусмыслия таковые прилагательные неупотребительны" (с. 15).

д) учитывается стилевая принадлежность определенных типов, напр.:

"Окончания наименований, производных от изъявительного наклонения настоящего времени глагола, в мужеском роде на *ун*, в женском на *унья*; также в мужеском, женском и общем на *ага, яга, ака*, выражающие учащение и усилие действия или свойства, употребляемые больше в просторечии" (с. 16).

е) встречаются рекомендации стилистического характера, способствующие развитию культуры речи, напр.:

"Удобство словопроизведения на *ость* и *мость* великую приносит пользу в изобретении слов по предметам наук, искусств и общего употребления, однако служит нередко поводом к излишнему и неправильному принятию таких слов, напр. *полезность, бесподобность, ходячесть*, которые не только употреблением запрещаются, и лучше словами других окончаний, или иными оборотами речи заменяемы быть могут, но иные и самому смыслу коренных своих существительных или прилагательных и простых или с предлогами сложных слов противны являются. И для того вели-

кой требуется осторожности в сем словопроизведении. ...То же разумеется и об окончании на *ние* и *тие* (с. 17 сл.).

7. Описание именного словосложения во всех рассматриваемых трудах ограничивается перечислением возможных комбинаций по частеречным критериям (напр., "соединением предлогов с словами простыми", "совокуплением имен, местоимений и наречий с именами и глаголами"). Более интересные семантические наблюдения связаны с префиксацией, которая, как известно, описывается в грамматиках XVIII/начала XIX вв. в рамках словосложения, хотя различаются "предлоги" без самостоятельных соответствий ("совокупные" или "слитные" — *воз, вы, пре* и др.) и свободные ("отдельные" — *из, о, у, во* и др.) предлоги (БАРСОВ, ТИМКОВСКИЙ, ЯКОБ). Осознаются различные функции "глагольного словосложения": грамматическая (образование видов в сегодняшнем понимании) и словообразовательная и возможное их переплетение. Особый интерес представляет при этом тонкое описание префиксальных (и префиксально-постфиксальных) глаголов различных способов действия. В этой связи любопытен факт, что БАРСОВ (в Ленинградском списке с. 638 сл.) почти дословно и вплоть до примеров повторяет описание ЛОМОНОСОВА (1755, с. 158 сл.), так что можно подумать, что у БАРСОВА тут налицо лишь выписка ломоносовского текста. В рукописи БАРСОВА, а также в комментарии издателей, однако, нет ссылки на этот источник, ср.:

"Многие предлоги в прошедших и будущих совершенных временах наклонения изъявительного, повелительного и неокончательного служат к приданию особливого знаменования и силы глаголам, не имеющим того в своем начале, как то

1) Предлог *вы* значит приобретение — *выглядел. выплакал, вышутил*

2) *До* значит худой конец какого дела: ...*досмеялся* до слез.

3) *За* значит а) начинание деяния: *захрапел, захраплю, захрапи, захрапеть; заговорил, заиграл, засвистел* — т.е. *начал храпеть, играть*... б) плату и воздаяние изъявляет: *Я ему записал, заходил, замолотил, т.е. я ему заплатил письмом, ходьбою, молотьбою,* в) излишество скучное показывает: *Он меня заговорил, залгал, зацеловал, т.е. говореньем, лганьем, целованием наскучил.* г) С приложением *ся* или *ся* или *сь* значит излишество самому себе: *заговорился, заспался, т.е. излишно говорил, спал.*

4) *Из* предлогом изображается употребление всей целой вещи на что-нибудь, как: *исписал всю бумагу, изрубил на мелкие части.*

5) Предлогом *на* изъясняется а) вред: *наиграл много долгу, наплясал мозоль, беду наспал* б) изобилие: ...*навозить сена, начерпать*

воды в) Приложением *ся* показывается сытость: *наешься, наиграйся, наплачется...*"

Такому принципу следует и описание других префиксов, как, напр., *от-, по-, про-, раз-*, а в заключение упоминается возможная омонимия:

"Всех сих употреблений предлогов в прошедшем и других косвенных временах не должно смешивать с другими из тех же предлогов и точно так же сложенными глаголами *расписался* < *расписываюсь, т.е. даю роспиську* должно отличаться от *расписался — отчасу стал писать охотнее и проворнее. ...*".

8. При изучении источников встречается не устоявшаяся еще словообразовательная терминология, ср., напр.:

Общие понятия

знаменование **Барсов, Тимковский**
значение **Т**
xx значащие (имена) **Ломоносов**
означаться **Б**
наименование **Т**
Морфемное членение слова
первообразное (слово) **Л,**
коренное слово **Б**, корень **Б**
вид: первообразные (primitiva) и производные (derivata) **Б**
производные имена: собственно производные vs. изменения (≈ словоформы) **Б**
начертание: простые (Simplicia) и сложные (Composita), сложенные **Б**
сложное слово **Т, Якоб**
начало (≈ основа) **Л, Б**
склад (≈ слог, морфема, аффикс) **Л, Б**
слог незнаменательный (≈ суффикс) **Б**
предлоги **Л, Б**, совокупные или слитные, отдельные п. **Т**, praefixa, suffixa **Я**
окончательный склад **Б**, окончание **Б**, окончания производных **Т** (≈ суффикс /+ окончание/)
обоюдные (≈ сложносуффиксальные, префиксально-суффиксальные) **Б**

Основные понятия словопроизводства (формальная сторона)

произвождение (состоит в наращении складов), произведение слов **Л**
производить от себя, производиться **Л**, происходить от **Б**
словопроизвождение (etymologia) **Б** словопроизводство **Я**
приложение на конце и сначала разных слогов **Б**
сложение **Л, Т** (с. бывает от совокупления двух или много речений во едино **Л**)

составление слов **Я**
притяжательные усеченные (перо *Орлово*) **Б**

Обозначение разных групп производных (≈ словообразовательных категорий)

окончания производных с их знаменованием **Т**
притяжательные имена **Л, Б**
отечественные (или родину *значащие*) имена **Л, Б**
отеческие имена (*производятся* от притяжательных) **Л, Б**
движение существительных (ср. Motion) **Б**
женские, от мужеских происходящие **Л**
имена увеличительные **Л, Б**, (грубое и нежное знаменование имеют Л), увеличительные **Б**
имена умалительные **Л, Б** (ласкательные и презирательные Л), уменьшительные (ласкательные и презрительные) **Б**
начинательное **Б**, однократное **Т**, учащательное **Б, Т**, неопределенное знаменование глаголов **Т**

Таким образом, можно, и с точки зрения словообразования, поддержать мысль Х. Кайперта (1988, 95 сл.), что разработка истории русской грамматической терминологии, включающей и менее известные до сих пор источники, является насущной задачей русистики.

Однажды, вспоминая об отце, Елена Андреевна рассказала мне, что тот говаривал: "*Нет счастья больше, чем счастье конченного дела*". Я желаю Елене Андреевне, чтобы она еще много раз испытала это счастье.

ПРИМЕЧАНИЕ

Правописание цитат и примеров из рассмотренных нами грамматик передается в современном шрифте.

ЛИТЕРАТУРА

Барсов, А.А. (1981): Российская грамматика. Под ред. и с предисловием Б.А.Успенского. Москва.

Ломоносов, М. (1755/1982): Российская грамматика. (Факсимильное издание). Москва.

Тимковский, И. (1811/1984): Опытный способ к философическому познанию российского языка. Харьков. (Reprint in: J.Biedermann, G.Freidhof (ed.), Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812. Vol. II. München).

Якоб, Л.Г. (1812/1984): Курс философии для гимназий Российской империи. Часть вторая: Начертания Всеобщей Грамматики. С.Петербург. (Reprint in:

J.Biedermann, G.Freidhof (ed.), Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812. Vol. II. München.)

Jelitte, H. (1972): Altrussische Traktate über die Sprache (Thematik, Methodik, Terminologie). In: Die Welt der Slaven 17, 27–66.

Keipert, H. (1988): Terminologische Dubletten in I. Ornatovskijs "Novejšee načertanie pravil rossijskoj grammatiki" (Char'kov 1810). In: J.Biedermann, G.Freidhof (ed.): Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812. Vol. III. München, 95–112.

Ohnheiser, I. (1988): Probleme der Wortbildung in russischen Grammatiken der zweiten Hälfte des 18. und zu Beginn des 19. Jahrhunderts. In: J.Biedermann, G.Freidhof (ed.): Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812. Vol. III. München, 153–168.

Schütrumpf, M. (1984): Die Russische Akademiegrammatik von 1802. Eine sprachwissenschaftliche Analyse. München 1984.

Панов М.В.
(Москва)

ТРАНСФОРМЫ И НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

Нейтрализация — это неразличение в определенной позиции таких языковых единиц, которые в других позициях различаются.

Нейтрализация может мыслиться двояко. Распространено такое понимание: это утрата определенным признаком в данной позиции своей различительной функции, хотя в других позициях он является различительным. Такая трактовка присуща разным школам структурализма (за исключением Л.Ельмслева и других глоссематиков). Из такой трактовки исходил Н.С.Трубецкой во многих своих блестящих работах.

Так, согласный [с] (и все парные глухие) имеет различительный признак "глухость" — перед гласными, так как в той же позиции возможен противоположный признак "звонкость": *коса — коза*. На конце слова нейтрализованы [с] и [з], так как звонкий в этой позиции невозможен, поэтому нет противопоставления звонкости-глухости; [кос] = и *кос*, и *коз*. А если нет противопоставления, то глухость теряет свои различительные функции.

При таком толковании нейтрализации всегда оказывается, что нейтрализоваться могут единицы, материально сходные, имеющие ряд тождественных признаков, например, [с] и [з]. Какие-то признаки у двух (или нескольких) единиц совпали, нейтрализовались, но другие признаки сохранились, они позволяют признать, что нейтрализованы именно [с] и [з]: они оба согласные шумные, фрикативные, твердые, зубные.

В таком толковании нейтрализации она распространяется только на материально подобные единицы, с тождественными признаками. Бессмысленно при такой трактовке, говорить, например, о нейтрализации [о] и [а]: у них нет совместных признаков, которые могли бы, при нейтрализации, свидетельствовать, что речь идет о том же звуке, который дан вне нейтрализации, в сильной позиции.

Недаром и Н.С.Трубецкой, и все структуралисты игнорируют нейтрализацию фонем <а — о>.

Иной взгляд на проблему нейтрализации высказан в работах Московской лингвистической школы (МЛШ). Здесь понятие ней-

трализации целиком, последовательно базируется на исследовании позиционных чередований.

В разных позициях определенная языковая единица может претерпевать изменения, так что она целиком меняет свою характерность. Не отдельные признаки могут меняться, а вся единица как континуум. Что гарантирует позиционный характер чередования? Безысключительность мены. По принципу: дано условие — поэтому непременно следствие. Под ударением есть [а] после мягкого согласного. Меняем позицию: после мягкого, но в безударном слоге. Гласный [а] непременно, во всех полнозначных словах замещается звуком [и]: пять — пяти́, тя́нет — тяну́, сквозня́к — сквозняки́... и т.д.

Но есть и другой ряд: [о] под ударением, [а] в первом предударном слоге после твердого согласного, [и] в безударном слоге после мягкого согласного; например: нёс — несу́, тёмный — темне́ть, чёрный — чернеть.

Есть ряды позиционно чередующихся единиц. Они могут скрещиваться-сходиться в одной единице, представляющей в определенной позиции оба ряда (или несколько рядов). Вот так:

Под ударением:	а	о
Без ударения, после мягкого согласного:	и	

Нейтрализация "по-московски" — это скрещение рядов позиционно чередующихся единиц в определенной позиции, их совпадение в одной реализации. При этом вовсе не требуется: во-первых, чтобы нейтрализованные единицы были подобны (имели общие различительные признаки), нет необходимости и в том, чтобы единица в позиции нейтрализации походила на исходные единицы. Нужно только одно: чтобы отношения, которые обусловливают нейтрализацию, были позиционными отношениями. Материальная конкретность не выступает как стопор, ограничивающий изучение языковых отношений.

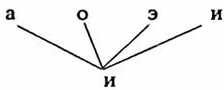
Если единица, следуя от позиции к позиции, может полностью меняться, то как доказать, что это изменения одной и той же единицы? Ведь критерий материального сходства (наличие одинаковых различительных признаков у меняющихся единиц) здесь отсутствует. Единство сущности, "протекающей" через позиции, обеспечивается тем, что меняющиеся, позиционно обусловленные факты входят в одну и ту же более высокую единицу: звуки — в одну и ту же морфему (*нёс — несу, тёмный — темнеть* ...), морфемы, которые являют чередование — в одно и то же слово (*ходить — хожу-ходок*...) и т.д. Этот критерий вызвал критику; был защищен и обоснован сторонниками МЛШ; сейчас мы не можем подробно заниматься этим вопросом.

Далее мы всюду принимаем "московскую" трактовку нейтрализации.

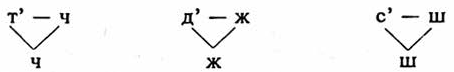
Явления нейтрализации пронизывают всю систему русского языка.

В фонетике. Примеры приводились выше.

Среди согласных немало случаев, когда нейтрализуются звуки, у которых ряд признаков тождественен, например, [т] и [т'] (*бросьте* и *кости*, ср. *косточка*), [т] и [д] (*обет — обед*). Разумеется, такие чередования принимаются в расчет, поскольку факт позиционного чередования бесспорен. Но есть большое число нейтрализации фонетических единиц, не имеющих общих признаков. Это характеризует многие нейтрализации и в области согласных и особенно — в области гласных. Например, нейтрализуются **согласные** [т — д — д' — ч']. Ср.: *отвести — отделить — отчистить...* Нейтрализуются **гласные** [а — о — э — и] все — с [и] в безударном положении: (*пять, пек, лес, чисто — на́ пять, выпек, и́з лесу, вычистить*). Если ограничить нейтрализацию случаями, когда сливающиеся единицы имеют фонетическую близость, то всеми этими случаями нейтрализации пришлось бы пренебречь; тем не менее слияние, неразличение данных фонетических единиц несомненно:



В морфонологии. *Лететь — лечу*; *лечить — лечу*; *городить — горожу*; *сторожить — сторожу*; *косить — кошу*; *сушить — сушу*... Чередования зависят уже не от фонетической позиции, а от морфологической: перед аффиксом инфинитива различаются морфонемы {т' — ч}, {д' — ж}, {с' — ш}; перед флексией 1-го лица ед. числа они совпадают. То есть:



Русская морфонология богата такими нейтрализациями.*

---

* См.: Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М. 1973, с. 102 и др. Существенно, что речь идет о сильных и слабых позициях, т.е. о нейтрализации морфонем. См. также: *Земская Е.А.* О понятии "позиция" в словообразовании // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. 1972. М. 1975; *Земская Е.А.* К проблеме множественности морфонологических интерпретаций. // Там же.

В словообразовании. Есть немало случаев, когда производное слово имеет две словообразовательные мотивировки. Впервые на эти случаи обратил внимание и дал их истолкование с точки зрения научной теории Г.О.Винокур. Мысль была подхвачена лингвистами, причем наиболее последовательно она была развита в работах Е.А.Земской.

Она пишет: "Производная основа может находиться в отношениях производности не с одной, а с двумя (реже — более) производящими основами... Например, наречия с приставками типа *пре-*, *сверх-*, *архи-* (*премило*, *превесело*; *сверхчисто*, *сверхбыстро*; *архимодно* и т.д.) могут быть образованы и от префиксальных прилагательных с помощью суффикса *-о* (*премилый — премило*, *превеселый — превесело*; *сверхчастый — сверхчасто*, *архимодный — архимодно*), и от наречий с помощью приставок (*мило — премило*, *весело — превесело*, *чисто — сверхчисто*, *модно — архимодно*)".*

То есть:



На определенной ступени словообразования (в позиции приставки *пре-*) нейтрализуются две словообразовательные модели. Оказываются одинаково реальны две дороги к производному слову.

В морфологии. В качестве примера приведем наблюдение Н.А.Янко-Триницкой. Сравним ряды:

видна река	видно реку
виден пруд	видно пруд
видно озеро	видно озеро.

Видно озеро в одном ряду — сочетание им. падежа с кратким прилагательным; предложение *видно озеро* — двусоставное. В другом ряду — это же сочетание *видно озеро* является безличным предложением, с предикативным наречием, а *озеро* — дополнение в винительном падеже. В одном случае позиция для *озеро* задана рядом *видна — виден — видно*, в другом — неизменяемым предикатом *видно*. В каком же падеже находится *озеро*? Одновременно в именительном и винительном. Какое предложение? Двусоставное

---

* *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. С. 67.

и вместе с тем односоставное безличное. Нейтрализованы морфологические и синтаксические единицы.

Н.Н.Дурново первый пришел к выводу, что в сочетаниях *быстро бежит*, *зорко видит*, *тихо поет* слова на *-о* надо рассматривать как форму прилагательного при глаголе. Прилагательное — часть речи, которая изменяется по падежам, числам и (в ед. числе) по родам. В приглагольной форме на *-о* все эти свойства утрачены, но так как это изменение позиционное — в позиции "при глаголе",— то этого достаточно, чтобы объединить (*смотрит*) *строго* и *строгий* (*взгляд*) в единое слово — прилагательное.

Часть речи — явление грамматическое. В частности, прилагательное — то, что изменяется по падежам, числам и в единственном числе — по родам. В позиции "при глаголе" (*смотрит весело*) оно теряет все эти качества. Почему же можно считать его прилагательным? Эта форма на *-о* позиционно соотносится с качественным прилагательным в его полных формах, оно "образовано от прилагательного": от качественных прилагательных систематически, безысключительно образуется приглагольная форма на *-о*; и всегда для обслуживания глагола. Отношения заставляют считать эти формы прилагательными.

С другой стороны, они полностью отвечают сути наречия: неизменяемые слова, которые назначены обстоятельственно обслуживать глагол. Следовательно, в этих формах на *-о* нейтрализованы прилагательные и наречия. Они — настоящие прилагательные и настоящие наречия.

Во всех случаях, приведенных как примеры нейтрализации, понятие нейтрализации требует "московского" ключа.

Когда речь идет о звуковых единицах, то во внимание принимается не их материальное сходство-несходство, а их поведение, те позиционные отношения, в которые они вступают,— система закономерных замен под диктовку позиции.

Когда речь идет о значимых единицах, и именно об их значимой стороне, то во внимание принимается не их близость или далекость по смыслу, по тому, что стоит за языковыми единицами, а именно языковое поведение языковых единиц. Так, в форме *видно* (см. пример выше) совпали предикат (обозначает бытие подлежащего) и определение (обозначает качество предмета). Реальные корреляты этих единиц различны, но языковое поведение сводит их вместе.

* * *

Дальнейшие рассуждения будут посвящены применению понятия нейтрализации к цепям трансформов.

Трансформами являются грамматические конструкции — предложения или словосочетания,— которые могут быть преобразова-

ны одна в другую по определенным законам; законы эти типовые, то есть относятся ко всем грамматическим конструкциям данного типа.

Простейший пример — страдательный и действительный обороты. **Всякий** страдательный оборот можно преобразовать в действительный по определенным правилам (общим для всех таких преобразований): *Этот рассказ написан Чеховым — Чехов написал этот рассказ.* Здесь важно слово *всякий*: правило относится ко всему типу таких конструкций. (Но не всякий действительный оборот может быть преобразован в страдательный: *Он берет обед*, но нельзя *Им берется обед.* Это наводит на мысль, что ряд трансформов может иметь направленность: от А к Б, но не от Б к А).

Другой пример: позитивная и негативная конструкции: *Николай разжег костер.— Николай не разжигал костра; Он разложил деньги на столе.— Он не раскладывал денег на столе.*

Чтобы признать, что два выражения связаны в качестве трансформов, нужно три условия: 1. В ту и другую единицу должны входить те же самые лексемы.* 2. Слова, грамматически связанные в одном трансформе, должны быть связаны и в другом. 3. Синтаксические конструкции, входящие в один и тот же ряд трансформов, должны рисовать одну и ту же ситуацию.

Первые два требования подверглись некоторым расширительным толкованиям (например, принята во внимание возможность синонимических замен); третье требование долгое время диктовалось жестко: необходимо отношение к одному и тому же куску реальности, нужно внеязыковое, материальное тождество трансформов.

Первым в отечественной лингвистике пришел к выводу, что третье требование не обязательно для трансформов, В.С.Храковский. Оказалось, что можно оказать доверие самому языку, регулярности его законов: если синтаксическая единица типа А закономерно, без исключений, преобразуется в Б, то это — свидетельство их языковой близости; близость обусловлена не фактами, стоящими вне языка, а самим языком.

Спор здесь тот же, что в фонологии: одни хотят внести в изучение языковой системы (в качестве ограничителя сближений единиц) звуковую, непосредственно-материальную данность, другие доверяют самим языковым соотношениям.

---

* Разумеется, не являются трансформами единицы: *Лев поймал зайца — Заяц пойман львом*, если в первом случае имеется в виду — *Лев Семеныч*, а во втором — *лев, царь зверей*. Омонимы — разные слова. А как быть, если понятийные значения одинаковы, а номинативные, назывные — разные? *Лев* — имя в обоих трансформах, но в одном контекст даст *Льва Семеныча*, а во втором — *Льва Христофорыча*? Вопрос кажется анекдотическим, но и на него нужен ответ. Предпочитаем уклониться от обсуждения этого вопроса.

И здесь: одни считают, что сами языковые связи недостаточны, вызывают недоверие; надо, в качестве гаранта трансформации, поставить условие: пусть оба трансформа (или несколько их) опираются на ту же реальную данность, на факт, на того же самого Семен Семеныча.

Однако ведь многие теоретики признают трансформами позитивную и негативную конструкции: *Семен Семеныч болен — Семен Семеныч не болен.* Ситуация совсем не одна и та же (хотя Семен Семеныч, возможно, один и тот же; но и это, кажется, не обязательно).

Можно показать, что трансформы находятся поблизости от понятия позиции. Сравним: *Маляры перекрашивают стены — Стены перекрашиваются / перекрашены малярами.* Если сказуемое-глагол дано в действительном залоге, то позиционно определены характеристики остальных членов предложения: существительное со значением активного деятеля — в им. падеже, со значением объекта действия — в вин. падеже. Если же сказуемое имеет страдательную форму, то в им. падеже стоит название объекта действия, в творительном — существительное со значением субъекта-действователя.

Поскольку трансформационные перемены оказываются сродни позиционным, то в ряду трансформов действует такое правило: два трансформа, входящие в один трансформационный ряд, не могут иметь одно и то же синтаксическое строение. Перемены должны быть обеспечены разными синтаксическими позициями одной и той же лексемы. Поэтому предложения: *Зрители приветствовали спортсменов — Спортсмены приветствовали зрителей* друг для друга не трансформы, хотя рисуют, может быть, одну и ту же ситуацию: спортивный парад. *Маша любит Сашу* и *Саша любит Машу* — принадлежат к разным рядам трансформов.

Принимая во внимание все сказанное, имеем право построить, например, такой ряд трансформов:

Николай выдумал интересный фокус.
Николай не выдумал никакого интересного фокуса.
Интересный фокус выдуман Николаем.
Интересен этот фокус, выдумка Николая.
Николаева выдумка... Фокус его... Интересный.

Это — тип отношений, к нему относится неограниченное количество трансформационных последовательностей. Например:

Медведь построил крепкую избушку.
Медведь не построил крепкой избушки.
Крепкая избушка построена медведем.
Крепка эта избушка, постройка медведя.
Медвежья постройка... Избушка его... Крепка!

И т.д.

Такой ряд трансформов всегда возможен при определенном семантическом классе избранного глагола и при существовании в языке отглагольного существительного, соответствующего взятому глаголу.

* * *

Сочетания типа *посещения больных*, *переводы Тютчева*, *поиски экспедиции* уже давно привлекают внимание филологов. Они скрывают два значения:

ему надоели посещения больных =
он посещает больных; его посещают больные;
очень ценны переводы Тютчева =
Тютчев переводит; Тютчева переводят;
поиски экспедиции =
экспедиция ищет; экспедицию ищут.

Они каким-то образом скрывают в себе два значения, внешне ничем не выдавая двоякость своего смысла. В них сталкиваются: единообразие, общий тип конструкции (отглагольное существительное + род. пад. субъекта-объекта) и никак внешне не выраженная двойственность значения.

Случаев омонимии в языке много, но не часто встречается регулярно образованные словосочетания, которые систематически рождали бы два смысла, никак не обусловливая своим строением такой двузначности. Известно (и знаменито) решение Н.Хомского. (Оно разработано не специально для таких сочетаний, а, по замыслу, применимо к любой синтаксической составной конструкции). Поскольку звуковое строение не помогает оправдать этот загадочный феномен, надо от него освободиться: "поверхностная структура", звуковая сторона элиминируется, устраняется. Составные части высказывания заменяются символами, условными (буквенными) обозначениями. Эти абстрактные обозначения преобразуются так, что раскрывается внутренняя смысловая структура синтаксической единицы; если она имеет два значения, обнаруживается суть их различия.

Где осуществляются эти преобразования отвлеченных смыслов, обозначенных символами? В языке? Нет, язык в самом существе своем есть знаковая система — он сочетает смыслы со звучаниями. Он коррелирует обозначение с помощью обозначающего и обозначающее с помощью обозначаемого, и вне этой корреляции не существует. При этом два значения только тогда являются в языке двумя значениями, когда они имеют в языке разные обозначения, разные звуковые сигналы. Критерии различения значений, способы их различения — прямые и косвенные, простые и сложные — в

звуковой стороне знаков. Отвлекаясь от связи "внутренней структуры" с "поверхностной структурой", мы оказываемся вне языка.

Принципы МЛШ, восходящие к Ф.Ф.Фортунатову, требуют:

1. При анализе языка, на всем протяжении анализа, речь должна идти о языке, т.е. о знаках, объединяющих обозначаемое и обозначающее. Пренебрегая на каком-то этапе исследования знаковой природой языка, мы подменяем его изучением операций мышления, психологических процессов и т.д.

2. Анализироваться должны отношения между звуковыми единицами (фонетика и фонология) и между значимыми (грамматика и лексикология); а также постоянная взаимная связь между этими двумя сторонами языка. Язык сам по себе не содержит ни звуков (они — только корреляты фонем), ни материальных данностей (они — только корреляты языковых значений).

Как выглядят в свете этих требований сочетания типа *посещения больных*?

Таких сочетаний — неограниченное множество: *порицание Сократа* (он порицает, его порицают), *регуляция автомата* (он регулирует, его регулируют), *обман лисы*, *уважение ареопага*, *разоблачения монахов*, *проклятие отшельников*, *украшение болвана*, *раскраска Симы*, *переводы Тютчева*, *поиски экспедиции*, *преследование Полифема*, *преобразования комиссии*, *порождение неразберихи*, *проверка бюро*, *производство линии конвейеров*, *обгон лидера*, *покупка киллера*, *укрывательство сообщника*, *колотьба драчуна* (он колотит, его колотят), *опровержение корреспондента*, *захват пиратов*, *ремонт стройконторы*, *открытие Менделя*...

Все такие сочетания предполагают два ряда трансформов:

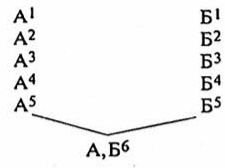
А больные посещают доктора,
больные не посещают доктора,
доктор посещается больными,
доктор не посещается больными,
посещения больными доктора,
посещения больных.

Б доктор посещает больных,
доктор не посещает больных,
больные посещаются доктором,
больные не посещаются доктором,
посещения доктором больных,
посещения больных.

Таким образом к сочетанию *посещения больных* ведут два пути, два ряда трансформов. Эти ряды нейтрализуются в одном словосочетании: посещения больных. Два трансформационных ряда и есть выражение этих двух значений. В сочетании *посещения больных* ней-

трализованы два значения род. падежа: субъект действия и объект действия. В остальных трансформах совпадения этих значений нет.

Схематически эти два ряда значений, выраженных трансформами можно представить так:



Нам кажется, что данное объяснение отвечает фортунатовскому принципу: два значения тогда признаются разными языковыми единицами, когда они имеют разное выражение в языке. (При этом звуковая материя нужна для того, чтобы построить разные языковые отношения). Здесь языковой характер смысловых различий выражен тем, что есть два разных трансформационных ряда.

Такого же толкования требуют и все остальные примеры, приведенные выше, а так же тысячи других, однотипных.

Нейтрализация бывает двух типов: неразличение только в выражении (*сома — сама*; *лететь, лечу — лечить, лечу*) и неразличение и в выражении, и в значении (*видно озеро*). У рассмотренных трансформов представлена нейтрализация первого типа.

Фортунатовские начала в языкознании предполагают верность двум исходным истинам: язык следует изучать как специфическую знаковую систему. Знаковую систему: значит, уметь находить обозначающее и обозначаемое, их связь. Специфическую — значит, не растворять ее в психологии, логике, в формах чистого мышления, в других потоках смыслов. Это — во-первых.

Во-вторых, по-фортунатовски, язык есть система чистых отношений. Пожалуй, это вытекает из "во-первых". Если язык специфичен, "особь статья" среди всего остального, то материальная данность, войдя в состав знака, начинает в языке жить особой жизнью: свои качества получает в сети функциональных связей и ими определяется. Поэтому не следует "оголять" язык, лишив его "поверхностной структуры", т.е. отделив от звуковой (фонемной) стороны: она глубинно связана со значениями.

Мы пытались в духе МЛШ истолковать природу сочетаний типа *посещения больных*. Это или удалось, или не удалось. Если не удалось, то надо ждать других попыток, более удачных.

Рената Ратмайр
(Вена)

Дорогой Елене Андреевне посвящается

ПРОСТИТЕ, ЕСЛИ ЧТО НЕ ТАК, ИЛИ К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ИЗВИНЕНИЯ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Извинения встречаются во многих коммуникативных ситуациях, в том числе и в официальной политической речи, ср. извинение Ельцина перед родителями жертв путча в августе 91-го года: "Простите меня, что не смог защитить, уберечь ваших сыновей". *(Известия 202/24.8.91:1)*

В данной статье, однако, мы ограничимся повседневными ситуациями из устной разговорной и профессиональной речи. Результаты базируются на примерах, взятых из разных блоков записей современного русского языка (см. библиографию), из прессы, из телепередач, из художественной литературы и пяти специально разработанных вопросников[1], а также из реально наблюдавшихся ситуаций. При этом учитывался тот факт, что с помощью вопросников можно установить не реальное речевое поведение, а лишь представление о норме. Поэтому вопросы были составлены на основании найденных в реальных речевых ситуациях особенностей употребления форм извинения. На этой эмпирической базе в статье рассматриваются прагматические аспекты извинения в русском языке, в частности, статус извинения как речевого акта и как реплики в дискурсе. Во втором разделе речь идет о случаях применения актов извинения, причем для яркости описания проводятся сравнения с другими языками.

1. Прагматические аспекты актов извинения

В человеческом общении извинение — это корректив ное действие, направленное на изменение оценки, которую адресат приписывает поступку говорящего. Целью извинения является символическая компенсация ущерба от некоторого негативно оцениваемого поступка и тем самым в итоге — желание как бы превратить этот поступок, который мог бы показаться неуместным или агрессивным,

в приемлемый (ср. Goffman 1974:156). Извинения ничего не изменяют на уровне фактов, действий и событий, а относятся к уровню отношений. Следовательно, наличие извинения зависит не столько от вызывающих его событий, сколько от таких личностных качеств говорящего, как, например, образование, вежливость, любовь к истине и отношение к партнеру по коммуникации. Далее будет показано, что сама формулировка акта извинения, в свою очередь, как раз зависит от типа ущерба и коммуникативной ситуации.

Извиняясь за какой-либо поступок, говорящий, с одной стороны, заботится о своем "имидже", как о вежливом человеке, который знает, как себя вести: хотя он реально и нарушает речевой или повседенческий этикет, своим актом извинения он демонстрирует, что он знает соответствующие правила и что их нарушение по определенным причинам представляет единичный случай (концепция Goffman 1971). Этому сопутствует выражение уважения по отношению к собеседнику. Следует добавить, что такая интерпретация противоречит Brown, Levinson (1987:68, 286), где акты извинения рассматриваются как способ повышения имиджа только адресата и снижения имиджа самого говорящего (с этой позицией спорит и Meier 1992:31).

Основные формы выражения актов извинения в русском языке следующие: формы императива совершенного вида глаголов *извинить* и *простить*: *извините*[2], *простите*, перформативная формула *прошу прощения*, стилистически маркированная возвратная форма *извиняюсь*[3], и гораздо реже употребляемые формулы: *виноват/а; пардон; каюсь; сорри; прошу пардону* [употребляется только в шутку]. Минимальные формулы могут быть дополнены усилителями, объяснениями, оправданиями, признаниями вины и др. (см. 1.1.).

1.1. Классификация извинений по прагматическим критериям

Чтобы объяснить функционирование извинений, можно применить известный кубик Leech (1977:24) для обусловленности вежливости: чем больше у адресата власти над говорящим, чем больше социальная дистанция между интерактантами и чем больше ущерб для адресата, тем больше и объем извинения. Так, например, все информанты в одинаковой ситуации "говорящий своим опозданием заставил адресата ждать" по отношению к своим начальникам сформулировали распространенные извинения: *Извините, ради Бога, я никак не смог прийти раньше; очень прошу меня извинить, меня задержали по неотложным делам*, а по отношению к матери, почти все без исключения, не извинялись вообще.

В фокусе извинений могут находиться как неконтролируемые действия (*Извини, но я проспал*), так и неконтролируемые последствия контролируемых действий *(Извини, я пылесосила (и при этом нечаянно уронила вазу); я это говорила без намерения тебя обидеть, если я тебя обидела, то беру свои слова назад. Ты только не сердись*

на меня). На основании экстралингвистических и лингвистических данных извинения подразделяются на три группы: метакоммуникативные извинения (извинения за отступления от коммуникативных постулатов Grice (1980) или от этикета дискурса, например: *извините за выражение; извините, я не хочу вас перебивать*), конвенциональные извинения (извинения за нарушение общих правил поведения, хорошего тона, вежливости, максимы такта (Leech 1983), например: *извините, я вас толкнул; простите, я не расслышал*) и, наконец, существенные извинения (извинения за нарушение личной сферы адресата — либо материальной, либо душевной, например, в ситуации "посуда", где говорящий разбил тарелку из красивого сервиза: *Ради Бога извините, я была так неосторожна. Какая жалость; что я наделал, простите ради Бога*).

Данные три категории извинений отличаются не только по степени нанесенного ущерба, но и по другим критериям:

— синтаксическая сложность формулировки: сложность формулировки растет пропорционально степени ущерба;

— позиция по отношению к ущербу: метакоммуникативные извинения, как правило, произносятся превентивно, а конвенциональные и существенные ретроспективно по отношению к каузированию ущерба;

— коммуникативные обязательства, возникающие в результате извинения для адресата: метакоммуникативные извинения остаются без реакции адресата, на конвенциональные — реакция факультативна, а на существенные — обязательна;

— позиция в дискурсе: спонтанные извинения не вызваны характерной репликой, спровоцированные же специальной репликой-упреком являются реактивной репликой (- *Вы что, не видели, что вы мне на пальто сели? — Ой, какой ужас, извините. Я встаю, действительно кошмар*);

— интенции и эмоции говорящего: спонтанные извинения являются попыткой аннулировать неуместное действие, как бы опережая упрек; спровоцированные же являются попыткой исправления post factum. Метакоммуникативные (как правило, спонтанные) извинения являются просьбой отнестись с пониманием к отступлению от нормы, конвенциональные — просьбой отнестись с пониманием или снисхождением к отступлению от нормы, а существенные являются просьбой простить;

— перлокутивный эффект: в соответствии с интенциями говорящего перлокутивным эффектом акта извинения является для метакоммуникативных понимание, для конвенциональных — понимание или снисхождение, а для существенных — прощение.

Сам ущерб может быть эксплицирован разными конструкциями, причем самые частотные — это прямой объект с союзом *за (Извините за опоздание)* и объектное предложение с союзом *что (Извините, что я опоздал).* Во многих случаях, однако, нанесенный ущерб остается

прагматической пресуппозицией и эксплицитно не называется, так как неязыковый повод для извинения очевиден из ситуации. Тем не менее и здесь могут случаться недоразумения, ср.:

— Я извиняюсь,— заговорил ошеломленный этим внезапным нападением Андрей Фокич,— я не по этому делу, и осетрина здесь ни при чем. [...]

— Я извиняюсь,— начал было опять буфетчик, не зная как отделаться от придирающегося к нему артиста.

— Извинить не могу,— твердо сказал тот.

— Я не по этому делу пришел! — совсем расстраиваясь, проговорил буфетчик. (НК: Булгаков, Мастер и Маргарита, 124)

Синтаксический состав извинения зависит от степени ущерба: метакоммуникативные извинения могут состоять лишь из императива *извини/те* или *прости/те*, причем эти глаголы являются синонимичными и их употребление зависит от возраста (старшее поколение скорее предпочитает *прости/те*) или просто от идиолектальных предпочтений. Конвенциональные извинения, в которых *извини/те* и *прости/те* тоже синонимичны, факультативно распространяются синтаксическими средствами, но обязательно сопровождаются устранением материального ущерба или выражением намерения это сделать, ср. право собеседника такое потребовать: *Извини, ради Бога, я сразу же вытру*; *— Ой, извини, я забыла хлеб.— Ну что тут извиняться, сходи сейчас!*

В существенных извинениях *прости/те* и *извини/те* не синонимичны: *извини/те* обозначает просьбу признать оправдание или смягчающие условия, другими словами, признать то, что вина говорящего не такая уж большая: 'прими/те мое оправдание и не считай/те меня таким виноватым'. *Прости/те, прошу прощения*: — это признание вины, сопровождаемое просьбой тем не менее не сердиться: '(больше) не сердись/ не сердитесь на меня, хотя есть основания'[4]. С этой особенностью связан тот факт, что извините не сочетается с признанием вины, ср.: *Простите [*извините], я так виноват перед вами.*

Существенные извинения, как правило, распространяются добавлениями: усилителями (*очень, тысячу раз, ради Бога*), признанием вины (*Ой, что я наделал; как я мог; ой, каюсь, я совершенно забыл; это я разбила; вот дурак*), предложением возмещения ущерба (*Я вытру; я куплю новый*); указанием на отсутствие намерения (*Я не нарочно; я не хотел...; это так получилось*); объяснениями (*Долго не было автобуса; ребенок заболел*) или обещанием не повторить отрицательно оцениваемый поступок (*Этого больше никогда не повторится; я больше не буду*).

Эллипсис самой формулы извинения возможен только для признания вины и обещания исправить поведение в будущем, указа-

ние же на отсутствие намерения не заменяет формулу извинения, ср. поговорку: *за нечаянно бьют отчаянно.*

1.2. Извинения как директивные акты

В русском языке извинения — это директивные акты, а именно просьба, касающаяся оценки действия партнера по коммуникации, и тем самым уровня отношений. Каким-то своим поступком приносящий извинения (в дальнейшем "говорящий") нанес ущерб, адресат извинения (в дальнейшем "адресат") отрицательно оценивал говорящего (автоматическое перенесение поступка на человека), а в некоторых случаях даже обиделся на него. Актом извинения говорящий старается добиться аннулирования отрицательной оценки. Если же извинение произносится предварительно, то говорящий хочет добиться того, чтобы такой отрицательной оценки не было, несмотря на неадекватный поступок. В существенных извинениях этот механизм реализуется полностью, а в случае конвенциональных и метакоммуникативных извинений — в сокращенном, как бы символическом виде.

В исследованиях об английском и немецком языках по данной проблеме акты извинения рассматриваются как типичный пример экспрессивных актов[5], в которых лишь выражается сожаление о случившемся (ср. Searle 1982:34, House, Vollmer 1988:115). На языковом уровне это выражается глагольными формами *I apologise, entschuldige/ entschuldigen Sie, verzeih/ verzeihen Sie*, причем широко употребляются формулы *sorry* и *tut mir leid* (дословно: *(мне) жаль*). Русское же выражение *жаль, мне жаль* в изолированном виде не употребляется как формула выражения извинения[6]. Статус экспрессивного или директивного акта, очевидно, связан со степенью десемантизации формулы извинения, см. ниже (2.3.).

2. Нормы употребления извинений как элемент культуры

В настоящем разделе извинения рассматриваются как явление культуры, причем указывается на некоторые особенности употребления данного акта речи в русском, в отличие от других языков, в особенности немецкого и английского. При этом учитываются результаты исследований Cross-Cultural Speech Act Realization Projekt (CCSARP, см. Blum-Kulka, House, Kasper 1989:1-36), в которых рассматривались извинения в еврейском, австралийском — английском, канадском — французском и немецком языках. Примененный там вопросник был адаптирован для носителей русского языка, и некоторые из выводов приводятся ниже[7].

2.1. Извинение в мужской и женской речи и влияние социального статуса

Исследования мужской и женской речи позволяют предположить, что женщины вообще больше извиняются, чем мужчины. Эмпирический материал подтверждает это предположение, например, в речи говорящих из Новой Зеландии (ср. Holmes 1989). Для английского же языка такого факта нельзя установить (ср. Fraser 1981:269). Такое же наблюдение верно и для русского языка. Е.Земская, М.Китайгородская, Н.Розанова (1993:113–120) показали, что перебивание основной темы разговора женщинами связано далеко не с женским стилем речи, а с их функцией хозяйки. То же самое верно и для извинения за перебивание разговоров со стороны женщин в ситуации "в гостях", ср. отрывок из разговора знакомых мужчины и женщины о выборах в народные депутаты:

> М.: Знаете/ у них выдвинули Коротича/ и еще какого-то неизвестного// Ж.: Да-а! Ну и как? М.: Боятся что у этого неизвестного/ поддержка большая// Ж.: Ой/ прости/ я суп посмотрю// (Земская, Китайгородская, Розанова 1993: 113).

Зато в русской речи можно установить разницу в предпочтении определенных формул: выражение стыда (*мне стыдно* и т.п.) встречается только у информантов-женщин, а формула *виноват* — только у мужчин. Это можно объяснить присутствием такой формулы в армейской профессиональной речи, где другие формулы отсутствуют, ср.: *Виноват, товарищ генерал*. Инициальное междометие "*ой*" характерно для женской речи, ср.: *Ой, забыла, извини ради Бога*, а инициальное "*черт возьми*" для мужской, ср.: *Черт возьми, забыл, извини*.

Однако, в ситуациях, где говорящий, то есть тот интерактант, который нарушил правило и тем самым нанес ущерб, в иерархии поставлен выше потенциального адресата извинения, наблюдается существенная разница: высокопоставленные мужчины, как правило, не извиняются вообще, в то время как из высокопоставленных женщин извиняется приблизительно половина опрошенных. Помимо реальных ситуаций, эти факты были проверены также и в вопросниках[8].

> Сит. 1 "Контрольная": Профессор обещал проверить контрольную и принести ее сегодня, но не успел этого сделать. Что он скажет студенту?
>
> Сит. 3 "Беседа с кадровиком": Устраивающийся на работу выпускник вуза, приглашенный на беседу в отдел кадров, вынужден был ждать полчаса, так как к назначенному времени кадровик еще не освободился. Какой разговор произойдет между ними, когда кадровик увидит ожидающего его посетителя?
>
> Сит. 13 "Места в ресторане": Начальник попросил секретаршу заказать места для большой делегации в ресторане. Он перепутал

дни и назвал неправильную дату, так что надо изменить заказ. Как начальник, после того как осознал свою ошибку, обращается к секретарше и какой происходит между ними разговор?

Дается только по одному типичному примеру заполнения: Сит. 1: — *Вы получите работу завтра, я был очень занят, не успел.* В этой ситуации 95,5% опрошенных на немецком языке выразили сожаление (ср. Vollmer, Olshtain 1989:210–211). Сит. 3: — *Проходите, садитесь. Ну, что там у вас? Я принес все свои документы.— Давайте посмотрим.— Давайте.* В этой же ситуации в немецком языке кадровики эксплицитно просили прощения даже в 54,2% вопросников (ср. там же). Сит. 13: *Марья Ивановна! Там ошибочка вышла. Измените, пожалуйста, заказ с 25-го на 28-е февраля.— Хорошо, Петр Никитич, непременно!* В последней ситуации за одним исключением и русские информанты женского пола не извинялись. Наряду с другими наблюдениями, этот факт подтверждает тенденцию к более открытому выражению иерархии в русском языке, в то время как в немецком иерархия в большей степени маскируется формулами вежливости[9]. Vollmer, Olshtain (1989:211) даже говорят о том, что в немецком языке есть тенденция к употреблению большего количества просьб о прощении, чем выражений сожаления со стороны высоко поставленных говорящих по отношению к незнакомым адресатам более низкого статуса. Эту тенденцию авторы объясняют старанием говорящего быть особенно вежливым и приветливым.

2.2. Фактор социальной дистанции

Для англо-американской культуры Wolfson, Marmor, Jones (1989:177–179) называют следующие нормы поведения, нарушение которых обязательно требует извинения:

1. Соблюдение деловых соглашений.
2. Уважение чужой собственности.
3. Не наносить ущерба или неприятностей другим людям.
4. Не делать других ответственными за собственное неблагополучие.
5. Не мешать другим людям, понимая, что нельзя обращаться к ним в любое время.
6. Правильно идентифицировать других людей, узнавать их и не путать ни с кем другим.

Все эти правила действительны и для русской культуры поведения, хотя, например, пятое правило действует в русской культуре менее строго, и то, что американец считает вмешательством в его личную жизнь, для русского человека — часто самая обычная забота о другом человеке. Для проверки соблюдения четвертого правила авторы включили в свои тесты ситуацию "экспрессивный рас-

сказ другу о проблемах", требующий обязательного извинения в американской культуре поведения. Данная ситуация была переведена на русский язык и включена в "контрастивный" вопросник:

> Сит. 31. Представьте себе, что Вы вчера были в плохом настроении, так как у Вас были неприятности с сотрудниками на работе. При случайной встрече с друзьями Вы об этом заговорили и возбужденно рассказывали о своих проблемах. Считаете ли Вы нужным за это извиниться при следующей встрече?

Ни один из русских информантов не считал извинение нужным, даже наоборот, нужно было бы извиниться за умалчивание неприятностей: ведь по русским правилам поведения в кругу своих нельзя отмалчиваться, то есть "если ты что-то думаешь, ты должен сказать", ср. Wierzbicka (1992:57), которая рассматривает разговор по душам как характерное явление русской культуры. Данный пример ярко свидетельствует о разной оценке индивидуальной сферы или территории в русской и англо-американской культуре: в русской культуре на первом месте стоит вежливость солидарности, выражение общих интересов, принадлежности к кругу своих (ср. Rathmayr 1996b), а среди близких извинения употребляются гораздо реже, ср. *Да что ты так извиняешься, свои же люди!*, в то время как англо-американская культура на первое место ставит соблюдение индивидуальной территории, дистанции и невмешательства. В этом же плане Wierzbicka (1991:50 и сл.) указывает на сердечность и теплоту человеческих отношений как более важные ценности общества, нежели формальная вежливость, которая всегда выражает какую-то степень дистантности. Минимизация дистанции, таким образом,— один из возможных мотивов для меньшей частотности извинений в русской культуре поведения.

2.3. Степень клишированности извинений

Стереотипность извинений следует рассматривать не как абсолютную величину, а как континуум. Она определяется, главным образом, двумя параметрами: стиранием лексического значения составляющих и предсказуемостью употребления извинения в стандартных ситуациях. В австрийской культуре есть целый ряд ситуаций, требующих формального извинения, которые в русской культуре поведения не нужны: во многих школах существует "бланк извинения" (Entschuldigungsformular), который заполняется родителями в случае отсутствия школьника с указанием срока и причин; в университетах за отсутствие на собраниях тоже принято извиниться с указанием причины, в протоколах есть специальная рубрика, где зарегистрированы участники собрания, которые заранее извинились за отсутствие, так называемые "прощенные" отсутствующие ("entschuldigt").

Еще один пример: в речи немецкоговорящих учеников и студентов приняты извинения за ошибки, например: *22 долларов.— Доллара.— Доллара, извините.* Это всегда удивляет русских преподавателей, которые к этому абсолютно не привыкли, и с русской позиции ошибка, вызванная незнанием, а не моральной виной, не служит поводом для извинения.

В официальной речи тоже широко употребляются извинения, например, в общественном транспорте: в Австрии принята формулировка: *Aus betrieblichen Gründen hat unser Zug 25 Minuten Verspätung. Wir bitten um ihr Verständnis* (По техническим причинам наш поезд опаздывает на 25 минут. Мы просим вас отнестись с пониманием к этому. В швейцарских поездах говорят: *Ich bitte um Entschuldigung für den unplanmäßigen Halt. Wir haben einen Stromunterbruch* (Прошу извинения за внеплановую остановку. Прервано электроснабжение; ср. Sitta 1992:551). Формулы извинения в таких ситуациях в русской поведенческой культуре не приняты: *отправление откладывается; вылет откладывается на три часа по техническим причинам.*

В качестве иллюстрации приведем еще один курьезный пример, требующий формального извинения за отсутствие на работе: Австрийская газета сообщает о городе во Франции (Tiroler Tageszeitung 18./19.3.95:26): Десятки людей в пятницу опоздали на работу в Клермон Ферран, так как неизвестными лицами были украдены ключи зажигания от электрички. В связи с неправдоподобно звучащим извинением начальник вокзала должен был выдать ряд официальных справок и подтвердить причину опоздания людей.

House (1989:311) показала, что носители английского языка существенно чаще употребляют формулы извинения, чем носители немецкого: в трех ситуациях 76%, 78%, и 65% vs. 67%, 52,5% и 37,5% соответственно. В общей сложности извинения в английском языке более стереотипизированы, чем в немецком, так что говорящие по-английски легче извиняются. Приведенные примеры из официальной речи показывают, что степень клишированности в русском языке еще меньше, что подтверждается и в других ситуациях.

Если, например, не удалось выполнить какое-либо служебное задание, даже вследствие заболевания или по другой не зависящей от говорящего причине, то и в этой ситуации — в случае отсутствия личной вины или ответственности — у немецкоговорящих социумов принято не просто указывать уважительные причины, но и эксплицитно извиняться за невыполнение задания. В таких ситуациях в русской поведенческой культуре извинения не столь обязательны. В русской речи в этом случае скорее употребляются формулы, указывающие на отсутствие ответственности со стороны говорящего:

— Как же так получилось, почему вы не...? — Ну, так вышло.

— Ну, что ты так сердишься, ты же знаешь, я не нарочно, это так получилось!

— Я понимаю, что подвожу вас, но у меня никак не получилось вчера. Я сделаю все возможное.

Очень большой объем работы. Не успел сделать. Завтра все будет готово.

Сравнительный анализ, таким образом, показывает, что русские извинения в меньшей степени конвенциализированы и в большей степени, чем немецкие или английские, содержат пресуппозицию признания вины.

3. Перспективы

Развитие языка за последние годы показывает тенденцию расширения употребления формул вежливости по западноевропейскому образцу в торговле, в том числе и формул извинения: традиционные вывески в магазинах *Закрыто на учет; Закрыто на обед* в некоторых местах заменили надписи: "*Извините, у нас учет*", "*Извините, у нас обед*", а в метро в некоторых местах можно даже найти извинение за неработающий эскалатор: "*Эскалатор не работает, извините!*" Интересно будет следить за тем, какое влияние такое развитие будет иметь на личные контакты и употребление извинений в разговорной речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вопросники опубликованы в: Rathmayr (1996a:220–232), в настоящей статье приводятся только отдельные ситуации из них. Вопросники были заполнены 23-мя информантами от 16 до 75 лет со средним и высшим образованием, самые младшие из них — студенты. Таким образом, все информанты — носители русского литературного языка, как в исследованиях Е.А.Земской (1973 и сл.). После заполнения вопросников со всеми информантами были проведены беседы, касающиеся проблемы извинений.

[2] Гловинская (1993:210) дает следующее толкование глагола *извиняться/извиниться*: 'X извиняется перед Y-ом за P = X сделал P, плохое для Y-а; X сожалеет о P, X хочет, чтобы Y простил его; X говорит словесную формулу, принятую для этого; X говорит это, потому что хочет, чтобы Y знал, что X сожалеет о P, и поэтому простил его'.

[3] Сами формулы *извини/те, извиняюсь* могут при определенной интонации и усиливать конфликт, вместо того чтобы его смягчить, ср. известный анекдот: *Абрамович и Рабинович поссорились и А. назвал Р. дураком. Вызывают А. на общее собрание и требуют от него извинения. А. на это отвечает: — Как же я буду извиняться, я сказал, уже не вернешь слово? — Ну, вы идите на трибуну и скажите: "Рабинович не дурак, извиняюсь". А. выходит на трибуну и говорит: "Рабинович — не дурак? Извиняюсь!"*.

[4] Парафразы найдены в дискуссиях с А.Шмелевым.

[5] Как известно, по Searle (1982:34), суть экспрессивных актов в том, чтобы выразить психическое состояние субъекта без ориентировки на окружающий внешний мир, в то время как суть директивных актов — в изменении мира, который должен соответствовать словам.

[6] В сочетании с формулой извинения *жаль, мне жаль*, употребляются, естественно, в функции усиления.

[7] Подробнее см. Rathmayr (1996a).

[8] Только в случае очень существенного ущерба извиняются и начальники-мужчины, ср. Сит. 14, для которой дается типичный пример заполнения:

Сит. 14 "Угроза увольнения": Директор обругал секретаршу, которая забыла подготовить материалы для заседания. Он на собрании даже грозил ее уволить, если такое повторится. Оказывается, что секретарша все, как положено, приготовила, однако директор взял материалы домой и забыл их там. На следующий день в бюро.

Директор: — *Марина Михайловна! Должен перед вами извиниться: я вас несправедливо обругал вчера. Материалы-то я сам дома забыл.*

Секретарша: — *Что уж теперь-то извиняться! Ведь все слышали!*

Директор: — Ах, я понимаю, это было ужасно! Ну, я обещаю на ближайшем собрании публично извиниться перед вами.

Секретарша: — *Да нет, не надо, теперь мне это уже как-то неловко, что из-за меня такой шум поднимать приходится.*

[Минимизация ущерба со стороны секретарши в последней реплике тоже весьма типична для иерархических разговоров].

[9] Такую же тенденцию можно наблюдать и в употреблении прямых и косвенных директивных актов, ср. Rathmayr (1994).

ЛИТЕРАТУРА

Гловинская М.Я.

1993 Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. Москва, 158–218.

Земская Е.А. (отв. ред.)

1973 Русская разговорная речь. Москва.

Китайгородская М.В., Земская Е.А., Розанова Н.Н.

1992 Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. Москва, 90–136.

Николаева Т.М.

1988 Лингвистическая демагогия. Прагматика и проблемы интенциональности. Логический анализ языка. Москва, 154–165.

Blum-Kulka S., House J., Kasper G.

1989 Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Norwood, New Jersey.

Brown P., Levinson S.C.

1987 Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 2. verb. Auflage.

Goffman E.

1971 Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation, Frankfurt a. M.

1974 Das Individuum im öffentlichen Austausch. Frankfurt a. M.

Grice H.P.

1980 Logik und Gesprächsanalyse. In: Kußmaul, P. (Hg.), Sprechakttheorie (= *Schwerpunkte Linguistik und Kommunikationswissenschaft 17*), Wiesbaden, 109–126.

House J.

1989 "Oh excuse me please ...": Apologizing in a Foreign Language. In: Kettemann, B., Bierbaumer, P., Fill, A., Karpf, A. (Hg.), Englisch als Zweitsprache. Tübingen, 303–327.

House J., Vollmer H.J.

1988 Sprechaktperformanz im Deutschen: Zur Realisierung der Sprechhandlungen "Bitten, Auffordern" und "Sich entschuldigen". In: Linguistische Berichte 114, 114–133.

Leech G.N.

1977 Language and Tact *(= L. F. U. T. Series A Paper or. 46)*. Trier. 1988;

1983 Principles of Pragmatics. London-New York.

Meier A.J.

1992 Brown and Levinson's Legacy of Politness. *Vienna English Working Papers 1/1, 15–35.*

Vollmer H.J., Olshtain E.

1989 The Language of Apologies in German. In: Blum-Kulka, S., House, J., Kasper, G. (Hg.), Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Norwood, New Jersey, 197–218.

Rathmayr R.

1994 Pragmatische und sprachlich konzeptualisierte Charakteristika russischer direktiver Sprechakte. In: Mehlig, H.R. (Hg.), Slavistische Linguistik 1993. München (= Slavistische Beiträge 319), 251–278;

1996a Pragmatik der Entschuldigungen (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe A, Neue Folge 16), Köln, Weimar, Wien.

1996b Sprachliche Höflichkeit. Am Beispiel expliziter und impliziter Höflichkeit im Russischen. In: Slavistische Linguistik 1995, München (= Münchner Slavistische Beiträge 342), 362–391.

Searle J.

1982 Ausdruck und Bedeutung. Frankfurt/Main.

Sitta H.

1992 Entschuldigen Sie bitte! In: Burger, H., Haas, A.M., von Matt, P. (Hg.), Verborum Amor. Studien zur Geschichte und Kunst der deutschen Sprache. Festschrift für Stefan Sonderegger. Berlin, New York, 544–558.

Wierzbicka A.

1991 Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin, New York.

1992 Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York, Oxford.

Wolfson N., Marmor T., Jones S.

1988 Problems in the Comparison of Speech Acts Across Cultures. In: Blum-Kulka, S. et al. (Hg.), *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies.* New Jersey, 174–196.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

PPP Тексты

Русская разговорная речь. Тексты. Москва. 1978.

Тексты диалогов информационной службы 09.

Корпус предоставлен кафедрой прикладной лингвистики МГУ и машинным фондом Института русского языка Российской Академии Наук. Москва.

HK

1993 "Hamburger Korpus", russisches Textkorpus, erstellt am Slavischen Seminar der Universität Hamburg.

UK

1994 "Uppsala Korpus", russisches Textkorpus, erstellt am Department of Slavic Languages der Universität Uppsala.

Е.В.Рахилина
(Москва)

СЕМАНТИКА ОТЫМЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ*

1. Настоящая статья посвящена семантике отсубстантивных прилагательных русского языка. К первооткрывателям этой темы, бесспорно, относится Е.А.Земская — отметим здесь ее интереснейшую статью "Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных", написанную в соавторстве с В.А.Белошапковой еще в 1962 году (см. [1]). В дальнейшем эта тема развивалась и во многих других работах Елены Андреевны (ср., например, [2, 3, 4]), причем с самого начала и всегда одной из важных составляющих ее подхода было то, что семантика отыменных прилагательных предсказуема, т.е. носитель русского языка не помнит в готовом виде значение лексемы, а порождает его по определенной "типовой" модели. В целом эта идея поддерживается и опытом работы Е.А.Земской с русской разговорной речью и ее исследованиями семантики новообразованных отыменных прилагательных в этой зоне языка (см., например, [4]). Однако такая точка зрения может вызывать и определенные возражения (см., в первую очередь, [5: 211–212]). Возражения эти сводятся обычно к тому, что то или иное прилагательное предлагается считать нестандартным с семантической точки зрения, т.е. не укладывающимся ни в один продуктивный семантический тип.

Представляется, что для того, чтобы снять подобного рода возражения или, наоборот, признать их, необходимо было бы провести, так сказать, полную инвентаризацию материала. Эта работа, в идеале, представляла бы двумерную таблицу, одним из входов которой были бы имена, образующие отыменные прилагательные, а другим входом — имена (нас будут интересовать только предметные имена) или группы имен, с которыми эти прилагательные могут сочетаться. На пересечении строк и столбцов этой таблицы давались бы интерпретации соответствующих сочетаний. Сопоставление интерпретаций разных клеток таблицы позволило бы выявить их семантические типы и, определив условия применения

* Настоящая работа выполнена при поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (проект № 9506-65-026 "Грамматика сочетаемости").

той или иной интерпретации, описать точные границы этих типов. В качестве примера ниже будет приведен фрагмент такого рода таблицы, касающийся прилагательных, образованных от имен из семантической группы с общим значением 'помещение':

	объект/ изделие	лицо	большее помещение	меньшее помещение
комнатный	растение собака		(трехкомнатная) квартира	
кабинетный	мебель	ученый		
купейный			вагон	
кухонный	мебель нож	мужик		
спальный	гарнитур			
столовый	гарнитур сервиз			
подвальный	окно	житель		этаж помещение
чердачный	лестница окно			этаж помещение

Вертикальным входом данной таблицы фактически служат не прилагательные, а производящие их имена со значением 'помещение' — и здесь приведенный фрагмент не полон, хотя и достаточно представителен. Горизонтальные входы представляют собой обобщение тех семантических групп имен, с которыми производные прилагательные вертикальной колонки (хотя бы некоторые из них) сочетаются, и это практически исчерпывающий список в данном случае, так что по данной таблице мы можем заключить, что, например, сочетания этих прилагательных с именами веществ или существительными, обозначающими период времени, по меньшей мере нестандартны, ср.: ?? *комнатный воздух,* ?? *кабинетный отпуск/январь* и под.

Что же касается приемлемых сочетаний, то их семантика легко предсказуема. Она определяется прежде всего локативной семантической ролью, свойственной названиям пространств, так что обычно *X-овый Y* интерпретируется как Y, (постоянно) находящийся в помещении X (ср. *кабинетный ученый, комнатное растение, кухонный стол* и проч.) В случае, если Y само является пространством — например, помещением, интерпретация зависит от соотношения размеров X и Y: либо X "вкладывается" в Y *(подвальное помещение*), либо Y в X *(купейный вагон).*

Обратим внимание на некоторые семантические особенности "разрешенных" сочетаний.

Во-первых, допускается только ***постоянное*** отношение двух объектов: если это изделия, то они связаны с данным помещением функционально: *кухонный нож* — это нож, предназначенный *для* использования на кухне; если это нефункциональный объект, то либо он осмысляется как функциональный (*комнатная собака* — это собака, предназначенная для использования в комнате, ср. *дворовая собака*), либо он связан с данным помещением постоянным локативным отношением, ср. *кабинетный ученый,* в отличие от **кабинетный маляр* ('тот, который красил кабинет').

Во-вторых, выражение постоянного отношения обязательно "совмещено с выражением качественной характеристики" [1: 20]. Это значит, что объект, описываемый с помощью отыменного прилагательного, должен иметь некоторую ***специфику*** — в нашем случае, столовый нож отличается от других ножей, спальная мебель — от другой мебели, кухонное ведро от других ведер и под. За счет этого требования стандартное отношение часть/целое описывается атрибутивной конструкцией крайне редко, ср. **комнатный угол, *коридорная стена, *кабинетное окно* — а именно, только в тех случаях, когда есть особая качественная характеристика, ср.: *вагонное/подвальное/чердачное окно, чердачная лестница.*

Вообще говоря, идея качественной характеристики подразумевает некоторое постоянное отношение между объектами, так что указанные два условия не независимы. Они создают для носителя языка своеобразный семантический стереотип атрибутивной конструкции, в которой прилагательное образовано от имени со значением 'помещение', так что, с одной стороны, сочетания типа ??*комнатный потолок* кажутся нам аномальными — например, потому, что здесь есть постоянное отношение, но нет качественной специфики,— а с другой стороны, если прагматический контекст данной ситуации "добавляет" нам особую качественную характеристику, мы легко (хотя и не бесконечно) расширяем круг приемлемых сочетаний с этими прилагательными.

Решение такой задачи — ***обратной*** по отношению к классификации атрибутивных сочетаний, принятой не только в русистике, но и, например, в англистике (ср. [6, 7]),— как нам представляется, могло бы пролить свет на то, в какой степени предсказуема семантика атрибутивных сочетаний с отыменными прилагательными, производными от предметной лексики.

В процессе этой работы обнаруживаются случаи нетривиального семантического поведения прилагательных. На некоторых из них мы хотели бы остановиться подробнее.

2. Обычно сочетаемостное поведение прилагательного определяется таксономической категорией исходного имени (это демонстрирует и приведенная выше таблица): близкие по смыслу лексемы имеют сходную сочетаемость. Наоборот, разные по своему

значению лексемы и даже значения лексемы (т.е. относящиеся к разным таксономическим классам) имеют разную сочетаемость — можно было бы сказать "разные сочетаемости модели". Ср., например, лексему *дорога*, имеющее, в частности, "материальное" и "абстрактное" значения, как в следующих примерах: *Лошадь стояла на дороге (= дорога$_1$)* и *Собираемся в дорогу (= дорога$_2$)*. Соответственно, прилагательное *дорожный* может быть образовано как от первого, так и от второго значения, ср. *дорожный$_1$ мастер / строительство / пыль* и *дорожный$_2$ чемодан / костюм / принадлежности / впечатления / знакомства* и под. Легко видеть, что модели сочетаемости этих значений прилагательного различаются. (Заметим, что данное противопоставление значений прилагательных представлено и в МАС, однако распределение примеров на значения, с нашей точки зрения, проведено там не всегда корректно).

Редкие исключения из данного правила все же случаются. Например, слова *деревня* и *село*, очевидным образом, принадлежат к одному и тому же таксономическому классу и в современном языке представляют собой практически синонимы (ср. МАС: *деревня* = 'крестьянское селение', *село* = 'большое крестьянское селение'); отметим, впрочем, отрицательные коннотации "провинциальности" и "неграмотности / невежества" у *деревня* (в отличие от нейтрального *село*), проявляющиеся, в частности, в переносных употреблениях типа *Ну ты, деревня!* (ср. также производное *деревенщина*), но, между прочим, полностью отсутствующие в обычных "прототипических" употреблениях типа: *Орловская деревня обыкновенно расположена среди распаханных полей* или: *В деревнях, как всегда, не хватало школ и больниц.*

Между тем, вопреки ожиданиям (а также вопреки МАС, практически отождествляющему семантику прилагательных *сельский* и *деревенский*), сочетаемость этих прилагательных различается весьма существенно. Говорят *сельская* (но не *деревенская*) *молодежь, интеллигенция, специалисты, газета*, и наоборот, *деревенский* (но не *сельский*) *воздух, платок, деревенское (*сельское) детство, деревенские (*сельские) избы* и под. Выясняется, что в противопоставлении *городской — деревенский — сельский деревенский* выбирается как характеристика уклада, противоположного городскому, т.е. близкого к природе (*деревенский / *сельский воздух, молоко, собаки, воробьи...*), а значит, патриархального (*деревенская / *сельская изба, баня, детство, плетень, сало* и под.) Особенно интересно сочетание *деревенская церковь,* которое описывает качественные характеристики объекта — это, скорее всего, церковь небольшая, небогатая, но уютная (заметим, что по старым правилам церковь — принадлежность не деревни, а села). Таким образом *деревенский* — это максимально удаленный от городского по своим качественным характеристикам, и здесь возникает поле деятельности для оценочного компонента. Так, патриархальный может осмысляться далее

как устарелый, в частности, недостаточно модный (об одежде) или недостаточно образованный (о человеке), ср.: *деревенское (*сельское) платье, деревенский (*сельский) родственник*. Прилагательное *сельский*, с другой стороны, лишено пейоративного компонента и в большой степени — яркости качественных характеристик, присущих прилагательному *деревенский*, поэтому оно используется как "нейтральное", в частности, при обозначении престижных профессий, учреждений и под., ср.: *сельский (*деревенский) учитель, врач, руководитель, специалист, покупатель, потребитель, гражданин; совет, милиция, суд, клуб, библиотека* и под.; ср. также: *деревенский (? сельский) пастух, сторож, деревенский/сельский священник, деревенский/сельский участковый*).

Другой пример не вполне стандартной модели сочетаемости отыменного прилагательного — прилагательное *морской*. Исходное существительное *море* принадлежит к классу емкостей, ср. *озерный, речной*, а также *баночный, бутылочный* и имеющих сходную интерпретацию *тюремный, дворцовый*, а также *комнатный, подвальный, чердачный* и под., см. выше.

Интерпретация сочетаний этих прилагательных с предметными именами такова, что соответствующий объект либо оказывается помещенным в данную емкость, либо является ее частью (при этом, как мы уже говорили, он должен быть связан с данной емкостью некоторым постоянным пространственным отношением и иметь особые качественные характеристики). Ср.: *морская/речная рыба, морской/речной/озерный песок, баночное/бутылочное пиво, пещерные люди, тюремные/дворцовые/подвальные/чердачные помещения, жители* и под. Большинство имен, сочетающихся с *морской*, "проходят" именно по этой модели: *ил, вода, песок, камушки, раковина, пещера, впадина, сокровища, пена, волна, рыба, животное, царь, утес, риф, дно, берег, мыс, залив*; к той же модели, видимо, следует отнести и названия морских профессий (*офицер, пехотинец*, даже *морской волк* и под.). В случае, если прилагательное, образованное от имени со значением 'емкость', сочетается с артефактом, интерпретационная модель атрибутивного сочетания немного меняется. Обычно артефакт представляет собой изделие, имеющее определенное назначение, поэтому прилагательное описывает не просто место нахождения, а место ***использования*** данного изделия: *морской бинокль, морской транспорт, морской катер* и под. (ср. здесь также *кухонный нож, садовая лопата* и др.).

Таким образом, мы описали почти все возможные сочетания прилагательного *морской* с именами предметов. Однако "остаток" никаким образом не укладывается в основную модель интерпретации, ср.: *морской воздух, буря, ветер, пространство, даль, ширь*. Например, *морской воздух* — это воздух ***над*** морем, *морское пространство* — пространство ***над поверхностью*** моря, а *морской*

ветер — и вовсе ветер, дующий *с* моря. Зато именно такая модель сочетаемости (т.е. именно эти имена как приемлемые существительные в атрибутивной конструкции) характерна для прилагательных, производных от имен, которые представляют другой таксономический класс — класс "безграничных пространств" типа *пустыня* и в особенности *степь* (к сожалению, не все имена этого таксономического класса образуют прилагательные).

Таким образом, прилагательное *морской* как бы раздваивается, демонстрируя в точности тот же эффект, который был показан выше на примере *дорожный*. Однако там речь шла о двух разных значениях производящего имени: *дорога* в значении места и *дорога* в значении ситуации. Что же касается имени *море*, то традиции различать у него два нужных нам в данном случае значения — значение емкости и значение пространства, насколько нам известно, нет (см., например, МАС). Заметим, впрочем, что употребления типа: *глубоко в море <двигались диковинные рыбы>* и: *далеко в море <показался слабый силуэт корабля>* довольно ясно демонстрируют это различие: в первом случае представлена интерпретация моря как емкости, а во втором — как пространства, и замена невозможна. Ср. также переносное значение, 'обширное пространство чего-либо' (*море поспевшей ржи*, *море людей* и под.), обычно отмечаемое в словарях. Впрочем, во многих употреблениях лексемы *море*, как кажется, возможны обе эти интерпретации одновременно, ср., например, *Море спокойно раскинулось до туманного горизонта* или: *Из моего окна хорошо видно море.*

Нам представляется, что лексема *море* лишний раз подтверждает распространенность такого явления, как ***сдвоенная таксономическая характеристика*** у предметных имен, ср. в этой связи описание лексемы *небо* в [8]; ср. также понятие сдвоенной денотативной характеристики в [9]. Имена со сдвоенной таксономической характеристикой — типа *небо* или *море* — представляют собой сложные (в частности, в типологическом отношении) объекты, совмещающие характеристики двух разных таксономических классов. Например, небо, по [8], это одновременно пространство и купол (т.е. пространство, ограниченное куполом), поэтому оно ведет себя в тексте то как поверхность (*звезды на небе*), то как пространство (*лететь в небе*), то совмещая обе идеи вместе (*ветер по небу гуляет*). С другой стороны, *море* — это очень большое пространство, ограниченное снизу емкостью с водой (или, наоборот, огромная емкость с водой, над которой — огромное пространство). Отсюда описанные выше эффекты с прилагательным *морской*. Аналогичную картину представляет, например, прилагательное *колодезный* (ср.: *колодезный ворот* — 'часть ***устройства***', но *колодезная вода* 'вещество, содержащееся в ***емкости***'). Ср. также: *фортепьянная пьеса* (соответствующий таксономический класс вы-

явлен в употреблениях типа *концерт для фортепьяно*), но *фортепьянная клавиатура* (ср. *поставить новое фортепьяно в ванной*).

Стандартная таблица сочетаемости имен с прилагательными, о которой мы говорили в начале статьи, позволяет "вычислить" сочетаемостное поведение прилагательного по таксономическому типу исходного предметного имени. В приведенных примерах, напротив, сочетаемостное поведение прилагательных выявляет нетривиальные таксономические характеристики имен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкова *В.А., Земская Е.А.* Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1962, т. V.
2. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
3. *Земская Е.А.* Относительные прилагательные как конструктивный элемент номинативной системы современного русского языка // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1991.
4. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
5. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика, 2 изд. М., 1995.
6. *Jespersen O.* et al. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part IV: Morphology. Copenhagen, 1942.
7. *Marchand H.* The Categories and Types of Present-day English Word-formation. Wiesbaden, 1960.
8. *Урысон Е.В.* Несостоявшаяся полисемия и ее типы // Семиотика и информатика, 1998, вып. 36.
9. *Падучева Е.В.* Об именных группах со сдвоенной денотативной характеристикой // Семиотика и информатика, 1979, вып. 11.

Р.И.Розина
(Москва)

ДАРЮ

(релевантный семантический класс глаголов обладания)*

Глагол *подарить* совершенно точно соответствует желанию, возникшему у автора данной статьи в связи с юбилеем Елены Андреевны Земской, и поэтому кажется уместным начать статью с экспликации его значения.

Для того, чтобы *подарить* что-то кому-то, недостаточно просто переместить предмет к тому, кому его дарят. Даритель обязательно должен дать знать даримому о своем намерении — например, сказать *Я хочу подарить это тебе (Вам) / Это тебе (Вам).* Иначе непонятно, какое действие было совершено — *подарить, дать* или *сунуть.* Даже в ситуации дня рождения, когда юбиляру заведомо известно, что приходящие гости приносят с собой *подарки*, отсутствие каких-либо сигналов того, что их именно *дарят*, может быть странным, ср. *Ни слова ни говоря, он сунул ей в руки цветы / сверток, перевязанный ленточкой* и т.п.

В некоторых случаях осуществления речевого акта достаточно для того, чтобы передача собственности состоялась — например, сказать *дарю*, назвав непосредственно находящийся рядом предмет или указывая на него, может быть достаточно, чтобы он был подарен, и *дарю* превращается в перформатив. Но если предмет находится вне досягаемости Бенефицианта, переход собственности может не произойти. Например, сказав *Я хочу подарить тебе свои серьги,* можно не достать их из шкатулки, в которой они хранятся. Поэтому в целом речевые акты являются необходимыми, но недостаточными компонентами действий по передаче собственности. Второй их обязательный компонент — какое-то иное действие

* Исследование выполнено в рамках проекта "грамматика сочетаемости", которым руководит Е.В.Падучева. В 1995–1998 гг. проект получал финансовую поддержку Российского фонда гуманитарных исследований (грант № 95-06-17044 и 97-04-06358). Автор глубоко признателен Е.В.Падучевой за постоянную помощь и А.Богуславскому за предоставленную в мае 1995 г. возможность работы над данной темой в его личной библиотеке в Варшавском университете и благодарит М.О.Кронгауза, Н.В.Перцова и Е.В.Урысон за высказанные ими плодотворные сомнения и ценные соображения.

Субъекта, в результате которого Объект становится физически доступным для Бенефицианта. Таким действием может быть перемещение предмета к Бенефицианту или же просто снятие физических преград между Бенефициантом и передаваемой собственностью. Например, чтобы *подарить книгу*, даже если на ней уже сделана дарственная надпись, нужно либо физически переместить ее к Бенефицианту, в доступное для Бенефицианта место (принести), либо просто сделать возможным, чтобы Бенефициант мог взять ее сам — например, открыть дверцы книжного шкафа. Лучше всего это бесконечное разнообразие действий может быть описано с помощью примитива 'do something with (to) smth', 'Субъект сделал нечто с чем-то', введенного А.Богуславским для действий Агенса, меняющих состояние Пациенса (Bogusławski 1994).

Таким образом, в значении глагола *подарить* сочетаются разнородные компоненты — речевой и физический.

1. Семантика глаголов обладания

Подарить — не единственный глагол, для которого характерна такая структура значения. Таким же образом устроен целый ряд глаголов из тематического класса обладания, описывающих приобретение или потерю собственности: *арендовать, взыскать, взять (у кого-то), вручить, дать, занять (денег), изъять, конфисковать, купить, наградить, одолжить, отнять (участок), отобрать (поместье), предоставить, премировать, приобрести, продать, подарить, реквизировать, снять (квартиру), угостить.* Например, чтобы *предоставить (комнату)*, нужно предложить занять ее (или согласиться на просьбу дать пожить в ней), отпереть ее и удалиться из нее самому или же просто дать ключ от нее; чтобы *продать* или *купить*, участники сделки должны договориться о цене, а затем осуществить передачу предмета или права распоряжаться им* и т.п.

В соответствии с критериями, выдвинутыми Дж.Остином, эти глаголы могут считаться одним из типов перформативов — экзерситивами (Austin 1962:154–156): речевые акты, являющиеся необходимыми компонентами описываемых этими глаголами действий, выражают принятие решения в пользу осуществления определенного действия, но не заменяют его, в отличие от "чистых" перформативов**. По сравнению с остиновским, мы несколько расширяем понятие экзерситива: осуществление действия, описываемого

---

* Важность компонента 'договор' в семантике глаголов *купить* и *продать* была отмечена в работе З.Зарон (Zaron 1972).

** Из перечисленных нами, в списке экзерситивов, приведенном Дж.Остином, упомянут англ. эквивалент глагола *дать (give)* и *наградить (grant)* (Austin op. cit.); в списке экзерситивов, приведенном Е.В.Падучевой (Падучева 1995:23) — глаголы *отнимать* и *предоставлять*.

одним из данных глаголов, не обязательно предполагает произнесение того же глагола в первом лице единственного числа действительного залога индикатива. Например, выполнение действий *отнять, одолжить, занять (денег)* в качестве "речевого сопровождения" предполагают произнесение каких-либо других слов, а не самых этих глаголов.

Глаголы обладания с речевыми компонентами противопоставлены глаголам, описывающие такое приобретение или утрату собственности, которые сводятся к простому физическому перемещению собственности (от одного Посессора к другому: *выиграть, завладеть, захватить, овладеть, ограбить, отнять (книгу), отобрать (нож), проиграть, украсть*) — или без второго участника: *заготовить, истратить, нажить, промотать*). Некоторые глаголы входят в оба списка. Так, *отнять* и *отобрать* в своих основных значениях — глаголы физического действия, а в производных — глаголы с речевыми компонентами, ср.:

Щенок и котенок поочередно *отбирали* друг у друга тряпку (из телепередачи). Солдаты *отняли* его [нож] у меня, когда вводили сюда (Булгаков).

Генерал *отнял / отобрал* у моей подруги участок (=заявил о своем желании иметь участок и сделал нечто, позволившее вступить во владение участком).

Для двух других глаголов — *дать* и *отдать* — можно говорить если не о двух значениях, то о двух кругах употреблений, в каждом из которых на первый план выступает одно из указанных значений — физического перемещения собственности или перемещения, сопровождающегося речевой деятельностью. Если Объект представляет собой относительно небольшой предмет, который можно перемещать руками, на первый план выступает значение физического действия, а речевой компонент затушевывается, ср.:

Она молча дала ему тарелку каши (= просто поставила перед ним); *молча отдал связку ключей* (= просто протянул по направлению к Бенефицианту руку с ключами)*.

Если же Объект представляет собой относительно большой предмет, который нельзя переместить руками, на первый план выдвигается значение, осложненное речевыми компонентами, ср. *Он дал мне машину зерна* (= дал кому-то указание, чтобы машину зерна привезли или же разрешил ее взять); **Молча отдала мне свою комнату.*

---

* Хотя сам факт того, что тарелка поставлена перед кем-то, как и то, что рука была протянута по направлению к Бенефицианту — скорее всего, ладонью вниз с висящими из нее ключами — может трактоваться как жест, эквивалентный словам *"Возьми"*, т.е. как семиотический компонент действия.

2. Свойства глаголов обладания с речевыми компонентами

Глаголы обладания с речевыми компонентами обладают рядом общих свойств. К ним относятся

а) затрудненность или невозможность интерпретации лексем несов. в актуально-длительном значении

б) наличие у лексем несов. значения предстояния

в) возможность употребления в конструкции

Р.(Ipfv), но не Р (PfV): *Дарили, но не подарили; дарили, но не взял.*

Рассмотрим связь этих свойств глаголов обладания с особенностями их семантики.

а. Затрудненность актуально-длительного значения. У всех без исключения глаголов обладания с речевыми компонентами невозможна или затруднена актуально-длительная интерпретация несовершенного вида, ср. *Она одалживает деньги у Пети* (актуально-длительная интерпретация невозможна; значение НСВ — тривиальное или предстояние); *Ира дарит Грише свитер* (актуально-длительная интерпретация возможна, но менее естественна, чем значение предстояния: 'собирается подарить'). В этом глаголы обладания-экзерситивы сходны с перформативами (ср. Апресян 1986), однако причина, по которой они не могут иметь актуально-длительного значения, иная. У перформативов отсутствие актуально-длительного значения связано с тем, что называемое ими действие осуществляется в момент произнесения глагола в форме первого лица действительного залога индикатива и длится ровно столько, сколько длится речевой интервал. У рассматриваемых глаголов это свойство — прямое следствие особенностей структуры их значения. Известно, что для того, чтобы глагол имел актуально-длительное значение несовершенного вида, должна существовать возможность представить действие как однородное. Сочетание в значении данных глаголов двух дискретных компонентов — речевого и физического — делает это невозможным.

Влияние сочетания речевого и физического компонентов на интерпретацию значения лексемы несов. хорошо демонстрируется на примере глаголов обладания, попадающих в одном значении в класс глаголов физических действий, а в другом — в класс глаголов с речевыми компонентами, ср.:

Котенок отбирает у щенка тряпку (лексема несов. имеет актуально-длительное значение).

Троекуров отбирает у Дубровского поместье (актуально-длительная интерпретация исключена).

Можно предположить, что сочетание речевого и физического компонентов действия всегда запрещает или, по крайней мере, затрудняет актуально-длительную интерпретацию лексем несов. и, исходя из этого, предсказывать особенности аспектуального пове-

дения глаголов различных тематических классов, а не только глаголов обладания.

б. Наличие значения предстояния. В форме первого и третьего лица действительного залога настоящего времени индикатива лексемы несов. глаголов обладания с речевыми компонентами имеют значение предстояния, ср. *Я одалживаю ему деньги на покупку квартиры; Он покупает дом* и т.п.

Это происходит потому, что речевой и физический компоненты описываемых этими глаголами действий могут быть разделены во времени. В ассертивной части толкования лексемы несов. этих глаголов — только речевой компонент 'Субъект дал знать Бенефицианту о том, что хочет...': *дарит* значит 'сказал, что хочет подарить', 'обещал подарить'; *конфискуют* — 'объявили, что хотят конфисковать' и т.п. Компонент 'физическое действие' является импликацией, которая возникает на основании постулата искренности Грайса: считая, что Субъект дал знать о своих намерениях искренне, можно ожидать, что при нормальном ходе событий он сделает нечто — переместит подарок к Бенефицианту *(подарит)* или, наоборот, имущество от его прежнего Посессора *(конфискует)*.

Теперь становится понятно, почему значение предстояния свойственно всем экзерситивам (см. Падучева op. cit.). Можно предположить, что наличие компонента 'речевое действие' в значении глагола, не являющегося глаголом речи, всегда порождает значение предстояния.

в. Употребление в конструкциях P(IpfV), но не P(PfV). Глаголы обладания с речевыми компонентами допускают употребление в конструкции 'P(IpfV), но не P(PfV)': *покупала, но не купила* 'договаривалась о покупке, но не заплатила денег / не получила товар'). Сходное употребление глаголов *давать, дарить* было отмечено Т.В.Булыгиной, которая назвала его употреблением в отношении неудачной попытки, например: *Дала тебе Маша билеты? — Нет, она давала, но я отказался; Моей любви просил он... Любить я не могла, И деньги мне дарил он — я денег не брала* (Лермонтов). (Булыгина 1982:82). Способность глагола *давать* к подобному употреблению отмечена также в работе (Гловинская 1982:124), где, в частности, приводится пример из Бунина: *На дворе тоже порядок. Три коровы, лошади две. Одна матка, трех лет, пятьсот, говорит, уж давали, да не отдал.* Значение *давать* в этом примере М.Я.Гловинская называет общефактическим нерезультативным. Если затрудненность или невозможность актуально-длительного значения несовершенного вида, равно как и значение предстояния характерны для всех глаголов обладания с речевыми компонентами, то третье их свойство — способность лексем несов. употребляться в конструкциях типа '*давали, но не дали*' имеет определен-

ное распределение. Естественно поэтому предположить, что это свойство связано не с самим фактом наличия в значении глаголов речевых компонентов, а с тем, какие именно это компоненты.

С точки зрения характера речевых компонентов и их роли в толкованиях можно выделить две группы глаголов обладания-экзерситивов:

а) действия с диалогическими компонентами

б) действия с использованием речевой формулы-ссылки на власть.

(а) Действия с диалогическими компонентами представлены такими глаголами, как *дать*, *предоставить*, *подарить*, *купить*, *продать*, *одолжить*, *занять*, *арендовать*, *снять*, *угостить*. Для того, чтобы совершить эти действия, один из участников должен каким-нибудь способом выразить свое желание получить собственность, а другой — согласиться расстаться с ней; или же, в другом варианте, один из участников должен выказать желание расстаться с собственностью (например, сказать "Возьми", протянуть вперед руку с каким-нибудь предметом или дать объявление "Продаю..."), а второй — принять предложение.

Первый сценарий представлен глаголом *одолжить*, а второй — глаголом *угостить*.

Для того, чтобы *одолжить денег*, один из участников должен высказать просьбу — сказать *Одолжи* или *Дай на срок*, а второй — выразить согласие и переместить деньги.

В ситуации *угостить (Сосед угостил Демьяна ухой)* один из участников, сделав физически доступным то, чем он располагает (еду, питье, сигареты), должен высказать желание, чтобы другой воспользовался частью этого (съел, выпил или выкурил); другой — согласиться и сделать это.

(б) Действия с использованием речевой формулы-ссылки на власть представлены глаголами *конфисковать*, *реквизировать*, *изъять*, *наградить*, *вручить и премировать*. Для того, чтобы выполнить эти действия, необходимо сослаться на право, данное властью или законом — произвести речевую формулу, включающую ссылку на власть: *Именем закона / короля / революции...*, *Приказом Минобороны...* или известное *От имени и по поручению...* . Особенность глаголов этой группы заключается в том, что роль Агенс в их модели управления может быть расщеплена на две — Субъект волеизъявления и непосредственный Исполнитель действия. В предложении *Главлит изъял повесть Солженицына из библиотек* *Главлит* является Субъектом волеизъявления, в то время, как в предложении *Большевики конфисковали церковные ценности* неизвестно, являются *большевики* Субъектом волеизъявления или же непосредственным Исполнителем. Наконец, в предложении *Солдаты реквизировали всех лошадей в деревне* солдаты — непосредственный Исполнитель. При этом действие каждого из Субъектов — и

Субъекта волеизъявления, и непосредственного Исполнителя включает речевой компонент: Субъект волеизъявления сообщает о своем желании лишить кого-либо имущества и обращается к непосредственному Исполнителю, а непосредственный Исполнитель осуществляет изъятие имущества, ссылаясь на власть, данную ему законом, решением, указом Субъекта волеизъявления*. Синтаксическим субъектом глаголов *наградить* и *премировать* может быть только Субъект волеизъявления, а глагола вручить — только непосредственный Исполнитель, ср.: *Командование наградило/премировало Иванова часами; Командир вручил их Иванову перед строем.*

Употребление в отношении неудачной попытки допускают все глаголы с диалогическими компонентами, а из второй группы — глаголы *наградить, премировать* и *вручить*. Условием успешного выполнения действия, описываемых глаголами с диалогическими компонентами, является согласие на высказанную просьбу или же предложение и совершение ответного действия. Ср. следующее описание передачи наследства из Достоевского:

> Старичок *вручил* ему щепоточку денег. Сумма оказалась ничтожною; это был остаток проданного с молотка отцовского наследия. Ордынов равнодушно *вступил во владение*, навсегда откланялся опекуну своему и вышел.

Однако глаголы этой группы предполагают равное положение участников, и один из них может отказаться. В этом случае глагол приобретает значение неудачной попытки, ср.

Сосед настойчиво угощал Демьяна ухой, но он не ел.

Участники действий со ссылкой на власть, которые описывают глаголы второй группы, неравноправны. Один из них (Субъект действия) является лицом, имеющим официальный статус и облеченным властью. Выполнение действия не зависит от согласия/несогласия второго участника, и глагол не может иметь значения неудачной попытки, ср.: **У него конфисковали лошадь, но он не подчинился.*

Объяснить возможность употребления глаголов *наградить, премировать* и *вручить* в отношении неудачной попытки нельзя никаким иным образом, как только признав наличие и в их значениях

---

* Таким образом, эти глаголы дополняют список глаголов с регулярной многозначностью по модели 'действие' — 'каузация действия в свою пользу' (Апресян 1995:209). В то же время они отличаются от *шить (платье в ателье), строить дом* и др. наличием двух речевых компонентов в толкованиях и тем, что их двузначность снимается не контекстом, а только благодаря пониманию характера Субъекта, основанному на прагматическом знании.

диалогических компонентов. Действительно, отношения между лицом, облеченным властью, и вторым участником ситуации награждения не так жестки, как в ситуации изъятия имущества, и диалог между ними возможен, ср.: Тут все окружили Алису, а Додо торжественно *вручил* ей наперсток и произнес: "*От имени всей честной компании* прошу вас не побрезговать этим памятным подарком в форме наперстка". На этом Додо закончил свою речь, и все захлопали в ладоши. Алисе эта церемония показалась донельзя несуразной, но Додо взирал на нее так серьезно, что она не посмела улыбнуться. *Так и не придумав, что сказать, она молча поклонилась* и торжественно *взяла* наперсток (Кэрролл).

Поэтому, хотя глаголы *наградить, премировать* и *вручить* и были отнесены нами ко второй группе, на самом деле они находятся на пересечении двух групп. В ситуации награждения возможен и отказ, ср.:

Его награждали Нобелевской премией, но он отказался.

Таким образом, можно говорить о существовании релевантного семантического класса* глаголов обладания с речевыми компонентами. Все они обладают общей структурой значения и свойствами, два из которых разделяются всеми этими глаголами, поскольку основываются на наличии в их толкованиях речевых компонентов, а третье распределяется между ними определенным образом, поскольку коррелирует с характером речевых компонентов. Класс глаголов обладания с речевыми компонентами противопоставлен физическим глаголам приобретения и утраты собственности.

Это предположение хорошо согласуется с анализом центрального понятия обладания, которое выражается англ. *to have,* нем. *haben,* польск. *mieć*, русск. *быть у*, предложенным А.Вежбицкой. Вежбицка считает, что оно не является семантически простым и эксплицирует его с помощью двух компонентов:

У X есть Y

(а) существует такой Y, с которым X имеет право делать все, что хочет

(б) другие люди хотят, чтобы X имел право делать с Y все, что хочет.

Но бывает, что понятие обладание исчерпывается одним первым компонентом (Lenartowicz 1984). Это происходит, когда речь идет о простом наличии чего-нибудь, и обладание в этих случаях

---

* Т.е. такого класса, в котором наличие определенного семантического признака/признаков или их конфигурации мотивирует особенности поведения глаголов, в частности, их аспектуальные характеристики (определение релевантного класса сформулировано в Кустова, Падучева 1994:102).

имеет чисто пространственный смысл: Y находится в пределах непосредственной досягаемости X. Например, можно сказать, что у пса есть кость, если он держит ее в зубах или лежит рядом с ней, охраняя ее.

Таким образом, можно говорить о двух глаголах 'иметь': 'иметь 1', выражающем простой концепт обладания, сводящийся к наличию объекта в непосредственной близости от Посессора и 'иметь 2', выражающем концепт обладания, оговоренного правом. Иллюстрация этого — неоднозначность вопроса *У тебя есть зонтик?* Он может пониматься как вопрос о том, находится ли какой-либо зонтик в пределах досягаемости X в данный момент (и ответом может быть *Да. Я взяла с собой мамин*), например, в ситуации дождя, и как вопрос о том, есть ли такой зонтик, которым X может распоряжаться и который другие люди считают принадлежащим ему.

Глаголы рассмотренных нами двух классов — описывающие приобретение или потерю собственности как ее физическое перемещение от одного Посессора к другому и описывающие действия с собственностью, осложненные речевыми компонентами, могут быть представлены, соответственно, как содержащие в своих толкованиях 'иметь 1' и 'иметь 2'.

При этом толкования глаголов с 'иметь 1' могут быть достаточно сложными, ср., например *нажить* и *заготовить*. Помимо компонента 'Субъект переместил Объект к себе' они включают указание на деятельность Субъекта, предшествующую перемещению. *Нажил* предполагает, что Субъект действовал (работал) в течение долгого времени или всей жизни, что приносило ему деньги или вещи, которые он копил; а *заготовил* — что Субъект каким-то образом воздействовал на материал (обрабатывал его) и лишь затем перемещал его к себе, чтобы использовать впоследствии.

* * *

У глагола *подарить* есть уникальный семантический признак, который позволяет противопоставить его всем остальным глаголам обладания с речевыми компонентами: 'считая, что предмет, который он передает Бенефицианту, представляет собой некоторую ценность, Субъект действия хочет, чтобы Бенефицианту было хорошо'. Не претендуя на первое (но все же слабо надеясь, потому что иначе — зачем дарить), автор данной статьи искренне желает Елене Андреевне Земской второго.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Изд. 2-е. М., 1995.

Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Известия ОЛЯ, М., 1986, т. 45, № 3.

Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола // М., 1982.
Кустова Г.И., Падучева Е.В. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания, М., 1994, № 4.
Падучева Е.В. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1995.
Падучева Е.В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
Austin J. How to Do Things with Words. Cambridge (Mass.), 1962.
Bogusławski A. Semantic primes for agentive relations // Sprawy słowa. Warszawa, 1994, p. 330–352.
Lenartowicz B. Case Forms as Exponents of Possession in English and Polish // Neofilologika, Katowice, 1984, t. 4 (Prace naukowe Uniwersitetu śląskiego w Katowicach, № 618).
Wierzbicka A. Dozcekania semantyczne, Wrocław, 1979.
Zaron Z. "Kupić", "sprzedać", "zarobić", "ukraść" (niektóre słowa z elementem "mieć" // Semantyka a słownik, Wrocław e.a., 1972, s. 179–190.

З. Рудник-Карват
(Варшава)

О ФУНКЦИЯХ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХ И УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТЕ

1. С тех пор, как Карл Бюлер выделил три функции языка, проявляющиеся в актах речи: функцию сообщения (Darstellungsfunktion), экспрессивную функцию (Ausdrucks-funktion) и функцию апеллятивную (Appelfunktion), определение сущности и количества функций языка не перестает интересовать лингвистов. Проблемы функционирования языка находятся в фокусе внимания многих исследователей. Большое значение для развития современной лингвистики имела разработка теории речевых актов (Дж.Остина, Дж.Р.Серла и др.). Эта теория получила широкое распространение и дала импульс новым исследованиям*.

В контексте функционального описания языка изучаются различные аспекты языковых явлений, в том числе и словообразование. В словообразовании проблема функции является одной из центральных, от решения которой зависит как общая концепция, так и более частные вопросы словообразования. Эту проблему рассматривает в своей книге Е.А.Земская [Земская 1992]. Подход автора к функциям словообразования в языке и в тексте считаем плодотворным. В отличие от других лингвистов, Е.А.Земская выделяет функции словообразования по различным коммуникативным установкам говорящего, с динамической, а не статической точки зрения. В связи с этим приводится четкое разграничение пяти функций словообразования: собственно номинативная, конструктивная, компрессивная, экспрессивная и стилистическая. Одновременно подчеркивается, что номинативная функция свойственна всем производным, потому что, будучи словами, именуют. Поэтому для уточнения вводится определение собственно номинативной функции.

На наш взгляд, разграничение понятий номинативной функции словообразования, состоящей в создании новых слов (ср. польское определение funkcja nominacyjna, nazwotwórcza), и функций, отра-

* См. в связи с этим [Grzegorczykowa 1991]

жающих различные коммуникативные установки говорящего, крайне важно.

2. В литературе по словообразованию много внимания посвящается вопросу, как делаются слова и как сделаны слова. Это естественно. В нашей статье для наших целей мы избрали другую точку отсчета. Нас интересуют функции словообразования в построении текста (речи), их актуализация (почему, в каких целях и как употребляются производные в речи).

Мы ставили своей задачей освещение некоторых проблем соответственно с принятым подходом. Предлагаемый подход считаем одним из возможных.

Предметом исследования послужили производные, которые в работах по словообразованию определяются как деминутивные (уменьшительные) и увеличительные существительные, другие деминутивные и увеличительные производные используются лишь частично. Экспрессивная функция модификационных прилагательных и наречий рассматривалась Э.Янус [Janus 1986 и др.], семантические и прагматические аспекты экспрессивных конструкций были предметом исследования Р.Гжегорчиковой [Grzegorczykowa 1978].

Мы исходим из положения, что словообразовательные функции реализуются в типичных коммуникативных ситуациях и определяются интенциями говорящего. От того, сможем ли определить эти интенции, зависит правильное установление функций словообразовательных форм, употребляемых в речи.

Исходя из трех основных функций языка, выделенных Бюлером, мы устанавливаем соответственно и три функции словообразования, реализуемые в рассматриваемых производных: функцию сообщения, экспрессивную функцию и воздействие на адресата (побудительную функцию).

Под функцией сообщения понимаем общую функцию информирования говорящим о ситуации. Экспрессивную функцию трактуем как функцию выражения субъективных чувств и оценок говорящего. Под побудительной функцией понимаем функцию воздействия на адресата, побуждения адресата к действию.

3. **Функция сообщения** деминутивных и увеличительных производных реализуется в высказываниях, информирующих адресата о величине денотата (предмета), главным образом, пространственной. Выделяются две группы производных, которые определяют предметы по критерию 'маленький' — 'большой' среди других предметов, относящихся к данному классу, напр. **домик, городок, уличка**; **домище, городище**; польск. **domek, miasteczko, uliczka, talerzyk**; ogromne **domisko**. Примеры: К XVI в. Московская Русь была усеяна городами, **городками**, слободами (Греков. Крестьяне на Руси); Przechadzając się po długiej sieni **zamczyska** wawelskiego raz po raz zaglądali przez drewnianą kratę do obszernej [...] komnaty (Parnicki,

Srebrne orły). Часто информация о маленьком/большом размере сопровождается положительным или отрицательным отношением говорящего к данному предмету. В этом и выявляется роль говорящего или мыслимого им наблюдателя, устанавливающего такое подразделение предметов, напр. **Городишко В.**, состоящий из двух-трех кривых улиц, спит непробудным сном (Чехов, Аптекарша); Stoi tam duże ponure **domisko**. (О совмещении отрицательной и положительной экспрессии у существительных с увеличительными суффиксами см. И.Дулевичова [Dulewiczowa 1976].

В связи с этим некоторые лингвисты относят эти производные к сфере экспрессивного словообразования, считая что они выполняют не столько функцию размерной квалификации, сколько субъективно-оценочную, экспрессивно характеризующую [Земская 1992:147]. Другой подход представлен в Грамматике современного польского языка в разделе, посвященном словообразованию [Gramatyka 1984: 366—370], где выделяются как деминутивы и увеличительные производные, так и экспрессивы. Возникает вопрос, являются ли эти различные описания результатом разных взглядов на объект исследования или выявляют различия между русским и польским языком?

По нашим наблюдениям, в русском языке уменьшительные производные только как размерные употребляются очень редко, реже чем в польском. Мы не нашли собственно размерных увеличительных производных, но и в польском они довольно редки. Для того, чтобы они имели однозначно размерную функцию, добавляются определения, такие как: **небольшой, маленький, большой, огромный** и т.п.

Размерное значение спаяно с эмоционально-оценочным отношением говорящего. Поэтому относительно русского языка можно говорить об экспрессивной функции уменьшительных и увеличительных форм существительных. В польском языке сообщение о размере предмета, прежде всего небольшом, без добавочной эмоции или оценки говорящего, хотя редко, но вполне возможно. Ср. напр. в введении "Słownika terminów literackich": Każde hasło jest sygnowane inicjałami swego autora. Hasła zamknięte **literkami** mg opracował Michał Głowiński; hasła zaopatrzone w **literki** tk — Teresa Kostkiewiczowa; **literki** aos oznaczają, że autorką jest Aleksandra Okopień-Sławińska; hasła podpisane **literkami** js przygotował Janusz Sławiński (Słownik terminów literackich).

4. **Экспрессивная функция.**

Под экспрессивной функцией понимается выражение субъективных чувств и оценок говорящего. Говорящий не сообщает о размере предмета, но выражает свое отношение к предмету, адресату, т.е. к ситуации. Он не ожидает от адресата ни речевой реакции, ни практического действия; адресат считается пассивным участником речевого акта. В литературе по словообразованию экспрессивность трактуется

шире (выше мы отметили подход, объединяющий в одну группу уменьшительные, увеличительные и экспрессивные производные), включаются в нее и такие случаи, которые мы относим к следующей функции — побудительная функция. Избирая намерение говорящего критерием выделения функций, мы считаем, что в таких высказываниях, как например: — **Masełka? Świeżutkie!** (хозяйка гостю) реализуется уговаривание, увещевание, а не экспрессивность. Об этом подробно будет речь ниже.

Имеются два подтипа экспрессивной функции, которые условно определяются как положительно-экспрессивная и отрицательно-экспрессивная функции.

4.1. Положительно-экспрессивная функция. Положительное: ласкательное, одобрительное отношение говорящего к предмету, адресату, к ситуации воплощается уменьшительно-экспрессивными производными: существительными, прилагательными, глаголами и наречиями (в лингвистической литературе определяются как: уменьшительно-ласкательные, ласкательные, ласкательно-экспрессивные, деминутивные или уменьшительные производные; в польской терминологической традиции: hipokoristika, spieszczenia, zdrobnienia, deminutiva, formacje ekspresywne). Ср.: И все это вместе — маленький поезд, пар, крупный косой снег, Зина, незнакомый говор, вкус во рту от только что выпитого пива, какие-то парни в грубых ботинках, со скрипом идущие по платформе к фонарю, под которым их ждали мохнатые **лошаденки** в санках, и девушки, выходившие в облаках пара из буфета и бежавшие к поезду, все в **брючках**, в **шапочках**, все почему-то красивые — так это было все здорово! (Казаков, Зависть); — Я и сам бы сейчас с удовольствием на **балкончике чайку** попил (Булгаков, Мастер и Маргарита); Wyjazd nasz dzisiaj niezwyczajny, to niezwykła przejażdżka. Jedziemy uroczyście, odświętnie jakby. **Na herbatkę** do księżnej Grace Kelly-Rainierowej zaproszeni (Głaz, Gombrowicz v Vence).

В текстах русской художественной литературы, в публицистике и в разговорной речи наблюдается более частое употребление уменьшительно-экспрессивных производных, чем в польском языке. Сопоставляя текст романа Булгакова "Мастер и Маргарита" с его переводом на польский язык (считаем его хорошим переводом), мы нередко отмечаем формальные несовпадения, когда русскому экспрессивному производному соответствует в польском: 1) непроизводное слово; 2) аналитическая конструкция: прилагательное (местоимение) + непроизводное существительное; 3) фразеологизм. Ср. например: Виртуозная штучка! и Palce lizać! (о рыбном блюде). Наконец, отметим случай, когда экспрессивное производное не отражено в польском переводе: А в июле, когда вся семья на даче, а вас неотложные литературные дела держат в городе,— на веранде, в тени вьющегося винограда, в золотом пятне на чистей-

шей скатерти **тарелочка** супа-прентаньер? (Булгаков, Мастер и Маргарита); A w lipcu, kiedy cała rodzina jest na letnisku, ciebie zaś nie ciepiące zwłoki zajęcia literackie zatrzymują w mieście — na ocienionej przez pnące się wino werandzie chłodnik printanier w złocie kontrastującym ze świeżutkim obrusem? (Bułhakow, Mistrz i Małgorzata). Русский экспрессив **тарелочка** не имеет словообразовательного эквивалента в польском языке. Производное **talerzyk** обозначает 'маленькую тарелку'.

4.2. Отрицательно-экспрессивная функция. Отрицательное эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания воплощается в увеличительных производных. Часто оно уточняется или усиливается посредством употребления соответствующих определений, напр. Błoto we Włodzimierzu, **ciepłe piwsko** u Żyda, to była świetna zabawa (Kuncewiczowa, Fantomy); W ten sposób myśląc jak Irzykowski, dla którego same słowa "artystyczny", "sztuka" itp. już zdają się być synonimami blagi, każde odstąpienie od szablonu życia i szablonu greckiego dramatu, z którego nawet w **najgorszych farsidłach** nie umieliśmy się wydobyć, można nazwać "hecą" czy "szopą" (Witkiewicz, Czysta Forma).

Особое место занимает ироническое и шутливое употребление деминутивов и увеличительных производных. Это требует специального рассмотрения, что не входит в задачи нашего исследования. Ограничимся отдельными примерами: Bzunio był na swój sposób bardzo kochającym małżonkiem, pragnął Lilce przychylić nieba — takiego małego mieszczańskiego **niebka** ozdobionego złotym **kluczykiem szambelańskim** (Samozwaniec, Zalotnica niebieska); — Teraz ja w pana **bułeczką** i jest pan wolny. Od razu pierwszą bułką trafiłem go między oczy. Upadł do tyłu i nie ruszał się. Podszedłem do niego, miał oczy w słup. Taka czerstwa **bułeczka** państwowego wypieku ma swoje zalety (Mrożek, Praxis).

К последнему примеру добавим, что уменьшительная форма существительного, употребленная как средство острой иронии по отношению к действительности, содержит также пародию на новояз, реакцию писателя на **chrupiące świeże bułeczki**, в высказывании одного из польских министров (в 80-ых годах).

5. **Побудительная функция**

Это деятельностная функция, связанная с иллокутивными намерениями говорящего. Она обеспечивает различные иллокутивные цели и перлокутивный эффект. Реализуется в ситуациях воздействия говорящего на адресата.

Исследованный нами материал позволяет выделить в нем следующие иллокутивные цели: просьбы, предложения, приглашения, уговаривания, приказы.

Говорящий проявляет активное отношение к адресату, побуждая его к действию. В ситуации общения для достижения намеченных целей говорящий вырабатывает специальную речевую тактику.

Эта тактика предусматривает следующие принципы языкового поведения:

— вежливость,

— создание атмосферы доброжелательности, непринужденности или интимности (исключение составляет приказ).

Это главные конверсационные максимы, составляющие принцип вежливости Лича [Leech 1983]. Крайне важен способ их реализации. Одним из средств, выражающих вежливое отношение говорящего к адресату и создающих благоприятную обстановку, являются деминутивы. Они могут употребляться в некоторых типичных ситуациях общения*. Например:

А — Proszę chleb baltonowski (клиент). **В** — Tylko **chlebek**? (продавец, подавая хлеб); — Jak **zdrówko**? (в ситуации, когда имеем некоторые данные, что услышим удовлетворительный ответ).

Исследованный нами материал позволяет предполагать, что деминутивные и увеличительные производные играют более важную роль в реализации коммуникативных целей говорящего. В высказываниях, побуждающих адресата к действию, выполняют функцию усиления воздействия говорящего на адресата и обеспечения перлокутивного эффекта. Например:

— **Masełka**? **Swieżutkie**! vs.— Może masła?;

— Zjedz **łyżeczkę zupki**. vs.— Zjedz łyżkę zupy vs.— Zjedz zupę!;

— Zabierz stąd **buciory**! vs.— Zabierz stąd buty!

В одних ситуациях подчеркивается преимущество, выгоды при совершении действия адресатом, в других сводятся к минимуму усилия адресата или выражается категоричность в требовании исполнения действия и т.п.

Употребление деминутивов и увеличительных производных в названной функции тесно связано с другими средствами побуждения адресата к действию. Взаимодействуют они по-разному в просьбе, предложении, приглашении и т.п. (напр. в просьбе при употреблении повелительных предложений являются противовесом повелительных форм, смягчая их категоричность), констатируя упорядоченную организацию высказываний.

Языковая стратегия говорящего состоит в том, чтобы привести к совершению адресатом данного действия. Говорящий воздействует на чувства, воображение, подсознание или волю адресата. При просьбах, предложениях, приглашениях и уговариваниях он стремится создать обстановку вежливости, интимности, доброжелательности. Другая тактика применяется при приказах: для достижения цели прибегают к "жестким" выразительным средствам, напр. Proszę zabrać **buciory**!; Zabrać **buciory**! В первом случае самым

---

* Об этом писали: [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981], [Русский язык в его функционировании 1993], [Wierzbicka 1985] и др.

простым и убедительным способом является употребление "мягких" языковых средств, в частности, вежливых слов, вроде **пожалуйста**, польск. **proszę**, частицы **может быть**, польск. **może**, ласкательных форм, положительных оценок, форм сопричастного действия*, вопросов-побуждений и т.п. Используется также повелительная форма, наиболее частотный грамматический формальный показатель побудительных высказываний.

Общий признак побуждения адресата к действию объединяет 5 интересующих нас типов побудительных высказываний: просьбы, предложения, приглашения, уговаривания и приказа (для наших целей выделение других классов не считаем нужным; поэтому не различаем, напр., приказа и требования). Между ними имеются различия, часто интерпретируемые как интенсивность (интенсивность целей, критикуемая М.Я.Гловинской) [Русский язык в его функционировании 1993: 160]. По-нашему мнению, различия касаются в принципе категоричности побуждения, что можно бы представить на шкале "побуждений" (один полюс занимали бы приказы, противоположный — просьбы). Мы должны, однако, учитывать и тот факт, что между названными типами высказываний есть и более глубокие различия. Проявляется это в невозможности замены одного высказывания другим без изменения намерений говорящего. Итак, прося и предлагая, говорящий хочет, чтобы адресат сделал что-то. Исполнение действия зависит от адресата. Уговаривая, убеждая и увещевая, говорящий воздействует на адресата так, чтобы тот согласился совершить данное действие. Приказы и требования отличаются от просьб и предложений тем, что адресат должен выполнить распоряжение говорящего, располагающего соответствующими возможностями. Приведем несколько примеров:

— Może masła? (предложение) vs.— Może **masełka? Świeżutkie** (уговаривание); — Хоть чаю попьете (предложение) vs.— Хоть **чайку** попьете, коли есть не хотите (уговаривание).

— Ты ложись,— приказала Маргарита,— подложи руку под щеку, а я тебе буду сниться (Булгаков, Мастер и Маргарита).— Kładź się — poleciła Małgorzata — podłóż rękę pod policzek, a ja ci się będę śniła (Bułhakow, Mistrz i Małgorzata) (приказ).

— Marku, idź spać! (приказ) vs.— **Mareczku**, idziemy **spakuńkać**? (просьба); **Mareczku**, idziemy **spakuńkać**! (просьба) vs.— **Mareczku**, idziemy **spakuńkać**. Już późno. Wszystkie dzieci są w łóżeczkach (увещевание).

5.1. Представим ситуации с четко определенной ориентацией высказываний на адресата. Несмотря на то, что в каждом из названных видов ситуаций конкретное намерение говорящего по

---

* О формах сопричастного действия см. [Храковский, Володин 1986: 231].

отношению к адресату иное (врач, медсестра, массажист, парикмахер хотят, чтобы пациент "кооперировал" с ними, охотно выполняя все их просьбы и указания при осмотре, в ходе лечения, при обслуживании; покупатель хочет, чтобы продавец хорошо обслужил его; речевое поведение хозяина рассчитано на то, чтобы адресат "активно угощался"), их объединяет общее в поведении говорящего: побуждение адресата, определенным способом, в том числе и употреблением уменьшительной или, реже, увеличительной формы, к действию, в исполнении которого заинтересован говорящий и (или должен быть заинтересован по мнению говорящего) адресат.

Попытаемся выделить и упорядочить типичные ситуации в виде ситуационных моделей с участниками коммуникации (учитывая отношения между ними и их отношение к действию).

5.2. Стандартные ситуации, относящиеся к широко понимаемой **сфере обслуживания**. Участники коммуникации: говорящий (= работник сферы обслуживания) — адресат (= клиент). Примеры:

— (Proszę) **główkę** do tyłu; — **Główka** do tyłu (парикмахерша клиенту); — На **бочок** ко мне повернитесь // Потом **часик** отдохнуть (врач больному) (пример Е.А.Земской); — (Proszę) zamknąć **oczki** (косметичка клиентке).

Разумеется, в данной ситуации общения, основной формой выражения просьбы является повелительное наклонение глагола или конструкция с инфинитивом.

В приведенных примерах говорящий, употребляя вместо нейтральной формы уменьшительную, выражает свое доброжелательное отношение к адресату и его миру (интересные соображения по этому поводу высказал Апресян, считая ласкательно-уменьшительные суффиксы в словах типа *билетик*, *заказик*, *беленький*, *красивенький*, *хорошенький* средством включения адресата в личную сферу говорящего [Апресян 1986:97]). Одновременно говорящий усиливает воздействие на адресата, привлекая его к кооперации (кооперация необходима для выполнения услуги).

Примечательно, что, употребляя нейтральную форму, говорящий должен обратиться к адресату с частицей proszę, пожалуйста:

— Proszę odchylić głowę do tyłu.

— Proszę głowę do tyłu.

— Głowę proszę do tyłu.

Высказывания: Odchylić głowę do tyłu; Głowa/głowę do tyłu более грубы и категоричны, они могут восприниматься как приказ.

При использовании уменьшительных форм употребление proszę не облигаторно:

— **Główkę/główka** do tyłu; — Odchylić **główkę** do tyłu.

В последнем примере деминутив смягчает категоричность формы инфинитива и тем самым усиливает просьбу.

В таких стандартных ситуациях, когда участники коммуникации знают очередность действий, в высказывании могут отсутствовать формы глагола: — **Główka/główkę** do tyłu.

Итак, в ситуации, требующей языковой лаконичности, употребление уменьшительной формы вместо других форм выражения вежливой просьбы более экономно и эффективно, обеспечивает принцип вежливости, создает дружескую обстановку сопричастного действия и вместе с тем усиливает просьбу, делает ее более выразительной. Значительную роль при этом, как и в любом побудительном акте, играет интонация.

5.3. Ситуации, определяемые правовыми нормами в административном порядке.

Участники коммуникации: говорящий (= работник контроля, надзора) — адресат (= контролируемое лицо). Примеры:

— (Proszę) **bileciki** do kontroli (контролер пассажиру);

— **Dowodzik**, panie kierowco, proszę (милиционер водителю).

По закону говорящий обладает полномочиями требовать от адресата предъявить документы. Употребляя уменьшительную форму говорящий смягчает требовательный характер высказывания (ср.— Proszę bilety do kontroli; — Dowód, panie kierowco, proszę), привлекая адресата к исполнению действия (снимая стресс, часто сопутствующий ситуации "контроля", вызванный самым появлением контролера). Для смягчения категоричности требование принимает форму просьбы. Допустима здесь и другая интерпретация: говорящий хочет быть более вежливым. Такое поведение отвечает принципу конверсационной вежливости.

5.4. Предложения.

Участники коммуникации: говорящий (= хозяин) — адресат (= гость). Исполнение действия в интересах адресата. Например: — Proszę siadać — może **kieliszeczek wódeczki**? (Słowacki, Horsztyński). Ср. нейтральную вежливую формулу: — Proszę siadać — może kieliszek wódki?

В ситуации, когда участники коммуникации более близки друг другу, допустимо более лаконичное обращение с предложением: — **Kawusi**?; **Wódeczki**?; **Kielicha**? Предложение: — Kawy?; — Wódki? в некоторых ситуациях неуместно, напр. по отношению к незнакомому лицу. Оно звучит скорее как вопрос, чем предложение, и используется, когда говорящий хочет узнать, что будет пить адресат. Предлагая, говорящий обращается: — Może napije się pan kawy?; — Może napiłby się pan kawy?; — Czy napije się pan kawy?

Речевое поведение хозяина рассчитано на приглашение к угощению.

Подобные формулы могут использоваться в сфере обслуживания: в ресторане, кафе, где участниками коммуникации являются: говорящий (= официант) — адресат (= клиент). Напр.:

— Zjemy śniadanie — powiedział Mirek.

— Proszę bardzo. **Jajeczka? Bułeczki, masełko?** Kawa czy herbata?

— Mam na myśli duże śniadanie. A więc: **wódeczka, przekaseczki,** jakieś **danko.**

— Proszę bardzo.

Zaczął się uwijać koło bufetu krokiem, który wzbudzał podejrzenie, że jest byłym kelnerem.

— Już się robi, już. **Szyneczka, ogóreczek. Śledzik?** Może być?

— Może. (Dygat, Pożegnania).

Употребление деминутивных форм можно считать своеобразным речевым этикетом, принятым работниками сферы обслуживания. Официант, предлагая клиенту **szyneczke, jajeczka, bułeczki,** выражает свою профессиональную вежливость по отношению к клиенту, которого обслуживает [Kreja 1969: 16]. По нашему мнению, однако, этим не исчерпывается функция деминутивов в данных ситуациях. Подобно примерам в п. 5.2., где они служили средством выразительной просьбы и структурирования высказываний с целью просьбы, здесь они структурируют высказывания с целью предложения.

5.5. Предложения-приглашения.

— Idziemy na **śledzika?**; — Idziemy na **wódeczkę?** (Мужчина мужчине).

Предложение: — Idziemy na śledzia?; — Idziemy na wódke? может быть воспринято как вопрос. Скорее можно предложить: — Może pójdziemy na wódkę?; — Czy nie wstąpilibyśmy na kawę? (Głowacki, Wirówka nonsensu); — Idziemy na **ciacha?**

В высказывании:

— Czy można cię zaprosić na wódkę/na śledzia/na kawę? эксплицитно выражено приглашение (говорящий приглашает адресата в ресторан и уплатит по счету).

5.6. Функция уговаривания, убеждения, увещевания (perswazyjna, nakłaniająca) — разновидность побудительной функции. Общая идея высказываний, имеющих функцию убеждения: говорящий хочет, чтобы адресат сделал то, что говорящий считает правильным.

Языковая стратегия говорящего состоит в том, чтобы адресат согласился сделать то, на что направлено убеждение. Апеллируя к чувствительности адресата, говорящий реже, чем в других типах побудительных высказываний, использует повелительную форму, которая, как правило, употребляется при побуждении к действиям. Смягчение категоричности формы повелительного наклонения или формы инфинитива способствует достижению предполагаемого эффекта. Адресат, напр. ребенок, гость — скорее согласится сделать то, в чем убеждают его мягко и вежливо (хотя настойчиво). Приведем несколько примеров: — Może **szyneczki? Troszeczkę!** (гостю); — Zjemy **łyżeczkę zupki** (ребенку); — A teraz idziemy spatki. Przyśnią ci się aniołki (ребенку).

Говорящий может употреблять добавочные средства для убеждения адресата в правоте действия: — Może pójdziemy spakuńkać? **Jest już późno. Wszystkie dzieci sa w łóżeczkach**: — Może masełka? **Swieżutkie**. Приводимые аргументы не всегда истинны. Для достижения иллокутивной цели говорящий может манипулировать языком: — Zjemy **łyżeczke** zupy (мать, давая ребенку большую ложку супа); — Wracam za **chwilkę**; **Chwileczkę**! (клиент ждет чиновника/продавца больше часа).

Иногда говорящий преодолевает сопротивление адресата, его колебание или безучастность к исполнению действия. Он может использовать для этих целей тактику "минимума". Приведем примеры, в которых говорящий уговаривает адресата выпить чашечку чаю, съесть ложечку супа, желая достигнуть большего: чтобы гость пообедал, а не только попил чаю, чтобы ребенок съел тарелку супа и т.д.

— Садитесь с нами обедать, Анна! — радушно разводит руками Любовь Борисовна.— Очень прошу, Анна!

— Я уже обедала,— тихо отвечает Анна, смущение постепенно проходит.— Я уже обедала! [...]

— Садитесь, Анна, обедать! — приглашает Любовь Борисовна.— Хоть чайку попьете, коли есть не хотите. (Липатов, Черный Яр; цитирую по: Акишина, Формановская 1978);

A — Zjedz zupę! **B** — Nie mogę. **A** — Jeszcze **łyżeczke**!

Как было сказано выше, говорящий может употреблять повелительную форму, смягчая высказывание деминутивной формой и интонацией и придавая ему таким образом характер уговаривания.

Уговоры, убеждения и увещевания близки просьбам и предложениям, их объединяет общий признак побуждения адресата к действию. Имеются, однако, существенные различия между ними.

В наших примерах уговаривание не выражено эксплицитно такими лексическими средствами, как перформативные глаголы: **уговариваю**, **убеждаю**, **увещеваю**, но при помощи словообразовательных средств. Использование говорящим уменьшительных **форм** (существительных, прилагательных, глаголов и наречий) имеет единую цель — уговорить адресата что-то сделать.

В статье была сделана попытка представить функции деминутивных и увеличительных существительных в тексте. Исследуя взаимодействие между говорящим и адресатом, мы выделили 3 основных функции (информации о величине предметов, экспрессивную и воздействия на адресата, т.е. побудительную функцию), подразделяемые, в свою очередь, на подфункции. Особое внимание мы уделили использованию уменьшительных и увеличительных производных как средства побуждения адресата к действию. Нам представляется, что наше исследование подтверждает мысль Ю.Д.Апресяна об автороцентричности языка [см. Апресян 1986].

ЛИТЕРАТУРА

Акишина А.А., Формановская Н.И., Русский речевой этикет. Москва: Русский язык, 1978.

Апресян Ю.Д., Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной модели мира // Teoria tekstu: Zbiór studiów. Pod red. T.Dobrzyńskiej. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986.

Земская Е.А., Словообразование как деятельность. Москва: Наука, 1992.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., ШиряевЕ.Н., Русская разговорная речь: Общие вопросы: Словообразование: Синтаксис. Москва: Наука, 1981.

Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. Отв. ред. Е.А.Земская, Д.Н.Шмелев. Москва: Наука, 1993.

Храковский В.С., ВолодинА.П., Семантика и типология императива: Русский императив. Ленинград: Наука, 1986.

Dulewiczowa I., Formant — iśte//-isko w języku polskim i rosyjskim// Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej 15 (1976).

Gramatyka współczesnego języka polskiego: Morfologia. Pod red. R.Grzegorczykowej, R.Laskowskiego, H.Wróbla. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984.

Grzegorczykowa R., Problem funkcji języka i tekstu w świetle teorii aktów mowy // Języka a kultura. T. 4; Funkcje języka i wypowiedzi. Pod red. J.Bartmińskiego i R.Grzegorczykowej. Wrocław: Wiedza o Kulturze, 1991.

Grzegorczykowa R., Struktura semantyczna wyrażeń ekspresywnych // Z zagadnień słownictwa współczesnego języka polskiego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978.

Janus E., Z zagadnień ekspresywów przymiotnikowych (na materiale polskim i rosyjskim) // Teoria tekstu: Zbiór studiów, pod red. T.Dobrzyńskiej. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986.

Kreja B., Słowotwórstwo rzeczowników ekspresywnych w języku polskim: Formacje na -ik, -k-, -isko i -ina. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Naukowe, 1969.

Leech G.N., Principles of Pragmatics. London, 1983.

Wierzbicka A., Different Cultures, Different Languages, Different Speach Acts: Polish vs. English // Journal of Pragmatics 9 (1985), 2/3.

В.З.Санников
(Москва)

О СИТУАТИВНЫХ ОГРАНИЧЕНИЯХ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ*.

Лене Земской — дружески

В более ранней работе [Санников 1989] я, вслед за другими исследователями, утверждал, что языковая шутка — это **всегда** некоторая языковая неправильность (или неточность). Это хорошо согласуется с восходящим к Аристотелю пониманием комического как чего-то уродливого или анормального,— но не совсем согласуется с фактами. Вряд ли можно видеть неправильность или хотя бы неточность во всех примерах, приводимых в данной статье. Достигаемый в этих примерах комический эффект имеет совсем другую основу. Он связан с тонкостями соотношения **языковых единиц с действительностью.**

В последнее время резко возрос интерес к референциальному аспекту языковых высказываний. По определению Н.Д.Арутюновой, "референция — это отношение актуализированного, включенного в речь имени или именного выражения <...> к объектам действительности..., способ "зацепить" высказывание за мир" [Арутюнова 1982: 6, 18]. Из работ последнего времени референциальный подход к анализу языковых значений наиболее аргументированно развивается в обстоятельной работе А.Д.Кошелева [1996].

От описания значения языковых единиц, когда выделяемое исследователем значение лишь иллюстрируется примерами, совершается переход к изучению сложностей во взаимоотношении языковой единицы с теми ситуациями, которые она описывает. Слово в своих конкретных употреблениях не укладывается в прокрустово ложе толкования. Известны два способа справиться с этими трудностями: 1) уточнение существующего толкования; 2) использование понятия **прототипа** (совокупность компонентов, важных и от-

* Работа выполнена в рамках проекта "Русский язык в зеркале языковой игры", поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

ражающих "идеальное", "образцовое", но не являющихся абсолютно необходимыми). Яркой иллюстрацией успешного применения обоих этих способов является недавно вышедшая книга Анны Вежбицкой "Язык. Культура. Познание" (М., 1996). Напомню лишь о двух примерах, приводимых в этой замечательной книге. 1) Приводя известное толкование слова boat 'лодка' ("созданный человеком объект, который используется для передвижения по воде"), Вежбицкая справедливо отмечает, что этому толкованию не соответствует, например, объект, имеющий пробоину, и **уточняет толкование**: лодки — "это род объектов, ИЗГОТАВЛИВАЕМЫХ ДЛЯ передвижения по воде" [Вежбицкая 1996: 202]. 2) Иной путь А.Вежбицкая избирает при обсуждении значения слова *чашка*. Она отмечает, что китайская чашка, маленькая, изящная, с тонкими стенками не имеет ручки и блюдца, но, тем не менее, может считаться чашкой. Вежбицкая выходит из этого затруднения с помощью понятия **прототипа**: наряду с "существенными элементами" понятия *чашка* ('изготовленная для питья горячих жидкостей' и 'настолько маленькая, чтобы человек мог поднести ее ко рту одной рукой'), Вежбицкая выделяет **прототипические** элементы — ручку и блюдце: "идеальная" чашка ДОЛЖНА иметь ручку и блюдце" [Вежбицкая 1996: 217].

В ходе изучения русского языка по данным языковой игры мы столкнулись с целым рядом случаев, когда, на наш взгляд, не спасают и эти два способа. При всей разнородности описываемых фактов, не вполне укладывающихся в существующее понимание соотношения между языковым значением и действительностью, в них достаточно отчетливо проявляется нечто общее, что и послужило для нас основанием для совместного их рассмотрения. Во всех рассматриваемых случаях описываемая ситуация, казалось бы, полностью соответствует значению неких языковых единиц, и, тем не менее, она не допускает для своего описания нейтрального употребления этих единиц. Примечательно, что эти факты замечены не лингвистами, а самими говорящими, которые вообще гораздо раньше лингвистов стали экспериментировать с языком, обыгрывая "странности" языка для достижения комического эффекта (подробнее см. [Санников 1994]). Работа строится на достаточно ограниченном и специфическом материале — материале языковой игры — и ни в коей мере не может претендовать на широкие обобщения. Не исключено, однако, что за "несерьезным" материалом скрываются некоторые достаточно интересные общие закономерности строения и функционирования языка.

1. Начнем с примеров относительно простых. В них обыгрываются слова *труд*, *трудовой*, *трудиться*. Основное значение этих слов определяется в МАС след. образом: **трудиться** — заниматься каким-л. трудом, делом; работать; **труд** — целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического на-

пряжения; работа. Шутки помогают вскрыть очевидную неполноту этих толкований.

(1) *Хирург трудился весь день не покладая рук. К сожалению, все оперируемые умерли.* Очевидно, в понятие труда входит **представление об успехе**, хотя бы частичном.

(2) [На пирушке] — *Саня, Саня! Ты совсем не занимаешься физическим трудом — налей!* (А.Аверченко, Новогодний тост); *Деньги же эти — трудовые, в поте лица моего выпонтированные у нашего друга Полторацкого* (А.Пушкин — С.А.Соболевскому 15 июля 1827). В понятие труда входит представление **об общественной полезности деятельности**. Деятельность киллера или взломщика сейфов, "медвежатника" требует немалого напряжения (не только физического, но и умственного), но фраза *Медвежатник напряженно трудился всю ночь, но сумел вскрыть только один из банковских сейфов* выглядит странно. Выращивание продуктов питания, их обработка, даже сервировка стола может пониматься как труд, потребление этих продуктов, бдения за карточным столом, взламывание сейфов и заказные убийства — нет.

Но если даже мы внесем соответствующие уточнения в толкования рассматриваемых слов, то остаются всё-таки употребления не совсем обычные, хотя и удовлетворяющие этим новым, уточненным толкованиям. Именно они-то и будут представлять для нас особый интерес.

(3) [Осужденному] *Не верти головой, не дергайся — уважай труд палача* (Журн. "Соло"). Тот же самый призыв был бы вполне уместен в ситуации "врач — пациент": *Не верти головой, не дергайся — уважай труд врача.* Гробокопатель — *трудится*, палач — *казнит*. Общество признает необходимость палачей, но язык отказывается называть деятельность по умерщвлению людей трудом,— как (возможно, по несколько иным причинам) и деятельность военных. Фраза *После артподготовки немедленно подымайтесь в атаку, уважайте труд артиллеристов* и особенно фраза *Он трудится в кавалерии уже пятый год* выглядят странно. Любопытна также дифференцированность в оценке разных видов деятельности священника. Фразы *Священник трудился все утро и окрестил десятерых младенцев (обвенчал пять пар)* лучше, чем: *Священник трудился все утро и отпел десять усопших.* Ср. также след. шутку: *"Частенько трудитесь, батюшка?" — спросил врач священника на похоронах.— "По вашей милости",— отвечал с поклоном священник.*

2. В приведенных примерах ограничения на употребление языковых единиц связаны с особенностями ситуации, это **ситуативные ограничения**. Рассмотрим несколько примеров, где это не так очевидно.

(4) *Как называется каннибал, пожравший своих отца и мать? — Круглый сирота* [по: Фрейд 1925]. Может создаться представление, что здесь нарушены принципы номинации, поскольку в основу наименования положен не основной признак (то, что описываемое лицо — убийца), а второстепенный, сопутствующий. Однако это, видимо, не так. Переделав шутку *(Этот новозеландский юноша — круглый сирота: недавно он пожрал своих отца и мать)*, мы все равно не получим нейтрального высказывания, комический эффект все равно сохранится. Он требует иного объяснения. Толковые словари отмечают: "*круглый (круглая) сирота* — о том, кто не имеет ни отца, ни матери" [МАС 1981—1984, т. II]. Это значение следует признать прототипическим, описывающим "идеальную", типичную ситуацию, но не ситуации менее типичные (корректно ли, например, выражение *Он — круглый сирота* по отношению к ребенку, который еще в младенчестве был усыновлен новыми родителями?). Кроме этой основной (ассертивной) части, в толкование должны быть включены еще два компонента (они указываются словарями в толкованиях слова *сирота*): 1) 'несовершеннолетний'; 2) 'человек'. Эти компоненты не входят в основную (ассертивную) часть толкования словосочетания *круглый сирота* и составляют его так наз. презумптивную часть. Это становится очевидным при введении отрицания: говоря *Нет, он не круглый сирота*, мы не отрицаем презумпцию, не отрицаем ни того, что описываемое лицо — человек, ни того, что он — несовершеннолетний; отрицается ассерция — то, что это лицо не имеет ни отца, ни матери (фраза *Нет, он не круглый сирота, у него есть отец* — нормальна). Ситуация с каннибалом, описываемая в приведенном примере, казалось бы, полностью соответствует толкованию, его презумптивным и ассертивным компонентам: каннибал — 1) человек, 2) несовершеннолетен, 3) у него нет ни отца, ни матери. Почему же нейтральное употребление недопустимо? Правдоподобно предположение, что словосочетание *круглый сирота* включает указание на **нежелательность** ситуации, на **обездоленность, беззащитность, одиночество.** Подобные компоненты смысла (так наз. *коннотации*) не входят непосредственно в семантику слова, но представляют для нее первостепенный интерес, поскольку отражают связанные со словом культурные представления и традиции и определяют и употребление слова, и появление переносных значений (см. [Апресян 1995: 67—68]). Именно коннотации лежат в основе словосочетания *казанская сирота* или в употреблениях типа *Грех обижать сироту*. Возвращаясь к нашему примеру, можно предположить, что именно коннотации **обездоленности, беззащитности, одиночества** препятствуют нейтральному употреблению словосочетания *круглый сирота* по отношению к описываемой ситуации. Этого, однако, недостаточно. Вряд ли, говоря слово *сирота*, мы вообще думаем

о причинах, приведших к отсутствию отца и матери. Однако говорящие наткнулись (видимо, случайно) на необычную ситуацию, когда человек сам является причиной своего несчастья, и заметили, что в этом случае нейтральное употребление слова недопустимо,— хотя по значению оно полностью соответствует описываемой ситуации. Значит ли это, однако, что в толкования слова *сирота* и словосочетания *круглый (круглая) сирота* входит компонент 'не по своей воле'? Вряд ли. Подобным образом пришлось бы расширять толкование и многих других языковых единиц, где мы встречаемся с подобной же ситуацией. Видимо, все единицы, описывающие нежелательное положение дел, недопустимы, если описываемое лицо само является виновником создавшейся ситуации.

Еще несколько подобных примеров.

(5) *Женщина, обвинявшаяся в убийстве своего мужа, была оправдана благодаря стараниям одной присяжной заседательницы, которая объяснила свою позицию следующим образом: "Мне так жаль ее, ведь она — вдова!.."*

(6) *В автобусе пьяного вырвало на кофточку стоявшей рядом девушки. "Свинья!" — кричит возмущенная девушка. "Да ты посмотри на себя-я!" — отвечает пьяный.*

(7) *В фильме "Соблазненная и покинутая" адвокат покинутой девушки уговаривает совратителя жениться на ней. "Неужели вы думаете, что я женюсь на обесчещенной?" — отвечает тот.— "Но ведь это сделали вы!?" — "Если это сделал я, значит, она уже не обесчещенная? Хорошенькая у вас логика, господин адвокат!"*

(8) *Водитель автобуса каждое утро наблюдал, как к автобусу спешит и последней втискивается в него пожилая женщина. Но вот однажды водитель закрыл перед ней дверь. "Не успела!" — подумал он, отъезжая.*

Во всех приведенных примерах: 1) описывается нежелательное положение дел, 2) эти высказывания необычны и производят комический эффект. Между приведенными примерами есть также и существенные различия. В ситуации, описываемой в примерах (4)-(5), слова *сирота*, *вдова* не могут быть употреблены ни описываемым лицом ("сиротой", "вдовой"), ни кем-либо другим. В остальных примерах соответствующие языковые единицы *(Да ты посмотри на себя!; обесчещенная; не успела)* недопустимы **в устах говорящего** (поскольку именно он является виновником создавшегося нежелательного положения дел), но вполне уместны в устах третьего лица.

3. Рассмотрим теперь другой ряд — фактов более сложных, но родственных приведенным выше в том аспекте, который анализируется в данной работе: описываемая ситуация, казалось бы, пол-

ностью соответствует и значению некой языковой единицы, и правилам (синтаксическим и семантическим) ее сочетаемости, но, тем не менее, что-то препятствует нейтральному употреблению этой единицы.

(9) *Петька кричит командиру: "Василий Иванович, сзади белые!" — "Впе-е-ред!".* Словари (см., например, МАС; БАС) отмечают среди прочих следующее значение наречия *вперед*: "в направлении перед собой, по направлению поступательного движения" [МАС]. Есть употребления, с трудом укладывающиеся в это толкование. Можно ли сказать *Вперед!*, нажимая кнопку в лифте, чтобы подняться, и, тем более, чтобы спуститься вниз,— ведь в обоих этих случаях мы движемся не "в направлении перед собой, по направлению поступательного движения"? В приведенном анекдоте комический эффект имеет другую природу, он связан, видимо, с тем, что в обстановке военного противостояния обычным является обращение лицом к врагу, и призыв *Вперед!* равносилен призыву *На врага!* Необычность описываемой ситуации в том, что враг находится сзади, и здесь призыв *Вперед!* звучит странно. Слово "не рассчитано" на столь необычную ситуацию, оно поставлено в условия острого эксперимента. Согласно одному пониманию нужно двигаться в направлении первоначального движения, согласно другому — в противоположном направлении. И побеждает первое значение, которое можно, видимо, признать прототипическим.

(10) *Она останется всегда*
Артисткой, нужною для сцены.
И хоть не очень молода,
Но всё ж ***моложе*** *Мельпомены.* (Д.Минаев).

Сравнительная степень прилагательного *молодой* применима по отношению только к людям и, возможно, животным (допустимо: *Моя кошка моложе твоей на полгода*), но не предметам и абстрактным понятиям (ср. **Мое пальто на полгода моложе твоего*; впрочем, кажется, допустимо: *Римская цивилизация на несколько столетий моложе греческой*). А как с богами? По многим параметрам (уму, красоте, хитрости, даже силе и таланту) люди могут сопоставляться с богами. Ср. *Эта артистка не уступает по красоте и таланту самой Мельпомене.* Однако сравнение артистки с богиней по возрасту ставит слушающего в затруднительное положение. С одной стороны, какой-то возраст боги имеют: Зевс — пожилой мужчина, Аполлон — среднего возраста, Эрот — шаловливый мальчик, и этот возраст, казалось бы, не меняется со временем (высказывания *Зевсу около 3000 лет, Мельпомене далеко за 2000* выглядят странно). Однако время всемогуще и не может не накладывать свой отпечаток и на богов: за последние тысячелетия Мель-

помена должна была несколько постареть, и сравнение с ней современной Д.Минаеву артистки заставляет усомниться в молодости артистки. Сопоставление по возрасту людей и литературных героев возможно (ср. *женщина бальзаковского возраста*, т.е. возраста героинь его романов), но только в том случае, если они изображены в небольшой промежуток времени (можно сказать *Он погиб в возрасте Ленского*, но не: *в возрасте Евгения Онегина*).

(11) *Иван Грозный был не грозным, а милым, добрым, отзывчивым человеком. Правда, он был вспыльчив, но отходчив, что видно из картины Репина "Иван Грозный убивает своего сына"* ("Чукоккала". З.Паперный). В БАС'е отмечается, что *отходчивый* — это "способный быстро успокаиваться после раздражения, забывать обиду". Компонент 'способный забывать обиду' явно ошибочен: вряд ли можно, например, говорить об **обиде** отца на маленького сына (ср. интересные наблюдения Л.П.Крысина над **асимметрией** социальных ролей участников ситуации: отец не может *дерзить* или *грубить* сыну, а сын *благоволить* к отцу [Крысин 1989: 145—164]); более правильным представляется толкование прилагательного, предлагаемое в МАС'е: "Быстро приходящий в спокойное состояние после гнева, раздражения и т.д., неспособный долго сердиться". Приведенная шутка показывает, что правильное употребление слова *отходчивый* предполагает важное ограничение, которое мы склонны также считать ситуативным: это прилагательное недопустимо в случае, если жертве раздражения, гнева нанесен существенный вред.

4. Шутки, подобные приведенным выше,— это результат случайного обнаружения несовершенства того или иного элемента языка (за которым может возникнуть его изменение). Несовершенство может быть следствием того, что языковая единица с самого начала не предусматривала всех ситуаций, для описания которых она предназначена.

Наивный концептуальный раскрой действительности вряд ли предусматривает создание одновременно целого гнезда единиц, образующих четкую, национально обусловленную систему. Эти единицы появляются постепенно и стихийно, по мере потребности в описании конкретных ситуаций и лишь постепенно складываются в систему, которая к тому же никогда не является законченной и подвергается бесконечным изменениям по мере осознания своеобразия некоторых уже существующих или же вновь возникающих ситуаций, нуждающихся в описании. Ситуативное пространство бесконечно расширяется с развитием и усложнением материальной и культурной жизни. Появляются всё новые типы ситуаций, не учтенные в концептульном пространстве, развитие и расширение которого не поспевает за развитием и расширением пространства ситуативного. К тому же сам "раскрой" концептуального про-

странства далеко не совершенен: некоторые зоны имеют несколько "хозяев", несколько возможных способов обозначения, другие же остаются вообще неосвоенными и говорящие испытывают немалые затруднения при их обозначении. Еще несколько примеров.

Долго ли умеючи. В смысл выражений входит представление (общее, видимо, для всех выражений, описывающих целенаправленную деятельность), представление, что целенаправленная деятельность среди прочих параметров (успешность, завершенность и т.п.) включает как желательный параметр 'быстроту осуществления'. Именно представление "чем скорее, тем лучше" заделано в выражении *Долго ли умеючи.* Оно уместно во множестве ситуаций, когда человек хочет похвастаться тем, что не только успешно, но и быстро справился со своим делом — приготовлением обеда, рытьем ямы, решением математической задачи и т.д. и т.п. Говорящие отмечают, однако, ситуации (видимо, достаточно редкие), когда быстрое достижение конечного результата как раз нежелательно, и обыгрывают эти случаи, ср.:

(12) Мужчина, вставая с ложа любви, молодцевато говорит: "*Долго ли умеючи!*".

Женщина: "*Умеючи — долго!*"

(13) *Коммуниста вызывают в партбюро: "Ваша жена жалуется нам, что вы не выполняете супружеских обязанностей! Объясните свое безобразное поведение!" — "Видите ли... Я — импотент..." — "Ты прежде всего коммунист!!!" — загремел секретарь партбюро.* Выражение *Ты прежде всего коммунист!* было в большом ходу в партийной среде. В приведенной шутке выделяется такая ситуация, где оно неприменимо.

Необходимо соблюдать осторожность, ругая людей связанных с вами,— особенно если это родственные связи. Ругательные формулировки могут обратиться на самого бранящегося. Если ты называешь сына *поросенком*, то кто ты сам? Такие ругательства-бумеранги любил обыгрывать молодой Гоголь (вспомним голову из "Ночи перед Рождеством", который в гневе говорит сыну: *Невареный кисель твоему батьке в горло!*).

(14) *Преступник, которого в понедельник ведут на казнь, говорит: "Ничего себе неделька начинается!".* МАС указывает, что глагол *начинаться (начаться)* имеет значение 'начать совершаться, происходить'. Это — правда, но не вся, не учтены некоторые важные элементы в значении этого слова и в правилах его употребления. На один из них наткнулся (случайно?) автор приведенной шутки. Комический эффект вызван здесь тем, что подобное высказывание естественно, если говорящий рассчитывает (как это обычно бывает) дожить до конца недели. Интересно, что сказанное касается лишь небольших отрезков времени (день, неделя, месяц, может быть, год), но не для бóльших, чем продолжительность

человеческой жизни. Упомянутый преступник (а также и любой из нас) вполне мог бы сказать, не нарушая языковых норм: *"Ничего себе столетие (или тысячелетие) начинается!"*, хотя никто не может рассчитывать дожить от начала столетия (или тысячелетия) до его конца.

(15) *Перед прыжком с парашютом инструктор напутствует учеников:*

— Чтобы не совместить два прыжка в одном, точно выполняйте мои указания.

— А как можно совместить два прыжка?

— Очень просто. Первый и последний. Автор шутки отмечает единственный случай, когда антонимические прилагательные *первый* и *последний* референциально тождественны, т.е. им соответствует одно и то же реальное событие.

Фраземы типа *Он оторвался от земли; С ним кашу не сваришь; Он работает с огоньком; Не рой яму ближнему* допустимы, казалось бы, по отношению к любому человеку. Каламбуристы заметили, однако, те (исключительно редкие) конкретные ситуации, где первичное, несвязанное значение, которое легло в основу фраземы (и которое "слабо в ней мерцает"), вдруг оживает и усиливается настолько, что это препятствует нейтральному употреблению фраземы. Ср.:

(16) *Иду по улице. Вижу, деньги лежат. Ну, думаю, деньги на дороге не валяются. Взял, разумеется.*

(17) *Два преподавателя, один одноглазый, другой одноногий, принимают письменный экзамен. Одноногий говорит одноглазому: "Я тут отойду на минуту, а ты смотри в оба!" — "Хорошо, но ты давай одна нога здесь, другая тем..."* (Журн. "Компьютерра", 6 нояб. 1995).

Много шуток с таким механизмом находим у Эмиля Кроткого:

(18) *Летчику не ставят в вину, что он "оторвался от земли".*

Плохо, если о поваре говорят, что с ним каши не сваришь.

Пожарный всегда работает с огоньком.

"Не рой другому яму" — принцип не для могильщиков.

5. Ситуативные ограничения касаются употребления не только так наз. "полнозначных слов", но и слов служебных, в частности, союзов. Ограничимся краткими замечаниями, касающимися двух сочинительных союзов (которые мы уже рассматривали ранее [Санников 1989], правда, в несколько ином аспекте).

В общем случае союз *и* (как и союз *или*) не определяет соотношение компонентов сочинительной конструкции, говорящий вообще о нем не задумывается. Рассмотрим след. пример: *В работе много нового и интересного.* Типичная ситуация — значительная часть положений работы интересны и новы одновременно. Тем не менее употребление союза допустимо и в том случае, когда инте-

ресное и новое совпадают (ср. продолжение: *...буквально всё новое интересно, а интересное — ново*), и в том, когда пересечение нового и интересного не так уж велико (ср. продолжение: *...многое из нового интересно; а из интересного — ново*). Однако ситуация, когда "новое" и "интересное" полностью не совпадают, "не предусмотрена". Отсюда шутка: *В работе много нового и интересного. К сожалению, то, что ново,— неинтересно, а что интересно — не ново.*

В случае союза *но* доминирующим по смыслу является второй компонент, вводимый союзом *но*. Смысловое различие между фразами *Он лентяй, но умница* и *Он умница, но лентяй*, особенно ощутимо при расширении фразы, ср.: *С заданием он* ***справится*** *— он лентяй, но умница*, но не: ***С заданием он* ***справится*** *— он умница, но лентяй; ***С заданием он* ***не справится*** *— он лентяй, но умница* (подробнее см. [Санников 1989: 151—152]). Язык заставляет выбрать один из противопоставляемых компонентов как доминирующий. Ситуация смыслового равенства компонентов "не предусмотрена", при ее возникновении говорящий испытывает трудности. В романе Л.Н.Толстого "Война и мир" французский офицер рассказывает Пьеру о полковнике наполеоновской армии:

(19) *Он немец; но славный малый, несмотря на это. Но немец.*

Говорящий, чувствуя, что в его речи получилось доминирование второго компонента (*славный малый*) над первым (*немец*), пытается уравновесить их вторичным напоминанием о национальности полковника (*Но немец*).

Обыгрывание этого смыслового компонента союза *но* находим в юмористической сценке М.Жванецкого:

(20) *Вчера раков давали. Большие, но по пять рублей. Но большие. Но по пять рублей. Но о-очень большие* и т.д.

Герой никак не может решить, какой из двух признаков описываемой ситуации (величина раков или их цена) важнее, и без конца меняет их местами, нанизывая всё новые "но".

6. Иногда ситуативные ограничения касаются даже того или иного типа речевых актов в целом. Так, пожелания (напр., пожелания успеха) уместны, казалось бы, в любой ситуации. Это, однако, не так. И неуместны они не только, например, по отношению к преступной деятельности, но и по отношению к некоторым видам деятельности общественно полезной, к некоторым разрядам "честных тружеников":

(21) *Прихожане не очень охотно откликнулись на призыв нового священника давать пожертвования для церкви, но один из них расщедрился и положил на блюдо 10 фунтов. "Да благословит тебя Господь, сын мой,— промолвил священник,— и* ***да процветают дела твои!"*** *Тут церковный служка потянул его за рукав и, наклонившись, тихо прошептал: "Ваше преподобие, это местный гробовщик!"*

Запреты могут касаться целых жанров или видов текстов. М.Салтыков-Щедрин тонко подмечает, например, что не всякий вид человеческой деятельности допускает рекламу. Ср. след. объявление:

ПОЛКОВОДЕЦ!!!

"*Делает рекогносцировки, берет хитростью и приступом большие и малые укрепления, выигрывает большие и малые сражения, устраивает засады, преследует неприятеля по пятам, но, в случае надобности, и отступает. В особенности может быть полезен во время междоусобий <...> Трезвого поведения. Спросить Полкана Редедю, Забалканский проспект, дом N 4—105, на дворе, в палатке. Комиссионерам не приходить*" (М.Салтыков-Щедрин, Современная идиллия, XIII).

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1995 — *Ю.Д.Апресян.* Избранные труды, тт. I—II. М., Школа "Языки русской культуры", 1995.

Арутюнова 1982 — *Н.Д.Арутюнова.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., "Радуга", 1982.

Арутюнова 1988 — *Н.Д.Арутюнова.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., "Наука", 1988.

БАС — Словарь современного русского литературного языка (А-З). Изд. 2-е. Т. I—VI. М., "Русский язык", 1991—1994; (И-Я). Т. 7—17, 1950—1965.

Булыгина — Шмелев 1997 — *Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., Школа "Языки русской культуры", 1997. 574 с.

Вежбицкая 1996 — *Анна Вежбицкая.* Язык. Культура. Познание. М., "Русские словари", 1996.

Земская 1959 — *Е.А.Земская.* Речевые приемы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. М., 1959.

Кошелев 1996 — *А.Д.Кошелев.* Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. Спорное в лингвистике. М., Школа "Языки русской культуры", 1996.

Крысин 1989 — *Л.П.Крысин.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., "Наука", 1989.

МАС — Словарь русского языка. Т. I—IV. Изд. 2-е. М., "Русский язык", 1981—1984.

Нов. слов. син.— *Ю.Д.Апресян, О.Ю.Богуславская, И.Б.Левонтина, Е.В.Урысон, М.Я.Гловинская, Т.В.Крылова.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., Школа "Языки русской культуры", 1997.

Ожегов — Шведова 1992 — *С.И.Ожегов и Н.Ю.Шведова.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Перцов 1996 — *Н.В.Перцов.* О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. Спорное в лингвистике. М., Школа "Языки русской культуры", 1996.

РРР 1983 — Русская разговорная речь (Фонетика. Морфология. Лексика. Жест). М., "Наука", 1983.
Санников 1989 — *В.З.Санников*. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис). М., "Наука", 1989.
Санников 1994 — *В.З.Санников*. Лингвистический эксперимент и языковая игра // Вестник МГУ, серия 9, Филология, N 6, 1994.
Санников 1995а — *В.З.Санников*. Каламбур как семантический феномен. // ВЯ, № 3, 1995, с. 56—69.
Санников 1995б — *В.З.Санников*. Русский каламбур. 1200 каламбуров старых и современных. N.J., Hermitage Publishers, 1995.
Фрейд 1925 — *З.Фрейд*. Остроумие и его отношение к бессознательному. Пер. с 3-го нем. издания Я.М.Когана. М., 1925.
Щербина 1958 — *А.А.Щербина*. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). Киев, 1958.

А.Л. Семенас
(Москва)

ЗАМЕТКИ О НОВЕЙШЕМ КИТАЙСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

В настоящее время особую актуальность приобретает исследование действия словообразовательных механизмов в различных сферах языка. Для их понимания большое значение имеют работы Е.А.Земской, посвященные проблемам словотворчества в русском языке, и прежде всего монография "Словообразование как деятельность", которая как бы подводит итог ее многолетних исследований в области системы словообразования. На наш взгляд, ее работы носят методологический характер. Они интересны не только для специалистов по русскому языку, но могут быть использованы при анализе других языков.

Работы Е.А.Земской представляют благоприятную возможность проверить, действительно ли некоторые семантические механизмы словообразования носят универсальный характер. В них содержится ценная научная информация социолингвистического плана.

Исследования, проведенные автором на основе широкого языкового материала[1], позволяют сделать вывод об общетеоретической значимости таких положений Е.А.Земской, как взаимосвязь словообразовательного значения и специализированных средств выражения, национальное своеобразие языков и его отражение в создании специфических предметных формантов, высокая роль аналогии в действии механизма словообразования, показанная на материале новообразований и т.д.

В данной статье акцент сделан на новообразованиях в китайской лексике за последние двадцать лет. Ее цель — дать описание тех изменений, которые происходят в китайском словообразовании в настоящее время, показав некоторые тенденции и особенности эволюции китайского словарного состава, используя сопоставления с аналогичными явлениями в русском языке.

В современном китайском языке отмечается такая ситуация, когда множество сложных слов создаются в процессе речевой деятельности, но они еще не вошли в языковую систему, т.е. не стали фактами языка и не всегда включаются в словари. Семантическое

сложение является здесь одним из главных факторов, определяющим открытость семантической структуры и обусловливающим неограниченные потенции создания новых слов.

Е.А.Земская отмечает, что "такие активные способы словообразования, как словосложение, производство сложносокращенных слов, аббревиатур слоговых типов, служат средством создания разного рода уточняющих наименований". Наряду с этим "уточняющие наименования создаются и аффиксальными способами", так как высокую активность приобретает присоединение аффиксов к различным видам производных слов... "Все это увеличивает многоморфемность образований. Производные на первой ступени деривации занимают среди новообразований значительное место" (с. 90).

В новейшей китайской лексике также отмечается развитие деривации, причем оно осуществляется двумя путями. Во-первых, наблюдается активизация уже имеющихся словообразовательных элементов, и во-вторых, появляются новые строительные элементы словообразования. Поясним это на конкретных примерах, ограничив при этом объект исследования и проведя сопоставление с некоторыми активно действующими способами словообразования, функционирующими в сфере русского языка.

Согласно данным русского языка, "именно в суффиксальном производстве существительных преимущественно содержатся те новые слова, которые создаются для наименования новых предметов и явлений"[2].

Данные китайского языка также подтверждают эту закономерность путем выделения сходных тематических групп лексики, активно пополняющихся новыми словами. Так, в сфере производства имен лиц проявляет большую активность в новообразованиях суффикс **-шоу**, который образует длинные ряды наименований лиц по профессии, соединяясь с основами предметного значения: **шуйшоу** ("вода" + **шоу**) "матрос, моряк", **толацзишоу** ("трактор" + **шоу**) "тракторист", **сайчэшоу** ("гоночная машина" + **шоу**), "раллист", **баньцюшоу** ("доска" + "мяч" + **шоу**) "крикетист".

Соединяясь с качественными основами, суффикс **шоу** дает качественную характеристику действующего лица: **шэншоу** ("незнакомый" + **шоу**) "новичок", разг. "перворазник", **лаошоу** ("старый" + **шоу**) "опытный", "старый специалист".

Суффикс **шоу** возник в результате семантического развития существительного **шоу** "рука как орган человека" (это исходное первоначальное значение **шоу**). В этом значении он свободно употребляется в контекстах типа **ла шоу** "вести за руку", **си шоу** "мыть руки", **кун шоу** "с пустыми руками" (т.е. **шоу** в подобных сочетаниях имеет свободное употребление, ограниченное лишь экстралингвистическими факторами). Поскольку рука — орудие труда чело-

века, то **шоу** используется как символ умения, мастерства: **гаошоу** ("высокий" + **шоу**) "мастерство", "высокое мастерство".

В результате метонимического переноса значения **шоу** начинает обозначать человека, обладающего высоким мастерством **и вэй хао шоу** "хороший знаток своего дела" (букв. "один хорошие руки"). Дальнейшее его развитие идет по пути грамматикализации и превращения в словообразовательный аффикс.

Наряду с этим, в китайском языке имеются и "чистые" суффиксы типа **чжэ** — суффикс действующего лица: **вэйгуаньчжэ** ("окружать" + "смотреть" + **чжэ**) "зрители", **сяофэйчжэ** ("потреблять" + **чжэ**) "потребители товаров", **синъюньчжэ** ("удача" + **чжэ**) "удачник", **цаньсайчжэ** ("участвовать в соревновании" + **чжэ**) "конкурсант", **шучучжэ** ("экспортировать" + **чжэ**) "экспортер". В сфере наименования лиц в новейшей китайской лексике происходит активизация модели $X_1 + X_2$ = "такой X_2, который имеет пристрастие к X_1". Первый компонент имеет объектное значение. Второй компонент **ми** "страстный любитель, сторонник, завзятый, заядлый". Самостоятельно не употребляется, встречается в новообразованиях типа: **гэсиньми** ("реформа" + **ми**) "страстный сторонник новаторства, заядлый новатор", **иньюэми** ("музыка" + **ми**) "меломан", **дяньшими** ("телевизор" + **ми**) "телеман", **балэуми** ("балет" + **ми**) "балетоман", **шуми** ("книга" + **ми**) "книгоман", "библиофил", **сецзоман** ("сочинение" + **ман**) "графоман". По данной модели происходит наименование лиц по объекту их пристрастия, увлечения, интереса. В китайской лексике имеются и соотносительные с ними слова с элементом **куан** "мания", например, **сецзокуан** "графомания".

В русском языке внутри группы существительных с объектным соотношением частей Е.А.Земской выделяется подгруппа слов со второй частью -мания, с которыми соотносительны имена лиц на -ман. Различие этих слов в словообразовательном статусе состоит в том, что "первые представляют собой сложные слова, потому что элемент -мания функционирует в русском языке как самостоятельное слово. Вторые считать сложными словами неправомерно, поскольку элемент -ман в русском языке как самостоятельное слово не выступает и, следовательно может трактоваться лишь как аффиксоид. Слова со второй частью -мания (5) создаются в современном языке легко, по требованию контекста. Первая часть их имеет объективное значение: звездомания, конкурсомания, блокомания, шпиономания, справкомания, -ман (5): табакоман, шпиономан, книгоман, таксоман (иронич.) ... ("Словообразование как деятельность", с. 47).

Выше говорилось о наименованиях лиц. Однако для более полной картины новых явлений в аффиксальном словообразовании следует рассмотреть класс предметных слов, который пополняется особенно активно, что связано с экстралингвистическими факторами. Активному пополнению наименований предметов способст-

вует такое наблюдаемое в современном языке явление как "увеличение инвентаря средств, служащих для называния различных конкретных подклассов внутри общего класса имен". Е.А.Земская подчеркивает особую важность этого явления при изучении деятельностного характера современного словообразования ("Словообразование как деятельность", с. 124). Пополнение инвентаря словообразовательных средств идет за счет превращения в аффиксы сегментов заимствованных слов и за счет русских коренных элементов, которые "ослабляют свой корневой статус, вследствие чего тяготеют к переходу в статус морфем".

В русском языке появляются аффиксы с конкретным значением типа -дром "место для испытаний", -воз, -ход "средство передвижения, служащее для перевозки того, что называет базовая основа". Таким единицам противопоставлены старые русские суффиксы типа -ка, -ик, наделенные лишь общим значением предметности".

К числу новейших явлений китайского словообразования относится появление новых словообразовательных элементов, носящих характер полуаффиксов (аффиксоидов). Активизация новых словообразовательных элементов "связана прежде всего с развитием науки и техники, освоением космоса, влиянием эпохи НТР". Телевидение активно вошло в жизнь народа и это нашло отражение в языке в производных от слова **дяньши** "телевизор". При сопоставлении с русским языком выявляются особенности функционирования **дяньши** в качестве первого компонента сложных лексических комплексов. Он сохраняет словесную форму двуслога (**дянь** "электричество" + **ши** "видеть, видение"). Сокращение его до однослога в сложениях затруднило бы понимание.

Наиболее характерно для компонента **дяньши** "теле" — участие в образовании устойчивых сочетаний типа: **дяньши гуанбо** "телевещание", **дяньши гуаньчжун** "телезритель", **дяньши цзичжэ** "тележурналист", **дяньши сяопинь** "телеминиатюра" — трансляция по телевизионной программе коротких литературных форм. Действие подобных морфем выходит за пределы терминологии, они проникают в общелитературный язык, прежде всего в сферу газетно-публицистической речи. Отдельные из них проявляют активность в разговорной речи. Словообразовательное гнездо слов с компонентом теле- продолжает пополняться новыми лексическими образованиями.

Второе место после "теле-", "радио-" и т.п. занимает по своей активности "группа размерных уточнителей" — заимствованные "мини-" и "микро-". Отметим, что новый элемент "мини-" приобрел очень большую активность и начал употребляться для построения новых слов китайского языка, число слов с мини- продолжает расти.

"Мини" — фонетическое заимствование из английского языка — передает значение малого количества, "маленький". Словообразовательный элемент префикс **мини** раньше всего появился на Тайване и в Гонконге, а потом уже пришел на материк. Он вошел в китайский язык с наименованиями новых товаров, завозимых из других стран. И первым из них явилось слово **миницюнь**[3] (**мини** "маленький" + **цюнь** "юбка") "миниюбка", "минискерт". В данном случае можно говорить о гибридном заимствовании. 1-й компонент — фонетическое заимствование, а второй компонент — перевод иностранного слова. Интересно отметить, что в китайском языке **мини** не просто фонетическое заимствование. Для передачи его звучания подобраны соответствующие иероглифы: **ми** "пленить", "очаровать", **ни** "вы". Таким образом, сочетание в целом передает точный фонетический облик и кроме того значение "очаровать вас, пленительный", "очаровательный". Поэтому слова с префиксом **мини-** в китайском языке имеют экспрессивно-стилистический оттенок "приятный на вид", "привлекательный", в отличие от стилистически нейтральных префиксов **сяосин** "мало-" и **вэйсин** "микро-", "небольшого размера" (**сяосин ганте цие** "малые металлургические предприятия", **вэйсин дяньдунцзи** "микродвигатель", **вэйсин хоцзянь** "микроракета").

Отмечая очень большую активность в русском языке элементов мини- и микро-, Е.А.Земская на первое место по активности ставит мини-. Кроме участия в образовании терминов, "основная масса сочетаний с мини- это свободные соединения нетерминологического характера типа мини-городок, мини-зоопарк, мини-план, мини-сауна... и даже: мини-ворона, мини-лошадь, мини-мышление, мини-церковь. "Сочетания с мини- используются в заголовках как средство выразительности: "Металл мини-домны; Мини-магниты" (с. 56) и далее, сопоставляя два указанных выше элемента, Е.А.Земская отмечает, что "как кажется, сочетания с микро- лишены того оттенка шутливости, иронической насмешливости, которые свойственны многим соединениям с мини-". (с. 57). Словари новых слов русского языка регистрируют продолжающуюся активность этих единиц.

Тенденция создавать и использовать наименования-уточнители, действующие в современном языке, приводит к появлению большого числа сложных и сложносокращенных наименований. Различные способы их создания анализируются в работах Е.А.Земской. При этом первые компоненты мини-, микро-, пол-, полу- "ведут себя как слова" (с. 57). "Наиболее близки к статусу самостоятельных слов те из названных единиц, которые обладают наиболее высокой сочетаемостью, а именно: теле, кино, радио, авто, электро".

Обычно заимствуется новая реалия и с ней ее наименование. Так, в конце 70-х годов появились в Европе и в начале 90-х

пришли в Китай **мини инъюань** "миникинотеатры". С целью привлечения зрителей в Шанхае большие кинотеатры перестраивали по новому образцу кинотеатров малых размеров. Китайский словообразовательный элемент мини- образует длинный ряд новых наименований: **мини чунту** "миниконфликт", **мини юло чансо** "миниплощадки для развлечений", **мини усяньдянь хуацзи** "минирадиотелефоны", **мини дяньнао** "миникомпьютер", **мини шоубяо** "миничасы", **мини шань** "минирубашка", **миницзи** "миникурица", **мини-пинь** "миниатюра", **миницзяочэ** "минимобиль", **мини гунчан** "минизавод", **мини сянцзи** "минифотоаппарат", **мини маласун** "минимарафон", (по числу участников и по расстоянию меньше обычного), **мини дяньчи** "минибатарейка", **мини шоуиньцзи** "миниприемник", **мини дяньшань** "минифэн", **мини шичан** "минирынок". Префикс мини- настолько прижился в языке и широко используется для производства слов от китайских основ, что он стал вытеснять исконно китайские словообразовательные элементы **сяо** "маленький", **вэйсин** "крошечный", "миниатюрный", "микро-". Словообразовательный элемент **сяосин** "малого размера" сохранился, но сфера его действия сузилась, кроме того он стилистически нейтрален, в то время как **мини** отличается стилистической окрашенностью.

Нельзя не согласиться с выводом Е.А.Земской: "Мнение о том, что префиксация в русском языке — привилегия глагола, по отношению к новейшему состоянию русского языка неверно. В 60—80-е годы префиксация в сфере имен весьма активна"[4]. Особенно действенны в наши дни такие приставки как не-, сверх-, противо-, а из заимствованных -анти-, супер-, псевдо-. Значение приставки "супер" передается в китайском языке с помощью элементов **чао, чаоцзи-** "в высшей степени", "превосходящий подобные". Новейшие образования с этим элементом: **чаожэнь** "супермэн", **нюйчаожэнь** "супервумэн", **чаоцзи шичан** "супермаркет" (сокращенно **чаоши**), **чаоцзи даго** "сверхдержава", **чаоцзи шуйни** "суперцемент", **чаоцзи мотэр** "супермодель", **чаоцзи тэу** "суперагент", **чаоцзи минсин** "суперстар, суперзвезда", **чаоцзи эртун** "супердети", **чаоцзи куайтин** "суперяхта", **чаоцзи цзитуань** "суперблок", **чаоцзи фувэнь** "супербогач". Следует отметить, что элемент **чаоцзи**, как видно из примеров, часто сочетается со словами конкретной семантики, а также с именами лиц. Употребление с существительными иной семантики — абстрактной — ему не свойственны.

В особую группу в работах Е.А.Земской выделяются существительные, обозначающие средства передвижения. Отмечается активное формирование в языке последних десятилетий названий средств передвижения. При этом используются как русские, так и иноязычные компоненты (-мобиль, -бус). Из русских наиболее активны -воз, -ход, -лет, "суффиксоиды, соотносимые с основными глаголами перемещения" (с. 132). Первый компонент может

обозначать объект перевозки: "молоковоз", "нефтевоз", "мебелевоз", а также "библиобус" (объект перевозки — книги): источник энергии, движущую силу: "газоход", "электромобиль", "веломобиль", "электробус" (с. 127); предназначение: "реанимобиль", форму: "микроавтобус","микробус" (вытесненное впоследствии словом "рафик").

Наличие специализированного средства выражения (аффиксоидов типа -воз, -ход, суффиксов типа -мобиль, -бус) делает возможным выделять значение "средства передвижения" в качестве СЗ (словообразовательного значения). Е.А.Земская делает вывод о том, что "окружающий нас вещный мир, который должен быть представлен в языке, диктует свои законы словообразованию, порождая обилие тематических групп внутри этого класса слов и — более того — способствуя созданию специфических предметных формантов" ("Словообразование как деятельность", с. 35). Появление этого подкласса слов — живая реакция словообразовательного механизма на требования действительности. "Словообразовательно-номинативные средства языка членят мир именуемых вещей", но "членения, наблюдаемые в разных языках, не одинаковы".

Рассмотрим названия транспортных средств в китайском языке, которые образуют отдельную лексико-семантическую группу с использованием словообразовательного элемента **чэ**, имеющего значение "наземное колесное средство передвижения" (т.е. любое средство передвижения на колесах, включающее повозку, телегу, машину, велосипед, вагон, поезд). Элемент **чэ** обладает высокой словообразовательной активностью, в "Словообразовательном словаре употребительной лексики" помещено 144 лексических комплекса (включая 8 фразеологизмов) с компонентом **чэ**, из них в 41 комплексе он стоит на первом месте в составе образования, в 102 комплексах находится на последнем месте, и лишь в одном случае — во фразеологизме — стоит в середине устойчивого словосочетания.

На примере ЛСГ "транспортные средства" рассмотрим новые номинации с элементом **чэ**, распределив их по характеру семантических синтагматических отношений между компонентами (семантических реляций). Новая лексика с элементом **чэ** отражает развитие транспортных средств. В названиях, во внутренней форме проявляются особенности отдельных видов транспорта. Наиболее продуктивной семантической реляцией для компонента **чэ** в новых наименованиях продолжает оставаться реляция предназначения. Данная семантическая реляция действует в рамках не одной, а нескольких формальных моделей. В зависимости от этого и с учетом ее лексического разнообразия можно выделить несколько подвидов данной реляции. Например,— "для осуществления действия": ч(X_1, X_2) = "предмет X_2, предназначенный для проведения

действия, обозначенного первым компонентом X_1". **Люючэ** (**люю** "путешествовать" + **чэ**) "туристический поезд"; **шэнцанчэ** (**шэнцан** "сохранять холод" + **чэ**) "рефрижератор"; **цаньчэ** (**цань** "есть" + **чэ**) "вагон-ресторан"; **цзюхучэ** (**цзюху** + **чэ**) "санитарная машина", "скорая"; **фусуцзицзючэ** (**фусу цзицзю** "реанимировать" + **чэ**) "реанимобиль".

Первый компонент в вышеприведенных примерах обозначает действие или процесс, выполнению которых способствует определенное транспортное средство. X_1 может обозначать объект перевозки:

ч(X_1, X_2) = такой X_2, который используется для перевозки предмета, обозначенного X_1. **Ючэ** (**ю**"масло" + **чэ**) "масловоз"; **тушу людун чэ** (**тушу** "литература" + "перевозить" + **чэ**) "библиобус".

X_1 может обозначать сферу действия, среду передвижения X_2: **юэцючэ** (**юэцю** + **чэ**) "луноход", "луномобиль"; **юйчжоу** (**юй** "вселенная + **чэ**) "космобиль", **цяньшуйчэ** (**цяньшуй** "погружаться в воду" + **чэ**) "аквомобиль".

В комплексах, обозначающих средства передвижения, широко используется реляция "уподобления по форме другому предмету". На Тайване есть такой вид транспорта как **сянсинчэ** "машина, имеющая форму ящика" или, как ее называют в просторечии, "девятимесстка". В КНР она называется **мяньбаочэ** (**мяньбао** "хлеб" + **чэ**), т.е. "машина, напоминающая по форме буханку хлеба". Соответствует "микробус", "рафик" в русском языке.

Эти же реляции лежат в основе номинации для специфически китайского средства транспорта: **пинбаньчэ** (**пин** "ровный" + **бань** "доска" + **чэ**) "грузовой велосипед с прицепом" или "велосипед, оснащенный грузовой тележкой"; **саньлуньчэ** (**сань** "три" + **лунь** "колесо" + **чэ**) "велорикша".

Первый компонент может указывать на движущую силу, "источник энергии" **жэньличэ** (**жэнь** "человек" + **ли** "сила" + **чэ**) "рикша", **цидяньчэ** (**цидянь** "воздушная подушка" + **чэ**) "аэроход", **моточэ** (**мото** "мотор" + **чэ**) "мотоцикл"; **цзысинчэ** (**цзы** "сам" + **син** "двигаться" + **чэ**) "велосипед"; **мото цзысинчэ** "мотор" + "велосипед" — "мопед".

Сопоставляя семантическую структуру ЛСГ средства передвижения в двух языках, можно отметить сходство внутренней формы ряда наименований. Однако в целом китайские наименования отличаются большей прозрачностью внутренней формы и легкостью выводимости значения. Кроме того, русский язык отличается большим разнообразием специализированных средств выражения данного СЗ.

Размышления Е.А.Земской над языковыми фактами современного русского языка, новообразованиями в русской лексике и делаемые ею выводы имеют значение для отбора и классификации

частотных явлений новейшего словообразования в других языках. Рассмотрение этих явлений через призму обогащения и развития номинативных средств языка позволяет уяснить тенденции в динамике новой лексики в последние десятилетия в языках различного типа, весьма отличающихся друг от друга. Работы Е.А.Земской значительно способствуют пониманию процесса новейшего китайского словообразования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Источниковедческой базой явились китайские словари новых слов и значений, специальные лингвистческие исследования, язык современной прессы и рекламы. Использовались также личные наблюдения автора над разговорной речью во время командировок в КНР и на Тайвань.

[2] См. *Земская Е.А.* "Словообразование как деятельность", глава III. "Активное номинативное словообразование", с. 92—162.

[3] Это слово вытеснило исконное слово **чаодуаньцюнь** (**чао** "сверх" + **дуань** "короткий" + **цюнь** "юбка") "сверхкороткая юбка", от которого оно отличается не семантикой, но стилистической окраской. Вскоре после появления минискерт в китайском языке появилась также одежда **миди** и **миси** ("макси") средней и большой длины.

[4] "Словообразование как деятельность", с. 77.

ЛИТЕРАТУРА

Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969.

Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

Земская Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния (Виноградовские чтения I—VIII). М., Наука, 1978.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., Наука, 1981.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., "Русский язык", 1987.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., Наука, 1992.

О.Б. Сиротинина
(Саратов)

О ТЕРМИНАХ "РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ", "РАЗГОВОРНОСТЬ" И "РАЗГОВОРНЫЙ ТИП РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ"

В современной научной литературе сложилось употребление разных терминов как по отношению к разным лингвистическим объектам, так нередко и к одному лингвистическому объекту и, наоборот, одного термина по отношению к разным объектам. И то, и другое нередко приводит к путанице понятий и ненужным терминологическим спорам. В задачу данной статьи входит разграничение трех заявленных в ее заголовке терминов.

Разговорная речь изучается уже давно, сложились научные коллективы, связанные с ее исследованием, опубликован целый ряд фундаментальных работ, среди которых прежде всего должны быть названы три коллективных монографии под редакцией Е.А.Земской[1]. Не касаясь спора о лингвистическом статусе разговорной речи (разговорный язык, разговорный стиль, одна из функциональных разновидностей литературного языка и т.д.), следует заметить, что в основном, во-первых, большинством исследователей используется термин "разговорная речь" (даже если она признается разговорным языком), и, во-вторых, в этот термин вкладывается понятие о совершенно определенном лингвистическом объекте. "Разговорной речью" называется система неофициального непринужденного персонально адресованного общения, осуществляемого при непосредственном контакте общающихся, т.е. общения в устной форме и в определенной ситуации. Эта система характеризуется комплексом взаимодействующих и взаимообусловленных свойств (см. указанные монографии под ред. Е.А.Земской).

Несмотря на кажущуюся принципиально иной позицию О.А.Лаптевой, говорящей о существовании единой устной разновидности литературного языка, фактически под разговорной речью О.А.Лаптева понимает тот же лингвистический объект, поскольку внутри "устной разновидности" научная и разговорная речь вовсе не смешиваются[2].

Бесспорные заслуги группы, работающей под руководством Е.А.Земской, определяются как выявлением системного характера

свойственных разговорной речи явлений, так и самим описанием этих явлений. Саратовские исследователи разговорной речи добавили к этому описанию сведения о степени регулярности употребления тех или иных характерных для разговорной речи фактов и степени их противопоставленности в силу этого научной и художественной речи[3]. Свой вклад в исследование разговорной речи внесли, разумеется, и многие другие ученые. В данном случае важно, что все они исследовали определенный лингвистический объект — речь в условиях неофициального персонально адресованного общения. Могли несколько сдвигаться границы исследуемого материала (только ядро разговорной речи или и ядро и периферия, для которой характерно ослабление действия фактора официальности/неофициальности или фактора непринужденности, непосредственности общения), но в принципе это один и тот же объект — система общения, для которой типична минимальная забота о форме выражения, если это не специальная языковая игра.

Очевидно, что совершенно иной лингвистический объект исследуется учеными, анализирующими речь действующих лиц художественного произведения. Принципиальную несовместимость этих лингвистических объектов показала в своем фундаментальном сопоставительном их исследовании Кв. Кожевникова[4], еще раньше фактически о том же говорил В.В.Виноградов[5]. Как бы ни относиться к сходству отдельных фактов живой разговорной речи и художественного диалога (отражение, типизация, стилизация, сигналы разговорности), ясно, что это разные лингвистические объекты. Если система разговорной речи — результат минимальной заботы о форме выражения, то художественный диалог — следствие очень тщательной работы писателя над ним, предельного максимума заботы о форме выражения.

Нет поэтому ничего удивительного и в том, что в художественном диалоге проявляется не только (а часто и не столько) индивидуальность персонажа, но и индивидуальная манера создания художественного диалога автором произведения[6]. Очень часто при этом используются не только явления, характерные для разговорной речи, а и особые условные приемы создания впечатления говорения (например, создание впечатления некультурной речи персонажа орфографически неграмотным написанием офоэпически правильного литературного произношения типа *што*, *канешно*).

Тесная спаянность сигналов того, что люди именно **говорят**, и речевой характеристики персонажа характерна для подавляющего большинства русских писателей. Это еще одно доказательство того, что художественный диалог и разговорная речь — разные лингвистические объекты.

Трудно судить о степени близости художественного диалога и разговорной речи в XVIII, XIX и первой половине XX века, поскольку мы не имеем материалов живой разговорной речи того

времени. Однако сопоставление художественного диалога писателей одного и того же периода (современников) явно показывает, что, каковы бы ни были характерные черты разговорной речи того времени, представляют писатели художественный диалог по-разному. Так, у Пушкина есть разница в порядке слов в речи столичного и провинциального дворянства, в речи дворян и людей из народа, а у Лермонтова такой разницы нет. Писатели используют разные способы создания впечатления говорения: Л.Толстой, Шолохов, Распутин широко пользуются различными неправильностями речи, сниженной и диалектной лексикой, тогда как Чехов, Трифонов, Шукшин явно этого избегают. Даже в "отражении" типичных для разговорной речи явлений одни писатели предпочитают прежде всего порядок слов, а другие (например, Чехов) им почти не пользуются, то же в отношении использования прерванных конструкций, соотношения частей речи и т.д. (подробнее см. Сиротинина 1995).

На основании всего сказанного представляется целесообразным говорить не о типизации или стилизации разговорной речи в художественном диалоге, а об особой эстетической категории "разговорности", которую можно было бы определить как создание путем использования любых средств языка **впечатления** живой устной речи, того, что люди именно говорят.

Размежевание терминов "разговорная речь" и "разговорность" необходимо и потому, что в художественном диалоге (а нередко и в несобственно авторской и даже просто в авторской речи) бывает почти невозможно отграничить то, что стилизует в нем разговорную речь с ее порядком слов, с ее неполнотой и т.д. от того, что служит речевой характеристикой (грубые и нелитературные словечки, неуклюжие фразы и т.д.), поскольку, с одной стороны, в художественном диалоге это неразрывно связано, а с другой — для речевой характеристики некультурного человека могут использоваться явления, типичные и для речи культурных людей (порядок слов, заполнители пауз, перестройки фраз на ходу и т.д.). Разговорность как эстетическая категория — создание **впечатления говорения**, неважно какого: деревенского или городского, культурного или некультурного, но **говорения**.

В средствах массовой информации разговорность приобретает свойства особой риторической категории. Все расширяющееся использование газетчиками, радио- и тележурналистами не только разговорной и просторечной лексики и даже просторечных форм слов (*дадена*) не просто новый языковой вкус эпохи[7], но и результат стремления приблизиться к потребителям средств массовой информации, т.е. результат осознанного снижения речи в риторических целях. И опять-таки "разговорность" не означает сближения только с разговорной речью, в разговорность как риторическую категорию так же, как в разговорность как эстетическую

категорию, включается и использование нелитературных элементов языка. Разговорность как риторическая категория — создание **впечатления некнижной речи.**

Стремление создавать такое впечатление — явная реакция на прежний официоз средств массовой информации. Известно, что тенденция к большей их разговорности существует и в других странах[8]. Книжная речь усваивается, особенно на слух, значительно хуже, поэтому стремление к разговорности средств массовой информации явно связано с достижением большей эффективности коммуникации, т.е. является риторическим.

Итак, разговорность как эстетическая или риторическая категория лишь очень косвенно связана с разговорной системой общения. Термин "разговорная речь" может использоваться только применительно к системе общения в сфере неофициальной персонально адресованной коммуникации. Применительно к массовой коммуникации и к сфере словесного искусства (литературе) следует использовать лишь термин "разговорность".

Прилагательное "разговорный" в последние годы начало использоваться и в терминах, обозначающих разные внутринациональные типы речевой культуры (см. термины "литературно-разговорный" и "фамильярно-разговорный" типы речевой культуры[9]). Связь их с термином "разговорная речь" опять-таки весьма косвенная. Эти типы речевой культуры составляют лингвистический объект не функционально-стилевой дифференциации литературного языка (разговорная речь — одна из функциональных разновидностей литературного языка), а объект теории культуры речи (разговорность — объект стилистики и риторики). И обнаруживаются эти типы речевой культуры не в неофициальной, а в официальной сфере общения.

Еще в 1991 г. Н.И.Толстой выделил разные типы речевых культур, справедливо подчеркнув, что и просторечие, и диалекты — это не нарушение норм литературного языка, а особые типы речевых культур, тесно соотносимые с соответствующими типами общей культуры[10]. Более дробное членение типов речевой культуры в сфере действия литературного языка, предложенное В.Е.Гольдиным и О.Б.Сиротининой (см. примечание 9),— результат длительных и тщательных наблюдений реального функционирования литературного языка в разных сферах общения. Было обнаружено, что кроме того типа речевой культуры, который с полным правом можно назвать элитарным, широко распространен тип, который можно было бы назвать среднелитературным (неполное владение возможностями литературного языка и неполное следование орфологическим, коммуникативным и этическим нормам), и встречаются типы речевой культуры, характерным признаком которых является следование разговорной системе общения **за пределами** неофициальной сферы и персонально адресованной коммуника-

ции. Эти типы в зависимости от степени сниженности речи можно назвать литературно-разговорным и фамильярно-разговорным. Прилагательное "разговорный" косвенно связывает эти типы с разговорной системой общения, но принципиальное отличие лингвистических объектов, называемых терминами "литературно-разговорный" и "фамильярно-разговорный" типы речевой культуры, от лингвистического объекта "разговорная речь" заключается в сфере их бытования. Разговорная речь осуществляется в неофициальной сфере, эта система является закономерной функциональной разновидностью литературного языка и в элитарном, и в среднелитературном типе речевой культуры, но в них использование этой системы ограничено именно функциональными рамками. Расширение границ использования, выход этой системы за пределы неофициальной сферы составляет сущность "разговорных" типов речевой культуры.

"Разговорность" — намеренное использование элементов разговорной системы с преобладанием при этом сниженных ее элементов и даже нелитературных. "Разговорные" типы речевой культуры — невладение иными функциональными разновидностями литературного языка (носители "разговорных" типов владеют только одной функциональной разновидностью — разговорной речью), и в этом плане сближены с просторечием (с его стилевой и функциональной монотонностью)[11]. Однако в отличие от просторечия носители "разговорных" типов речевой культуры не нарушают или почти не нарушают ортологических норм, во всяком случае произносительных и норм формообразования, фактически не используют просторечных слов, т.е. говорят на литературном русском языке, но "не на том стиле"[12].

Как уже говорилось, различаются "разговорные" типы речевой культуры степенью сниженности речи. Оба они характеризуются использованием в официальной сфере общения (в выступлениях по телевидению, например) именования собеседников и третьих лиц домашними именами и ты-общения, несмотря на официальность обстановки (см., например, практику многих ведущих телепередач), привычной для неофициального общения фонетической нечеткостью, небрежностью в выборе слов, в построении фраз, опорой на общность апперцепционной базы с непосредственным собеседником без учета "двойного адресата" (Т.Г.Винокур). Для фамильярно-разговорного типа типично, кроме того, использование сниженной, в том числе и жаргонной лексики.

Таким образом, при сходстве терминов в корнях слов и весьма косвенном сходстве обозначаемых ими реалий (лингвистических объектов) значительно более важными оказываются принципиальные различия между ними. Основное отличие от термина "разговорная речь" термина "разговорность" состоит в обозначении им эстетически или риторически целесообразного, намеренно употреблен-

ного, тщательно продуманного; термина "разговорный тип речевой культуры" — в обозначении им функционально неоправданного применения разговорных норм общения в официальной сфере в результате неполного владения возможностями литературного языка. Кроме того, это термины разных отраслей языкознания: "разговорная речь" — термин функционально-стилевой дифференциации языка, используемый в ряду: разговорная речь — кодифицированный литературный язык, разговорная речь — научная речь, деловая речь и т.д.; "разговорность" — термин художественной стилистики или риторики, используемый в противопоставлении книжность — разговорность; "разговорный тип речевой культуры" — термин теории культуры речи и используется в ряду: элитарная речевая культура, среднелитературная, просторечная, народно-речевая, литературно-разговорная, фамильярно-разговорная.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русская разговорная речь. М., Наука, 1973; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., Наука, 1981; Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., Наука, 1983.

[2] *Лаптева О.А.* Дискуссионные вопросы изучения устной литературной речи в аспекте теории нормы // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь, 1992.

[3] Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983; Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992.

[4] *Кожевникова Кв.* Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага, 1970.

[5] *Виноградов В.В.* О художественной прозе. М.—Л., 1930; ВиноградовВ.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

[6] *Сиротинина О.Б.* Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи // Stilistika-IV Текст и стиль. Opole, 1995.

[7] *Костомаров В.Г.* Языковый вкус эпохи. М.: Педагогика-Пресс, 1994.

[8] *Орлов Г.А.* Современная английская речь. М.: Высшая школа, 1991.

[9] *Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993, вып. 25.

[10] *Толстой Н.И.* Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991, ч. I.

[11] *Капанадзе Л.А.* Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., Наука, 1984.

[12] *Кондратьева-Фишер И.С.* Неэлитарная речевая культура на телевидении // Единицы разных языковых систем и особенности их функционирования. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1995.

С.М.Толстая
(Москва)

ИЗ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОНОЛОГИИ: ИМПЕРФЕКТИВЫ И ИТЕРАТИВЫ С СУФФИКСОМ *-IVA-*

В 1948 году в журнале Word вышла знаменитая статья Якобсона "Русское спряжение", которая оказала огромное влияние на развитие русской и славянской формальной морфологии и морфонологии и вызвала целый поток работ, развивающий предложенный Якобсоном подход на материале разных славянских языков (работы М.Халле, Г.Ланта, Т.Лайтнера, Г.Кучеры, А.Шенкера, Ф.Гладнея, Р.Ленчека, Г.Аронсона, Р.Ясковского, В.Г.Чургановой и многие другие); она явилась толчком к возникновению целой области славистики — глагольной морфонологии, причем не только словоизменительной, но и словообразовательной (Э.Станкевич, Д.Ворт, А.Исаченко, В.В.Лопатин и др.). В этой статье Р.О.Якобсон предложил формальное описание русского спряжения и открыл простой и универсальный принцип строения глагольной словоформы, а именно правило, по которому закрытые основы, т.е. основы, оканчивающиеся на согласный, свободно сочетаются с морфемами, начинающимися с гласного, и наоборот; в случае, когда на стыке морфем возникают другие комбинации, происходят элементарные преобразования посредством усечения или наращения. В таком представлении морфонология выглядела как простой комбинаторный механизм, определяющий характер преобразования морфемных швов в зависимости от фонемного состава морфем и фонологических свойств контактирующих компонентов морфем. Универсальное значение этого механизма было в полной мере подтверждено последующими детальными разработками различных фрагментов славянской морфонологии, но вместе с тем было обнаружено немало других, не чисто комбинаторных и не только позиционных, но и содержательных — грамматических, лексико-семантических, стилистических и т.п. факторов и условий, влияющих на характер морфонологических преобразований. Было обнаружено большое число индивидуальных или групповых отклонений от предписываемых комбинаторикой морфемных модификаций, несмотря на то, что фонологические характеристики и грамматические свойства сочетающихся морфем полностью соответствовали условиям правил.

В настоящих заметках рассматривается один случай такого рода отклонений от стандартной модели морфонологических преобразований, касающийся русских имперфективов и итеративов с суффиксом *-iva-*, и предлагается одно из возможных объяснений этих отклонений.

Присоединение суффиксов *-iva-/-va-* — одна из самых регулярных моделей имперфективации в русском языке. Она используется при всех типах производящих (инфинитивных) глагольных основ, причем суффикс *-va-* образует имперфективы и итеративы от атематических открытых (оканчивающихся на гласную) основ: *дать — давать, знать — знавать, -стать — -ставать, -бить — -бивать, жить — живать, деть — девать* и т.п., а также от глаголов I-го спряжения на *-еть: заболеть — заболевать, устареть — устаревать, уцелеть — уцелевать, разуметь — подразумевать* и т.д., а суффикс *-iva-* и его морфонологический вариант *-yva-* — от всех остальных морфологических классов (всех типов и подтипов спряжения). Распределение вариантов *-yva-* и *-iva-* регулируется достаточно простым правилом. Глаголы, имеющие перед суффиксом инфинитива (или усекаемым суффиксом *-ну-*) твердую согласную, образуют имперфектив прибавлением *-yva-* с сохранением твердости конечного согласного (*записать — записывать, прочитать — прочитывать, отхлебнуть — отхлебывать, расколоть — раскалывать* и т.д.), и только в случае, когда основа оканчивается заднеязычным *k, g* или *x*, суффикс автоматически принимает вид *-iva-* и вызывает "непереходное" смягчение заднеязычных: *прискакать — прискакивать, подпрыгнуть — подпрыгивать, махать — помахивать* и т.д. А глаголы, имеющие перед суффиксом инфинитива (точнее, перед усекаемой тематической гласной) парную мягкую согласную, присоединяют "йотирующий" вариант имперфективного суффикса (т.е. *-iva-*), вызывающий "переходное" смягчение (йотацию) переднеязычных и губных согласных: *ходить — хаживать, гладить — глаживать, засадить — засаживать, сузить — суживать, притормозить — притормаживать, любить — недолюбливать, озаглавить — озаглавливать, остановить — останавливать, подкормить — подкармливать, растопить — растапливать, укоротить — укорачивать, расплатиться — расплачиваться, завинтить — завинчивать, носить — нашивать, взвесить — взвешивать, вырастить — выращивать, закрестить — закрещивать, гулять — разгуливать* и т.п. Таково стандартное правило, однако оно имеет несколько "индивидуальных" исключений (ср. отсутствие ожидаемой йотации в *обуржуазивать, обремизивать, обезлесивать* при морфонологически "нормальных" имперфективах *офранцуживать, окрашивать*) и ряд "групповых" (или "системных") отклонений.

Во-первых, от стандартного правила отступают глаголы II-го спряжения на *-еть*. Вместо варианта *-iva-* они присоединяют суффикс *-yva-* и соответственно вместо йотации имеют отвердение

парной мягкой согласной: *глядеть — заглядывать, подглядывать, приглядываться* и т.д. все глаголы с этим корнем, *свистеть — насвистывать, высвистывать* и т.д., *хрустеть — похрустывать, скрипеть — поскрипывать, видеть — видывать, сопеть — посапывать, хрипеть — похрипывать, храпеть — похрапывать, кряхтеть — покряхтывать*. В спряжении эти глаголы ведут себя так же, как и *i*-глаголы, т.е. выбирают те же аффиксы и имеют тождественные морфонологические модификации: *пустить — пущу, пустишь = свистеть — свищу, свистишь; копить — коплю, копишь = храпеть — храплю, храпишь* и т.д. Но в словообразовании они не всегда совпадают с *i*-глаголами. Так, девербативы на *-ение* от глаголов на *-ить* показывают йотацию конечного согласного основы, а производные от глаголов на *-еть* йотации не знают: *будить — бужение*, но *гудеть — гудение, накопить — накопление*, но *сопеть — сопение, кипеть — кипение, сидеть — сидение, видеть — видение* и т.д. В этом типе деривации они ведут себя подобно глаголам на *-еть* I-го спряжения: *уметь — умение, облысеть — облысение, отупеть — отупение, оскудеть — оскудение* и т.п. (подробнее см. Толстая 1996). Но в интересующем нас случае (т.е. в образовании имперфективов) они отличаются и от этих глаголов I-го спряжения, которые образуют имперфективы и итеративы с суффиксом *-va- (устареть — устаревать, заболеть/заболею — заболевать, запотеть — запотевать* и т.д.). И только глаголы *терпеть, повелеть* и *заболеть/заболит* следуют модели глаголов на *-еть* I-го спряжения: *претерпеть — претерпевать* (вместо ожидаемого по аналогии с другими глаголами этого класса **претерпывать*), *повелеть — повелевать, заболеть/заболит — заболевать* (но *разболеться/разболится — разбаливаться* в соответствии с другими глаголами на *-еть* II спряжения). А глагол I-го спряжения *выздороветь*, наоборот, имеет имперфектив по образцу глаголов на *-ить*: с суффиксом *-iva-* и с йотацией *(выздоравливать)* вместо положенной формы **выздоровевать* (впрочем, этот глагол вообще тяготеет к классу *i-глаголов, ср.* просторечные формы *выздоровлю, выздоровишь* вместо нормативных *выздоровею, выздоровеешь*, а также вполне литературное образование *выздоровление*, воплощающее, однако, модель, характерную для производных от глаголов II-го спряжения; "правильной" формой было бы **выздоровение*). Как и во многих других отношениях, причем не только в русском языке, отклоняется от нормы глагол *вертеть* (и его префиксальные дериваты); он образует имперфектив по модели *i*-глаголов, т.е. с суффиксом *-iva-* и с йотацией: *навертеть — наверчивать* (при *навернуть — навертывать*), ср. также *верчение* (по типу *крутить — кручение*) вместо ожидаемого **вертение* (по типу *кряхтеть — кряхтение*). Соответственно общему правилу, но вопреки другим глаголам II спряжения на *-еть*, ведут себя также глаголы *зудеть, сидеть* и *смотреть*, образующие имперфективы с суффиксом *-iva-* и с йотацией: *подзу-*

живать, сиживать, высматривать (для *r* йотация и "непереходное" смягчение не различаются и манифестируются мягким *r'*).

С другой стороны, некоторые *i*-глаголы в нарушение правила образуют, подобно глаголам I спряжения на *-еть*, имперфективы на *-евать* без йотации: *затмить — затмевать* (столь же аномально отсутствие йотации в *затмение*), *растлить — растлевать* (при нормальном *истлеть — истлевать*), *продлить — продлевать, упокоить — упокоевать.*

Среди примеров, демонстрирующих непоследовательность морфонологических правил в русском языке, обычно приводятся имперфективы или итеративы от *i*-глаголов, в которых вопреки правилу отсутствует йотация переднеязычных, ср. *спросить — спрашивать* в соответствии с нормой, но *откусить — откусывать; взвесить — взвешивать*, но *сбросить — сбрасывать; уплатить — уплачивать*, но *проглотить — проглатывать; подкормить — подкармливать*, но *отломить — отламывать* (ср. Лопатин 1977, с. 195, 243; Чурганова 1973, с. 217). Между тем, за этой непоследовательностью, как это часто бывает, скрывается определенная закономерность или "причина", объясняющая отклонение от нормы. Глаголы, отступающие от нормы, обнаруживают одну общую особенность, а именно — в основании их деривационной цепочки в качестве "первичного, исходного" производящего, наряду с *i*-глаголом, находится глагол с *a*-основой: *ломить* и *ломать, бросить* и *бросать, -кусить* и *кусать, хватить* и *хватать, катить* и *катать, -глотить* и *глотать*, причем эти пары не обязательно противопоставлены по виду. Именно эта деривационная "память" заставляет перечисленные глаголы отступать от нормы и следовать модели, присущей *a*-глаголам (показательно, что *i*-глаголы, соблюдающие стандартное морфонологическое правило имперфективации, т.е. образующие имперфективы с йотацией, подобных *a*-дублетов не имеют).

Любопытно, что подобное объяснение может быть принято и для глаголов на *-еть* II-го спряжения. Их "притяжение" к морфонологической модели *a*-глаголов также может объясняться тем, что многие из них имеют параллельные (правда, иногда архаичные или диалектные) варианты с *a*-основой, например, литературные *свистать, видать*. У Даля наряду с *глядеть* приводятся церковнослав., зап. и сев. *глядать* с императивом *глядай* и закономерным итеративом *глядывать* (ср. также литер. церковнославянизм *соглядатай*), хотя диалектные формы обнаруживают и притяжение его к *i*-глаголам: *гляженый, гляженое лучше хваленого.* Наряду с *хрустеть* в диалектах представлено *хрустать* (новгор., вятск.) со значением 'грызть, раскусывать'; существуют также диалектные формы *гудать, гудалка; храпать, храпывать; скрипать, скрипание; хрипать* и т.п.

Менее очевидно морфонологическое влияние *а*-глаголов в таких случаях, как *вскочить — вскакивать, оттащить — оттаскивать, стучать — постукивать*, однако и здесь нельзя не заметить наличия однокоренных *а*-глаголов: *скакать, таскать, стукать*. Другие примеры подобной депалатализации (точнее, дейотации) перед суффиксом *-iva-* относятся к глагольным парам, воспринявшим морфонологическую модель образования имперфективов от глаголов с консонантным исходом основы (атематических): простореч. *приволочить* (литер. *приволочь*) — *приволакивать* и другие глаголы с этим корнем. В парах *молчать — помалкивать, перекричать — перекрикивать, визжать — повизгивать* и т.п. мы имеем дело с той же мнимой депалатализацией, если считать производящими соответствующие основы с суффиксом *-ну-* (*вскричать/вскрикнуть — вскрикивать*), или, при отсутствии непосредственно производящего глагола этого типа,— с эффектом его косвенного влияния, т.е. *молчать — помалкивать* под влиянием *умолкнуть, замолкнуть* и т.д.

Таким образом, большинство нерегулярностей и отклонений от правил в морфонологическом оформлении имперфективов и итеративов с суффиксами *-iva-/-yva-/-va-* находят свое объяснение за пределами непосредственных морфонологических моделей, в более отдаленных, но, как оказывается, остающихся действенными глубинных системных связях.

ЛИТЕРАТУРА

Лопатин 1977 — *В.В.Лопатин*. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.

Толстая 1996 — *С.М.Толстая*. К типологии морфонологических моделей в славянских языках: йотация в отглагольных именах на *-*enje* // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А.А.Зализняка. М., 1996. С. 584—597.

Чурганова 1973 — *В.Г.Чурганова*. Очерк русской морфонологии. М., 1973.

Н.И.Толстой (*Москва*)

ВОСПОМИНАНИЯ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Предлагаемый читателю текст — не статья и даже не материалы, а именно воспоминания или обрывки воспоминаний о том русском языке, которым я пользовался в детстве, отрочестве и юности и который я слышал от окружавших меня русских людей в Белграде. Я хочу вспомнить слова, которые ушли из русского языка и кажутся сейчас старомодными, иногда выспренными, но это были по большей части бытовые слова и слова принятого речевого этикета.

Здоровались обычно так: "Здравия желаю" (это мужчины), прощались словами "честь имею" (отсюда шутка: "честь имею кланяться, смею Вам понравиться"; опять-таки это мужчины). Благодарили обычно: "покорнейше благодарю" (мужчины) или "благодарствуйте" (и мужчины, и женщины). Конечно, было приветствие "здравствуйте" и прощание "до свидания", но те слова, которые я привел, были признаком хорошего воспитания. Не было забыто и часто употреблялось слово "спасибо", но когда однажды в гимназии один гимназист сказал учителю природоведения Евгению Александровичу Елачичу "большое спасибо", тот на него накричал: "Спасибо не может быть ни большим, ни маленьким! Спасибо — это *спаси Бог*!". Я с удовольствием недавно прочитал в воспоминаниях Д.С.Лихачева о том, как он и его близкие друзья в 20-е годы в Соловках определяли степень интеллигентности по тому же признаку "большое спасибо": «Создал я тогда и "тесты" на "чувство русского языка". Для "первой категории" (низшей) я предлагал различать два слова в письменной и устной речи: "кушать" и "есть", "супруга" и "жена". Для второй (высшей) — "разница" и "различие", а также употребление выражения "большое спасибо" (т.е. "большое *Спаси Бог*")» (см. Д.С.Лихачев. Воспоминания. СПб., 1995. С. 229).

Черты армейского и гвардейского лоска выражались не только в словах "покорнейше благодарю", но и в частом употреблении без какой бы то ни было стилистической окраски слов "так точно" и "никак нет". Обращение к генералу "Ваше превосходительство", а к графу — "Ваше сиятельство" тоже не носило подчеркнуто официального или почтительного характера, оно просто заменяло обычное "Николай Николаевич" или "Илья Ильич".

Русские не *работали* (*работать* можно было на фабрике, на земляных работах), а *служили* и получали, конечно, не *зарплату*, а *жалованье* — другого слова не было.

Сербские слова никогда не употреблялись в русской речи. Мне помнится случай, когда тот же Евгений Александрович Елачич (кстати, потомок знаменитых хорватских аристократов Елачичей), проверив присутствие учеников в классе по толстому, как амбарная книга, журналу, недоверчиво оглядывал класс, подозревая, что его могли обмануть. На предпоследней парте сидел мальчик Соцков из новороссийских, одесских краев. Когда Е.А.Елачич спросил его: "Кто с Вами сидит?",— Соцков бодро встал и громко ответил: "Я сам". Приняв этот южноруссизм за сербизм, Е.А. вспылил и закричал: "Убирайтесь вон из русской гимназии, идите в сербскую гимназию, Вам не место в русской гимназии!". Ничего не понимающий Соцков сел на свою одинокую предпоследнюю парту. Выгоняли нас из класса тоже достаточно своеобразно. Учитель русского языка, носитель замечательного московского говора Николай Александрович Чернышов подходил к гимназисту, брезгливо сзади брал его за воротник темно-серой гимнастерки и произносил: "Ты не русска-а-ай! Пшел вон!" Зато учитель сербского языка доцент Белградского университета Радомир Алексич пользовался другим аргументом. Он кричал: "А, широка́я русска́я душа́я! Марш на́полье!" И мы, преисполненные национальной гордости, охотно покидали класс. Конечно, это не было правилом, а лишь немногими случаями, но они мне хорошо запомнились.

Наиболее неимущие гимназисты, к которым относился и я, получали бесплатные обеды. Выбор был всегда одинаков: либо голубцы, либо форшмак. Их нам подавали *подавальщицы*; слова́ *официант* и *официантка* вообще были неизвестны. И хотя еда была очень однообразной, съедали ее всю, без *церемоний*. *Церемонией* называлось правило хорошего тона, по которому в гостях следовало на тарелке оставлять немного еды и приправы, чтобы тебя не посчитали голодным и плохо воспитанным. Особенно строго соблюдали *церемонию* русские эмигрантки-польки.

Слова гимназического арго почти стерлись из памяти. Когда-то с покойным А.А.Реформатским за рюмкой водки мы сравнивали его гимназическое арго и мое. Было очень много совпадений, но сейчас, как у "старого учителя латыни", в памяти осталось лишь несколько выражений: преподаватели были, как помнится, *звери*, которые *дергали*, а не *вызывали* или *спрашивали*; родители — *предки*, а гимназист, когда стоял *на махалке*, чтобы предупредить, что идет учитель, в знак опасности кричал: "Шесть!",— и быстро вбегал в класс. Когда товарищ на перемене ел булку или пирог, у него нередко просили: "Дай *кец*" или "дай *кечик*" (т.е. "кусок, кусочек"). В старшем, восьмом классе гимназии был день, к которому готовились задолго, накапливая гимназические гроши. В этот день,

называемый *стоднёвка*, за сто дней до экзаменов на аттестат зрелости (*большая матура*), восьмиклассники приглашали своего *классного наставника* и несколько учителей в хороший русский ресторан на обед; затем на остаток денег "кутили", как взрослые, в дешевой сербской "кафане".

Мы были молоды и полны сил и не думали, что когда-нибудь можем стать *рамóликами*, или *рамоли́*. Это, тогда употребительное, слово отмечено в словаре Ушакова как архаическое, но теперь, когда я его случайно произношу, почти все смотрят на меня удивленными глазами. Я не знал слова *расческа*, пока не пришла Красная армия и я не ушел с ней на фронт в Венгрию и Австрию. Для нас естественным, простым и единственным было слово *гребешок*.

Из медицинских слов в памяти осталось мало архаизмов. Конечно, не было никаких *медсестер*, а были только *сестры милосердия*; они делали *вспрыскивания*, а не *уколы*; в нужных случаях они советовали пить *отвáрную воду*, а не *кипяченую*. Больница обычно называлась *госпиталем* ("Русский госпиталь доктора Левицкого" в Панчево, недалеко от Белграда) или *лечебницей*, хотя существовало и слово *больница*. В детстве я не слышал слова *инфаркт*, но только — *разрыв сердца*, так же как не помню слова *инсульт*, но хорошо помню *удар* или *апоплексический удар*. Туберкулез почти все называли *чахоткой* — и врачи, и пациенты. Сильное возбуждение, главным образом от радости, называли *ажитацией*, и мать мне нередко говорила: "Никита, только пожалуйста, без ажитации".

Очередей в своем детстве и отрочестве я не помню, они появились в первые дни войны, и называлась очередь *хвостом*. Ср. у Дон Аминадо шутливое стихотворение о всемирном потопе: "Дунул норд и дунул ост. / И почти с разбегу / становились люди в *хвост* / к Ноеву ковчегу". Так же своеобразно появлялись русские слова для новых реалий. Первые знаки переходных дорожек были в виде металлических кружков на асфальте; в Белграде их не было до войны, но в Париже они назывались *гвоздями* (видимо, калька с французского), и тот же Дон Аминадо писал: "Исправив свой характер норовистый / по всем статьям, / ходи не так, как ходят анархисты, / а по *гвоздям*". В русских газетах никогда не было *кроссвордов*, это слово я увидел в первый раз в Москве, в 1945 г., а всегда были *крестословицы*.

Существенным компонентом нашей речи были французские слова или слова французского происхождения в оригинальном произношении. Я до сих пор не могу отказаться от привычки произносить слова *портфёль* или *шофёр*, *режиссёр* с передним [ö], что является предметом шуток моих детей. Французские слова в некоторых случаях считались обязательными и не заменялись русскими. Помимо *мерси* (часто шутили: "*Мерси* Вам с кисточкой"), были всегда *a propos*, *soi-disant*, *entre nous soi dit* (или короче — *entre*

nous), *en face*, *trois-quarts* и т.п. Об этом автономном и замкнутом французском произношении в русском языке хорошо писал Л.В.Щерба.

В заключение хотелось бы отметить, что наша пресса часто употребляет слово *белогвардейский* не только в отрицательном, но иногда и в весьма положительном смысле. Такого положительного смысла у русских *беженцев* никогда не было, слово воспринималось как бранное, вульгарное и с ярко отрицательной окраской, которая ему в течение нескольких десятилетий придавалось очень многими, начиная с Ленина и Троцкого и кончая Демьяном Бедным. При этом слово это в советской России употреблялось не только по отношению к Белой армии, но и ко всей белой эмиграции, которая сама себя редко называла белой, а обычно — просто русской. А чаще всего это были не эмигранты, а *беженцы*, или, говоря несколько более возвышенным языком, "русские люди, в рассеянье сущие".

Я вполне понимаю, что язык развивается, а не стоит на месте, и то, что носителям архаического языка кажется единственно правильным, во многих случаях не может отстоять свои позиции. Но мне до сих пор режет ухо, когда я слышу: "Вы представляете ...", вместо "Вы представляете себе ...", ибо в моем сознании глагол *представлять* тесно связан с кругом значений "показывать, изображать", а не "осознавать, иметь представление". Мой покойный отец Илья Ильич мне говорил, что на вопрос в троллейбусе "Вы сходите?" ему хочется ответить: "Схожу я дома, а сейчас я выхожу". Но кто теперь задумывается над этим?

P.S. Вышла неплохая книга: *Л.М.Грановская*. Русский язык в "рассеянии". Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995,— которая посвящена больше языку русской эмигрантской поэзии, чем бытовому языку. В ней есть интересные наблюдения, но я опирался в основном на собственные воспоминания, как было сказано в начале этих заметок.

В.Н.Топоров
(Москва)

О ПЛАТОНОВСКОЙ РЕМИНИСЦЕНЦИИ У ТУРГЕНЕВА

Первая часть тургеневских "Senilia. Стихотворения в прозе" была опубликована в декабрьском (№ 12) номере "Вестника Европы" за 1882 год, когда писателю оставалось жить немногим более полугода и ожидание смерти определяло его настроение, о чем с достоверностью можно судить и по последним его художественным произведениям (ср. "Клару Милич", другое название — "После смерти", "Перепелку", "Старуху", "Конец света", "Последнее свидание", "Necessitas, Vis, Libertas", "Насекомое", "Старика", "Природу", "Как хороши, как свежи были розы...", "Встречу. Сон", "Когда меня не будет", "Песочные часы", "Я встал ночью...", "Когда я один... Двойник" и др.), и по письмам, и по воспоминаниям людей, встречавшихся с Тургеневым в последние годы его жизни.

Среди "Стихотворений в прозе", в которых тема смерти, несомненно, присутствует, есть и текст, озаглавленный "Два брата"[1] и написанный в августе 1878 года в Спасском. Этот текст должен быть отнесен к жанру "виде́ний", примеров которого в этом предсмертном цикле много[2]. В нем рассказывается о том, что привиделось автору ("То было видение"):

"Передо мною появилось два ангела... два гения". Они были обнажены, и за плечами у них вздымались сильные, длинные крылья. Оба — юноши. "Один — несколько полный, гладкокожий, чернокудрый [...] взгляд вкрадчивый, веселый и жадный. Лицо прелестное, пленительное, чуть-чуть дерзкое, чуть-чуть злое [...] Юноша улыбается, как власть имеющий — самоуверенно и лениво; пышный цветочный венок слегка покоится на блестящих волосах. Пестрая шкурка леопарда повисла с округлого плеча на выгнутое бедро. Перья крыльев отливают розовым цветом; концы их ярко-красны, точно омочены багряной, свежей кровью [...] Другой был худ и желтоват телом. Ребра слабо виднелись при каждом вдыхании. Волосы белокурые, жидкие, прямые; огромные, круглые, бледно-серые глаза... взгляд беспокойный и странно-светлый. Все черты лица заостренные [...] Эти сухие губы ни разу, никогда не улыбались. То было правильное, страшное, безжалостное лицо! [...] Оба юноши казались *неразлучными* [выделено здесь и далее мной.—

В. Т.] товарищами. Каждый из них опирался на плечо другого [...] и послышался мне голос... Вот что произнес он: «Перед тобой *Любовь* и *Голод* — два родных брата, две коренных *основы всего живущего*. Всё, что живет — движется, чтобы питаться; и питается, чтобы воспроизводиться. Любовь и Голод — цель их *одна*: нужно, чтобы *жизнь не прекращалась*,— собственная и чужая — всё та же, *всеобщая жизнь*»".

Цель деятельности обоих братьев действительно одна — "непрекращение" жизни или то же самое, но в несколько ином ракурсе — поддержание жизни, продление ее в череде поколений. Но что же позволяет объединиться братьям, трудящимся на ниве жизни и ради жизни, но каждый по-своему? *Жажда* жизни, нужда в ней. Жизнь нуждается в пространстве и в своем собственном возрастании. Это второе дело выполняет Любовь: она не довольствуется тою полнотой жизни, которая с ней связана, и в своей ненасытности жаждет избытка жизни, чтобы обеспечить ее продолжение в следующих поколениях. Первое дело выпадает на долю Голода: он тоже жаждет жизни, нуждается в ней, но не столько для того, чтобы восстановить себя, или вовсе даже не для этого, а для того, чтобы расчистить пространство для жизни, *новой* жизни, после того как старая, пройдя пору цветения и плодоношения вступила на наклонный путь и близится к своему собственному истощению, к смерти. И Голод в этом контексте всего лишь иноформа Смерти, пожирающей эти приходящие в упадок жизни: да, Голод жаждет жизни — как первичный мотив — для себя, и, если он все-таки жив, то это значит, что он поддерживает свое существование остатками "отработанной" жизни и что между Любовью и Голодом, Жизнью и Смертью существуют отношения взаимной дополнительности. И вторичный мотив, в своей крайней форме главный, это нужда в жизни, жажда ее ради ее же изъятия, чем и занимается как единственным своим делом Смерть. Эти две жажды, единые в своем корне и своих целях, в своей конкретной направленности совсем разные: одна трудится ради увеличения жизни, ее процветания и вечного присутствия; другая — ради поглощения жизни и смерти. Этот круг соображений, в существенной степени опирающийся на текст "Двух братьев", находит подтверждение и в других произведениях Тургенева и иных его высказываниях, позволяющих говорить о наличии у него особого "психофизического" комплекса любви и смерти, о котором подробнее см. в другом месте[3]. Здесь же важнее отметить, что оппозицию *жизнь — смерть* писатель рассматривает в более специфическом и интенсивном варианте *Любовь — Голод*, позволяющем открыть вход в сферу "лично-экзистенциального" и лучше понять сам механизм передачи жизни и в индивидуальном жизненном опыте конкретного человека и в потомстве.

Надо полагать, что эта концепция Любви и Голода, проясненная здесь с известной достоверностью, как и оба этих персонифицированных образа, отражают знакомство Тургенева *с платоновским* мифом, рассказываемым Диотимой на пиру (Sympos. 203b—204a). Такое предположение не должно вызывать удивления: много занимаясь классическими языками и философией, Тургенев не мог пройти и мимо Платона, которого он читал, причем кое-что, очевидно, в подлиннике. Имя Платона, как и отсылки к некоторым его произведениям, в тургеневских текстах встречается неоднократно. Более того, платоновские темы и образы были близки Тургеневу жизненно (любовь и смерть, Афродита Пандемос и Афродита Урания) — и теоретически и, если угодно, практически: и в своем "низком" и в своем "высоком" любовном опыте он как бы воплощал две любви, о которых говорил Платон — именно в "Пире"[4].

Платоновский миф, послуживший, видимо, некиим образцом для названного выше тургеневского текста "Два брата", имеет следующий вид:

"Когда родилась Афродита, боги собрались на пир, и в числе их был *По́рос* (Πόρος), сын Метиды. Только они отобедали (ἐδεῖπνησαν) — *а еды* у них было *вдоволь* (εὐωχίας οὔσης),— как пришла просить подаяния *Пени́я* (Πενία) и стала у дверей. И вот По́рос, охмелев от нектара — вина тогда еще не было,— вышел в сад Зевса и, отяжелевший, уснул. И тут Пени́я, задумав в своей *бедности* родить ребенка от По́роса, прилегла к нему и зачала Эрота (ἐκύησε τὸν Ἔρωτα). Вот почему Эрот — спутник и слуга Афродиты: ведь он был зачат на празднике рождения этой богини; кроме того, он по самой своей природе (ἅμα φύσει) любит красивое (τὸ καλόν): ведь Афродита красавица. Поскольку же он сын По́роса и Пени́и, дело с ним обстоит так: прежде всего он всегда *беден* (πένης) и, вопреки распространенному мнению, совсем *не красив* и не нежен, а груб, неопрятен, не обут и бездомен; он валяется на голой земле, под открытым небом, у дверей, на улицах и, как истинный сын своей матери, из *нужды* не выходит (ἀεὶ ἐνδεία σύνοικος). Но с другой стороны, он по-отцовски тянется *к прекрасному* (τοῖς καλοῖς) и совершенному, он храбр, смел и силен, он искусный ловец [...], он *жаждет* разумности (φρονήσεως ἐπιθυμητής) и достигает ее, он всю жизнь занят *философией* (φιλοσοφῶν διά παντὸς τοῦ βίου), он искусный чародей, колдун и софист" ("Пир", 203b—203d)[5].

Разумеется, рассказ Диотимы миф, и в этом отношении он зависит и от индивидуальной, но интуитивно верной фантазии, и от логики самого мифа, которая "самонастраивается" в процессе развертывания мифа и переживания его смыслов сознанием. О реконструкции того, с чем имела дело фантазия Диотимы-Плато-

на, и о том, как логика выстраивала миф, здесь говорить не придется. Но если исходить из сделанного выше предположения о том, что в основе тургеневского текста "Два брата" лежит схема платоновского фрагмента о Пóросе, Пенúи и Эросе (Эроте), то, конечно, уместно обозначить тот вклад русского писателя, который был им сделан в схему платоновского мифа.

Эти нововведения состояли прежде всего в замене трехперсонажной платоновской схемы (Пóрос, Пенúя, Эрос) двухперсонажной (Любовь, Голод), что, естественно, обозначает сведéние "двупоколенческой" схемы (Пóрос, Пенúя — родители, Эрос — их дитя) к "однопоколенческой" (Любовь и Голод — братья). При этом сохраняются и изофункциональность и изосемантичность Пенúи и Голода, что и обеспечивает соотнесенность этих персонажей друг с другом. Пóрос же, напротив, теряет в тургеневском тексте свое прямое соответствие, и на его место выдвигается Любовь, соотносимая с Эросом[6], но вводимая в то же поколение, что и Голод-Пенúя. Тем не менее смыслы, несомые образом Пóроса у Платона, не потеряны и в тексте Тургенева, но переданы двум персонифицированным образам — и Любви и Голоду, которые как "две коренных основы всего живого", как два совместно работающих на ниве труженика, делают ради самой жизни, ее продолжения общее дело. Следовательно, Любовь в тексте Тургенева как бы синтезирует в себе функции и Пóроса и Эроса, подобно тому как и в Голоде отражена, конечно, платоновская Пенúя, но и Эрос[7]. Другим важным преобразованием платоновской схемы, произведенным Тургеневым, было выдвижение на место Пóроса Любви. Если Πόρος в платоновском тексте отсылал к идее запаса-ресурса, богатства, обилия (ср. εὔπορος 'обильный', 'богатый ресурсами', ἄπορος 'лишенный ресурсов', πόριμος 'богатый' и т.п., а также родственные слова типа русск. *пора́, по́рный, пора́то, пори́ть* 'толстеть', 'жиреть', 'увеличиваться', *пори́нье* 'здоровье', 'сила' и т.п.) и противопоставлялся Пенúи по признаку богатства-бедности, имения-неимения, то Любовь и Голод, объединяясь в общей жажде жизни, жизненной силы, обилия, противопоставлялись, как указывалось выше, по увеличению-уменьшению (вплоть до полного изъятия жизни) присутствия жизни и тех ценностей, которые с нею связаны. Это преобразование позволило оформить более специфическое, напряженное и "сильнос" противопоставление с новыми перспективами его развития. Третье существенное изменение, следующее из предыдущих преобразований и из русской языковой матрицы, состояло в том, что платоновская схема masc. ("положительное"): fem. ("отрицательное"), т.е. Пóрос: Пенúя, была трансформирована в fem. ("положительное"): masc. ("отрицательнос"), т.е. Любовь: Голод с выдвижением Любви на "сильную" позицию, что, в частности, соответствует и пониманию любви в русской

традиции как *женской* по своей природе (в отличие, например, от лат. *amor*, masc. и других романских языков), и что у Тургенева как бы ставится под сомнение: у него Любовь — брат Голода при том, что у Платона природа Эроса-Любви мужская, а Пении-Голода — женская (в русском варианте ожидалось бы нечто вроде Голодуха, Проголодь и под.). Наконец, представляется важным усилением, предложенным Тургеневым, то, что в русской версии платоновского мифа Пения "транскрибируется" не как Бедность, Нищета, Нужда, как обычно характеризуется этот персонаж и как переводят соответствующий ему апеллятив, а более специфично, индивидуализировано и образно — Голод (ср. мотив еды, ради которой Пения пришла на пиршество), с развитой системой эйдетических ассоциаций.

Однако все эти преобразования схемы платоновского мифа в версии "Двух братьев" не только не ослабляют идею двух сопоставленных здесь текстов, но, напротив, подчеркивают корневой характер этой связи и фундаментальность этой темы для Тургенева. Вместе с тем было бы ошибкой считать, что знакомство с Платоном было причиной тех мыслей и того настроения, которые отразились в этом его "стихотворении в прозе". Писателю достаточно было своего личного жизненного опыта, чтобы рассказать о нем читателю, и Платон в данном случае пригодился ему потому, что в его мифе он признал свое личное и воспользовался с указанными выше преобразованиями схемой этого мифа, оказавшейся и достаточно емкой и достаточно гибкой.

А это свое личное состояло в том, что мир, жизнь, силы, определяющие и самое жизнь и ее высшие смыслы и ценности, открылись Тургеневу не в религии, не в Боге, не в природе, даже не в художественном творчестве (или не столько в нем), а в *любви и смерти*, "озабоченностью" которыми была пронизана вся его жизнь и в очень значительной степени его творчество. О взаимной связи любви и смерти, их едином корне и, следовательно, об их родстве и, более того, их близнечестве Тургенев, конечно, знал и сам, как знали об этом и поведали миру его великие современники — Тютчев и Бодлер[8].

Тургенев не только чувствовал эту связь Любви и Смерти и находил ей подтверждение в своих снах и дивинациях, в реальных переживаниях их глубинного единства и взаимозависимости, но и *знал и осмыслял* ее в своих рефлексиях, отразившихся и в его художественных произведениях. За два года до смерти, в июне 1881 года, Тургенев пишет о том, что сама любовь необходимо связана с вхождением в нее умирания: "Все говорят: Любовь — самое высокое, самое неземное чувство. Чужое я внедрилось в твое: ты расширен — и ты *нарушен*; ты плотью теперь далек, и твое я *умерщвлено*. Но человека с плотью и кровью возмущает даже такая

смерть. Воскресают одни бессмертные боги" ("Любовь", из цикла "Новые стихотворения в прозе").

Любовь и смерть при общем их корне связаны *антиномически*, ибо любовь есть жизнь в высшем ее проявлении, вечная весна, бессмертие "на время". Мало того, что антиномически,— но и парадоксально (как парадоксально само глубинное единство жизни и смерти): *любовь*, *сильнейшая* смерти ("Тетя, что ты плачешь? — тому, что я умереть должен? Да разве ты не знаешь, что *любовь сильнее смерти*? Смерть? Смерть, где жало твое? Не плакать, а радоваться должно — так же, как и я радуюсь"...— "Клара Милич" [другое название — "После смерти"], последнее крупное произведение писателя, законченное менее чем за год до смерти) и смерть преодолевающая, с одной стороны, и, с другой, смерть, которой подвластно всё, включая сюда и жизнь человека с его любовью. И если всё-таки возникает необходимость снять этот парадокс или как-то объяснить его, то это, кажется, можно сделать только при предположении, что есть любовь и любовь,— любовь, переживаемая физически и бессильная перед смертью, как всё физическое, и любовь *сверхчувственная*, неподвластная смерти и току времени, бессмертная[9]. Тургенев знал и ту и другую любовь, и о парадоксах последней писал не раз: "Стой! Какою я теперь тебя вижу — останься навсегда такою в моей памяти! [...] Вот оно, вот оно, *бессмертие*! Другого бессмертия нет — и не надо. В это *мгновение ты бессмертна*. Оно пройдет [...] Но что тебе за дело! В это мгновение — ты стала выше, ты стала *вне всего преходящего, временного*. Это *твое* мгновение не кончится никогда" ("Стой!", из цикла "Senilia").

Парадокс одновременного присутствия в любви двух для "трезвого" рассудка взаимоисключающих характеристик — бессмертия и смертности,— очевидно, мог бы быть сформулирован и в "отрицательном" модусе, что и было уже сделано тем же Платоном и в том же самом "Пире": "По природе своей он [Эрос.— *В.Т.*] *ни бессмертен, ни смертен* (καὶ οὔτε ὡς ὁ θάνατος πέφυκεν οὔτε ὡς θητός): *в один и тот же день* (τῆς αὐτῆς ἡμέρας) он то *живет* и расцветает, если дела его хороши, то *умирает*, но, унаследовав природу отца, *оживает* опять (τε καὶ ζῇ [...], τοτέ δὲ ἀποθνήσκει, πάλιν δέ ἀ ναβιώσκεται [...]). Всё, что он ни приобретает, идет прахом, отчего Эрос никогда не бывает ни богат, ни беден" (Sympos. 203e). Можно напомнить, что этот фрагмент находится *внутри* платоновского мифа об Эросе, процитированного ранее, а тургеневское "Стой!" было написано в ноябре 1879 года. Похоже, что в конце 70-ых годов тень Платона упала на Тургенева, и в мучительном ожидании смерти его последним оправданием и утешением, последним жизненным ресурсом был "смертно-бессмертный" Эрос.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В черновиках этот текст имел еще два заглавия — "Видение" в черновом автографе и "Любовь и Голод" в перечне ("Сюжеты") белового автографа.

[2] Из наиболее очевидных образцов жанра "виде́ний", зна́ком которого могут выступать и определенные лексемы *(видеть, привидеться, чудиться, почудиться, сниться...* и др.), появляющиеся в отмеченных местах текста, ср.: "И вдруг мне *почудились* [...]" ("Старуха", вторая фраза текста, после первой — "Я шел по широкому полю, один"); — "*Чудилось* мне, что я [...]" ("Конец света. Сон", первая фраза); — "Я вижу громадное здание" ("Порог", первая фраза); — "*Снилось* мне, что [...]" ("Насекомое"); — "Я *видел* себя юношей [...]" ("Христос", первая фраза); — "Мне *снилось*, что я [...]" ("Природа", первая фраза); — "И *вижу* я себя [...]" ("Как хороши, как свежи были розы...", первая фраза после экспозиции; последняя фраза перед заключительной цитатой, совпадающей с заглавием,— "И все они умерли... умерли..."); — "Мне снилось: я шел [...]" ("Встреча. Сон", первая фраза) и др. В ряде случаев подобный языковой знак отсутствует, но принадлежность текста к жанру "виде́ний" не вызывает сомнений, ср. "Деревню", где развертывающееся перед читателем много- и цело-видение, синтетическая картина родного края, Россия делает излишним языковую спецификацию ("вижу: [...]").— Тексты Тургенева цитируются по: *И.С.Тургенев.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах". М., 1978 и далее.

[3] См. работу автора этих строк "Странный Тургенев" (в печати).

[4] Тургенев с юношеских лет много занимался классическими языками, а знакомство с основными сюжетами, темами и образами античной древности и, следовательно, с классическими авторами предполагалось самой системой образования в том кругу, к которому он принадлежал по рождению. Классическими языками и авторами Тургенев занимался в трех университетах — Московском, Петербургском и Берлинском. Знания, полученные в России, оказались не вполне достаточными, и в Берлине ему пришлось усиленно изучать языки, особенно греческий, и самостоятельно, в свободное от университетских занятий время. Впрочем, так же наверстывать недополученное в Московском университете приходилось Тургеневу и в "родных палестинах". Особенно это относилось к греческому языку. В.Н.Житова, сводная сестра Тургенева, воспитывавшаяся в семье Варвары Петровны, вспоминает: "Он почему-то тогда усиленно занимался греческим языком. Каждое после-обеда кто-то приходил к нему и, к великому моему огорчению, в эти часы вход в его комнату мне воспрещался. Я только за дверью слушала какие-то непонятные звуки, выделываемые то голосом Ивана Сергеевича, то голосом его учителя или товарища. Но в изучении Аристофана и мне пришлось принять участие. Однажды он вздумал научить меня лягушечьему греческому языку (как он сам выражался) [...]". См. *ЖитоваВ.Н.* Воспоминания о семье И.С.Тургенева. Тула, 1961, 28.— В Берлине, занимаясь преимущественно гегелевской философией (у Вердера), филологией и историей, Тургенев, усиленно изучая классические языки, слушал курс греческой литературы у Бёка и латинских древностей у Цумпта. Языки давались Тургеневу легко, и знания их были прочными. "Берлинский университет дал ему знание древних языков — он всю жизнь свободно читал классиков",— пишет биограф Тургенева, см. *ЗайцевБ.К.* Жизнь Тургенева. М., 1994, 202. Что касается латинского языка и латинских классиков, то это, несомненно, так, и многие факты свидетельствуют об очень хороших познаниях писателя в этой области и их практическом применении в течение всей зрелой жизни. Что же до греческого языка и классиков, то

"свободное чтение" их, пожалуй, нужно отнести к числу преувеличений, как и другие простодушные утверждения о том, что латынь и греческий он знал "в совершенстве". Несомненно, впрочем, что и противоположные утверждения неверны, ср. у Я.П.Полонского: "Тургенев забыл по-гречески, но латинские книги читал еще легко и свободно" (см. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1969, 423). Скорее всего простодушный Яков Петрович так мог истолковать сообщение Тургенева о том, что теперь (речь шла о разговоре с Тургеневым в его последний приезд в Россию) он не читает по-гречески, т.е. не обращается к чтению греческих авторов в подлиннике (действительно, в последний период жизни писателя сведений о таком чтении нет). Но представить себе, что человек таких лингвистических способностей, как Тургенев, недаром признававшийся, что у него есть особая "шишка восприимчивости", много лет посвятивший изучению греческого и читавший классиков в подлиннике, просто "забыл по-гречески", весьма трудно. Впрочем, разумеется, для знания Платона в том объеме, чтобы нечто у него заимствовать, вовсе не обязательно было обращаться к подлиннику. Во всяком случае эрудиция Тургенева в области платоновских текстов едва ли может быть подвергнута сомнению: из конкретных текстов он явно или косвенным образом упоминает "Федон", "Государство" (переводя это название как "Республика", ср.: *Зубрил "Республику" Платона.*— "Помещик"), "Теэтет", ср.: 1, 156; 12, 520; Письма 1, 227, 366; 3, 619, а также письмо к Полине Виардо от 19 ноября старого стиля 1847 г. (Письма 3, 227), "Etude sur la situation des serfs en Russie" (12, 524), "In Philosophia quid Romani ipsi effecerint quid a Graecis assumserint" (см. *ЕгуновА.Н.* Письменные ответы Тургенева на магистерском экзамене // Тургеневский сборник. Материалы к Полному Собранию сочинений и писем И.С.Тургенева. II. Л., 1966, 99) и др. Но главное даже и не в эрудиции, а в несомненной любви Тургенева к Платону, коренящейся отчасти в общем обоим авторам высоком строе мыслей, в их общей устремленности к правде, красоте, любви. А.Н.Луканина, знавшая Тургенева в последние годы его жизни, в своих воспоминаниях о нем ("Мое знакомство с И.С.Тургеневым") пишет:

"Я заметила Ивану Сергеевичу, что я тоже думаю, что вряд ли «Варенька Ульмина» будет встречена с симпатией — теперь интересы общества устремлены к вопросам общественным, а их автор вовсе не касается...— А хоть бы и так! — крикнул Иван Сергеевич.— Если автор поэт, глубоко прочувствовал свой предмет, страстно описал его, то он имеет право на существование, хотя бы он был всего один на свете со своим направлением и стремлением. Красота имеет право на существование, она в конце концов вся цель человеческой жизни. Правда, любовь, счастье — всё соединяется в красоте. Древние греки были переполнены чувством красоты. Я читал перевод *Платона* Джоуетта (перевод Шлейермахера плох), у меня болела душа от того, насколько мы пали сравнительно с греками. Описание смерти Сократа, описание некоторых поступков Алкивиада и суда над ним — да это верх совершенства! А простота какая! Вы читаете словно короткий протокол и в то же время чувствуете, что этот Сократ, этот полулежащий, полусидящий человек — бог! почему — черт его знает... этого не объяснишь. [...] У нас был Пушкин [...] — у него иногда являлся этот отблеск божественного света красоты, а больше-то никого и нет", см. И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2, 217.

[5] Этот рассказ Диотимы сам по себе замечательный образец философского и "языкового" мифа, весьма глубокого по содержанию и мифопоэтического по своей форме. Существенно, что рассказ Диотимы представляет собой пример индивидуального "авторского" мифа. Разрозненные и скудные сведения, в кото-

рых главным достоянием были сами имена Пóроса и Пени́и, Платон сумел оформить как законченный миф, введя в него хорошо известного Эроса (Ἔρως) и организовав через этот образ аморфную эмпирическую совокупность. Но и внутри пространства разрозненных и скудных фактов Платону удается и в смысловом и в "формальном" (языковом) отношении связать два главных имени мифа в некое антитетическое единство, которое в свою очередь отсылает к более глубокому уровню, на котором этот антитетизм "снимается". Пример того, как это делает Платон, скрывшийся за Диотимой, заслуживает особого внимания. "И тут Пени́я, задумав в своей *бедности...*" передает фрагмент греческого текста, ядром которого является διὰ τὴν αὐτῆς ἀπορίαν. Здесь Платон прибегает к игре слов, имеющей глубокий смысл. Слово ἀπορία как некая имманентно присутствующая и не отделимая от Пени́и характеристика, не только подчеркивает "бедность" самой Пени́и, но и связывает ее с противоположным ей Пóросом. Это ἀπορία отсылает к Πόρος, как "не-порность", бедность, нужда, дефицит к "порности", богатству, доходу, средству к жизни, ср. πόρος: πορεύω 'перевозить', 'переходить', 'совершать путь' (med.), 'вступать в половую связь' (med.) и др. при πείρω 'пересекать', 'проницать', 'пронзать'; 'пролагать путь' — к н.—евр. **per-io-* [сам корень **per-* имел, видимо, и сексуальное значение ('coire'), сохранившееся периферийно и в русском *переть(ся)* 'вступать в половую связь', но и 'удаваться', 'иметь доход', 'везти' (*Мне прёт* 'мне везет' и под.) и т.п., *пороть(ся)*, см. *Елистратов В.С.* Словарь московского арго (материалы 1980—1994 гг.). М., 1994, 325, 355—356; *Флегонт А.* За пределами русских словарей [s.l., s.a.], 261; Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992, 187; Русский мат. Антология для специалистов-филологов. М., 1994, 51—52 и др.]. Образ "бедной Пени́и", обозначаемый как ἀπορία, т.е. 'бес-порность' ('не-порность'), лишенность того качества, которое является главным у Пóроса,— "порности", т.е. достатка, средства к жизни, не столько подтверждает, сколько устанавливает отношение взаимодополнительности Пени́и и Пóроса и в значительной степени смысла соответствующих апеллятивов — πενία и πόρος — Канонический перевод др.—греч. πενία — 'бедность', 'нужда', однако более интенсивным, "сильным" значением, по крайней мере в тексте Платона (Πενία⇒ πενία), нужно признать именно 'голод', 'алканис', 'жажда' как специфический вариант нужды-недостачи, дефицита по сравнению с состоянием, признаваемым нормальным, и тем более с состоянием обилия-насыщенности (*на-пёрся хлебом*, т.е. наелся доотвала), свойственным Пóросу. Именно это "сильное" значение подтверждается др.—греч. πεῖνο, πείνη, ион. 'голод', 'жажда' и даже 'страсть', глаголом πεινάω 'голодать', 'алкать', 'жаждать', 'страстно хотеть' (ср. уже у Гомера — Il. 3, 25; 16, 758; 18, 162; Odyss. 20, 137), ср. также πένομαι 'трудиться', 'исполнять', но и 'нуждаться', 'быть лишенным', 'быть бедным' и т.п.; πονέω: πόνος 'труд', 'усилие'; 'занятие', 'дело'; 'тягота', 'забота'; 'страдание', 'мучение', 'боль', 'скорбь', 'болезнь' и т.п.— все, видимо, к н.—евр. **pen*: **pon-* [возникает вопрос о возможности связи **pen-*: **pon-* (πενία, πόνος) и **pon-* (лат. *penus* 'запасы еды', 'кладовая', 'внутреннее святилище храма', *penes* 'у', 'в обладании', 'в руках', *penitus* 'внутри', 'внутренний', *penates* как боги внутреннего пространства дома, ср. *penetro* 'проникать', 'достигать', 'вводить'; лит. *repėti* 'кормить', 'насыщать' (: pẽnas 'корм'), лтш. *penêt*, может быть, гот. *fenea/*finja*, см. Pokorny 1, 807): ответа на этот вопрос пока нет; возможно, его нужно искать в связи с идеей "внутреннего"; если иметь в виду приведенные параллели из других индоевропейских языков, то нельзя исключать, что "голодную" Пени́ю-Πενία нужно трактовать как "жаждущую корма, быть накормленной", стремящейся заполнить нутро и т.п.; о существующей этимологии

см. Chantraine, 881—882: "douteuse"]. Показательно, что известна и мужская персонификация "труда" — Πόνος, сын Эриды (:Πενία).

[6] В первом русском переводе "Пира" Ἔρως регулярно переводится как Любовь, ср.: "Но Пенія по причине недостатка умышлявшая, каким бы образом зачати чадо от Пора, возлегла к нему и зачала *Любовь* в то время. Отсюда рождена *Любовь*, возследственница и служебница Афродиты [...]", см. Творений Велемудраго Платона вторыя части вторая половина. Переложил с Греческого языка на Российский Секретарь Матфий Пахомов. СПб., 1783, 133—134, ср. также 97. Нельзя исключать того, что в домашней библиотеке в Спасском, где были написаны "Два брата", хранился первый русский перевод "Творений Велемудрого Платона" (известно, что книги XVIII века были хорошо представлены в этой библиотеке). Но как бы то ни было, *Любовь* в тексте Тургенева является точным переводом Ἔρως, хотя в дальнейшем предпочитали *Эрос, Эрот*.

[7] Здесь важно отметить и языковую, конкретнее — языковую и морфологическую организацию трех персонажей платоновского мифа — Πόρος, Πενία, Ἔρως (в реконструкции, видимо, *Πέρος, ср. органическую связь Эроса-Эрота с темой предела, обоснованную Платоном в том же самом "Пире"; сам же предел кодируется корнем и.—евр. **per-*, ср. др.—греч. πέρας, πεῖρας при ἀπειρία, ἀπείρων (уже у Гомера) и глаголах περάω 'проходить', 'проникать', 'переступать', πειράω (:πεῖρο) и т.п. Таким образом, в реконструкции все три персонажа мифа, сюжетно связанные с другом и "разыгрывающие" некий цельноединый смысл, имеют имена, начинающиеся с *p-*. Два из них — мужские и оформлены как слова мужского рода; они объединены также их двусложностью и "хореичностью" в противоположность трехсложному и "амфибрахическому" женскому имени; к тому же, два мужских имени образуют минимальную пару, реализующую элементарную морфологическую оппозицию **per-* : **por-*, противостоя в этом отношении изолированному **pen-* (подобным же образом исходный звук корня мужских имен *-r* противостоит такому же по положению звука корня женского имени *-n*). Но Эрос сын не только Πόроса но и Пенúи, и важнейшим в силу своей эксклюзивности языковым знáком этого родства выступает огласовка корня *e*. Подобным же "общесемейственным" знáком всех трех персонажей оказывается *p-* в анлауте их имен ("П-семья"). В итоге вскрывается довольно искусно организованная картина связей трех имен и на языковом уровне. Она — из тех неслучайных случайностей, которые неизбежны в мифопоэтическом творчестве.

[8] Лишь два примера. В стихотворении "Близнецы", написанном, видимо, в 1848—1849 гг., Тютчев говорит о двух божественных близнецах — смерти и сне (*Как брат с сестрою дивно сходных — | Она угрюмей, кротче он*) и, подхватывая "близнечную" тему,— *Но есть других два близнеца — | И в мире нет четы прекрасней, | И обаянья нет ужасней | Ей предающего сердца... || Союз их кровный, не случайный, | И только в роковые дни | Своей неразрушимой тайной | Обворожают нас они. || И кто в избытке ощущений, | Когда кипит и стынет кровь, | Не ведал ваших искушений — | Самоубийство и любовь*! — Самоубийство, т.е. смерть от своей руки или самим выбираемая, и любовь, действительно, два кровных, не случайных, роковых близнеца. Умирание своего Я в любви и самоубийство как высшая форма смерти, ее неслучайности, сознательности, воли определяют выбор в принципе одинаковой позиции человека перед самоубийственной смертью и самоотверженной вплоть отвержения себя, своего Я любовью.— Несколько иной аспект "разыгрывается" в сонете Бодлера "Les deux bonnes sœurs" (до 1842 г.). В отличие от тютчевского стихотворения здесь в отмеченной форме выступает любовь: *La Débauche et la Mort sont deux aimables filles, | Prodigues de baisers et riches de*

santé | [...], с финалом — *Quand veux-tu m'enterrer, Débauche aux bras immondes?* | *O Mort, quand viendras-tu, sa rivale en attraits,* | *Sur ses myrtes infects enter tes noirs cyprés*? — Разврат (*la Débauche)* здесь не более чем тот профанирующий разворот любви, который изменяет самой любви и делает ее противоположностью себе, когда духовное умирание в любви вытесняется физической, плотской гибелью от этой ее подмены.— К тютчевскому "близнечеству" сна и смерти, с одной стороны, и взаимопроникновению жизни и смерти, с другой, ср. известное высказывание Чаадаева: "Мне кажется, что *сон* есть настоящая *смерть*, а то, что смертью называют, кто знает? — может быть, оно-то и есть жизнь?.. Дело в том, что истинная смерть находится в самой жизни. Половину жизни бываем мы мертвы, мертвы совсем, не гиперболически, не воображаемо, но действительно, истинно мертвы... Жизнь убегает от нас повсеминутно, часто к нам возвращается, но никак нельзя сказать, чтобы мы жили не переставая. Жизнь разумная прерывается всякий раз, как исчезает сознание жизни".

[9] Сверхчувственный пласт любви открылся Тургеневу, видимо, еще в юношеском возрасте, и он намекнул на это в "Первой любви". Тогда именно он понял, почувствовал, что "в глазах любимой женщины есть нечто сверхчувственное, [...] само божество", тот "мистический просвет", которым была и для него самого любовь, Эрос в его "чистейшей и возвышеннейшей" форме. В этом отношении Тургенев был предшественником Владимира Соловьева (кстати, тоже не раз обращавшегося к "Пиру" и переведшего его). См. *ЗайцевБ.К.* Жизнь Тургенева, 316 и др.; *СтепунФ.А.* Встречи. Нью-Йорк, 1968, 136.

И. С. Улуханов
(Москва)

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ

0. Изучая активные процессы словообразования в русском языке XIX и XX вв., Е.А.Земская не оставляла без внимания и морфонологические явления в словообразовании. В частности, ею было теоретически разработано и подробно описано такое морфонологическое явление как наложение морфем [1]. В учебнике 1973 г. [2] ею впервые в русском языкознании было дано обобщенное описание словообразовательной морфонологии современного русского языка.

Акцентологические явления в словообразовании — по-видимому, одна из наименее изученных частей синхронной словообразовательной морфонологии, хотя в последние десятилетия и в этой сфере появился ряд работ [3–9]. В настоящее время имеются предпосылки для создания словообразовательной акцентологии современного русского языка. В качестве основных задач этого раздела науки о русском словообразовании можно было бы назвать следующие: 1) описание акцентологических явлений, свойственных каждому словообразовательному типу (задача, в известной степени решенная в [3]; сведения из [3] используются в данной статье); 2) классификация всех единиц словообразовательной системы с акцентологической точки зрения; 3) описание видов зависимости ударения мотивированного слова от ударения мотивирующего. Попытка способствовать решению второй и третьей из названных задач предпринята в данной статье.

Как известно, ударение мотивированного слова может падать на тот же слог, что и в мотивирующем слове (*писáть — переписáть, писáтель*), либо переходить на иной слог (*мы́слить — мыслúтель, выходúть — вы́ходец, зуб — зубáтый, слéсарь — слесáрничать*).

С акцентологической точки зрения морфы, являющиеся словообразовательными формантами в чистых способах словообразования, могут быть разделены на следующие группы: 1) всегда ударные; 2) всегда безударные; 3) ударные в одних мотивированных словах и безударные в других; 4) ударные в одних формах всех слов с данным аффиксом и безударные в других формах этих слов; 5) безударные во всех формах части слов с данным аффиксом и в

части форм остальных слов; б) выступающие в словах, акцентологически разделенных на три части: а) имеющие ударение на аффиксе во всех формах; б) имеющие ударение на аффиксе в части форм; в) имеющие во всех формах безударный аффикс.

1. Всегда ударными являются, например, префиксальные морфы *вы- (чи́стить — вы́чистить), па- (сын — па́сынок), су-(мрак — су́мрак)*, суффиксальные морфы *-итель (смотре́ть — смотри́тель), -атор (стабилизи́ровать — стабилиза́тор), -ант-/-ент (консульти́ровать — консульта́нт, претендова́ть — претенде́нт), -ат (экспони́ровать — экспона́т), -аг(а) (рабо́тать — работя́га), -ак(а) (куса́ть — куса́ка), -ух(а) (стря́пать — стряпу́ха), -ул(я) (игра́ть — игру́ля), -оныш (зверь — зверёныш), -онок (слон — слонёнок), -изова- (а́втор — авторизова́ть), -изирова- (витами́н — витаминизи́ровать), -ирова- (грим — гримирова́ть, баррикада — баррикади́ровать), -ану- (ре́зать — резану́ть), -ин- (кома́р — комари́ный), -охоньк-/-ошеньк- (бе́лый — белёхонький, белёшенький), -усеньк-(то́нкий — тонюсенький), -ущ- (у́мный — умнющий), -енн- (то́лстый — толсте́нный)* и др.

2. Безударные словообразовательные морфы делятся на 2 подгруппы.

2.1. К первой подгруппе относятся морфы, выступающие в словах, ударение которых не зависит от мотивирующего слова: все эти слова имеют ударение на тех слогах мотивирующей части, которые отстоят от форманта на равное число слогов. Например, глаголы с морфами *-аз-/-ка-* (алломорфы, выступающие в глаголах со значением звучания) и *-ну-* (в глаголах несовершенного вида со значением становления признака) имеют ударение на слогах, предшествующих этим суффиксальным морфам, независимо от ударения мотивирующего слова: *ах — а́хать, кукареку́ — кукаре́кать, мо́крый — мо́кнуть, слепо́й — сле́пнуть*. Такое же ударение имеют существительные с морфами *-ловк(а): обира́ть — обира́ловка, гра́бить — граби́ловка, -к(а): недоучи́ться — недоу́чка, -шк(а): замара́ть — замара́шка, -чк(а): тяну́ть — тяну́чка, -льн(я): исповеда́ть — исповеда́льня*.

2.2. Ударение слов, имеющих морфы второй подгруппы, зависит от структуры и ударения мотивирующего слова.

К этой группе относится, например, морф *-ива-*. Слова с морфом *-ива-* имеют ударение на том же слоге, что и мотивирующее слово — в том случае, если этот слог сохраняется в структуре мотивирующего слова (*приме́рить — приме́ривать, заку́порить — заку́поривать*); при отсечении этого слога ударение падает на слог, предшествующий суффиксальному морфу (*перечита́ть — перечи́тывать*); ударение в глаголах с морфом *-ива-*, мотивированных глаголами, имеющими ударный префикс *вы-*, определяется ударе-

нием глаголов, которыми мотивируются глаголы, содержащие этот префикс: *бро́сить — вы́бросить — выбра́сывать; чита́ть — вы́читать — вычи́тывать.*

Прилагательные с морфом *-оньк- (-еньк-)* имеют ударение на том же слоге мотивирующей части в том случае, если они мотивируются прилагательными с ударением на основе *(кори́чневый — кори́чневенький)*; при мотивации прилагательными с ударением на флексии прилагательные с морфом *-оньк-(-еньк-)* имеют ударение на предсуффиксальном слоге (*золото́й — золоте́нький*, разг.).

3. Наличие или отсутствие ударения на словообразовательном форманте у большинства морфов третьей группы полностью или частично зависит от свойств мотивирующего. В соответствии с характером этой зависимости можно выделить три подгруппы. Четвертую подгруппу составляют слова с формантами, ударность или безударность которых не зависит от свойств мотивирующего.

3.1. Полной зависимостью ударения называется такое соотношение, когда ударение на форманте или на мотивирующей части во всех словах с данным формантом (или за отдельными исключениями) предопределяется свойствами мотивирующих слов. Количество и характер этих свойств для разных формантов различно. Схематически данный вид зависимости может быть описан следующим образом:

Свойства мотивирующих слов	Ударение в мотивированном слове
A (или A, A_1, A_2, ...)	на форманте
$\overline{A}$ (или $\overline{A}$, $\overline{A}_1$, $\overline{A}_2$, ...)	на мотивирующей части

Такой вид зависимости свойствен, например, глагольным суффиксальным морфам *-нича-*, *-(е)ствова-*, *-из-* (морф, выступающий в неоднонаправленных глаголах движения *бродить, возить, водить, носить, ездить, лазить*), *-ва-* и *-е-*.

У морфов *-нича-*, *-ствова-/-ествова-* и *-из-* ударения на мотивирующей части и на суффиксальном морфе дополнительно распределены в зависимости от ударения мотивирующих. На суффиксальные морфы *-нича-*, *-ствова-* и *-ествова-* (на их последнюю гласную) ударение падает лишь в том случае, если в мотивирующих именах ударение падает на окончание (при его отсутствии — на слог, предшествующий окончанию); *озорни́к, -а́* или *озорно́й — озорнича́ть, торжество́ — торжествова́ть.* Глаголы с морфами *-нича-*, *-ствова-/-ествова-*, мотивированные именами с ударением на основе, сохраняют, как правило, ударение на том же слоге, что и у мотивирующего слова: *нача́л — нача́льничать, ва́жный — ва́ж-*

ничать; нова́тор — нова́торствовать, усе́рдный — усе́рдствовать и мн. др.; исключения: *пека́рничать (пе́карь), слеса́рничать (сле́сарь), пова́рничать (по́вар).*

Глаголы с морфом *-из-*, мотивируясь глаголами с ударной флексией инфинитива, имеют ударение в инфинитиве на суффиксальном морфе (они относятся к акцентному типу *c*, см. [10], с. 80, 81): *брести́ — броди́ть (брожу́, бро́дишь* и т.д.), *вести́ — води́ть.* В глаголах, мотивированных глаголами с ударной основой, ударение во всех формах падает на мотивирующую основу: *е́хать — е́здить, лезть — ла́зить.*

Глаголы с морфом *-ва-* имеют ударение на этом морфе, если в мотивирующем ударение падает на последний слог инфинитива *(приши́ть — пришива́ть)* или на слог, предшествующий отсекаемому слогу инфинитива *(зате́ять — затева́ть)*; в остальных случаях ударение — на мотивирующей части (на том же слоге, что и в мотивирующем слове): *обесси́леть — обесси́ливать.* Ударение в глаголах, мотивированных глаголами с ударным префиксом *вы-*, определяется, как и у глаголов с морфом *-ива-*, местом ударения тех глаголов, которыми мотивируются глаголы с префиксом *вы-: дуть — вы́дуть — выдува́ть.*

В глаголах с суфф. *-е-* ударение на мотивирующей части (на том же слоге, что и в мотивирующем слове) имеют глаголы, мотивированные следующими прилагательными с неподвижным ударением на основе: а) с основами на *-ав-(-яв-), -ляв-; -ат-, -евat-; -ив-, -ивн-* (с отсекаемой фонемой */н/*), *-ов*, если эти конечные элементы являются либо суффиксальными морфами, либо частями неодносложных корневых морфов мотивирующих прилагательных, например, *прыща́веть (прыща́вый), трухля́веть (трухля́вый), волоса́теть (волоса́тый), суро́веть (суро́вый)*; б) префиксально-суффиксальными прилагательными с префиксом *без-: безлю́деть (безлю́дный), бесси́леть (бесси́льный).* Кроме того, ударение на мотивирующей части имеют отдельные глаголы, мотивированные прилагательными и существительными, составляющие закрытый список: *бере́менеть, посты́леть, пригожеть, румя́неть, убо́жеть, угрю́меть, черво́неть; и́ндеветь, пле́снеть* (устар.), *ве́треть* в знач. "сохнуть на ветру" (ср. *ветре́ть* безличн.— о погоде). Все остальные глаголы имеют ударение на морфе *-е-*, например: *але́ть (а́лый), голубе́ть (голубо́й), глупе́ть (глу́пый), сове́ть (сова́)*, в том числе и глаголы с основой на перечисленные в п. *а* конечные элементы, если последние представляют собою часть односложного корневого морфа мотивирующего прилагательного: *правé́ть (пра́вый), вдове́ть (вдо́вый), сиве́ть (си́вый).*

3.2. Неполной зависимостью ударения на форманте или на мотивирующей части называется такая зависимость, при которой у одной части слов с тем или иным аффиксом место ударения

предопределено свойствами мотивирующего, а у другой — не зависит от них. Различаются 3 вида неполной зависимости.

3.2.1. Первый вид неполной зависимости состоит в том, что при наличии у мотивирующего определенных свойств ударение в мотивированном падает на мотивирующую часть, в остальных случаях оно не зависит от ударения мотивирующего и может падать как на мотивирующую часть, так и на суффиксальный морф.

Схематически этот вид отношений может быть представлен следующим образом:

Свойства мотивирующих слов	Ударение в мотивированном слове
A (A_1, A_2, A_3, ...)	на мотивирующей части
$\overline{A}$ ($\overline{A}_1$, $\overline{A}_2$, $\overline{A}_3$, ...)	на мотивирующей части или на суффиксальном морфе

Первой разновидностью неполной зависимости характеризуется, например, ударение однократных глаголов совершенного вида с суффиксом *-ну₂-*. Фактором, влияющим на место ударения у глаголов с суфф. *-ну₂-*, является сохранение / несохранение в структуре мотивированного глагола ударного слога мотивирующего: при сохранении — ударение на мотивирующей части [на том же слоге, что и в исходной словоформе мотивирующего глагола, например, *пры́гать — при́гнуть*; исключения: *грызну́ть (грызть), мазну́ть (ма́зать, нюхну́ть (нюха́ть), резну́ть (ре́зать), сыпну́ть (сы́пать), хвастну́ть (хва́стать), шмыгну́ть (шмы́гать)*]; при несохранении — ударение либо на суффиксальном морфе (в формах, где */у/* отсутствует — на флексии), например, *толка́ть — толкну́ть, толкну́, толкнёшь*, либо на мотивирующей части (на предсуффиксальном слоге): *крича́ть — кри́кнуть, клева́ть — кло́нуть, хрусте́ть — хру́стнуть* (у глагола *булты́хнуть* — двоякое ударение — на мотивирующей части или на суффиксе).

3.2.2. Второй вид неполной зависимости состоит в том, что при наличии определенных свойств мотивирующего ударение в мотивированном падает на суффиксальный морф, а в остальных случаях оно не зависит от ударения мотивирующего и может падать как на мотивирующую часть, так и на суффиксальный морф. Схематически этот вид отношений может быть представлен следующим образом:

Свойства мотивирующих слов	Ударение в мотивированном слове
A (A_1, A_2, A_3, ...)	на суффиксальном морфе
$\overline{A}$ ($\overline{A}_1$, $\overline{A}_2$, $\overline{A}_3$, ...)	на мотивирующей части или на суффиксальном морфе

Второй разновидностью неполной зависимости характеризуется, например, ударение глаголов с морфом *-ова-*; на ударение в этих глаголах влияет место ударения мотивирующего имени: в глаголах, мотивированных любыми именами, за исключением существительных с неподвижным ударением на основе, ударение падает на суффиксальный морф (на слог *ва*): *черено́к, черенка́ — черенкова́ть, пусто́й — пустова́ть*; в глаголах, мотивированных существительными с неподвижным ударением на основе, ударение падает либо на суффикс (бо́льшая часть глаголов: *газ — газова́ть, пе́мза — пемзова́ть* и т.п.), либо на мотивирующую основу (у глаголов *бесе́довать, ве́ровать, доса́довать, же́ртвовать, изоби́ловать, прихо́довать, про́бовать, расхо́довать, сове́товать).*

3.2.3. Третий вид неполной зависимости состоит в том, что при наличии одних свойств мотивирующего ударение в мотивированном падает на формант, при наличии других свойств — на мотивирующую часть, а в остальных случаях не зависит от свойств мотивирующего, т.е. падает либо на формант, либо на мотивирующую часть. Схематически этот вид отношений может быть представлен следующим образом:

Свойства мотивирующих слов	Ударение в мотивированном слове
A (A_1, A_2, A_3, ...)	на форманте
B (B_1, B_2, B_3...)	на мотивирующей части
$\overline{A}$ ($\overline{A}_1$, $\overline{A}_2$, $\overline{A}_3$, ...)	на форманте или
$\overline{B}$ ($\overline{B}_1$, $\overline{B}_2$, $\overline{B}_3$...)	на мотивирующей части

Третьей разновидностью неполной зависимости характеризуются, например, отыменные глаголы с суфф. $-и_1-$. Факторами, предопределяющими неподвижное ударение на суффиксальном морфе, являются: 1) мотивация именем с ударением в исходной словоформе на окончании: *смола́ — смоли́ть, стекло́ — стекли́ть, дорого́й — дорожи́ть*; 2) мотивация существительным с односложной основой, принадлежащим к акцентной схеме *в* ([10], с. 31): *дождь — дожди́ть, плод — плоди́ть*; 3) мотивация существительными, принадлежащими к акцентным схемам *е* и *f* ([10], с. 31, 32): *гость —*

гости́ть, соль — соли́ть, гвоздь — гвозди́ть. Фактором, предопределяющим неподвижное ударение на мотивирующей части, является мотивация существительными с неодносложной основой, принадлежащими к акцентной схеме *b* ([10], с. 31): *батра́к — батра́чить, утю́г — утю́жить.* Мотивация прочими именами не является фактором, предопределяющим место ударения глаголов с суфф. *-и$_1$-*. К числу этих имен относятся: существительные, принадлежащие к акцентным схемам *a* и *c*: ([10], с. 31): *бо́мба — бомби́ть, пе́пел — пепели́ть,* но *выю́га — выю́жить, арка́н — аркани́ть*; все прилагательные, не имеющие в исходной форме ударения на флексии: *бо́дрый — бодри́ть, горя́чий — горячи́ть, ско́льзкий — скользи́ть,* но *чи́стый — чи́стить, ста́рый — ста́рить, знако́мый — знако́мить* и т.п.

3.3. Полной независимостью ударения на форманте или на мотивирующей части мотивированного слова от свойств мотивирующего характеризуются, например, суффиксы *-и$_2$-* и *-а$_4$-*, выступающие как под ударением, так и без ударения в каузативных глаголах, мотивированных глаголами, ср. *стоя́ть — ста́вить, ру́хнуть — ру́шить, воскре́снуть — воскреси́ть, гнить — гнои́ть, га́снуть — гаси́ть, ги́бнуть — губи́ть, висе́ть — ве́шать, слы́шать — слу́шать, сиде́ть — сажа́ть.*

4. К числу суффиксов, ударных в одних формах всех слов с данным суффиксом и безударных в других формах этих слов, относятся довольно многочисленные суффиксы, сочетающиеся с нулевой флексией и ударные лишь в форме имен. пад. ед. ч.; если приписывать данной форме условное ударение на флексии ([3], с. 93), то такие суффиксы следовало бы отнести к числу всегда безударных (п. 2); ср. суфф. *-ак: води́ть — вожа́к, -а́, -у́* и т.д.; *-ач: тяну́ть — тяга́ч, -а́; -ун: пры́гать — прыгу́н, -а́* и др.

5. К числу аффиксов, безударных во всех формах части слов с данным аффиксом и в части форм остальных слов, относится, например, суфф. *-ок*, который безударен во всех формах слов, содержащих префикс *(выводи́ть — вы́водок, наброса́ть — набро́сок)* и во всех формах беспрефиксальных слов, кроме им. п. ед. ч.: *кипяти́ть — кипято́к, -а́, -у́* и т.д.

6. К числу морфов шестой группы (см. с. 375) относятся, например, следующие префиксальные морфы: *взо-, во-, воз-, возо-, до-, за-, из-, изо-, на-, над-, не-, недо-, о-, об-, обо-, от-, ото-, пере-, по-, под-, подо-, пра-, пре-, при-, про-, раз-, разо-, со-, у-* (см. [7, 9]). Так, префикс *на-* ударен во всех формах сущ. *на́бережная, на́ледь*; в части форм глаголов *нали́ть (на́лил, на́лило, на́лили, на́литый, на́лит, на́лито, на́литы* при возможности параллельных форм с ударением на корне: *нали́л* и т.д.), *наня́ть, нача́ть, нажи́ть* и безударен во всех формах глаголов *написа́ть, набежа́ть, наброса́ть* и мн. др.

7. Словообразовательно-акцентологические закономерности, выявленные в современном русском языке, могут быть соотнесены с результатами интенсивных исследований по исторической (в том числе и словообразовательной) славянской акцентологии. В результате возможно создание синхронно-диахронической словообразовательной акцентологии русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Земская Е.А.* Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке // Вопросы языкознания, 1964, № 2.
2. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
3. Русская грамматика, т. I, М., 1980.
4. *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
5. *Улуханов И.С.* Ударение в словообразовательно мотивированных глаголах современного русского языка. // Slavia orientalis, Warszawa, 1980, №N 1/2.
6. *Лопатин В.В.* Акцентологические проблемы синхронного словообразования в современном русском языке. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981.
7. *Улуханов И.С.* Закономерности ударения в русском словообразовании (ударение в словах, образованных с помощью префикса). // Русский язык за рубежом, 1985, № 1.
8. *Berger T.* Wortbildung und Akzent im Russischen. München. 1986.
9. *Улуханов И.С.* Об изучении закономерностей ударения в русском словоизменении (правила переноса ударения на префикс). // Русский язык за рубежом, 1991, №№ 4.
10. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

В.С.Храковский
(Санкт-Петербург)

МУЛЬТИПЛИКАТИВЫ И СЕМЕЛЬФАКТИВЫ

(проблема видовой пары)

Как известно, в русском языке существуют два ряда соотносительных однокоренных глаголов. Один ряд образуют глаголы, которые традиционно называются многоактными, многофазисными, итеративными. Мы, по рекомендации Ю.С.Маслова, называем эти глаголы мультипликативными или просто мультипликативами [Маслов 1965: 78]. Речь идет о непредельных глаголах НСВ, обозначающих серии квантов деятельности, которые регулярно повторяются через относительно небольшие интервалы времени и остаются тождественными себе в течение всего периода их совершения. Уточним, что имеются в виду глаголы (типа *прыгать, крякать, колоть, мигать, скрипеть, брызгать, дуть, трясти*), которые обозначают (или изображают) непосредственно воспринимаемые органами чувств человека конкретные физические действия или (непоступательные) движения. Многие из этих глаголов можно охарактеризовать как звуко-свето-изобразительные или образные. Они обладают специфическими формальными особенностями как в фонетической, так и в морфологической структуре, что и служит основанием для их выделения в описательных грамматиках различных языков (см., напр., [Бубрих 1949, Харитонов 1960, Рассадин 1968]. В русском языке в морфологическую структуру этих глаголов преимущественно входят следующие суффиксы (финали основ): *-а-, -е-, -о-*. Бывают глаголы и без суффиксов.

Второй ряд образуют глаголы, обозначающие один из квантов деятельности, входящих в серию. Иначе говоря речь идет о предельных глаголах СВ (типа *прыгнуть, крякнуть, кольнуть, мигнуть, скрипнуть, брызнуть, дунуть, тряхнуть*), которые мы будем называть семельфактивными, или семельфактивами, пользуясь и в этом случае рекомендацией Ю.С.Маслова [Маслов 1965: 77]. В русском языке семельфактивы образуются от мотивирующих мультипликативов с помощью суффикса *-ну-*, но при этом во многих случаях отсутствуют финали основ мотивирующих глаголов, подробнее см, [Русская грамматика, I, 1980: 347–349]. Впрочем, отдельные приставочные семельфактивы являются мотивирующими для соотно-

сительных мультипликативов с суффиксом *-ива-*, ср., *вздрогнуть* —> *вздрагивать, подпрыгнуть* —> *подпрыгивать.*

Всего в первый ряд, по данным В.Н.Яковлева, входит 262 единицы [Яковлев 1975], а по данным Л.М.Рощиной, 280 единиц [Рощина 1977]. Казалось бы, что семельфактивов должно было быть ровно столько же, сколько и мультипликантов. Однако это не так. Как отмечает В.Н.Яковлев, из 262 мультипликативов 59 глаголов, т.е. примерно одна четверть, не имеют соотносительных семельфактивов. Задумываясь о причинах подобной несоотносительности, можно было бы предположить, что семельфактивов нет тогда, когда мультипликативы обозначают деятельность, которая состоит из последовательности слабодискретных квантов, временные интервалы между которыми стремятся к нулю. Такое объяснение как будто бы приемлемо для таких мультипликативов, как *тереть, звенеть* и т.п., однако некоторые сходные по семантической структуре мультипликативы, напр., *кричать*, имеют соотносительные семельфактивы типа *крикнуть.* В то же время не имеют соотносительных семельфактивов глаголы типа *куковать*, несмотря на то, что кванты деятельности, обозначаемые подобными глаголами, вполне выделимы и реально могут происходить через фиксируемые временные интервалы. Наиболее адекватное объяснение наблюдаемого явления, очевидно, заключается в том, что в ряде случаев имеет место нереализованность семантически и формально детерминированного деривационного процесса. В пользу такого объяснения свидетельствует и то, что в разговорной речи встречаются отдельные семельфактивы типа *жевнуть, квохнуть*, которые, как правило, не употребляются в кодифицированном языке, (ср. [Храковский 1987]).

Отметим, что наблюдается полная смысловая аналогия между соотносительными мультипликативами и семельфактивами с одной стороны, и между континуативами и сингулятивами в сфере имени — с другой. Иными словами, соотношения типа *прыгать-прыгнуть, качать-качнуть* такие же, как соотношения типа *горох-горошина, снег-снежинка, изюм-изюминка, картофель-картофелина.* На это обстоятельство недавно специально обратил внимание Х.Р.Мелиг [Мелиг 1995]. Таким образом, мультипликатив, как и континуатив, представляет собой собирательное множество, которое объединяет в себе как свойства отдельных повторяющихся "квантов", так и свойства единичной ситуации более высокого уровня. Свойства повторяющихся квантов в таком множестве являются рецессивными, т.е. отступающими на задний план, а свойства единичной ситуации — доминантными. Это, в частности, проявляется в том, что единичная процессная ситуация более высокого уровня локализуется в том или другом временном плане, следовательно, характеризуется как монотемпоральная, т.е. длящаяся тот

или иной период времени, и при этом сама может итерироваться, т.е. повторяться через какие-либо интервалы времени.

Проблема, которая специально будет рассмотрена в этой работе, заключается в следующем: образуют ли соотносительные однокоренные глаголы типа *прыгать (НСВ) — прыгнуть (СВ)* видовую пару, т.е. являются ли они формами одной лексемы? Вполне понятно, что постановка этой проблемы вызвана тем, что в словарях и аспектологической литературе предлагаются ее различные решения. Иначе говоря, ситуация с парами мультипликативных и семельфактивных глаголов принципиально отличается от ситуации, скажем, с парой типа *переписать-переписывать*, которую и словари, и аспектологи, предерживающиеся различных теоретических концепций, единодушно признают видовой парой. Что же говорится в словарях и литературе о парах типа *прыгать-прыгнуть?* Начнем со словарей. Словари единодушны в том, что глагол *прыгнуть* в отличие от глагола *прыгать* дополнительно выражает значение однократности. В словаре под ред. А.П.Евгеньевой говорится об однократном виде (!), в словаре С.И.Ожегова — об однократном глаголе. Из сказанного как-будто следует вывод, что давая характеристику глагола *прыгать*, можно утверждать, что он в отличие от глагола *прыгнуть* ***дополнительно*** выражает значение многократности, однако таких толкований в словарях нет. В словарях всегда глагол *прыгнуть* характеризуется путем соотнесения с глаголом *прыгать*, но не наоборот. Решающим для выбора такого способа описания, очевидно, служит более сложная морфологическая структура глагола *прыгнуть*.

Что касается аспектологической литературы, то в ней наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой глаголы типа *прыгать* относятся к многоактному СД непредельных глаголов, который включает "глаголы, обозначающие действия, расчлененные на неограниченно повторяющиеся отдельные акты или "кванты" [Шелякин 1983: 194], а глаголы типа *прыгнуть* относятся к одноактному СД предельных глаголов, называя один акт или "квант" из неограниченного количества актов или "квантов", выражаемых глаголами типа *прыгать*. Тип *прыгать-прыгнуть* "не представляет собой видовой пары. Однако если учесть, что из всех способов действия он ближе всего стоит к видовым значениям, его можно назвать приблизительной видовой парой" [Шелякин 1983: 121]. Сходную точку зрения высказывает и А.В.Бондарко, по словам которого "глаголы типа *хлопать — хлопнуть* стоят как бы на грани между видовой несоотносительностью и соотносительностью" [Бондарко, Буланин 1967: 43]. Эта точка зрения восходит к Ю.С.Маслову, который ввел понятие "приблизительной видовой пары" [Маслов 1964: 85]. По его мнению, "различие между *мигать* и *мигнуть* заключается... не только в виде, но и в способе действия: в *мигать*... нет того оттенка мгновенности, "одноактности", кото-

рый присущ соответствующим образованиям с назальным суффиксом. Напротив, глаголы *мигать, махать* и т.д. выражают оттенок, который Л.Андрейчин, говоря о болг. *мигам, махам* и т.д., определил как "мультипликативный" (значение действия, состоящего из ряда отдельных одинаковых актов). Поэтому лексические значения русск. *мигнуть* и *мигать* или болг. *мигна* и *мигам* являются формами одного и того же глагола" [Маслов 1964: 84]. Соответственно глаголы типа *мигать* Ю.С.Маслов назвал "относительными imperfectiva tantum", а глаголы типа *мигнуть* "относительными perfectiva tantum". Именно эти глаголы и образуют приблизительные видовые пары.

Справедливости ради следует отметить, что ранее в 1948 г. Ю.С.Маслов без всяких оговорок отнес пары мультипликативов и семельфактивов типа *качать(ся)/качнуть(ся), махать/махнуть, вздрагивать/вздрогнуть, стукать(ся)/стукнуть(ся), ударять(ся)/ударить(ся), топать/топнуть, колоть/кольнуть* и т.п. к **парам соотносительных глаголов несовершенного и совершенного вида, акцентируя однако внимание на том, что в этих парах "глагол НСВ, хотя и образуется, но неспособен иметь процессуальное значение"** [Маслов 1984: 65]. Эта точка зрения была поддержана в литературе и, в частности, было высказано мнение, что "пары, состоящие из бесприставочных глаголов совершенного вида с суффиксом *-ну-*, вносящим значение однократности или моментальности действия, и бесприставочных глаголов с разными суффиксами *-о-, -а-, -е-* и др., нужно выделить в отдельную группу, положив в основу суффикс совершенного вида" [Спагис 1969: 236, 205–207; Морозова 1959]. В последнее время эту точку зрения активно поддержала Е.В.Падучева, по словам которой "согласно критерию Маслова видовую пару образуют глагол НСВ, обозначающий многоактную деятельность, и производный семельфактив на *-ну-*, который обозначает единичный акт ("действие, совершаемое в один прием") многоактной деятельности, ср., например, *махать* и *махнуть*" [Падучева 1996: 119]. Напомним, что, по словам Ю.С.Маслова, "объективным критерием тождества лексического значения перфектива и имперфектива и основанием для их функционального объединения в составе одной лексемы служит возможность замены перфектива данным имперфективом. Такая замена возможна или даже обязательна в определенных типах контекста, в частности — в историческом настоящем, в сценическом настоящем, при итеративизации и т.д. [Маслов 1984:66].

Прежде чем перейти к изложению нашей точки зрения по обсуждаемому вопросу, мы считаем целесообразным кратко рассмотреть, как соотносятся друг с другом мультипликативное и семельфактивное значения в различных разноструктурных языках. Одна из возможностей состоит в том, что в некоторых языках выделяются непроизводные глаголы (происшествий), которые

могут выражать как мультипликативное, так и семельфактивное значение: (фр.) sauter 'прыгать/прыгнуть', tousser 'кашлять/кашлянуть', cligner 'мигать/мигнуть'. "Неоднозначность" глагольной лексемы разрешается с помощью грамматических и контекстуальных средств. Так, выступая в имперфективных формах, в конструкциях с фазовыми глаголами и лексическими итеративами, в контексте обстоятельств итеративности, длительности и т.п., эти лексемы имеют мультипликативное прочтение, а выступая в перфективных формах, в контексте обстоятельств моментальности, внезапности, обстоятельств кратности со значением "один раз", в контекстах типа "цепь" эти же лексемы имеют семельфактивное прочтение. Ср. употребление французского глагола cligner в имперфекте Il clignait "Он мигал" и перфекте (passé composé) Il a cligne "Он мигнул". Итак, в данном случае один и тот же глагол имеет в имперфективных контекстах мультипликативное прочтение, а в перфективных — семельфактивное. Отметим также, что, например, в английском языке, где ситуация с реализацией мультипликативного и семельфактивного значений в целом напоминает французскую, существует конструкция: give/take + отглагольное существительное, образованное от мультипликатива, которая специально служит для выражения соотносительного семельфактивного значения, ср., to give a cough 'кашлять', to take a deep breath 'глубоко вздохнуть'. Из сказанного, между прочим, следует, что концептуализация мультипликативного и семельфактивного значений в виде самостоятельных соотносительных глаголов не относится к числу обязательных явлений.

В том случае, когда существуют самостоятельные мультипликативные и семельфактивные глаголы между ними бывают формально различные деривационные отношения. При этом возможны следующие ситуации. Грамматические (производные) семельфактивы образуются от лексических (непроизводных) мультипликативов (лит. šokti "прыгать" —> šok-tele-ti "прыгнуть". "Производные" семельфактивы могут образовываться и с помощью обстоятельства, имеющего значение "один раз" (араб. naqara "стучать" —> naqara marratan "стукнуть (один раз)". В свою очередь, грамматические (производные) мультипликативы образуются от лексических (непроизводных) семельфактивов с помощью аффиксации и редупликации (алеут. *тугаку-* "ударить" —> *туга-михтаку- "бить",* чамал. tunkidi "толкнуть" —> tunki-tunkidi "толкать"). Таким образом, у соотносимых по смыслу мультипликативов и семельфактивов, наблюдаются два типа формальной деривации: во-первых, грамматические семельфактивы могут образовываться от лексических мультипликативов, а во-вторых, грамматические мультипликативы могут образовываться от лексических семельфактивов. Из сказанного можно сделать вывод, что одно и то же смысловое соотношение между однокоренными мультипликатива-

ми и семельфактивами коррелирует с различными способами формальной деривации. Следовательно, различные формальные отношения между мультипликативами и семельфактивами, которые представлены в разных языках, не дают оснований для предположений о типе смыслового соотношения между мультипликативами и семельфактивами, т.е. о том, какое из значений является более простым и исходным, а какое более сложным и производным.

Учитывая все изложенное, вернемся к поставленному выше вопросу о том, составляют ли пары глаголов типа *прыгать-прыгнуть* стандартную видовую пару. Я думаю, что правы те авторы, и, в частности, ранний Ю.С.Маслов и Е.В.Падучева, которые полагают, что соотносительные мультипликативные и семельфактивные глаголы составляют стандартную видовую пару. Более того, я считаю, что каждому из этих двух классов глаголов можно дать приблизительное толкование, которое достаточно адекватно отражает специфическую семантику обоих классов. В связи со сказанным уместно напомнить тезис Е.В.Падучевой о том, что все глаголы одной таксономической категории имеют общий формат толкования [Падучева 1992]. Исходными и соответственно логически и семантически более просто устроенными я считаю глаголы СВ, т.е. семельфактивы, хотя с прагматической точки зрения скорее может показаться, что исходными являются глаголы НСВ, т.е. мультипликативы. Во всяком случае, Е.В.Падучева относит рассматриваемые пары к таким, "где СВ является производным членом (имеется в виду производность семантическая, а не формальная)" [Падучева 1996: 118].

Мы начинаем с толкования глаголов СВ, т.е. семельфактивов, исходя из того, что они обозначают (микро)ситуацию Р, представляющую только один квант р из того неопределенного множества аналогичных квантов, которые обозначаются глаголом НСВ и в совокупности составляют ситуацию Р, и полагая тем самым, что толкование глагола СВ должно быть в принципе проще, чем толкование глагола НСВ. Разумеется, мы должны оговориться, что не претендуем на точность толкований, считая, что их придется уточнять еще не один раз. Вместе с тем мы надеемся, что даваемые ниже толкования достаточны для поставленной цели и в определенной степени соответствуют значению классов глаголов.

Толкование класса семельфактивов: 'Временный период Т включает единственный момент t, такой, что в этот момент **начинает** и **прекращает** иметь место (микро)ситуация Р, состоящая из единственного кванта р (*прыгнуть, кашлянуть, мигнуть, толкнуть* и т.п.) ситуации Р (*прыгать, кашлять, мигать, толкать* и т.п.)'. Толкование класса мультипликативов: 'Временной период Т состоит из неограниченного ряда последовательных моментов t_1, t_2,..., в каждом из которых начинает и прекращает иметь место один из

квантов p_1, p_2,..., (*прыгнуть, кашлянуть, мигнуть, толкнуть* и т.п.), ситуации Р (*прыгать, кашлять, мигать, толкать* и т.п.').

Если теперь мы сравним между собой толкования классов семельфактивов и мультипликативов, то можем прийти к заключению, что соотносительные члены этих классов имеют одно и то же лексическое значение и образуют видовую пару, в которой аналогом значения СВ является семельфактивное значение, т.е. одноквантность, а аналогом значения НСВ является мультипликативное значение, т.е. многоквантность. Поскольку мультипликативное значение сложнее семельфактивного значения, то и толкование класса мультипликативов сложнее толкования класса семельфактивов.

В связи с приведенными толкованиями семельфактивов и мультипликативов напомним, что ситуация Р, с одной стороны, представляет собой собирательное множество, состоящее из квантов p_1, p_2,..., а, с другой стороны, единичную гомогенную актуальную и монотемпоральную ситуацию, которая может повторяться в различные периоды времени. Ср.: *Петров кашлянул* (единичный квант); *Петров вчера кашлял, Петров кашлял всю ночь* (собирательное множество квантов и единичная ситуация); *Петров кашляет каждую ночь* (повторяющаяся единичная ситуация).

Мы уже говорили о приблизительности, неточности предложенных толкований и теперь хотим аргументировать этот тезис одним конкретным примером. В соответствии с предложенным толкованием стандартная мультипликативная ситуация Р может быть представлена в виде цепочки повторяющихся одинаковых семельфактивных квантов р, т.е. речь идет о цепочках типа: p_1 —> p_2 —>....—>p_n. Иначе говоря, значение мультипликативного глагола можно истолковать с помощью последовательно повторяющихся семельфактивных значений: 'капать' = 'капнуть', 'еще раз капнуть',...., 'еще раз капнуть'... Вместе с тем в семельфактивных цепочках каждый последующий квант может выступать как антиквант предыдущего, отменяющий его результат. Такие цепочки имеют вид: p_1 —> anti-p_1—> p_2 —> anti-p_2 —>....—> p_n —> anti-p_n... Разновидность мультипликативного значения, реализующегося в цепочках этого типа, будем называть дупликативным значением или просто дупликативом. В соответствии со сказанным значение мультипликативного, точнее дупликативного глагола типа *нырять* можно истолковать с помощью цепочки семельфактивных антонимичных значений: 'нырнуть' —> 'вынырнуть' —> 'нырнуть' —> 'вынырнуть' —>....—> 'вынырнуть'... Дупликативные глаголы обычно образуются от исходных семельфактивов с помощью стандартных мультипликативных показателей (эскимос. *к'ысугах'* —> 'выдернуть' —> *к'ысугах'таг'* —> 'выдергивать и вставлять'). Легко понять, что если в языке есть исходные антонимичные семельфактивы, то образованные от них дупликативы должны быть синони-

мичны. Ср. примеры из чамалинского языка: b-ikā 'зажечься' —> 'b-ikuḳā 'зажигаться и гаснуть' = 'мерцать'; b-ūsā 'погаснуть' —> b-ūsūsā 'гаснуть и зажигаться' = 'мерцать', (подробнее см.: [Храковский (ред.) 1989]. Вне всякого сомнения в уточненном толковании класса мультипликативов должна учитываться и специфика дупликативов. Отметим однако, что, по-видимому, любая мультипликативная ситуация P обозначается глаголом, который является однокоренным с семельфактивным глаголом, называющим тот квант p, с которого начинается ситуация P.

Достаточно очевидно, что толкование классов семельфактивов и мультипликативов отражаются или, может быть, выражаясь более точно, вкладываются в индивидуальные толкования каждого конкретного семельфактивного и мультипликативного глагола. В то же время индивидуальные толкования безусловно богаче толкований классов, поскольку призваны раскрыть специфику лексического значения каждого глагола. Учитывая сказанное, мы попытаемся в виде эксперимента предложить толкования глаголов, образующих видовую пару *прыгнуть-прыгать*.. Как известно, основная проблема, которая возникает при характеристике видовых пар глаголов, заключается в разграничении лексического значения, общего и единого для обоих глаголов видовой пары, и значений, которые приходятся на долю СВ и НСВ. Основным способом разграничения лексического и видовых значений служит построение толкований глаголов НСВ и СВ. Общая часть этих толкований составляет лексическое значение видовой пары, а различающиеся части толкований составляют видовые значения, Соответственно, если мы полагаем, что глаголы *прыгнуть-прыгать* образуют чисто видовую пару, нам необходимо построить толкования этих глаголов в их основных частных значениях и установить, какая часть этих толкований составляет лексическое значение видовой пары, а какие части каждого толкования являются аналогами значений СВ и НСВ. Начнем с построения толкования глагола *прыгнуть* в его основном конкретно-фактическом значении, которое реализуется в простых контекстах типа (1) *Иванов прыгнул*. Ср.: *В одной деревне шло собрание. Вдруг в хижину прыгнул тигр, схватил докладчика — и был таков* (В.Солоухин); *Кира прыгнула в электричку. От быстрого бега стекла вагонов начали перезваниваться* (С.Георгиевская); *Все прыгнули, приземлившись нормально, и только Олю угораздило повиснуть на высоком дереве* (Н.Кравцова); *Фигурист прыгнул шесть тройных прыжков трех вариантов, пять прыжков в два с половиной оборота, прекрасно справился с короткой программой и со "школой"* (Е.Чайковская). Мы начинаем с глагола СВ, исходя из того, что он обозначает только один квант p из того неопределенного множества аналогичных квантов, которые обозначаются глаголом НСВ, и полагая тем самым, что толкование глагола СВ

должно быть в принципе проще, чем толкование глагола НСВ. Разумеется, мы должны оговориться, что мы не претендуем на точность толкования, считая, что его придется уточнять еще не один раз. Вместе с тем мы надеемся, что даваемое ниже толкование достаточно для поставленной цели и в определенной степени соответствует значению глагола.

X прыгнул (из A в B) = 'В момент времени t_1 X находился в точке A пространства L, в (следующий) момент времени t_2 X **начинает** находится в точке B пространства L, переместившись в нее, не касаясь поверхности пространства, разделяющего эти две точки'.

Любопытно отметить, что глагол *прыгнуть* в рассматриваемом значении не сочетается с предложным Accusativus temporis. Это свидетельствует о том, что действие, обозначаемое данным глаголом в точечном значении, лишено какой либо временной протяженности: (2) **Иванов прыгнул за две секунды/за одно мгновенье.* Перейдем к анализу глагола *прыгать*. Принято считать, что основным значением глаголов НСВ является актуально-длительное значение, которое наверняка реализуется в специфических диагностических контекстах типа "*Смотри, вот он...*", "*Я встретил его, как раз когда он...*", "*Он как раз...*", "*Я вижу сейчас, как он...*", "*В тот момент, когда я вошел, он...*", "*Уже столько-то времени...*", а также при ответе на известный вопрос "Что ты там делаешь?" Как отмечается в литературе, "если несовершенный вид глагола подставляется хотя бы в один из этих контекстов, он имеет актуально-длительное или процессное значение [Гловинская 1982: 44]. Что касается глагола *прыгать*, то он подставляется в приведенные контексты, однако в подобных случаях ему не всегда свойственно актуально-длительное значение, которое происходит в данный момент. В одних случаях глагол *прыгать* обозначает предстоящий квант действия, т.е. квант действия, который будет происходить после данного момента, Таково одно из прочтений предложения (3) *Смотрите, сейчас прыгает Иванов* (в момент речи прыжка еще не было). В других случаях глагол *прыгать* обозначает предшествующий квант действия, т.е. квант действия, который произошел до данного момента: (4) *Только что прыгал Иванов. Он прыгает уже в третий раз.* Итак, в подобных случаях глагол *прыгать*, как и глагол *прыгнуть, обозначает* один квант действия и, следовательно, глагол *прыгать* не отличается по значению от глагола *прыгнуть*, что в определенных случаях характерно для глаголов одной видовой пары. В частности, и императив глагола *прыгать* обычно обозначает один квант действия: (5) — *Прыгай! — обернувшись, рявкнул Виктор. Я, как лягушка, прыгнул вбок* (В.Попов).

Вместе с тем во многих случаях глаголу *прыгать* свойственно собственно процессное значение, которое и следует рассматривать как основное частное видовое значение этого глагола. Оно реали-

зуется при одном из прочтений предложения (3) *Смотрите, сейчас прыгает Иванов* (ряд прыжков осуществляется в период времени T, включающий момент речи t), а также в примерах типа (6) *Иванов прыгает уже два часа.* Ср. также: *Как-то орлица сказала мужу: — Я не тревожусь, что дети еще не начали летать. Посмотри, как хорошо они прыгают по камням, а колченогие ребята соседей спотыкаются, падают* (В.Гроссман); *Прыгать она (женщина), видимо, не могла, а просто прохаживалась взад и вперед у гамака. А я прыгал и прыгал, и сердце прыгало во мне, и деревья прыгали вокруг меня, и звезды прыгали надо мной* (Н.Чуковский); *Никто не ходил здесь спокойно, все бежали, догоняли, прыгали, спрыгивали* (Б.Василевский). На долю процессного значения приходится преобладающее количество текстовых примеров, тогда как примеры типа (3)-(5) относительно редко встречаются в текстах. Соответственно глагол *прыгать* должен толковаться в процессном значении. Следует, однако, помнить о том, что речь не идет о значении, с помощью которого обозначается один квант p (один прыжок) ситуации P в процессе его осуществления, ср. [Маслов 1984: 64]. Речь идет о значении, которое свойственно единичной ситуации P, выражаемой глаголом *прыгать*..

X прыгает(из A в B, из B в n) = 'В каждый из моментов t_1, t_2,..., образующих период T, в который совершается ситуация P *(прыгать)*, в некоторой точке пространства L **начинает** иметь место и **прекращает** иметь место один квант p *(прыгнуть)* ситуации P *(прыгать)*; из одной точки X перемещается в другую точку, не касаясь поверхности пространства, разделяющего эти две точки'.

Если теперь сравнить между собой толкования глаголов *прыгнуть* и *прыгать*, то можно прийти к выводу, что у обоих членов этой видовой пары одно и то же лексическое значение. В то же время аналогом значения СВ является семельфактивное значение, а аналогом значения НСВ является мультипликативное значение. Поскольку мультипликативное значение сложнее семельфактивного значения, то и толкование глагола НСВ сложнее толкования глагола СВ.

Подведем итоги. Все соотносительные семельфактивные и мультипликативные глаголы в русском языке образуют видовые пары. В этих парах семантически исходным является семельфактивный глагол, а семантически производным — мультипликативный глагол. В то же время мультипликативный глагол представляет собой самостоятельную единицу, которая обладает способностью к итерации. Всем членам видовых пар присуще индивидуальное толкование, которое богаче толкований, приписываемых классам семельфактивных и мультипликативных глаголов.

В заключение обратим внимание на следующее обстоятельство. Справедливо полагая, что семельфактивные и соотносительные мультипликативные глаголы образуют видовую пару, Е.В.Падучева

аргументирует этот вывод тем, "что в таких парах глагол НСВ имеет помимо значения многоактной деятельности, мотивирующего семельфактив в СВ, еще и значение множества отдельных актов деятельности, совершаемых в разное время или разными субъектами. Ср. *Я содрогался от этой мысли* и *Я каждый раз содрогаюсь от этой мысли*" [Падучева 1996: 119]. Иными словами, наличие видовых пар этого типа аргументируется с опорой на критерий Ю.С.Маслова, в соответствии с которым "два глагола, СВ и НСВ, являются парными (т.е. образуют видовую пару), если глагол НСВ может обозначать, и в каких-то контекстах обозначает, ситуацию, состоящую в многократном осуществлении той ситуации, которая обозначена глаголом в СВ" [Падучева 1996: 123]. С нашей точки зрения, это утверждение нуждается в уточнении. Дело в том, что семельфактивный глагол СВ обозначает один квант р ситуации Р, обозначаемой мультипликативным глаголом НСВ. Соответственно именно мультипликативный глагол НСВ обозначает многократное осуществление того кванта, который выражается семельфактивным глаголом СВ. Вместе с тем мультипликативный глагол НСВ в определенных контекстах действительно обозначает многократное осуществление ситуации, но не той, которая обозначается семельфактивным глаголом СВ, а той, которая обозначается мультипликативным глаголом НСВ в нейтральном контексте. Ср. *Кошка мяукнула* (семельфактив); *Кошка мяукает (целый день)* (мультипликатив); *Кошка мяукает каждый день* (интерированный мультипликатив, но не семельфактив).

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. К числу глаголов, обозначающих деятельность, не разложимую на отдельные акты, Е.В.Падучева относит, в частности, глаголы *дуть* и *кричать*. Соответственно соотносительные глаголы *дунуть* и *крикнуть* она, естественно, не считает семельфактивами [Падучева 1996: 120]. Думается, что нет достаточных оснований отказываться от традиционной точки зрения, согласно которой глаголы *дуть* и *кричать* являются мультипликативами. Дело в том, что если учитывать особенности человеческого дыхания, то и *дуть*, и *кричать* человек не может непрерывно, и поэтому эти глаголы обозначают деятельность, разложимую на отдельные акты, или кванты. Вследствие этого "законными" соотносительными семельфактивами указанных глаголов являются глаголы *дунуть* и *крикнуть*.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.

Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.

Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Маслов Ю.С. Заметки о видовой дефективности // Славянская филология. Л., 1964.

Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.

Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

Мелиг Х.Р. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени // Семантика и структура славянского вида. I, Kraków, 1995.

Морозова М.И. К вопросу о видовой соотносительности глаголов типа *качать — качнуть* // Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та В.П.Потемкина, т. 73, вып. 6. М., 1959.

Падучева Е.В. К сочетаемости обстоятельства времени с видом и временем глагола: точка отсчета // НТИ, сер. 2, 1992, № 3.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М. 1996.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

Рощина Л.М. Способы выражения повторяемости действия в современном русском языке. АКД. Ташкент, 1977.

Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

Спагис А.А. Парные и непарные глаголы в русском языке. М., 1969.

Харитонов Л.Н. Формулы глагольного вида в якутском языке. М.; Л., 1960.

Храковский В.С. Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Л., 1987.

Храковский В.С. (ред.) Типология итеративных конструкций. Л., 1989.

Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллинн, 1983.

Яковлев В.Н. Многоактность как способ глагольного действия // Филологические науки. 1975. № 3.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Герта Хютль-Фольтер
(Вена)

О ТЕНДЕНЦИИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ СИНТАКСИСЕ

При анализе обширного синтаксического материала текстов XVIII века, а именно ранних переводов с французского языка на русский литературный язык нового типа (ср. Хютль-Фольтер 1996), мы наблюдали, что переводчики А.Кантемир и В.Тредиаковский довольно часто предпочитают выражаться недифференцированно, хотя в языке и существует возможность сказать то же самое недвусмысленно. Этот факт проявляется в различных разделах синтаксиса, при употреблении как некоторых союзов, так и деепричастных конструкций. То, что мы называем "тенденция к неопределенности" (нем. *Vagheit*, англ. *opacity*), существует также в немецком и французском языках, частично в тех же ситуациях, что и в русском языке, как мы покажем ниже. Речь идет скорее всего о психологическом явлении, имеющем более широкую область распространения, но мы с этой точки зрения данный вопрос не исследовали.

Впервые мы заметили тенденцию к неопределенности при трактовке темпорально-условных отношений. Придаточные, вводимые союзом *когда*, в исследованных текстах представляли большие трудности при их классификации. Это объясняется тесными связями между темпоральными, условными и причинными отношениями, которые Б.В.Лавров убедительно и во всех подробностях описал в древнерусском языке по XVII-ый век включительно (Лавров 1941: 40 и след., 89 и след., 101). Мы резюмируем: условные (и причинные) придаточные семантически близки к темпоральным предложениям, так как отношение между условием и следствием является также отношением между предшествующим и следующим за этим. Таким образом объясняется возможность употреблять все исконные темпоральные союзы, как *когда* и *коли* для выражения условия.

В пользу нашего предположения, что носители языка предпочитают выражаться неопределенно, а не точно, недвусмысленно, говорит следующий интересный факт. Описанное состояние продолжалось и тогда, когда возникли и распространялись исконно условные союзы *есть ли*, *если* и *ежели* во второй половине XVII-го

www.ruslang.ru

века, имевшие исключительно условное значение. Это значит, что носитель языка имел в своем распоряжении недвусмысленные языковые средства (и стилистически нейтральные), но все-таки "неопределенность" как тактика носителей языка остается в силе.

Союз *когда* был в петровское время широко распространен, он часто встречается в условном значении, но нельзя установить момент, когда этот союз стал союзом условным. Речь идет, напротив, о недифференцированном условно-темпоральном значении (Лавров 1941: 102, разрядка моя). На наш взгляд это самое подходящее объяснение для большинства предложений с союзом *когда* в исследованных текстах. Это перевод А.Кантемира знаменитого трактата Фонтенеля "Entretiens sur la pluralité des Mondes" ("Разговоры о множестве миров" 1730 г., 200 стр.) и перевод Тредиаковского произведения графа Марсильи "L'Etat militaire de l'empire Ottoman" ("Военное состояние Оттоманския империи..." 1737 г., 250 стр.). Этот вид текстов прямо напрашивается на недифференцированное употребление некоторых языковых средств; "Военное состояние" является описанием обычаев, которые, как правило, реализуются обобщающими предложениями, вроде "Летом ставят они обыкновенную воду на лед, *когда* можно им достать..." (26).* Такое высказывание не выражает ни определенного момента развития действия, ни конкретного условия, но примерно то, что А (= придаточное с *когда*) вызывает Б (= главное предложение), то есть часто повторяющиеся, друг с другом связанные действия. Здесь сливаются слабо выраженные условные и темпоральные значения. Это имеет место в 67 предложениях с *когда* из общего числа 81 в "Военном состоянии", а также в пяти предложениях с *когда* в примечаниях самого Тредиаковского.

Тенденция к неопределенности отнюдь не ограничена переводами, но в той же самой мере встречается в оригинальных сочинениях, например, в трактате Котошихина, который является также описанием состояния и обычаев Московского государства. А.Пеннингтон переводит *когда* посредством 'whenever' и дает лаконичный комментарий: "Когда *as a temporal conjunction.* There are 26 examples, all constructed with non-past forms, so that a conditional or generalized nuance is never absent (A.Pennington, стр. 361, точка 8.42).

Второй обширный текст, который мы проанализировали, "Разговоры о множестве миров", перевод трактата Фонтенеля об астрономических теориях со многими обобщающими заметками, Союз

---

*При цитировании мы заменяем буквы, отсутствующие в современном русском алфавите, на их нынешние эквиваленты: ѣ на е, і на и, ѳ на ф; равным образом устраняется ъ в конце слова. Французские тексты цитируются по изданию Калама (Calame 1966) и Марсильи (Marsigli 1732) без изменений.

когда употребляется здесь точно так же, как в "Военном состоянии": 49 предложений с *когда* из общего числа 60 имеют недифференцированное условно-темпоральное значение.

Очевидно, этот тип предложения не является инновацией, но его широкое употребление в названных переводах вызвано оригиналами. Тесная связь темпоральных и условных отношений, как уже сказано, отнюдь не ограничена русским языком, но похожее развитие имело место и в немецком языке, на что указал в свое время уже Б.В.Лавров (1941: 41). Мы добавим, что в немецком не различаются темпоральные и условные высказывания в настоящем времени и в будущем, в обоих случаях используется союз *wenn*.

Развитие гипотаксиса во французском и русском языках проходило одинаково, что касается употребления темпоральных союзов для выражения условных (и причинных) отношений. И французский язык располагает однозначным условным союзом *si*, но носители языка предпочитают полисемический союз *quand*, точно так же, как русские предпочитали *когда* однозначным *буде*, *естьли* и *ежели*.

Когда в условно-темпоральных предложениях передает следующие французские темпоральные союзы в оригиналах: *quand, lorsque, dès que* и *après que*.

Quand мог иметь с древнефранцузского периода условное значение (ср. Лерх 1925: 306 и след. с примерами). "Но нельзя говорить о настоящем переходе от слова *quand* к условному значению: если говорящий хотел бы в приведенных примерах высказать условие, то он безусловно выбрал *si*; что он предпочел *quand*, можно только истолковать так, что ему было важнее выражение временных отношений, чем выражение условности". (Лерх 1925: 307). По мнению Неймюллера (1933: 18), *quand* становится условным в обобщающих предложениях. Он указывает на близкое родство темпоральных и условных придаточных, поэтому читатель сам должен часто принять решение. Неймюллер дальше пишет, что, на его взгляд, речь идет об условном предложении, если действия главного предложения и придаточного по необходимости совершаются одновременно. Дело часто обстоит так в оригинале и, соответственно, так же в переводе. Кантемир перевел здесь *quand,* пять ряз посредством союза *естли (бы)*.

Lorsque "'точно в тот час' точнее и определеннее, чем *quand* и наверное, от этого зависит, что *lorsque* охотно выбирается, когда нужно выразить особый оттенок, как причинный или противительный" (Лерх 1929: 17). (Неймюллер 1933: 18) подтверждает, что *lorsque* становится условным в обобщающих предложениях. Тредиаковский в "Военном состоянии" понимает *lorsque* четыре раза безусловно как условный, так как он переводит этот союз по два раза через *ежели* и *буде*.

Dès que 'со времени, с тех пор, как только' употреблялся до XVIII века также в причинном значении и встречается в трактате Фонтенеля в том смысле, который Кантемир передает один раз посредством *когда*. Мы не нашли условных оттенков у союза *dès que*. Кантемир переводит *dès que* восемь раз союзами *тот час, как, сколь скоро, лише, как, как скоро*; все они вводят безусловно темпоральные придаточные. Только раз употребляется многозначный союз *коли*. Тредиаковский же передает *dès que* пять раз семантически неопределенным *когда*, вследствие чего русские придаточные в отличие от французского оригинала получают недифференцированное условно-темпоральное значение.

Après que 'после того, когда' имеет только темпоральное значение (Лерх 1929: 47) и передается в каждом переводе по одному разу посредством *когда* в условно-темпоральном значении.

Depuis que 'с тех пор, как только, когда-нибудь' переводит Кантемир три раза темпоральным союзом *как* и *с тех пор, как*.

Один раз Кантемир пользуется многозначным союзом *коли*. Однако контекст ясно указывает на причинное значение 'так как ... то'. Речь идет о резюме геоцентрической системы Тихо Браге и аргументах против нее. Для этой цели нужны обоснования, а не указания времени. В предшествующем контексте Фонтенель сигнализирует это недвусмысленно употреблением союза *parce que* для нововведенного обоснования и дальше союзами *puisque* и *depuis que*, потом следует *quand* в уступительном смысле 'хотя бы'. Характерно для стиля Фонтенеля, что он пользуется исконными темпоральными союзами в причинном значении "потому что они более пластичны и представляют простор для понимания читателя. Однако Фонтенель делает это только, когда логическое отношение следует недвусмысленно из контекста". (Неймюллер 1933: 51 и след.). Следующее место — показательный пример, потому что он допускает однозначную интерпретацию многозначных союзов *puisque* = *когда* причинно, *depuis que* = *коли* причинно, *quand* = *хотя бы* уступительно. Мы цитируем все место для иллюстрации и чтобы показать, как мастерски Кантемир умел переводить сложные периоды. От сказуемого *разсудила* зависят три изъяснительных придаточных с *что*, за которыми следуют обоснования посредством *когда* и *коли*, ср.: "Возвращаяся к палатам, чтоб совершенно истолковать дело сие о Системах, сказал я ей, что есть еще третья Система вымышленная от Тихо-Браге, которой желая, чтоб земля была весьма неподвижна, поставлял ея в центре всего мира, а солнце круг ея ходить заставлял: около него ворочалися все другия планеты, *для того, что* по новым наблюдениям, нельзя было никак говорить, что планеты около земли ворочаются. Но Маркиза, имея быстрое и острое разсуждение, разсудила, *что* весьма бы то уже притворно было, освободить одну землю от движения около солнца, *когда* нельзя изъять от того другия превеликия телеса; *что*

уже солнце не так удобно есть к обращению около земли, *коли* все планеты около него ворочаются; *что* Система сия не может быть, по крайней мере, удобна к показанию неподвижности земли, *хотя бы* кто охотно тоя искал, много меньше может тую удостоверить; напоследок, постановили мы держаться Коперниковой Системы, которая много простее и забавнее есть, и никакова в себе не имеет предсуждения. (40–41), "En retournant au Château, je lui dis, pour épuiser la matiere des Sistêmes, qu'il en y avoit un troisiéme inventé par Ticho-Brahé, qui voulant absolument que la Terre fût immobile, la plaçoit au centre du Monde, et faisoit tourner autour d'elle le Soleil, autour duquel tournoient toutes les Planetes, *parce que* depuis les nouvelles découvertes, il n'y avoit pas moyen de faire tourner les Planetes autour de la Terre. Mais la Marquise qui a le discernement vif et prompt, jugea *qu'*il y avoit trop d'affectation à exempter la Terre de tourner autour du Soleil, *puisqu'*on n'en pouvoit pas exempter tant d'autres grands Corps; *que* le Soleil n'étoit plus si propre à tourner autour de la Terre, *depuis que* toutes les Planetes tournoient autour de lui; *que* ce Sistême ne pouvoit être propre tout au plus qu'à soûtenir l'immobilité de la Terre, *quand* on avoit bien envie de la soûtenir, et nullement *à* persuader; et enfin il fut resolu que nous nous en tiendrions *à* celui de Copernic, qui est plus uniforme et plus riant, et n'a aucun mélange de préjugé". (44–45).

Союз *когда* имеет еще другое значение, которое, правда, редко встречается,— это противительное значение. В этой связи интересно, что Лерх (1929: 58 и след.) говорит о французских противительных предложениях, поскольку положение вещей похоже на ситуацию в русском языке: противительные союзы в большой мере идентичны темпоральным: *lorsque, quand, tandis que* употребляются также для выражения противоположности между высказыванием главного предложения и придаточного. "Такая противоположность имеется, только редко выражается однозначным союзом (*au lieu que*); как правило довольствуются союзом, который выражает временное соотношение и обозначает противоположность интонацией или оставляет слушателю воспринимать ее из контекста. Можно таким образом отрицать, что выше названным союзам приходится приписывать также противительное значение наряду с темпоральным" (Лерх 1929: 58 и след.).

И в русском языке существует один противительный союз в узком смысле, *вместо того, что*, который этимологически совпадает с соответствующим немецким союзом *anstatt daß* и французским *au lieu que*. В специальной русской литературе не дается указания, когда он возник. Во всяком случае *вместо того, что* был в ходу в петровское время.

На наш взгляд, характерно, что Кантемир опять предпочитает использовать *когда*: его перевод содержит семь противительных

предложений с этим союзом, и два с *вместо того, что*. Единственный раз переводит Кантемир *au lieu que* посредством *когда*, что недвусмысленно показывает, что *когда* здесь имеет противительное значение, а не темпоральное, ср.: „...; однакоже люблю я тех людей, что они доброе попечение имеют о своем безопастве, и положили себе твердое основание, *когда* мы Коперниканцы, довольно безразсудны будучи, хотим плавать по сем небесном веществе". (35), "Du moins j'aime ces Gens-là d'avoir pourvû à leur seureté, et fait de bons fondemens, *au lieu que* nous autres Coperniciens, nous sommes assés inconsiderés pour vouloir bien nager à l'avanture dans cette matiere céleste". (37).

В других случаях *когда* соответствует *lorsque, quand* и *tandis que*, например: "Гораздо бы мне хотелося дознаться худых разсуждении, которыя философы того света делают о том, что Земля наша им кажется неподвижна, *когда* все прочия телеса небесныя над нами всходят и заходят в пятнатцать днеи; ..." (93), "Je voudrois bien pouvoir deviner les mauvais raisonnemens que font les Philosophes de ce Monde-là, sur ce que notre Terre leur paroît immobile, *lorsque* tous les autres Corps Célestes se levent et se couchent sur leurs têtes en quinze jours". (90).

В "Военном состоянии" встречаются всего шесть противительных предложений с *вместо (того) что(б)*, один раз на месте союза *au lieu que*, остальные на месте оборота *au lieu de*. Во всем переводе находится единственная цитата с *когда/lorsque*, которую можно классифицировать как противительное предложение, ср.: "(Толкование) D. Башня почти круглая, и которая делается полукружием, *когда* палисады ставятся перпендикулярно". (II, 114), "(Explication) D. Tourillon presque rond, et qu'on fait en demi cercle, *lorsqu'on* plante lex pieux perpendiculairement". (II, 149).

В дальнейшем мы хотим сосредоточить внимание на деепричастных конструкциях (= ДК), для которых тоже характерна большая семантическая неопределенность. Тем не менее, результаты нашего исследования названных переводов показали, что частотность ДК значительно выше в переводах, чем в оригиналах, это значит, что ДК предпочитают другим конструкциям.

"Разговоры" содержат 201 ДК, только ДК перевода соответствуют *gérondifs* в оригинале, в остальных случаях во французском тексте находятся иные построения. В "Военном состоянии" встречаются 223 ДК, из которых 96 соответствуют таким же в оригинале, 127 раз конструкции расходятся.

Что касается семантико-синтаксических функций ДК, можно вообще констатировать, что их семантическая способность менее развита, чем у союзных придаточных. ДК оставляют интерпретацию порой открытой и образуют в дихотомии немаркированный — маркированный немаркированный член. Когда трансформации возможны (ДК - придаточное, ДК - предложно-именной оборот),

они не обязательно дают недвусмысленные результаты, ибо они могут быть различно интерпретированы, например: "Все сие собрание небеснаго вещества, от Солнца до звезд неподвижных, ворочается вкруг, *и таща с собою все планеты*, понуждает их двигаться одним образом около Солнца, ..." (116), "Tout ce grand amas de matiere céleste, qui est depuis le Soleil jusqu'aux Etoiles Fixes, tourne en rond, *et emportant avec soi des Planetes*, les fait tourner en un même sens autour du Soleil, ..." (115); здесь остается открытым, имеет ли деепричастный оборот причинное или обстоятельственное значение. Субституция возможна как темпоральным предложением, так и предложно-именным оборотом, ср.: "*Возвращаяся к палатам,* чтоб совершенно истолковать дело сие о Системах, сказал я ей, что ..." (40), "*En retournant au Château*, je lui dis, pour épuiser la matiere des Sistêmes, qu'il..." (44), *Когда мы возвращались, ... На обратном пути ...*

Как мы уже сказали, Кантемир заменяет в 139и случаях различные французские глагольные формы и конструкции посредством деепричастных оборотов. Среди них примечательно высокая частотность французских инфинитивных конструкций (= ИК). Распространение последних было инновацией, причины которой мы резюмируем здесь по Эу.Лерху, потому что они интересны для нашей темы о неопределенности. Когда применение сочинительных и подчинительных союзов во французском языке достигло в XVI в. и в первой половине XVII в. своего кульминационного пункта, дала себя знать реакция против сложноподчиненных предложений с несколькими придаточными ("Schachtelsätze"). Поняли, "что не нужно и даже недостойно рекомендации выработать логические отношения между предложениями так четко, но что обычно лучше их давать угадать". (Лерх 1929: 423).

Когда авторы хотели избежать придаточных, к их диспозиции были на первом месте причастные и деепричастные обороты, а также инфинитивные конструкции. Последние могли заменять темпоральные, причинные, целевые, условные и уступительные придаточные. Таким образом, область применения инфинитивов в классическом французском языке была шире и разнообразнее, чем в русском литературном языке тридцатых годов. Поэтому неудивительно, что Кантемир довольно часто заменял многочисленные из этих конструкций деепричастными оборотами, которые именно благодаря их семантической неопределенности очень подходили к французским инфинитивным оборотам. Следующий пример содержит два координированных инфинитива с предлогом *à*; Кантемир заменяет первый предложно-именной конструкцией, а второй координированным деепричастным оборотом: "Также жены земли Иессо, которые проводят свое время *в приуготовлении* обеда мужьям своим, *и украшая губы свои и брови синевом*, ..." (37), „...; des

Femmes de la Terre de Jesso, qui n'employeront tout leur tems qu'*à préparer* le Repas de leurs Maris, *et à se peindre de bleu les lèvres et les sourcils...*" (40).

Инфинитивные конструкции с французским предлогом *pour* имели прежде всего целевое значение; в переводе оно передавалось деепричастным оборотом, например: "Хотела ли бы ты, чтоб я *ища основательно доказать жителей планетных*, ... вступил в бои страшныи с теми властьми, ..." (167), "Voudriés-vous que *pour établir les Habitans des Planetes* ... j'allasse attaquer ces redoutables Puissances ..." (160). Однако в одном случае имеется условное или обстоятельственное значение, ср.: „... ведаи, что мы *отсюду до тех мест идучи* совершили путь тритцати трех миллионов миль; ..." (114), „..., et je vous dirai en passant, que *pour aller d'ici-là*, nous avons fait un chemin de trente-trois millions de lieues, ..." (113).

Мы надеемся, что нам удалось показать, что в русском литературном языке нового типа (как и в немецком и французском) существует тенденция к неопределенности выражения, что носители языка временами предпочитают выражаться недифференцированно, хотя в языке существуют соответствующие недвусмысленные средства.

ЛИТЕРАТУРА

Калам, А., 1966: Fontenelle, Entretiens sur la pluralité des mondes. Ed. critique avec une introdution et des notes par A.Calame (Société des textes français modernes), Paris.

Кантемир, А., 1740: Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла парижской Академии наук секретаря. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. Санктпетербург, 1740.

Лавров, Б.В., 1941: Условные и уступительные предложения в древне-русском языке. М.—Л.

Лерх, Эу., 1925, 1929: Eugen Lerch, Historische französische Syntax. 1. Bd. 1925, 2. Bd. 1929, Leipzig.

Марсильи, Л.Ф., 1732: L.F. Marsigli, L'Etat militaire de l'empire Ottoman, ses progrès et sa décadence, 1e, 2e partie, La Haye, Amsterdam.

Неймюллер, Йо., 1933: Jo. Neumüller, Fontenelles Stil im Lichte der Satzverknüpfung, Doktordissertation, Murnau, Obb.

Пеннингтон, А., 1980: A.Pennington, Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Text and Commentary A.E.Pennington, Oxford.

Тредиаковский, В.К., 1737: Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком. Сочинено чрез графа де Марсильи. Санктпетербург.

Фонтенель см. Калам 1966 и Кантемир 1740.

Хюттль-Фольтер, Г., 1996: G.Hüttl-Folter, Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen, Wien.

Е.С.Яковлева
(Москва)

ЧЕЛОВЕК <=> ЖИВОТНОЕ: ВЗАИМНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЕКЦИИ*

> И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...
>
> Быт. 2. 18–19

1.1. "Подражание" друг другу. Зооморфизмы, как известно, весьма продуктивное и универсальное (используемое многими языками) средство описания человеческой деятельности: ***Ах, я осел; Она выпорхнула из дверей; Нельзя попасть к ним в лапы; Акулы пера/большого бизнеса; На семикаре присутствовало несколько китов.*** Если мы откроем Словарь эпитетов, то увидим регулярную рубрику "В сравнении с животными, птицами, рыбами" у таких слов, как *голова (лошадиная, львиная, сорочья, щучья, ястребиная), глаза (бараньи ... волчьи ... голубиные ... лисьи ... стрекозиные ... тюленьи ...), голос (жеребячий ... коровий ... петуший ... соловьиный ... цыплячий ... шмелиный ...), взгляд (бараний ... голубиный ... рысий), шея (бычья ... гусиная ... кабанья ... лошадиная ... цыплячья), нос (бульдожий, воробьиный, лисий, орлиный, птичий...), лицо (беличье ... козлиное ... львиное ... птичье ... щучье ... ястребиное), ноги (гусиные, журавлиные, комариные, медвежьи, утиные...)* [Словарь эпитетов]. Именно в антропоцентричном употреблении у лексем может развиться словообразовательная активность, ср.: *ишачить, облапать, собачиться, взорлить, оскотиниться* (см. об этом, например, в [Апресян 1974, Арутюнова 1979, Гак 1977]). Весьма симптоматично выделение в словообразовательной парадигме существитель-

*Работа осуществляется при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, инициативный проект № 96–04–06234.

ных-названий животных отдельной рубрики "Вести себя как...": *собачить(ся), обезьянничать*... [Земская 1981, 225][1]. Подобного рода механизмы давно известны языку, ср.: "Из Новгорода почти по всей России распространилось прозвище человеку хитрому *Лиса Патрикеевна*; такое воспоминание оставил по себе князь Патрикий с 1384 г. .... [в старорусском языке] даже есть глагол *лисить* вм. *хитрить, лукавить*" [Буслаев 1992, 320].

"Очеловечивание" животных, в свою очередь, может происходить по разным сценариям. Первый по значимости и по времени — животному приписываются человеческие характеристики (*Петух — щеголь, Кот — бандит, хитрец, льстец, Хомяк — жадина, Попугай — вреднюга*...), вариант: действия животного интерпретируются по человеческой схеме, например, *Слоны **спешат** на водопой*, где слонам приписывается способность владения временем[2] (попытка влиять на время, "управлять" им), ср. явно отмеченный конкретной человеческой деятельностью и поэтому не поддающийся метафоризации глагол *торопиться: Волки спешат (*торопятся) в лес, Корабль спешит (*торопится) в порт*. Усиление момента внутренней целенаправленности также способно ограничить круг возможных субъектов: *Они* (люди, а не кошки) ***поспешили** на кухню*.

Другой, по времени более поздний способ очеловечивания животного — это наделение его внутренним миром. Сюда относится уже упоминавшаяся эксплуатация показателей "временной ментальности", а также использование возможностей, связанных с оппозицией личность/безличность, ср.: *Кошке не хочется есть, не сидится на месте* (обезличивание наделяет кошку "душевностью", в ее действиях усматриваются чисто человеческие мотивации). Список таких средств может быть продолжен. При этом соответствующий потенциал языковой формы свидетельствует о ее исходной антропоцентричности, быть может и не столь очевидной без подобного рода "тестирования", ср. в этом плане модель, описывающую "удовлетворение действием", по Е.А.Земской [1973, 295]: *Они напились, наелись, насиделись, находились, насмотрелись, наслушались*... В нейтральном случае к животным приложимы лишь первые два глагола, называющие удовлетворение естественных первичных потребностей. Остальные же формы в большей или меньшей степени антропоцентричны. Стилистическая маркированность глаголов типа *налаяться* в применении к субъекту-животному определяется тем, что выбранная форма описывает "достижение результата путем количественного накопления действия"; для животных же число названий деятельности, замкнутой на себя, крайне ограничено *(напиться, наесться)*; в норме их действия мыслятся языком как имеющие внеположенную цель: лев смотрит, чтобы увидеть, слушает, чтобы услышать, а человек может смотреть, чтобы смотреть (итогом этого является *насмотреться*), слушать, чтобы

слушать и под. (т.с. животное, в отличие от человека, получает удовольствие от результата, а не от процесса). Таким образом, собака лает не для того, чтобы *налаяться*, а птицы летают не для того, чтобы *налетаться;* выбрав же соответствующую форму для описаний действий животного, мы интерпретируем их по аналогии с человеческой деятельностью, приписывая животному внутреннюю сложность.

1.2. Общая функция оживотворения предметов. И антропо-, и зооморфизмы выполняют функцию "перенесения на внешний мир принципа жизненности" [Веселовский 1989, 104]. Подобное оживотворение можно понимать недифференцированно — не делая принципиальных различий между уподоблением предмета животному (=одушевление) и уподоблением предмета человеку (=олицетворение). Ср. у Ф.И.Буслаева описание стандартного механизма переноса: "Свойства выражаются одинаковыми словами, потому что производят на нас одинаковые впечатления; так, например, *нога, рука, горло* — у животного, и *ножка* — стула или стола, *ручка* — у чашки, *горлышко* — у бутылки и проч." [Буслаев 1959, 291—292]. Оставляя в стороне вопрос о метафорическом статусе *ручки* (как части чашки) — здесь можно было бы усмотреть и метонимию,— обратим внимание на другое: *рука* называет исключительно человеческую часть тела, поэтому она никак не может выступать в качестве зооморфизма. Еще пример. Ф.И.Буслаев семантизирует род таких существительных, как *корабль* и *лодка*, привлекая в качестве аргумента фактор "одушевления" предметного мира: "Если язык олицетворил плуг существом живым [согласно древнейшим представлениям, плугу приписывались голова и хвост — Е.Я.], то уже еще естественнее это оживотворение в корабле, который, подобно плавающему животному, ходит по волнам и, как конь, переносит людей с берега на берег; потому корабль, подобно животному, снабжен носом" [Буслаев 1992, 250]. Да, но та часть корабля, за которой сейчас закрепилось название "нос", в древнерусских памятниках могла называться и "рот" (ѫтъ=ротъ) [Срезневский, III, 207], [Дьяченко 1993, 357], и (что еще более важно в свете обсуждаемой темы) "чело", ср.: Wтекъ на преднее чело корабля... [Срезневский, III, 1489]. Следовательно, "оживотворение" в данном случае — это о ч е л о в е ч и в а н и е, олицетворение в собственном смысле слова.

Вопрос о конкретизации источника "жизненности" может быть решен при обращении к истории языка, "где с большей ясностью высказывается происхождение и первоначальное значение слов" [Буслаев 1959, 293]. Решение же этого вопроса помогает увидеть исходные ориентиры в описании как предметного мира, так и живой природы.

1.3. Животное как объект стилистического нейтралитета. Нужно сказать, что животное как суверенный объект описания в совре-

менном русском языке занимает достаточно четко просматривающуюся зону стилистического нейтралитета. Поэтому в ряду языковых средств, описывающих предметные области живой природы, все, что выходит за пределы нейтрального, маркирует человека. Так, "в ряду квазисинонимов ГЛАЗА, ОЧИ, ЗЕНКИ ... лишь стилистически нейтральное слово ГЛАЗА обозначает орган зрения любого живого существа... Книжное слово ОЧИ и просторечное пейоративное ЗЕНКИ отличаются от своего нейтрального квазисинонима не чисто стилистически, как принято думать, но и семантически. ОЧИ обозначают большие, выразительные, красивые глаза, притом обычно глаза человека. ЗЕНКИ тоже обозначают только глаза человека, но маленькие, некрасивые, неприятные" [Апресян 1986, 67]. Соотнесение стилистически высокого и низкого вариантов с человеком и предпочтение нейтрального варианта для описания животного можно проследить и на другом языковом материале, ср.: *болезнь* (нейтральное и поэтому универсальное обозначение состояния) — *недомогание, недуг, нездоровье* (стилистически маркированные члены ряда, которые прилагаются только к человеческой сфере); *бояться* (универс.) — *страшиться* (описывающее "биологический" страх, но прилагаемое, быть может как раз в силу этой специфицированности, только к человеку); *еда* (универс.) — *снедь, харч* (только о еде человека); *смотреть* (универс.) — *глазеть, взирать* (высокий и сниженный варианты не приложимы к животному); *найти* (универс.) — *обрести* (антропоцентричное); *сердиться* — *серчать*; *бродить* — *слоняться*; *губы* — *уста*; *спать, отдыхать* — *почивать*...

Древнерусские аналоги приведенных нами маркированных вариантов не были антропоцентричными, в силу полной семантической иррелевантности признака "высокое" и "низкое"[3], ср.: **Wтъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици, и чл҃вци.** *Поуч. Влад. Мономаха* [Срезневский, II, 1756]; **Быти въ снѣдь птицамъ** (пример из [Дьяченко 1993, 625]); **И ижже имеши прѣжде рыбѫ, възьми и, отъврьзъ оуста ки, обрѫщеши статиръ.** *Мф. XVII. 27. Остр. ев.* [Срезневский III, 1273]. **Избави мя ... яко овцу отъ устъ лвовыхъ.** *Сл. Дан. Зат.* [Срезневский II, 64]; *Меринъ игрень ... чалинка въ верхи повыше очеи* [Словарь русского языка, 327]. В древнерусском языке **оуста** и **очи** были универсальным обозначением соответствующих объектов без какой-либо их качественной спецификации, ср. такие выражения, как **очеѥоль** = 'имеющий больные глаза', **разоцѣ очи** = 'косые глаза', **оустнатый** = 'большеротый' (примеры из [Дьяченко 1993]).

Таким образом, сама стилистическая дифференциация выполняет роль мощного концептуализатора "человека" в различных языковых областях. В добавление к лексике пример из синтаксиса: (нейтральное выражение 'начинательности') *Собака залаяла/начала лаять; Ворона закаркала/начала каркать* и (экспрессивное выражение того же смысла) *Соседи — кричать; Дети — плакать* при со-

мнительности *?Ворона — каркать; ?Собака — лаять* (последние примеры осмысленны в контексте "человеческого" вмешательства: скажем, соответствующие действия интерпретируются рассказчиком как "запланированный" беспорядок). Животное как объект описания весьма чувствительно к стилистической маркировке по линии "книжное"/"разговорное". Ср. бóльшую естественность употребления нейтрального варианта по отношению к животному и неуместность книжного (последний звучит напыщенно, нарочито в данном случае): *Старый петух победил молодого / ?одержал победу над молодым.* Глаголы *разъяриться, испугаться, забеспокоиться* одинаково приложимы и к человеку, и к животному, а их книжные аналоги *прийти в ярость, быть охваченным беспокойством...* относительно животного неуместны *(Тюлень разъярился/?пришел в ярость; Кролик забеспокоился/ ?Кролика охватило беспокойство; Кошка испугалась/ ?Кошкой овладел страх...); паника* в точном своем употреблении может описывать и людей, и животных *(Соседи/звери в панике)*, однако, при малейшем нарушении точности — скажем, в применении к единичному объекту — *паника* становится антропоцентричной, ср.: *Иван в панике* при некорректности **Лев в панике.* Любопытно, что семантический элемент 'коллективного страха' задает употребление *паники* относительно животных как целого класса объектов, ср.: *Звери в панике* при невозможности **Куры в панике, *Лошади в панике, *Волки в панике.* Эти примеры подводят нас к мысли, что понятие "индивидуального"/"коллективного" в применении к животным обладает своим, особым, содержанием.

Итак, для выяснения характера языковой эволюции отношений между "человеком" и "животным" как двумя ключевыми источниками "жизненности" мы предлагаем обратиться к периоду их стилистической равноправности — к фактам древнерусского языкового узуса.

2.1. К истории отношений... Ярким подтверждением исходной антропоцентричности языка и, как следствие, универсальности антропоморфного кода являются следующие примеры (в них антропоморфизмы используются как нейтральные показатели каузации, независимо от природы причинного источника): *отъ руки всякого зверя* = 'от всякого зверя', *предадятся въ руки оружію* = 'преданы будут мечу', *предъ лицѣмъ ветра* = 'перед ветром', *отъ лица облака* = 'от облака' [Дьяченко 1993]; (из чина пасхальных молитв на основе Пс. 68.3) *...яко тает воск* ***от лица огня****, тако да погибнут беси от лица любящих Бога...*; (из Пс. 89.49) *Кто из людей жил, и не видел смерти, избавил душу свою* ***от руки преисподней****?*

Замечание. Нужно сказать (здесь мы опираемся на "Материалы..." И.И.Срезневского), что лице в древнерусском в числе прочих имело значение 'перед': *и обратися икона лицемъ на градъ; въ лице*

значило 'в присутствии', а также 'прямо, против': *Новгородци же сташа в лице желѣзному полку.* Именно в силу наличия этого "фасадного" компонента в юридической практике "*лицо* могло выступать синонимом вещи в ее предъявлении ... *а лодью лицомъ воротити* (Русская Правда...), т.е. отдать лодью: *не будет лица* ... т.е. если же не воротят лодьи" [Буслаев 1992, 307]. В этом понимании *лицо* не содержит непосредственных каузативных смыслов. К такому *лицу* восходят современные *наличность, лицевая сторона, показать товар лицом.* Близки к "фасадному" *лицу* примеры типа *смотреть в лицо опасности, мы смерти смотрели в лицо..*, но здесь за счет метафорического потенциала имени *лицо* воспринимается как вполне живой антропоморфизм.

Зооморфизмы — более позднее явление, как и сама спецификация животных по разного рода "параметрам": способам передвижения *(ходить, летать, ползать, плавать...)*, "голосу" *(рычать, лаять...)*, "анатомии" *(нос => клюв, нога => лапа...).* В древнерусском языке общность лексической базы для описания человека и животного была весьма значительной. (Тем более поражает последующее дистанцирование этих двух предметных сфер). Приведем лишь некоторые примеры, касающиеся слов, которые сейчас воспринимаются как однозначно принадлежащие животной сфере и поэтому используются в качестве зооморфизмов.

"*Доить* — теперь только о животных: *доить корову*; прежде значило 'кормить грудью': *взя же отроча на руки жена, и абіе къ ней, яко къ матери своей прилѣпися любезно, она же дояша я* (Чет.Мин., 22). *Воздоить* — воспитать: *соблюди ми отроча сіе, и воздой ми е* (Исход, 2); *отдоить* — отнять младенца от грудей: *сотвори Авраамъ учреждение* (пиршество) *веліе, въ онъ же день отдоися Исаакъ сынъ его* (Быт., 21)" [Буслаев 1992, 302]. Отсюда — слово *яловый* прежде могло прилагаться не только к корове, рыбе, но и к бесплодной женщине (там же, 304).

Слово *нора* в древнерусском значило 'подкоп' (а *норъ* = 'пещера, яма, водопровод' [Дьяченко 1993, 357]), ср. пример из [Срезневский, II, 406]: Подкопашася подъ стѣну двѣстѣ саженъ, и подкатиша норами бочки съ зельями и зажгоша съ устья. *Псков. л.* (звериной же норой, *норкой*, была норка [там же]).

Рыскать имело несколько значений, в каждом из которых присутствует "быстрота" и "стремительность", но никак не выражена зооморфная природа субъекта [Срезневский, III, 123]. Приведем пример на *съръскивати = сбегаться* из Новгородской летописи 6926 г.: ...и начаша звонити по всему граду, и начаша людіе съръскивати съ обою страну, акы на рать въ доспьсьхъ на мостъ великыи... [Срезневский, III, 535].

Весьма показательна в свете обсуждаемой темы возможность сближения между такими глаголами, как *рыдати* и *рыкати (ры-*

чать), на основе общего семантического компонента ‘издавать сильный звук’. Вследствие чего оппозиция “человек”/”зверь” нейтрализовалась, ср. рыдати как “реветь”: Львъ зѣло рыдая. *Пат. Син.* [Срезневский, III, 210] и рыкати как “стонать, рыдать”: Рыкахъ ѿ въздыханиа сердца мокго. *Псалт. Син.*; Рыкати нача старець. *Жит. Андр. Юр.* [Срезневский, III, 211].

В каких-то случаях поставщиком для характеристики животного могла выступать человеческая сфера. Так, лаяти в качестве исходного имело значение ‘бранить, наветовать, клеветать’ [Дьяченко 1993, 279]: Лающе Єго, ищущи уловити нечто отъ устъ Єго (Лук. 11, 54); Лаялъ ми посадникъ вашъ Остафеи, назвалъ мя псомъ” *(Новг. лет.)* [там же]. В [Черных 1994, I, 470] *лай* определяется со ссылкой на пример из *Судебника 1497 г.* как “брань”, “ссора”. У Срезневского *лай* — это “брань, ссора”: А кто кого поимаетъ приставомъ въ бою, или въ лаѣ, или въ замѣхъ, и на судъ ити не въсхотятъ, и они доложа судіи помирятся. *Судебн. 1457;* “оскорбление”: Царь же Василеи, седя на царстве своемъ, многие беды прїя, и позоръ, и лаи. *Никол.л;* Ратные жъ люди не можаху терпети лаи государю своему. *т.ж.* [Срезневский II, 5].

Замечание. Впрочем, исходно “собачьим” (и “лисьим”) был глагол брєхати (= “лаять, как собака” в [Дьяченко 1993, 60]), который как раз не имел выхода в сферу человеческой деятельности. Интересна произошедшая с течением времени метаморфоза: именно к *брехать* перешли смыслы, близкие к ‘лгать, клеветать’, а *лаять*, закрепившись как нейтральное за собакой, их утеряло.

Другой, может быть более очевидный, пример — глагол *петь* как “птичий” аналог “собачьего” *лаять*: Не ждын пѣтіа куръска. Псалт. толк. Ѳеодорит; Съ вечера даже и до пѣтиа коуръя бъдмште и молѧштесѧ. *Изб. 1073* [Срезневский, II, 1790–1791]. Оставляя без комментариев тот факт, что само пение (церковное!) могло описываться с помощью глагола выти (выѫщимъ говѣнно ... [Срезневский, I, 455]), отметим, что наиболее близким к человеческому языку, с точки зрения древнерусского сознания, был именно “язык” птиц; так, ласточка могла именоваться *сладкоглаголивою* [Буслаев 1992, 319], *благоглаголивою* [Срезневский II, 12], а язык носить название *соловейко* [Дьяченко 1993, 635]. Само пение птиц “в средние века называлось языком латинским, как всякий непонятный язык латинским или волошским” [Буслаев 1992, 319] (ср. современное выражение *птичий язык* — о речи, перенасыщенной без нужды иноязычными вкраплениями и потому непонятной).

Приведенные примеры достаточно убедительно показывают: то, что с точки зрения современного языкового сознания часто воспринимается как имманентная характеристика животного, могло в качестве исходного объекта описания иметь человека, а как спецификатор животного стало использоваться значительно позже; от-

ношения "преемственности" таким образом оказываются перевернутыми, и в синхронном плане мы говорим о зооморфизме там, где в исторической ретроспективе легко устанавливается антропоморфизм, вернее, действие постоянного семантического фактора языковой антропоцентричности.

2.2. По образу и подобию человека... Если в современном русском языке идея способа передвижения для животного и транспортного средства для человека в норме должна быть выражена[4], то в древнерусском языке о приплывшем, приехавшем и даже прилетевшем объекте можно было сказать "пришел", т.е. использовать глагол, описывающий исходно "человеческий" способ передвижения, ср.: И сѣющу ємоу, оба падоша при пѫти: и прїидоша птицы, и позобаша а (Матф. 13.4) — И когда он сеял, иное упало при дороге. И прилетели птицы и поклевали то [Евангелие 1993, 84–85]; И ѿпѹстивъ народы, влѣзе въ корабль, и прїиде въ предѣлы магдалински (Матф. 15.39) — И, отпустив народ, Он вошел в лодку и прибыл в пределы Магдалинские [там же, 106–107]; Приидоша кмь вокватъ въ Ладозьскок озѣро въ лодкахъ. Новг. I л. 6736; Прнде на клюсех [на лошадях] *Жит. Ав.* [Срезневский, I, 1230]; И тако понде на коних в страноу свою ... *Нест. Жит. Ѳеод.* [Срезневский, III, 586]. В древнерусском насекомые и птицы могут "ходить", а не "ползать" или "летать": Видя мравїнце и тѣхъ множьство.., исходяща и входяща. *Жит. Ио. Черн.* [Срезневский II, 183]; Пришедшимъ врломъ и многимъ ворономъ, яко вблокоу великоу... *Ип.лет. 6757* [Срезневский, II, 1757]; Далече заиде соколъ, птиць бья к морю *Сл.п.И.* [Срезневский, III, 459].

Орел и сокол "приходят", "заходят" (далеко), если способ передвижения находится на периферии внимания; но при необходимости он без труда может быть выражен, ср.: И тогда аки соколи борзо полѣтели. *Сл. о Задонщ.* [там же]; Не съвѣда слѣда орлоу лѣтѧщу по въздоухоу. *Изб. XIII в.* [Срезневский, III, 440]. Об орле в плане его "сущности" — передвигается, не оставляя следов,— сказано, конечно, с использованием глагола *лететь*, но древнерусское "лететь" все же было "опорным", как и "идти". Эта "опорность" особенно ярко проявляется с другим предложным управлением: На въздоусѣ лѣтаѭть пътицѣ. *Изб. 1073* (там же). Ср. аналогичную "опорность" у глагола "парить" (которая в современном языке совершенно утеряна: *лететь по небу,* но *парить в небе*): Быхъ мыслію яко орелъ паряи по воздуху. *Сл. Дан. Зат.;* [Пьтицѧ] по земли же ходѧть, а по въздоухоу парѧть [Срезневский, II, 881]. Данные примеры показывают, что "опорность", по-видимому, помогала передать идею направления.

Мы видим, что древнерусское "идти" ближе к своим современным английским и французским аналогам, которые никак не отражают "объективно существующее различие между движением человека пешком и с помощью транспортного средства" [Гак 1989, 20].

Замечание. В.Г.Гак объясняет столь широкую применимость идти объемом значения (куда более широким по сравнению с современным аналогом): "Древнерусский глагол *ити* имел широкое значение: он обозначал перемещение в пространстве в общем виде. Значение "передвигаться, переступая ногами", свое первое значение в современном языке, он приобрел позднее. Он был, следовательно, аналогом современных глаголов *двигаться, направляться"* [Гак 1985, 30]. Думается, что выбор в качестве гиперонима, обозначающего передвижение как таковое, именно глагола идти не случаен. Он согласуется с широтою применения "лица" и "руки" в древнерусском языковом узусе, с обозначением "звука" (любого происхождения) с помощью слова гласъ (которое отнюдь не является метафорой в подобных случаях): **Гласоу громьноумоу покоришмсѧ; вода безъ гласа лющисѧ** [Срезневский I, 518]; "шума" с помощью слова говоръ: **Сѫть горы ... и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ; Говоръ галичь ѹбѹди** [Срезневский I, 530]. Все это, на наш взгляд, различные рецидивы антропоцентричности языкового мышления.

Итак, сам круг слов, которые впоследствии могли бы использоваться как зооморфный языковый код, сложился не сразу. К примеру, слово *лапа* до конца XVII в. не встречается в русских памятниках [Черных 1994, I, 466]; "четвероногие", по аналогии с "двуногими" (т.е. людьми) в древнерусском обозначали всех домашних животных, ср.: **Четвероногам** τετραποδα, от τετραπους, четырехстопный, четвероногий (Евр. *behema*) = скотина (в русской Синод. Библии "скот" — Быт. 1.24), крупный скот, домашний, противоположен лесным зверям" [Дьяченко 1993, 819]. Собственно, в этом понимании и сейчас данное слово употребляется во фразах типа *Мой четвероногий друг* (о собаке, кошке.., т.е. "четверолапых"). Впрочем, в древнерусских текстах встречается и более широкое понимание "четвероногих", ср.: **Чьто бо ксть льва лютѣе въ четвьроножинаахъ.** *Изб. 1073* [Срезневский II, 96].

По мере спецификации языка описания сфера животных дистанцировалась от сферы человека. О переносном же использовании этого языка, т.е. о появлении зооморфного кода, имеет смысл говорить только тогда, когда слово стало устойчивой характеристикой той или иной предметной области. К примеру, некогда слово носъ прилагалось и к человеку, и к птице: **Аще же оузрѧть напасть, прелѣтаютъ на нь и наклонным носомь клюютъ** [Срезневский I, 1226]; *когтям* как "старшее" предшествовало слово *ногти* (все по той же аналогии), ср.: **Подобенъ есть врлоу превετхѹ и прεстароу, не имоущѹ перія и ногтеи и клюна.** *Хроногр. XVI* [Срезневский I, 1230]. По текстам можно наблюдать колебания при выборе этих слов. В современном же языке *когти* и *язык* — это безальтернативные варианты обозначений соответствующих частей животного и, как

следствие, яркие зооморфизмы. Еще пример. Мы уже говорили, что *нора* исходно относилась к сфере человеческой деятельности, а в качестве общего названия "жилища для животного" могло выступать слово ложе — "нора, берлога, гнездо", по И.И.Срезневскому, ср.: Лисицѣа ложа имѣть. *Мф. VIII* [Срезневский, II, 43]; Оуловиши ли л'вомъ гадь и дша зміѣвы насыти ли. Ѵбоѣть бо сѧ на ложахъ своихъ. Сѣдѣть же въ берлозѣ ал'чюще. *Iов. XXXVIII. 39–40* [Срезневский I, 71]. В современном языке у *ложа* куда более узкая предметная сфера, а *логово*, являясь нейтральным обозначением "места жительства" для диких зверей (крупных хищников, змей...), обладает возможностью к переносному употреблению.

3.1. Фактор ценностной дифференциации: человек VS. животное. Приведенные факты указывают не только на отсутствие в древнерусском языковом сознании жесткой противопоставленности человека и животного как субъектов биологической жизнедеятельности, но и на взаимную ориентацию этих двух "источников жизненности": животное (его анатомия, физиология, "динамика") описывается по модели человека, с опорой на "человеческую" терминологию, а человек (его проявления, деятельность, личностные качества) очень рано может уподобляться животному в разного рода сравнительных оборотах (именно благодаря стереотипности такого рода уподоблений современное сознание глагол *рыскать* относит к зооморфизмам с "хищнической" семантикой).

Таким образом, отношения "человека" и "животного" в разные периоды истории языка наполняется разным содержанием: от соотнесения и противопоставления равноправных предметных сфер до дистанцирования сфер несопоставимых. Дистанцирование же это явилось следствием ценностной дифференциации, с какого-то момента обретшей силу языкового фактора и трактовавшей сферу животных как "низкую" (в духовном, этическом, эстетическом... отношении) по сравнению с человеком. Об осознании этой "дистанции" говорит, в частности, сужение предметной области (до человеческой) выражений типа *от руки, от лица, перед лицом, (попасть) в руки*, а о закрепленности за животной сферой признака "низкое" свидетельствует пейоративная функция современных зооморфизмов, описывающих человека. Ср. закономерности выбора *лица* и *морды* в зависимости от коммуникативного задания высказывания: а) *Нельзя бить по лицу (*морде)*; б) *И тут он как даст ему по лицу / по морде!*; в) *А ты дай ему по морде (?по лицу)*; г) *А ты двинь его по морде (*по лицу)*. Мы видим, что по "лицу" бить неэтично, а по "морде" — полагается[5], именно поэтому в (б) выбор слова *морда* свидетельствует об одобрительном отношении говорящего к описываемому действию. Аналогично: выражение *попасть в руки правосудия* нейтрально, а *попасть в лапы правосудия* содержит негативную оценку носителя "лап"; *протянуть руку* можно в смысле 'подать' *(протянуть руку помощи)*, а протянуть лапу — только в

смысле 'схватить' *(куда лапу тянешь!)*; в предложении *Он запустил лапу в государственную казну* действие оценивается отрицательно, во фразе же *Почему бы и не запустить руку в государственную казну?* в силу отсутствия негативной оценки употребление *лапы* вместо *руки* неуместно.

О том, что фактор иерархии (человек vs. животное) был существенным в условиях сознательного следования законам стиля, свидетельствуют примеры рефлексии на неправильное использование эпитетов в отношении животных (т.е. как раз на рассогласование по параметру "высокое"/"низкое"). Ср. из дневников одного из участников "Беседы любителей русского слова": "Ф.П.Львов прочитал стишки свои к "Пеночке", написанные хореем и с чувством:

Пеночка моя драгая,
Что сюда тебя влекло...

Но эти стишки возбудили спор: П.А.Кикин ни за что не хотел допускать, чтобы в легком стихотворении к птичке можно было употребить выражение *драгая* вместо *дорогая...*" (цит. по [Успенский 1994, 180]).

3.2. "Высокое" и "низкое" как проявление "человеческого". Описание человека и животного на разных "языках" в условиях стилистической дифференциации может иметь и семантическое объяснение, ведь, как известно, исконно церковнославянская лексика обретает в контексте языковой "двумерности" семантический компонент 'абстрактное', 'умозрительное', ср. примеры из [Успенский 1994]: *короткий* и *краткий*, *хоронить* и *хранить*, *перервать* и *прервать*. В ряду слов, первоначально описывающих общую для человека и животного предметную область, также происходит размежевание, ср.: *(у)видеть — (у)зреть, взгляд — взор, знать — ведать, найти — обрести, глаза — очи, губы — уста, голос — глас...* Слова, маркированные признаком 'абстрактное', описывают более высокие по сравнению с нейтральными, формы жизнедеятельности, либо называют объекты, относящиеся к миру духовному.

Так, если компонент 'внутреннего зрения' в семантике *узреть* был потенциальным[6], то с актуализацией "духовной" координаты он стал реальным, имманентно присущим данному глаголу, отсюда — невозможность его употребления относительно "низших" существ — животных, детей... Эта "созерцательная" составляющая находит языковое воплощение и в других словах с семантикой 'зрение': *взор*, в противоположность *взгляду*, может быть *внутренним*, *мысленным*; органом такого зрения являются не *глаза*, а *очи*, ср.: *увидеть мысленными очами (*глазами); его внутреннему взору (*взгляду) представилось...; перед моим мысленным взором проходят картины прошлого..; И только смертного зениц // Ты, ангел слез, дотронешься крылами — // Туман рассеется слезами, // И небо серафимских лиц // Вдруг разовьется пред очами* (Ф.Тютчев). *Уста*

некогда могли употребляться в чисто "анатомическом" значении; теперь *уста* — это источник речи, орудие духовного общения, ср.: *Слышать это из Ваших уст (*губ, *рта) — большая честь*[7]. В отличие от нейтрального и поэтому универсального *найти*, стилистически высокое *обрести* применяется лишь к абстрактной предметной сфере, при этом "абстрактность" прочитывается как "духовность" — *обретаются* вещи, судьбозначимые для субъекта, ср.: *обрести покой, друга, семью, вторую родину*, но не **обрести ночлег, попутчика, приятеля...*

Итак, стилистически высокое соотносится с духовной сферой, в которую "животному" вход закрыт, а стилистически сниженное?.. Ведь к животному не приложимы и такие слова с семантикой 'зрение', как *зенки, буркалы, глазеть*. Животное не может *осерчать, почивать, занедужить, слоняться*. Малейшее отклонение от нейтрального в область экспрессии маркирует языковую форму человеческим содержанием — творительный изобразительный, гипербола, метафора антропоцентричны, ср.: *Ваня **пулей** выскочил из комнаты* при странности *?Лев **пулей** выскочил из клетки; Она **выпорхнула** из комнаты* и **Лиса **выпорхнула** из курятника; Он **взвыл** от боли* и **Ворона **взвыла**...; Зачем он сюда **приперся**? **Вали** отсюда!; Куда он **потащился**?...* Можно предположить, что содержательной константой многих разговорных, стилистически сниженных, а также экспрессивных языковых форм является их "социальность": "Пометы типа "усилительное" и "эмоционально-усилительное" имеют очевидную коммуникативную подоплеку" [Апресян 1986, 67]. Поэтому если животное мыслится как партнер языковой коммуникации (аналог человека), оно может выступать в качестве объекта языковой экспрессии, иронии *(Барсик **умудрился** съесть целую тарелку этой дряни)*, эвфемистических замен *(Что-то наш кролик **поправился** вместо: **потолстел**)* и языковой игры. В [Яковлева 1996] мы рассмотрели некоторые случаи высказываний с отрицательным, ироническим подтекстом, которые наводят на мысль, что предметная сфера животных предполагает полную однозначность описания. Любое искажение действительности, узаконенное языком как способ выражения экспрессии (метафора, гипербола, эвфемизация), антропоцентрично.

Май 1996 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Заполнение или незаполнение этой рубрики для тех или иных слов-названий животных в разных языках может разниться, поэтому при обучении языку закономерны и даже необходимы задания типа: "Назовите переносные оценочные значения слов *попугай, обезьяна, щенок, теленок, змея, лисица, медведь, осел, козочка, мотылек* в разговорной речи ... Названия каких животных в вашем род-

ном языке употребляются переносно по отношению к людям? Какие семантические компоненты при этом играют роль?" [Земская 1987, 46].

[2] В нейтральном случае к животным не приложимо описание жизни, "бытия" в терминах времени, ср. антропоцентричность таких качественных спецификаторов времени, как *былое, минувшее, прошедшее, прежнее, грядущее*. В стилистически нейтральном контексте можно, по-видимому, говорить о *прошлом* рода или вида, но не отдельного животного — *этого медведя, того кузнечика*. Поэтому наделение субъекта "временной ментальностью" — это способ "очеловечивания", ср.: *На своем веку (в своей жизни) он много испытал; В свое время он брал все призы на скачках*. Понятно, что существует предел подобного рода антропоморфизации: едва ли о собаке можно сказать *она проводит свое время в безделии* и уж точно нельзя сказать *проводит свои дни*. Аналогично, и русские квазипространственные показатели типа *близок, далек, вблизи* (кого-либо), *вдали* (от кого-либо).., задающие локализацию в умозрительном, а не физическом пространстве, прилагаются только к "лицам", либо же к феномену, который мыслится по аналогии с личностью: относительно животных и детей их употребление, как минимум, затруднено, ср.: *Вдали от него* (человека, города, но, по-видимому, не любимого пса) *я чувствую себя неуверенно; Он близок мне; Как он далек от меня!; Мы очень далеки; Хорошо, когда вблизи находится живое существо* (= не животное, не ребенок).

[3] Ведь об особых стилистических возможностях "для выражения абстрактного, обобщенного, а также возвышенного, поэтического содержания" [Успенский 1994, 188] можно говорить только в применении к русскому языку послепушкинской эпохи — когда из сопряжения церковнославянской и русской языковой стихий окончательно сложилась особая "двумерность" (выражение Б.Унбегауна), двуплановость русского литературного языка: "... в самом церковнославянском такие формы, как *град, свеща* и под., не имеют специальных коннотаций, однако, они естественно появляются в русском языковом сознании, т.е. в перспективе носителя русского языка" [там же].

[4] Ср.: "... в русском языке глаголы перемещения типа *выйти, вылетать, выползти, выплыть* обозначают, помимо прочего, способ перемещения. Носитель русского языка должен воспользоваться одним из этих глаголов даже тогда, когда ему совершенно неважно, каким способом какое-то существо перестало находиться в определенном месте. Ср. *Собака вышла из конуры, Птица вылетела из гнезда, Змея выползла из норы, Рыба выплыла из грота*. Нельзя сказать*??Собака покинула конуру,??Птица покинула гнездо,??Змея покинула нору,??Рыба покинула грот* — это звучало бы смешно, напыщенно, неестественно, шутливо или имело бы другой смысл ('навсегда оставила'). Между тем француз во всех этих случаях употребит один и тот же глагол *sortir*, по составу семантических компонентов более или менее соответствующий глаголу *покидать*" [Апресян 1995, 467–468]. Ср. на эту же тему примеры из [Гак 1977, 102]: по-русски мы должны сказать *птица перелетела через реку, лодка переплыла, человек перешел через дорогу, заяц перескочил*, а *змея переползла*; во французском же "и птица, и лодка, и человек, и заяц, и змея выполняют одно и то же действие: они *пересекают (ils traversent)* реку или дорогу".

[5] Между тем древнерусским аналогом современного *мордобоя* выступало сложное слово с компонентом лице: Ни битвы, ни кожи крояния, ни лицедранія не творяху. Жит. Конст. кн. Муромского [Срезневский II, 32], что свидетельствует об отсутствии ценностной дифференциации, которая бы могла выражаться противопоставлением антропо- и зооморфизмов.

[6] Ср. значения церковнославянских фразем: зрѣти на кого — "слушать кого", зрѣти на Володимерь — "думать, как бы завладеть им" [Дьяченко 1993, 207]. В [Срезневский I, 1012–1013] у, зрѣти, помимо значений 'смотреть, наблюдать', выделяется и такое, как 'выжидать': Подобаеть времене смотрити, и года зьрѣти. *Панд. Ант. XI.*

[7] Впрочем, эта способность была изначально присуща *устам* и определяла их неповторимость, невозможность адекватной замены словом из того же тематического ряда, ср.: *Ты рекл еси пречистыми усты Твоими...*; [к Пресвятой Богородице] *... от скверных устен приносимое тебе моление..*; *После этих слов открыл Иов уста свои, и проклял день свой* (Иов. 3.1). Вообще, *уста* как источник речи (а значит экспликатор существа человека!) и *очи* как "светильник телу" (Светильникъ тѣло естъ око. *Матф. VI, 22*) (и следовательно, синоним духовного в человеке) по смысловому объему не тождественны своим нейтральным синонимам *губы, рот, глаза*, ср. невозможность их адекватной взаимной мены: *Ибо нет в устах их истины, сердце их — пагуба* (Пс. 5.10); *Господи! избавь душу мою от уст лживых (Пс 120. 1–2); Истребит Господь все уста льстивые* (Пс. 12.;); *Просвети очи мои, да не усну я сном смертным* (Пс. 13.4); *Гордого очами и надменного сердцем не потерплю* (Пс. 101.5); *Очи всех уповают на Тебя* (Пс. 145.15); *Господи! не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, И я не входил в великое и для меня недосягаемое* (Пс. 131.1). Закономерно, что *уста* и *очи* могут, в отличие от *глаз* и *губ*, мыслиться как целостная духовная сущность: *уста* — выступать как синоним 'человека нравственного' *(велеречивые уста, коварные уста, во власти лживых уст...)*, а *очи* — как источник или проводник духовного света (в каких-то случаях — синоним "человека духовного"), ср.: *И самого меня являешь ты // Очам души моей* (Ф.Тютчев); *...и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его* (Еф. 1.18); *Душа хотела б быть звездой, // Но не тогда, как с неба полуночи // Сии светила, как живые очи, // Глядят на сонный мир земной!...* (Ф.Тютчев). Не случайно *очи* и *уста* — труднопереводимы: им нет точных аналогов в других языках, ср. в смысловом плане адекватную передачу "очей" с помощью "памяти" в [Collins Bible]: *Да будут они всегда в очах Господа, и да истребит Он память их на земле* (Пс. 109.15) — *May the Lord always remember their sins, but may they themselves be completely forgotten*!

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1974 — *Ю.Д.Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.

Апресян 1986 — *Ю.Д.Апресян*. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. 1986, № 2.

Апресян 1995 — *Ю.Д.Апресян*. О языке толкований и семантических примитивах // Ю.Д.Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.

Арутюнова 1979 — *Н.Д.Арутюнова*. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.

Буслаев 1959 — *Ф.И.Буслаев*. Историческая грамматика русского языка. М.

Буслаев 1992 — *Ф.И.Буслаев*. Преподавание отечественного языка. Материалы для русской стилистики. М.

Веселовский 1989 — *А.Н.Веселовский.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // А.Н.Веселовский. Историческая поэтика. М.

Гак 1977 — *В.Г.Гак.* Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). М.

Гак 1985 — *В.Г.Гак.* К эволюции способов речевой номинации // Вопросы языкознания, № 4.

Гак 1989 — *В.Г.Гак.* Сравнительная типология французского и русского языков. М.

Дьяченко 1993 — *Гр.Дьяченко.* Полный церковно-славянский словарь. Репринт 1890 г. М.

Евангелие 1993 — Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках с историко-текстологическими приложениями. М.

Земская 1973 — *Е.А.Земская.* Современный русский язык. Словообразование. М.

Земская 1981 — *Е.А.Земская.* Словообразование // Современный русский язык под ред. В.А.Белошапковой. М.

Земская 1987 — *Е.А.Земская.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 2-е изд. М.

Словарь русского языка — Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 12, М., 1987.

Словарь эпитетов — *К.С.Горбачевич, Е.П.Хабло.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.

Срезневский — *И.И.Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1913.

Успенский 1994 — *Б.А.Успенский.* Очерк истории русского литературного языка (IX–XIX вв.). М.

Черных 1994 — *П.Я.Черных.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М.

Яковлева 1996 — *Е.С.Яковлева.* Животные в языковой картине мира, или еще раз об антропоцентричности языка // Актуальные вопросы языкознания в историческом и современном освещении. Материалы 3-их Поливановских чтений. Смоленск.

Collins Bible — Good News Bible. Today's English Version. The Bible Societies. Collins Bible. 1982.

Татьяна Яруллина-Тодорова
(София)

ИНТЕРФИКСАЦИЯ С ПОЗИЦИЙ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА

Поворот современной лингвистики к человеку, к личности как основному продуценту новой информации, интерес к мыслительным процессам означает, что многие даже хорошо изученные явления языка могут получить дополнительные объяснения. Особенности восприятия информации неизбежно находят отражение на уровне кода (в виде особых мнемонических слов-припоминаний типа *М-м-м...* и мн. другого). При восприятии текста линейная речевая структура переводится в объемный образ, понятие, сложную мыслительную единицу, которыми занимаются когнитивные науки. Непрерывный процесс перевода информации с одного уровня на другой (мозг — язык — дискурс — мозг) мотивирует создание в естественном языке таких средств, которые обеспечили бы компактность и надежность информационного сигнала при достаточной скорости его передачи. Как отмечают специалисты по когнитивной психологии, говорящие "стремятся получить от каждой новой порции информации максимальный контекстуальный эффект, заботясь в то же время о минимальном расходовании когнитивных усилий на ее обработку" (Шпербер, Уилсон 1988, 225). Становится ясным, что "накладка" языковых и когнитивных категорий создаст большие трудности перед исследователями, т.к. очень часто бывает трудно отделить проблемы отражения от проблем знания.

Ведущую роль в классификации получаемой информации играет отработанная система маркеров на ее выходе — флексии, предлоги, порядок слов, суперсегментные явления и др., т.е. то, что в широком смысле может быть названо классификаторами (Лакофф 1988), что решающим образом влияет на распознавание образа слова в различных языках. Информация о маркерах в потоке речи, несомненно, содержится в системах памяти и "...создает определенные ожидания относительно поступающей информации" (Аткинсон 1980, 298). При этом возможно, что маркеры могут не совпадать с классическими объектами, например, морфемами, т.к.

речь с позиций ее восприятия еще недостаточно изучена лингвистами.

Интерфиксация в области русского словообразования относится к тем формальным языковым средствам, которые помогают сегментировать речевой поток и обеспечивают надежность дискурса. В данной работе развиваются взгляды Е.Д.Поливанова на асемантические морфемы (интерфиксы) как на такие единицы, которые лишь сигнализируют о последующих морфемах (исследуемые им на материале японского языка (Плетнер, Поливанов 1930)). Позже функциональность этих отрезков слова обсуждается в работах В.М.Алпатова, также посвященных японскому языку (Алпатов 1979, 52–54).

Как отмечает Е.А.Земская, у дериватов, в структуре которых наблюдается интерфикс, "...соотносительность между производящей и производной основами выступает более наглядно, а это очень важно для **четкости понимания производного слова** (Подчеркнуто нами — Т.Я.)" (Земская 1973, 119). В своем исследовании "Интерфиксация в современном русском словообразовании" Е.А.Земская дает глубокий анализ этому явлению (Земская 1964). Дискуссии, развернувшиеся после появления этой работы, только способствовали развитию идей в области русской морфемики. В своем исследовании Е.А.Земская выделяет два важнейших свойства интерфиксов: их асемантизм и функциональную нагрузку в структуре деривата: "Интерфиксы можно определить как части слова, не имеющие самостоятельного значения и выступающие как строевые средства языка, функция которых состоит в соединении морфем в слове" (Земская 1964, 42). Выделение такой единицы, как интерфиксы, позволяет расстаться с громоздкой системой т.н. производных аффиксов[1].

Но несмотря на широкое признание и убедительность этих идей, они, к сожалению, не нашли места в официальной русистике: академические грамматики русского языка предпочли более старый, традиционный подход. Так, "Русская грамматика" предлагает 23 варианта суффикса *-ск-* в русском языке: *-вск(ий),— евск(ий), -еск(ий), -лезск(ий), -эзск(ий), -анск(ий)* и т.д. (Русская грамматика 1980, 756). Аналогичную картину можем наблюдать и во многих других случаях. Практика преподавания русского языка как иностранного показывает, что такая широкая вариативность аффиксов без адекватного семантического наполнения не может восприниматься как логичная и не способствует мнемоническим процессам. И наоборот, при выделении дополнительного строевого элемента в структуре производного все становится на свои места — учащиеся с легкостью порождают соответствующие дериваты. При этом учащиеся как-то интуитивно понимают, что интерфикс им необходим, скорее, они связывают его важность со своей продуктивной речевой деятельностью.

В морфемике существуют споры о знаковом характере морфонологических средств языка, к которым относится и интерфиксация. По нашему мнению, отсутствие прямой связи с концептуальным аппаратом и тесные отношения с опознавательной сферой когнитивного механизма создают специфику этих языковых единиц (интерфиксов). Поэтому кажется справедливым следующее высказывание: "...языку свойственна тенденция к большей формальной выразительности при разграничении единиц, принадлежащих разным функциональным классам и даже одному и тому же классу, чем это представляется "на поверхности". Морфонологические явления вносят свой значительный вклад в это разграничение" (Кубрякова, Панкрац 1983, 22). С этих позиций интерфиксы можно интерпретировать как своеобразные классификаторы, маркеры определенных типов основ, что дает бóльшие преимущества производным с интерфиксами при их восприятии. Здесь надо отметить, что интерфиксация как механизм, препятствующий фузии русского слова, является динамической системой. При правом или левом "склеивании" интерфикса в структуре деривата может появиться новый разделительный элемент, что отчасти объясняет тенденцию к органическому удлинению русского слова (ср. многочисленные новые производные аффиксы *-ический, -истический* и др., а также связанное с этим явление чересступенчатой деривации).

Но наряду со строевой и разграничительной функцией интерфиксов в составе производного слова не менее важна и своеобразная "опознавательная" функция этих единиц, которая полностью раскрывается только в дискурсе. Не случайно интерфиксы в русском языке сопровождают не просто основы на гласные или согласные, а целые словообразовательные парадигмы. Так, например, для интерфикса *-л-/-л'-*, который прикрывает при словопроизводстве глагольные основы на гласную, одновременно характерно и соседство с показателями актантных имен и адъективных названий пропозиции: *купать — купа-ль-ник, купа-ль-ня, купа-ль-н(ый)*, но никогда не сопровождает субстантивное название пропозиции: *купать — купа-ние.* Появляющееся в этой позиции *-л-/плавление, оглупление, преломление* и т.п.) обычно принято рассматривать как "чередование с дизъюнктными альтернантами" (Трубецкой, 1987, 127), хотя и здесь чередование служит тем же общим целям, что и другие морфонологические средства. Интересно, что в болгарском языке интерфиксация у отглагольных производных встречается реже, ср.: *долбильщик* и *долбач, раздавальщик* и *раздавач, рисовальщик* и *рисувач, фехтовальщик* и *фехтувач, крошльщик* и *кроячи* и т.д. Производит впечатление, что для болгарского словообразования более характерна не вставка фонемы, а усечение основы, что связано с особенностями внутрисловной синтагматики этого языка в сравнении с русским[2].

Остановимся далее на следующем примере. В русском языке в сложных словах встречается несколько типов интерфиксов: 1) *-о-, -е-* у слов типа *сад-о-вод, коф-е-молка, пыл-е-сос*, где предшествующая интерфиксу основа является субстантивной или адъективной; 2) *-и-, -у-, -ух-* и др. У слов типа *пят-и-этажный, тр-ех-этажный, дв-ух-этажный* и под., где первая основа — числительное; 3) *-и-* у слов типа *перекат-и-поле, держ-и-дерево* (Земская 1973, 129), где интерфикс присоединяется к глагольной основе и только чисто формально совпадает с показателем императива (Земская 1973, 129). Это разнообразие интерфиксов не случайно связано с разными типами основ. Интересно, что в болгарском языке последний класс производных является открытым. Наряду с многочисленными словарно зафиксированными производными типа *скубисвекърва* (злая сноха), *развали-трапеза* (скандалист), *ритнитопка* (разг. футбол), *прескочикобила* (чехарда), *стърчиопашка* (трясогузка), *лапнимуха* (ротозей), *развей-плява* и *развей-прах* (тражира, мот), *губиден* (простой, сущ.) и нек. др. в разговорной речи бытуют и *губивреме, развали-къща* (о бесхозяйственном человеке), *тинтири-минтири* (звукоподр.) и им подобные слова "на случай", т.е. в этом языке данная экспрессивная модель с интерфиксом *-и-/-ей-* является продуктивной (особенно в разг. речи).

Также нам хотелось бы обратить внимание на другие сходные случаи, когда производящая основа тоже "формально" повторяется в структуре производного слова. Это случаи типа *лама —> ламаист, ламаизм, ламаистский*; *веда —> ведаизм*; *алгебра —> алгебраист, алгебраический, алгебраизировать*; *проза —> прозаизм, прозаист, прозаический*; *Иуда —> иудаизм* и под. У всех подобных производных и "Русская грамматика", и автор СРЯ усматривают наращение основы производящего "за счет финали(а), совпадающей с флексией им.п.ед.ч.сущ." (Русская грамматика 1980, 339). Исключение в этом ряду составляет производное *иудаизм*, которое возводится к *иудей*, а не к *Иуда*, что, на наш взгляд, не совсем точно[3]. Интересно, что в случае *иудей - иуд-а/изм* (ССРЯ) элемент *-а-* уже не часть основы, а элемент, приближающийся к интерфиксу. Хотя, на наш взгляд, более логично вычленять это *-а-* как интерфикс и у других производных, он сопровождает своеобразную словообразовательную парадигму:

-а- -изм
-ист
-ический
-изировать.

Если же -а- относить к суффиксу, то тогда резко увеличивается число производных морфем, а на это не пошла даже "Русская грамматика".

У основ, оканчивающихся на гласную, функцию, аналогичную интерфиксу *-а-*, может выполнять *-т-*. Ср.: *арго —> арго-т-изм,*

арго-т-ический, арго-т-изация (Земская, 1973, 135). "Интересы" *-а-* и *-т-* могут сближаться, в ряде словообразовательных типов они, дублируя функции друг друга, расширяют число словообразовательных основ, что обыкновенно исследователями трактуется иначе. Например, в "Русской грамматике" и *-а-*, и *-т-* отходят к основе: *драма —> драмат-ический, тема — темат-ический* (Русская грамматика 1980, 284), аналогично трактуются *травматический, симптоматический, фонематический* и др. На наш взгляд, здесь везде функционально значимы интерфиксы *-а-* и *-т-*, которые могут восприниматься и как неделимая единица *(-ат-)*, т.к. функционально они тождественны друг другу. Т.е. здесь могут быть два варианта членения: *драм-а-т-ический* и *драм-ат-ический.*

Рассмотрим также ряд образований, которые, по нашему мнению, примыкают к проанализированным выше типам, и логичнее было бы их включить в общий ряд. Здесь имеются в виду производные типа *хаотический, невротический, склеротический, некротический, эллиптический* и т.п. И в "Русской грамматике", и в ССРЯ эти производные рассматриваются следующим образом: *хаос —> хаотический, невроз —> неврот-ический, эпилепсия —> эпилепт-ический*, где в основе чередуются *-с-, -з-/-т-*. Но может быть здесь возможно и иное решение: интерфикс *-т-* прикрывает усеченную основу —>-хао(с) —> *хао-т-ический* (ср. явление усечения основы у слов типа *космический, скептический*), т.е. здесь усечение основы сопровождается интерфиксацией. В таком случае эти прилагательные становятся структурно связанными с такими производными, как *арго-т-ический.* Может быть, рядом с этими случаями можно было бы поставить и образования типа *сарка(зм) —> сарка-ст-ический, спа(зм) —> спа-ст-ический*, где традиционно усматривается чередование *-зм//-ст*, хотя для близких основ характерное усечение — *социал(изм) —> социал-истический.* Здесь стоило бы подумать и о природе самого сложного суффикса *-истический.* Остается также "темным" и необъясненным чередование *кс//ц* в случае *аппендикс —> аппендиц-ит* при усечении *-с* в производящей основе (ССРЯ). Нельзя ли здесь рассматривать *-цит* как самостоятельный аффикс по аналогии с производными — названиями заболеваний: *лейцит, амебоцит, тромбоцит* и нек. др.?

Несомненно, что выделение интерфикса в структуре производного или его невыделение зависит от того, как мы решаем саму проблему членимости производного слова, которая, несмотря на широкие дискуссии, все еще далека от своего решения. Как отмечает профессор Р.И.Лихтман, "...в ряде случаев при анализе мы не сможем дать однозначного ответа" (Лихтман 1991, 111) в силу сложности самой языковой материи. В опорных случаях — чередование или интерфиксация? — иногда трудно прийти к единственному решению, т.к. эти морфонологические средства очень близки: оба служат как опознавательные сигналы определенных слово-

образовательных типов, парадигм и основ. Тут также может помочь учет всех связей данного производного в словообразовательной системе, особенно парадигматические связи (Земская 1978). Так, парадигматический *хаос* связан с *космос, аппендицит* с *тромбоцит*, что, естественно, влияет и на наше решение об их морфонологической природе, судить о которой мы можем только по результатам процессов — на поверхностном уровне.

Анализ показывает, что существуют и какие-то пограничные с интерфиксами единицы. Интересен в этом отношении случай с суффиксом *-анин/-чанин*. По аналогии с *улич-анин, галич-анин, полч-анин, минч-анин* и др., где в основе чередуются *к//ч*, появляются и *англи-ч/анин, клин-ч/анин, полтав-ч/анин, харьков-ч/анин, сель-ч/анин* и др., где *ч* уже не принадлежит к основе. И в первом, и во втором случае *ч* сопровождает данный словообразовательный тип и становится его своеобразным маркером, и с точки зрения восприятия несущественно, чередование ли это или интерфиксация, хотя сами проблемы взаимодействия чередования и интерфиксации нуждаются в более внимательном изучении.

Очень интересна и функциональная природа таких элементов русского глагольного слова, как т.н. показатели глагольных классов. Традиционно во всех русских грамматиках они продолжают причисляться к таковым, и, видимо, на этом основании их продолжают включать в класс полнозначных русских морфем. При внимательном рассмотрении можно заметить, что эти единицы функционально тождественны — они соединяют основу и окончание глагола. Н.С.Трубецкой называл их "соединительными морфемами" и отмечал, что их "...морфологическая функция... сводится к соединению основы с флексионной морфемой" (Трубецкой 1987, 76). При таком подходе к классным показателям их морфемная знаковая природа становится совсем иной[4].

Функциональность соединительных элементов слова не является величиной постоянной, многие исследователи отмечают активизацию интерфиксов в современном словообразовании. Иногда это может приводить к их определенной семантической значимости. Это характерно, например, для интерфикса *-ш-* в современном русском языке: *киношник, кукарешник, цэрэушник, бибисишник, асушник* и т.п. (Земская 1992, 101). Стилистическая значимость интерфикса *-ш-* сближает его со "стилистическими суффиксами" (Земская 1973, 125), что уже влияет и на смысловое наполнение дискурса.

В языках с такой словообразовательной структурой, как русский, в формировании дискурса участвует не только целостная лексическая единица, совпадающая или не совпадающая со словом, но и единица меньшая, чем слово,— морфема. Ощутить текстовую реальность морфемы позволяют такие явления, как высвобождение аффиксов и корней в дискурсе, использование аффиксов

в качестве полнозначных слов, словесные игры — явления, ярко раскрывающие роль говорящей личности в обогащении языка, они подробно описаны в работах Е.А.Земской (Земская 1992).

Идиостиль таких авторов, как В.Хлебников, А.Белый, М.Цветаева, Д.Хармс, показывает, что языковой единицей их творчества было не только слово, но и морфема, слог, буква. Ср. очень тонкую дифференциацию смыслов в "Заклятии смехом" В.Хлебникова, где мы наблюдаем "игру" интерфиксов: *усмея-ль-но/усме-й-но, усме-й-ный*; *надсмея-ль-ный/надсме-й-ный*. Ср. также изменение функций *-а/й-* в сторону объединительного строевого элемента в цветаевских окказионализмах: *Рай-город, пай-город, зай-город, загодя-закупай-город, старшему-уступай-город, поез-жай-город, горностай-город, вовремя-засыпай-город, через-край-город* (Крысолов).

Последовательное выделение в структуре производного русского слова специальных строевых элементов — интерфиксов — снова поднимает вопрос о природе русского слова, о степени его фузионности и агглютинативности. А.А.Реформатский признавал ведущим в русском языке "...фузионно-флективный строй, в котором как нигде господствует хитрая градация морфологической членимости слов" (Реформатский 1965, 91). Факты живого разговорного языка, разветвленная система русского терминообразования говорят о все возрастающей агглютинативности русского слова (прозрачной членимости). Может быть с этим связаны и аналитические тенденции в морфологии и синтаксисе, особенно характерные для разговорного языка[5]. Ср. замечание А.А.Реформатского: "...агглютинация предопределяет аналитическую тенденцию организации высказывания, и этому сопутствует регулярность образования форм" (Реформатский 1965, 91).

Внимательный анализ функций интерфиксальных элементов вновь заставляет задуматься о семиотической природе этих языковых единиц. Какое место занимают они в сложнейшей иерархии русских морфем со своей системой полнозначных единиц, радиксоидов, префиксоидов, суффиксоидов, унификсов и примыкающих к ним субморфов? Можно ли считать строевую и опознавательную функцию интерфикса его планом содержания? Если признавать это, то придется признать и знаковый характер интерфикса, т.е. включить его в класс морфем. Некоторые исследователи не отрицают знаковости интерфиксов. Так, В.Дресслер относит их к иконическим знакам, мотивация которых выражена слабо (Дресслер 1986, 40). Здесь вновь надо уточнить, что, во-первых, основное назначение интерфиксов — формообразование, т.е. формирование и расширение круга словообразовательных основ, а также опознавание определенных типов основ в дискурсе, т.е. значимость этих элементов совсем иная, чем у полнозначных аффиксов, но она существует. И во-вторых, внутри системы интерфиксов тоже существует своя градация — от трудно различимых интерфик-

сов, граничащих с чередованиями, до интерфиксов стилистических, граничащих со "стилистическими аффиксами" (ср. функцию интерфикса *-ш-*). Такая подвижность плана содержания не характерна, как известно, для иконических знаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Как отмечает Е.А.Земская, "...*-ов-* повторяется в более чем 10 производных суффиксах: *-овск-, -овец-, -овство, -овка, -овник, -овница, -овный, -овничать, -овщик, -овщица, -овщина, -овина, -овизна*. Если такие повторяющиеся сегменты рассматривать как особые строевые элементы слова, описание структуры русского слова упростится, хотя мы и введем новую единицу — интерфикс" (Земская 1973, 84).

[2] Может быть, именно склонность к уменьшению основы, а не к ее наращению способствовала продуктивности таких аффиксов, как *-киня: дома-киня* (хозяйка), *нем-киня* (немка), *цар-киня* (царевна), *лъж-киня* (обманщица) и т.п., где *-киня* производно по отношению к *-иня*: *грък* —> *гъркиня* (гречанка), *просяк* —> *прося-киня* (нищенка, попрошайка).

[3] И *иудаизм*, и *иудей*, на наш взгляд, мотивированы антропонимом Иуда — четвертый сын Иакова и Лии, глава еврейского народа, основатель новой религии (единобожия), именно из его колена вышли царь Давид и Иисус Христос. Этот случай иллюстрирует, как информация может менять мотивацию слова, кроме того, при этой мотивации мы избегаем логического круга: иудей — тот, кто исповедует иудаизм, и *иудаизм* — религия иудеев.

[4] М.б., функциональность этих маркеров состоит в поддержании определенной степени агглютинативности глагольных форм.

[5] В русском разговорном синтаксисе преобладают примыкания разного рода (о глубоком своеобразии этих связей см. Ширяев 1981).

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов 1979: *Алпатов В.М.* Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука.

Аткинсон 1980: *Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения. М.: Прогресс.

Дрейсслер В.У. Об объяснительной силе естественной морфологии. ВЯ, 1986, № 5.

Земская 1964: *Земская Е.А.* Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука.

Земская 1973: *Земская Е.А.* Современный русский язык: Словообразование. М.: Просвещение.

Земская 1975: *Земская Е.А.* К проблеме множественности морфонологических интерпретаций: Спорные случаи членения производных основ в современном русском языке // Развитие современного русского языка: Словообразование. Членимость слова. 1972. М.: Наука.

Земская 1978: *Земская Е.А.* О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения I–VIII. М.: Наука.

Земская 1992: *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М.: Наука.

Кубрякова, Панкрац 1983: *Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г.* Морфонология в описании языков. М.: Наука.

Лакофф 1988: *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М.: Прогресс.

Лихтман 1991: *Лихтман Р.И.* Трудные вопросы словообразования: На материале русского литературного языка. Махачкала: Дагучпедгиз.

Плетнер О.В., Поливанов Е.Д. 1930: Грамматика японского разговорного языка. М.

Реформатский 1965: *Реформатский А.А.* Аглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л.: Наука.

Реформатский 1975: *Реформатский А.А.* О членимости слова // Развитие современного русского языка: Словообразование. Членимость слова. 1972. М.: Наука.

Русская грамматика 1980: Русская грамматика. Т. I. М.: Наука.

ССРЯ — *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. I–II. М.: Русский язык, 1985.

Ширяев 1981: *Ширяев Е.Н.* Синтаксис // *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука.

Трубецкой 1987: *Трубецкой Н.С.* Избранные труды по филологии. М.: Прогресс.

Шпербер, Уилсон 1988: *Шпербер Д., Уилсон Д.* Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М.: Прогресс.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ ЕЛЕНЫ АНДРЕЕВНЫ ЗЕМСКОЙ

КНИГИ

1. Как делаются слова.— М., Из-во АН СССР, 1963.— 91 с.
2. Русская разговорная речь. Проспект.— М., 1968.— 99 с.
3. Современный русский язык. Словообразование.— М., "Просвещение", 1973.— 304 с.
4. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения.— М., "Русский язык", 1979.— 237 с.
5. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 2-ое изд. переработанное и дополненное: — М., "Русский язык", 1987.— 237 с.
6. Земская Е.А., КитайгородскаяМ.В., ШиряевЕ.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис.— М., "Наука", 1981.— 276 с.
7. Словообразование как деятельность.— М., "Наука", 1992.— 221 с.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОНОГРАФИИ

8. Основные тенденции развития словообразования в русском литературном языке XIX века: Изменения в словообразовании имен прилагательных // В кн.: Очерки по исторической грамматике русского языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века / Под ред. В.В.Виноградова и Н.Ю.Шведовой.— М., "Наука", 1964.— 17 п. л.
9. Русский язык и советское общество. Словообразование современного литературного языка / Отв. ред. М.В.Панов.— М., 1968 (один из авторов).
10. Русская разговорная речь.— М., "Наука", 1973 (отв. ред., один из авторов).— 485 с.
11. Русская разговорная речь.— М., "Наука", 1983 (отв. ред., один из авторов).— 238 с.
12. Городское просторечие. Проблемы изучения.— М., "Наука", 1984 (отв. ред., совместно с Д.Н.Шмелевым, один из авторов).— 189 с.
13. Разновидности городской устной речи.— М., "Наука", 1988 (отв. ред.— совместно с Д.Н.Шмелевым, один из авторов).— 260 с.

14. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект.— М., "Наука", 1993 (отв. ред., один из авторов).— 221 с.

15. Russische Umgangssprache.— Berlin, 1995. (Hrsg.: совместно с Koester-Thoma S.; автор четырех глав).— 306 S.

16. Русский язык конца XX столетия (1985—1995). "Языки русской культуры".— М., 1996 (отв. ред., один из авторов).— 476 с.

ДИССЕРТАЦИИ

17. Вопросы приставочного словообразования глаголов в современном русском языке. Канд. диссер.— М., 1952.

18. История словообразования прилагательных в русском литературном языке нового времени. Докт. диссер.— М., 1965.

СТАТЬИ

1951 г.

19. "Казанская лингвистическая школа" проф. И.А.Бодуэна де-Куртенэ // Рус. яз. в школе.— № 6.— С. 61—73.

1952 г.

20. Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов в современном русском языке // Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук.— М.— 23 с.

1953 г.

21. О глаголах со связанной основой (К вопросу о различении производных и непроизводных основ) // Рус. яз. в школе.— № 1.— С. 11—15.

1955 г.

22. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке // В кн.: Исследования по грамматике русского литературного языка. Сб. статей / Отв. ред. Н.С.Поспелов и Н.Ю.Шведова.— М.— С. 5—41.

1957 г.

23. Из истории русской литературной лексики XIX века (К изучению научного наследия Я.К.Грота) // В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка / Под ред. В.В.Виноградова и Н.С.Поспелова.— М., Изд-во АН СССР — С. 5—64.

1958 г.

24. Рец.: Словарь современного русского литературного языка.— М.—Л., Изд-во АН СССР. Т. 5—,, 1956—1957 // Вопросы языкознания, 1958.— № 2.— С. 135—140 (совместно с И.И.Ковтуновой).

1959 г.

25. Речевые приемы комического в советской литературе // В кн.: Исследования по языку советской художественной литературы / Отв. ред. В.Д.Левин.— М., 1959.— С. 215—278.

1960 г.

26. О развитии приставочного словообразования глаголов в русском языке // Рус. яз. в школе, 1960.— № 2.— С. 17—21.

1961 г.

27. Образование прилагательных с помощью приставок предложного происхождения // Рус. яз. в нац. школе, 1961.— № 2.— С. 15—22.

1962 г.

28. Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных // В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 5 / Под ред. В.В.Виноградова и др.— М., 1962, Изд-во АН СССР.— С. 4—25 (совместно с В.А.Белошапковой).

29. Имена прилагательные с приставкой раз- // Рус. яз. в школе, 1962.— № 1.— С. 13—15.

30. Об основных процессах словообразования прилагательных в русском литературном языке XIX в. // Вопросы языкознания, 1962.— № 2.— С. 46—55.

1963 г.

31. Об одной новой модели фразеологического сочетания // Вопросы культуры речи, 1963.— Вып. 4.— С. 104—109.

32. Прилагательные с приставкой около- // Вопросы культуры речи, 1963.— Вып. 4.— С. 76—80.

1964 г.

33. Интерфиксация в современном русском словообразовании // В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка / Под ред. И.П.Мучника и М.В.Панова.— М., "Наука", 1964.— С. 36—62.

34. История прилагательных, обозначающих степень признака, в русском литературном языке нового времени // В кн.: Образование

новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху / Отв. ред. И.С.Ильинская.— М., "Наука", 1964.— С. 334—370.

35. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке // Вопросы языкознания, 1965.— № 2.— С. 84—88.

1965 г.

36. История словообразования прилагательных в русском литературном языке нового времени. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени докт. филол. наук.— М., 1965.— 28 с.

37. Заметки по современному русскому словообразованию // Вопросы языкознания, 1965.— № 3.— С. 102—110.

38. О некоторых факторах развития словообразовательной системы современного русского языка // В кн.: Проблемы современной филологии. Сб. статей к семидесятилетию акад. В.В.Виноградова / Под ред. М.Б.Храпченко.— М., "Наука", 1965.— С. 142—148.

39. Словообразовательные морфемы как средство художественной выразительности // Рус. яз. в школе, 1965.— № 3.— С. 53—58.

40. Ред.: Развитие лексики современного русского языка.— М., "Наука", 1965.— 135 с. (совместно с Д.Н.Шмелевым).

1966 г.

41. Понятия производности, оформленности и членимости основ // В кн.: Развитие словообразования современного русского языка.— М., "Наука", 1966.— С. 3—12.

42. Ред.: Развитие словообразования современного русского языка — М., "Наука", 1966.— 211 с. (совместно с Д.Н.Шмелевым).

1967 г.

43. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к семидесятипятилетию акад. Н.И.Конрада.— М., "Наука", 1966.— С. 92—103.

1969 г.

44. О принципах выделения языковых уровней // В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие / Ред. колл.: В.Н.Ярцева, Н.Ю.Шведова (отв. ред.).— М., "Наука", 1969.— С. 279—281.

45. Унификсы (Об одном виде морфем русского языка) // В кн.: Вопросы филологии. К семидесятилетию со дня рождения проф. И.А.Василенко / Ред. кол.: А.Н.Стеценко и др.— М., 1969.— С. 100—106 (Учен. зап. МГПИ им. В.И.Ленина, № 341).

1970 г.

46. О понятии "разговорная речь" // В кн.: Русская разговорная речь. Сб. научных трудов / Ред. колл.: О.Б.Сиротинина и др.— Саратов, 1970.— С. 3—10.

47. О соотносительности однокоренных существительных мужского и женского рода со значением лица // Рус. яз. в нац. школе, 1970.— № 5.— С. 4—10.

1971 г.

48. Русская разговорная речь // Вопросы языкознания, 1971.— № 5.— С. 69—80.

49. Чередование или суффиксация? (К изучению словообразования в русской разговорной речи) // В кн.: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова / Ред. колл.: В.Г.Костомаров и др.— М., 1971, Изд-во МГУ.— С. 79—84.

50. Рец.: Потиха З.А. Современное русское словообразование. Пособие для учителя.— М., "Просвещение", 1970 // Рус. яз. в нац. школе, 1971.— № 4.— С. 88—92.

1972 г.

51. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования / Отв. ред. А.Н.Тихонов.— Самарканд, 1972.— С. 19—28.

52. Понятия "алломорф" и "дополнительная дистрибуция" // В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования.— Самарканд, 1972.— С. 193—195.

1974 г.

53. О некоторых дискуссионных вопросах теории разговорной речи // В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Респ. сборник.— Вып. 5.— Горький, 1974.— С. 49—56.

54. О некоторых нерешенных вопросах теории синхронного словообразования // В кн.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. 11—16 нояб. 1974 г.

55. О явлениях морфемного шва в русском словообразовании // В кн.: Исследования по славянской филологии. Сб., посвящ. памяти акад. В.В.Виноградова / Отв. ред. В.А.Белошапкова, Н.И.Толстой.— М., 1974, Изд-во МГУ.— С. 101—108.

1975 г.

56. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций (Спорные случаи членения производных основ в современном

русском языке) // В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова / Отв. ред. Е.А.Земская.— М., "Наука", 1975.— С. 69—88.

57. О понятии "позиция" в словообразовании // В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова / Отв. ред. Е.А.Земская.— М., "Наука", 1975.— С. 14—25.

58. Продуктивность и членимость // В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова / Отв. ред. Е.А.Земская.— М., "Наука", 1975.— С. 216—219.

59. Принципы сегментации производных слов // В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. 1. Ташкент, 1975.— С. 33—41.

60. Членимость и производность слова // В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. 1. Ташкент, 1975.— С. 112—117.

61. Отв. ред.: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова.— М., "Наука", 1975.— 264 с.

1976 г.

62. М.Булгаков. Письма к родным (1921—22 гг.). Публикация. Вступ. заметка. Комментарии. Изв. АН СССР. Серия: Лит. и язык, 1976.— № 5.

1977 г.

63. Производные слова в толковых словарях русского языка // В кн.: "Современная русская лексикография 1976".— М., "Наука", 1977.— С. 110—122.

64. К проблеме универсалий разговорной речи // Вестник МГУ, 1977.— № 2.— С. 82—86.

1978 г.

65. Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта // В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов.— М., 1978.— С. 196—220.

66. Les particularité du russe parlé et la structure de l'acte communicatif // В кн.: VIII Međunarodni slavistički Kongress.— Zagreb, 1978.

67. Unités fondamentales du systéme synchronique de la formation des mots // В кн.: Proceedings of the 12 th International Congress of linguistics. Innsbruck, 1978.— P. 78—83.

68. О парадигматических отношениях в словообразовании // В кн.: Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения. I—VIII.— М., "Наука", 1978.— С. 63—77.

69. Ред.: Русская разговорная речь. Тексты.— М., "Наука", 1978 (совместно с Л.А.Капанадзе).— 306 с.

70. О комплексных единицах системы синхронного словообразования // В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования.— Ташкент, 1978.— С. 29—35.

71. Проблемы словообразования на современном этапе (в связи с XII Международным съездом лингвистов) // Вопросы языкознания, 1978.— № 6.— С. 112—123 (совместно с Е.С.Кубряковой).

72. Рец.: Т.А.Тулина. Функциональная типология словосочетаний. Киев-Одесса, 1976 // Филологические науки. НДВШ, 1978.— № 6.— С. 116—118.

1979 г.

73. Разговорная речь.— Энциклопедия "Русский язык".— М., 1979.— С. 249—250.

74. Устная речь.— Там же.— С. 205.

75. Письменная речь.— Там же.— С. 363.

1980 г.

76. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // Вопросы языкознания, 1980.— № 6.— С. 61—72 (совместно с Е.Н.Ширяевым).

77. Общие замечания о словообразовании и формообразовании. Состав слова // В кн.: А.М.Земский, С.Е.Крючков, М.В.Светлаев. Русский язык. Учебник для педучилищ, ч. 1, изд. 9.— М., 1980.— 1 п.л.

78. Типология квазиморфов в русском языке // В кн.: Тезисы рабочего совещания по морфеме.— М., 1980.— С. 54—57.

1981 г.

79. Раздел: Словообразование // В кн.: Современный русский язык / Ред. В.А.Белошапкова.— М., "Высшая школа", 1981.— С. 133—239.

1982 г.

80. Структуры именных и глагольных словообразовательных парадигм в русском языке // В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования.— Ташкент, 1982.— С. 14—17.

81. Русский речевой этикет в сопоставлении с финским. Ст. 1 и 2 // Аспект, 1982/1—2, 1983/2 (совместно с А.Лаамаен).

82. Словообразовательная парадигма как объект сопоставительного изучения при обучении русскому языку иностранцев // В кн.: 5-ый Международный конгресс МАПРЯЛ. Доклады сов. делегации.— М., 1982 (совместно с Л.Йохим-Кушликовой).

1983 г.

83. Общее и различное в структуре разговорной речи ряда славянских и неславянских языков // В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов.— М., "Наука", 1983.— С. 135—152.

84. Русское просторечие как лингвистический феномен // Československá rusistika, 1983.— № 1.— С. 201—207.

1984 г.

85. Окказионализмы.— Энциклопедия юного филолога, "Педагогика".— М., 1984.
86. Каламбуры.— Там же.
87. Активный и пассивный словарь.— Там же.
88. Внутренняя форма слова.— Там же.
89. Л.В.Щерба.— Там же.
90. В.В.Виноградов.— Там же.
91. М.Н.Петерсон.— Там же.
92. Народная этимология.— Там же.
93. Деэтимологизация.— Там же.
94. Неологизмы.— Там же.
95. Разговорный язык.— Там же.
96. Просторечие.— Там же.
97. Связанные корни.— Там же.
98. Продуктивность.— Там же.
99. Письма М.Булгакова к родным. Публикация. Вступительная заметка. Комментарии // Вопросы литературы, 1984.— № 11.— С. 200—216.
100. Виды семантических отношений словообразовательной мотивации // Wiener Slavistischer Almanach, 1984, Band 13.— S. 337—349.

1985 г.

101. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Изв. АН СССР. Серия: лит. и яз. 1985.— № 6.— С. 518—525 (совместно с О.П.Ермаковой).
102. Зарубежная русистика 1970—1980 гг. // В кн.: Новое в зарубежной русистике, т. XV.— М., "Прогресс", 1985.— С. 5—25.
103. "Не могу жить без мыслей о русском языке". Из писем военных лет. Публикация писем В.В.Виноградова // Русская речь, 1985.— № 3.— С. 13—17.

1987 г.

104. Функциональный подход к изучению деривационных морфем // В кн.: Морфемика. Принципы и методы морфемного описания. Изд-во ЛГУ.— Л. 1987.— С. 65—73.
105. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Proccedings XIV-th ICPLS, vol. 1. Tallinn, 1987 (совместно с М.В.Китайгородской и Н.Н.Розановой).
106. Соотношение типовых и конкретных словообразовательных парадигм // В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования.— Ташкент, 1987.

1988 г.

107. Проблемы составления словаря городского просторечия // В кн.: Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре.— М., "Наука", 1988 (совместно с М.В.Китайгородской).

108. Современное городское просторечие и задачи его лексикографического описания // В кн.: Словарные категории.— М., "Наука", 1988.— С. 166—171 (совместно с М.В.Китайгородской).

109. Перспективы изучения славянских разговорных языков // В кн.: Славянское языкознание. X Международный съезд славистов.— М., "Наука", 1988.— 1 п.л.

110. Из семейного архива // В кн.: Воспоминания о М.Булгакове.— М., "Сов. писатель", 1988.— С. 41—92.

111. Театр в жизни молодого Булгакова // В кн.: М.А.Булгаков — драматург и художественная культура его времени. СТД РСФСР.— М., 1988.— С. 202—208.

112. Новое о Михаиле Булгакове (из семейного архива) // Наше наследие, 1988.— № 3.— С. 113—121.

1989 г.

113. Активный и пассивный аспект в изучении разговорного языка // Russistik.— Berlin, 1989.— № 1.— S. 7—17.

1990 г.

114. Речевой портрет ребенка (К вопросу о системности некодифицированных сфер устной речи // В кн.: Язык: система и подсистемы.— М., 1990.— С. 241—260.

115. Русский литературный язык и городское и просторечие: сходства и различия // В кн.: Problemi di morfosintassi delle lingue slave, 2. Bologna, 1990.— P. 87—96.

116. Ред.: Язык: система и подсистемы.— М., 1990 (совместно с М.Я.Гловинской).

117. Словообразование и текст // Вопросы языкознания, 1990.— № 6.— 1,2 п.л.

118. О некоторых видах варьирования в сфере словообразования // Res philologica. Памяти академика Г.В.Степанова. 1919—1986. М.—Л., "Наука", 1990 / Отв. ред. Д.С.Лихачев.— С. 159—163.

1991 г.

119. К уточнению отношений синхронной производности // Russian Linguistics, 1991.— № 3.— С. 105—116 (совместно с О.П.Ермаковой)

120. Относительное прилагательное как конструктивный элемент номинативной системы современного русского языка // В кн.: Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект.

Морфология. Словообразование. Синтаксис.— М., "Наука", 1991.— С. 132—164.

121. Николка Турбин и братья Булгаковы // Театр, 1991.— № 5.— С. 31—47.

122. Михаил Булгаков в последний год жизни // Наше наследие, 1991.— № 3.— С. 80—86.

123. Письма М.Булгакова к родным. Подготовка текста. Комментарии // В кн.: М.Булгаков. Собрание сочинений, т. 5.— М., Худ. литература, 1991.

124. Einige Bemerkungen aus der Sicht einer Insiderin // Die Welt der Slaven. Jahrgang XXXVI, 1 + 2.— München, 1991.— S. 59—65.

125. Язык современных газет и перестройка // Zielsprache Russisch, 1991.— № 1.— S. 1—8.

1992 г.

126. Русское словообразование 80-х годов XX в. // В кн.: Linguistique et slavistique, vol. 1. Aix-Paris, 1992.— P. 377—391.

1993 г.

127. К построению типологии коммуникативных неудач // В кн.: Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект.— М., "Наука", 1993.— С. 30—64 (совместно с О.П.Ермаковой).

128. Особенности мужской и женской речи.— Там же.— С. 90—136 (совместно с М.В.Китайгородской и Н.Н.Розановой).

129. Новые материалы к биографии писателя: революция и интеллигенция // Revue des études slaves, t. 65, f. 2. Paris, 1993.— P. 241—251.

130. К вопросу о системности некодифицированных сфер речи. Речевой портрет ребенка 2—6 лет // Harvard Studies in Slavic Linguistics, vol. II. Ed. by O.Y.Yokoyama. Cambridge, 1993.— P. 122—145.

131. Теоретические проблемы сопоставительного изучения славянского словообразования // В кн.: Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов.— М., "Наука", 1993.— С. 248—263 (совместно с О.П.Ермаковой и З.Рудник-Карват).

132. Активные процессы пополнения словарного состава русского языка 80—90-х гг. XX в. // В кн.: Aufbau, Entwicklung und Struktur des Wortschatzes in den europäischen Sprachen. Hrsg.: Baldur Panzer. Peter Lang., 1993.— S. 199—213.

1994 г.

133. Категория вежливости в аспекте речевых действий // В кн.: Логический анализ языка. Язык речевых действий / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова.— М., "Наука", 1994.— С. 131—136.

134. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей // Russistik.— Berlin, 1994.— № 1.— S. 196—212 (совместно с Р.И.Розиной).

135. Проблемы изучения языка современного города // В кн.: Sprachlicher Standard und Substandard in Sudosteuropa und Osteuropa / Hrgs. N. Reiter.— Berlin, 1994.— S. 358—371.

1995 г.

136. Язык как зеркало современности (словообразовательные заметки) // В кн.: Филологический сборник.— М., 1995.— С. 154—163.

137. Еще раз о языке русского зарубежья // В кн.: Язык — система. Язык — текст. Язык — способность.— М., 1995.— С. 233—241.

138. Просторечие и жаргон в языке русского города 90-х гг. XX столетия // В кн.: Wielkie miasto: czynniki integrujące i desintegrujące, II. Lodź, 1995.— S. 166—173.

139. Nikolka Turbin and the Bulgakov Brothers (From the Family Archive) // В кн.: Bulgakov the novelist — playwright. Ed. L. Miln., 1995.— P. 29—37.

140. В.В.Виноградов и современная теория словообразования // В кн.: Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова. Тезисы докладов. М., 1995.— С. 90.

1996 г.

141. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания, 1996.— № 3.— С. 23—31.

142. Письма просторечноговорящих как источник изучения некодифицированных сфер русского языка и городской субкультуры // В кн.: Русистика. Славистика. Индоевропеистика. К 60-летию А.А.Зализняка / Отв. ред. Т.М.Николаева.— М., "Индрик", 1996.— С. 165—177.

143. Материалы к словарю современного русского жаргона // Russistik.— Berlin, 1996.— № 1/2.— S. 9—16.

144. О языке русского зарубежья и задачах его изучения // Aspekteja. Slavica Tamperensia, V.— Tampere, 1996.— S. 372—379.

145. Письменные жанры неофициальной речи как материал для изучения разговорного языка (наблюдения над порядком слов) // В кн.: Словарь. Грамматика. Текст.— М., 1996.— С. 368—376.

146. Русский язык конца XX столетия (1985—1995) // Вестник РГНФ, 1996.— № 3.— С. 156—161.

147. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // В кн.: Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г.Винокур / Отв. ред. Н.Н.Розанова.— М., "Наука".— С. 157—168.

148. Заметки о русском языке, культуре и быте рубежа XIX—XX вв. // В кн.: Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева / Отв. ред. Л.П.Крысин.— М., 1997.— С. 333—353.

149. Лингвистическая мозаика. Особенности функционирования русского языка последних десятилетий XX в. // Studia Slavica Finlandensia. Tomus XIV. Оценка в современном русском языке / Ed. Baschmakoff N., Helberg-Hirn E.— Helsinki, 1997.— S. 199—215.

150. Категория вежливости: общие вопросы — национально-культурная специфика русского языка // Zeitschrift fur slavische Philologie, 1997, Heft. 2.— S. 271—301.

151. Раздел: Словообразование // В кн.: Современный русский язык / Ред. В.А.Белошапкова. Изд. 3., испр. и доп.— М., "Азбуковник", 1997.— С. 286—441.

152. Раздел: Язык русского зарубежья.— Там же.— С. 15—19.

153. Словообразование // В газ. "Русский язык", 1997.— № 40.— С. 5—12; № 44.— С. 5—12.

154. Разговорный язык // Энциклопедия "Русский язык", изд. 2.— М., 1997.— С. 406—408.

155. Устная речь.— Там же.— С. 582—583.

156. Письменная речь.— Там же.— С. 339.

157. Разговорная речь. Там же.— С. 406.

158. Активные тенденции словопроизводства // В кн.: Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык. red. E.Širjaev.— Opole, 1997.— S. 167—201.

В печати:

159. Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков) // В кн.: Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов.— М. (совместно с О.П.Ермаковой и З.Рудник-Карват).

160. Словообразование // В кн.: Энциклопедия для детей.— М., "Аванта +".— 2 а.л.

161. Язык русского зарубежья: два полюса. В кн.: Язык. Культура. Гуманитарное знание. К столетию Г.О.Винокура. М.

162. Об угасании письменной формы русского языка в среде русской эмиграции. В кн.: Scientia futuri. К столетию Р.О.Якобсона. М., изд. РГГУ.

163. О типичных особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков // Изв. РАН. Серия литературы и языка, 1998, вып. 4.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Д.С.Ворт *(Лос-Анджелес)* — Второй винительный в современном русском литературном языке 7

М.Я.Гловинская *(Москва)* — Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи 14

Е.И.Голанова *(Москва)* — О "мнимых сложных словах" (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке) 31

В.Е.Гольдин *(Саратов)* — Заметки о частице "вот" 40

В.П.Григорьев *(Москва)* — "Хлебников шутит...". I.Homo ludens . . 48

R.Grzegorczykowa *(Warszawa)* — Znaczenia modalno-ekspresywne w zdaniach intensjonalnych 56

В.Д.Девкин *(Москва)* — Приметы 65

А.Дравич *(Варшава)* — Михаил Булгаков как классик литературы XX века 75

Л.Дюрович *(Лунд)* — В какие словообразовательные парадигмы входит прилагательное *рус(ь/с)ки(й)*? 84

О.П.Ермакова *(Калуга)* — Речевой портрет собаки 94

www.ruslang.ru

В.А.Зайцева *(Нью-Йорк)* — РР (русская разговорная речь) и КЛЯ (кодифицированный литературный язык) в теории коммуникативной компетенции 104

О.Йокояма *(Лос-Анджелес)* — Коммуникативные неудачи в рамках Трансакционной модели дискурса 122

Л.Л.Касаткин *(Москва)* — О морфематическом принципе русской орфографии 131

Р.Ф.Касаткина *(Москва)* — Словообразование и орфоэпия: произношение сочетания *-нщ-* на стыке корня и суффикса *-щина* 138

H.Keipert *(Bonn)*	Церковнославянский: eine Sprachbezeichnung als Problem der Wortbildungslehre. .	143
З.Кестер-Тома *(Берлин)*	Денежные единицы в русском языке (на славянском фоне)	153
Н.А.Кожевникова *(Москва)*	Язык советского общества в изображении М.А.Булгакова	162
Г.Е.Крейдлин *(Москва)*	Семантические типы жестов	174
М.А.Кронгауз *(Москва)*	Речевые клише: энергия взрыва	185
Л.П.Крысин *(Москва)*	Словообразование или заимствование?	196
С.М.Кузьмина *(Москва)*	К проблеме кодификации слитных-дефисных написаний сложных прилагательных	203
Н.А.Купина *(Екатеринбург)*	Идеологические процессы и проблемы новой русской риторики	212
М.Лейнонен *(Тампере)*	Чужая речь в устной коммуникации. . .	223
В.В.Лопатин *(Москва)*	К семантической вариативности морфемы (видообразующие аффиксы в именной основе)	233
И.И.Макеева *(Москва)*	Год... день... час...	237
О.Мюллерова *(Прага)*	Слова-"заполнители" в устно-разговорном чешском языке	251
Т.М.Николаева *(Москва)*	Металингвистичсский фразеологизм - новый прием поэтики текста	259
И.Онхайзер *(Инсбрук)*	Из истории изучения русского словообразования	264
М.В.Панов *(Москва)*	Трансформы и нейтрализация.	275
Р.Ратмайр *(Вена)*	***Простите, если что не так*** или К вопросу о формах извинения в русской устной речи	285

Е.В.Рахилина *(Москва)* — Семантика отыменных прилагательных — 298

Р.И.Розина *(Москва)* — ДАРЮ (релевантный семантический класс глаголов обладания) 305

З.Рудник-Карват *(Варшава)* — О функциях уменьшительных и увеличительных существительных в тексте 315

В.З.Санников *(Москва)* — О ситуативных ограничениях на употребление языковых единиц 327

А.Л.Семенас *(Москва)* — Заметки о новейшем китайском словообразовании в сопоставлении с русским — 339

О.Б.Сиротинина *(Саратов)* — О терминах "разговорная речь", "разговорность" и "разговорный тип речевой культуры" 348

С.М.Толстая *(Москва)* — Из русской глагольной морфонологии: имперфективы и итеративы с суф. *-iva*. — 354

Н.И.Толстой *(Москва)* — Воспоминания о русском языке 359

В.Н.Топоров *(Москва)* — О платоновской реминисценции у Тургенева 363

И.С.Улуханов *(Москва)* — О словообразовательной акцентологии. — 374

В.С.Храковский *(Санкт-Петербург)* — Мультипликативы и семельфактивы (проблема видовой пары) 382

Г.Хютль-Фольтер *(Вена)* — О тенденции к неопределенности в русском синтаксисе 394

Е.С.Яковлева *(Москва)* — Человек<=>животное: взаимные языковые проекции 402

Т.Яруллина-Тодорова *(София)* — Интерфиксация с позиций восприятия текста 417

Список основных работ Елены Андреевны Земской 426

ИРЯ
институт русского языка
им. В.В. Виноградова

CONTENTS

Preface 5

Dean S. Worth *(Los Angeles)* — The "second accusative" in contemporary standard Russian 7

Marina Ya. Glovinskaya *(Moscow)* — Standard mechanisms of sense distortion in speech reproduction 14

Elena I. Golanova *(Moscow)* — On "sham compound words" (development of analytical adjectives in modern Russian) 31

Valentin E. Gol'din *(Saratov)* — Notes on the particle "vot" (here/ there/ this is) 40

Victor P. Grigoryev *(Moscow)* — "Khlebnikov jokes ..." Homo ludens 48

Renata Grzegorczykova *(Warsaw)* — Modal and emotive senses in intentional sentences 56

Valentin D. Devkin *(Moscow)* — Omens 65

Andrzej Dravicz *(Warsaw)* — Mikhail Bulgakov as a classic of the 20th century 75

L'ubomir D'urovich *(Lund)* — What word-building paradigms does the adjective "рус(с'/с)кий" 'Russian' belong to? 84

Olga P. Yermakova *(Kaluga)* — Speech portrait of a dog 94

Valentina A. Zaitseva *(New York)* — SR (spoken Russian) and CLL (codified literary language) in the theory of communicative competence 104

Olga Yokoyama *(Los Angeles)* — Communicative failures in the frame work of the Transactional Discourse Model . . . 122

Leonid L. Kasatkin *(Moscow)* — On the morphemic principle of Russian orthography 131

Rosalia F. Kasatkina *(Moscow)* — Word-building and orthoephy: pronunciation of the -nsh- combination at the junction of the stem and the suffix -shina 138

www.ruslang.ru

Helmut Keipert *(Bonn)*	Church-Slavonic: Designation of languages as a word-building problem	143
Soia I. Köster-Thoma *(Berlin)*	Monetary units in Russian (against the Slavonic background)	153
Natalia A. Kozhevnikova *(Moscow)*	The language of Soviet society as represented by M.A. Bulgakov	162
Grigorij E. Kreidlin *(Moscow)*	Semantic types of gestures	174
Maxim A. Kronhaus *(Moscow)*	Clichés in speech: explosion energy	185
Leonid P. Krysin *(Moscow)*	Word-building or borrowing?	196
Svetlana M. Kus'mina *(Moscow)*	On codifying the spelling of compound adjectives: solid or hyphenated?	203
Natalia A. Kupina *(Ekatherinburg)*	Ideological processes and problems of new Russian rhetoric	212
Maria Leinonen *(Tampere)*	Citing somebody in oral communication	223
Vladimir V. Lopatin *(Moscow)*	On the semantic variation of a morpheme (aspectual affixes in the nominal stem)	233
Irina I. Makeeva *(Moscow)*	Year ... day ... hour	237
Olga Müllerová *(Prague)*	Fill in words in spoken Czech	251
Tatiana M. Nikolaeva *(Moscow)*	Metalinguistic idioms as a new device in text poetics	259
Ingeborg Ohnkeiser *(Insbruk)*	A bit of history in the study of Russian word-building	264
Mikhail V. Panov *(Moscow)*	Transforms and neutralization	276
Renata Rathmayr *(Vienna)*	"Do forgive me if something was wrong" or the issue of excuses in spoken Russian	286

Ekatherina V. Rakhilina *(Moscow)*	The semantics of denominal adjectives ..	298
Raisa I. Rosina *(Moscow)*	ДАРЮ 'It is yours' (a relevant semantic class of possession verbs)	306
Zofia Rudnik-Karwat *(Warsaw)*	On the functions of diminutive and augmentative nouns.....	315
Vladimir Z. Sannikov *(Moscow)*	Situational constraints on the use of language units in the text	327
Alla L. Semenas *(Moscow)*	Notes on the newest types of word-building in Chinese (in comparison with Russian)	339
Olga B. Sirotinina *(Saratov)*	On the terms "spoken language", "colloquial style", "colloquial type of speech culture"	348
Svetlana M. Tolstaya *(Moscow)*	A fragment of Russian verbal morphonology: imperfectives and iteratives with suffix '-iva'	354
Nikita I. Tolstoi *(Moscow)*	Memoirs on Russian	359
Vladimir N. Toporov *(Moscow)*	On Plato's reminiscence in Turgeniev's works.....	363
Igor' S. Ulukhanov *(Moscow)*	On derivational accentology.....	374
Victor S. Khrakovskij *(S.-Petersburg)*	Multiplicatives and semelfactives (the problem of the aspectual pair).....	382
Gerta Hűttl-Folter *(Vienna)*	On the drift to opacity in Russian syntax .	394
Ekatherina S. Yakovleva *(Moscow)*	Man <——> animal: reciprocal linguistic projection	402
Tatiana Yarullina-Todorova *(Sofia)*	Interfixation in the text perception perspective	417
List of main works of Elena Andreevna Zemskaya		426

ЛИКИ ЯЗЫКА

К 45-летию
научной деятельности Е.А.Земской

Технический редактор *Т.И.Мишутина*

ЛР № 02096117

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 28.00. Тираж 1000 экз.

Специализированное издательско-торговое предприятие "Наследие"
121069, Москва, ул. Поварская 25 а.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 9